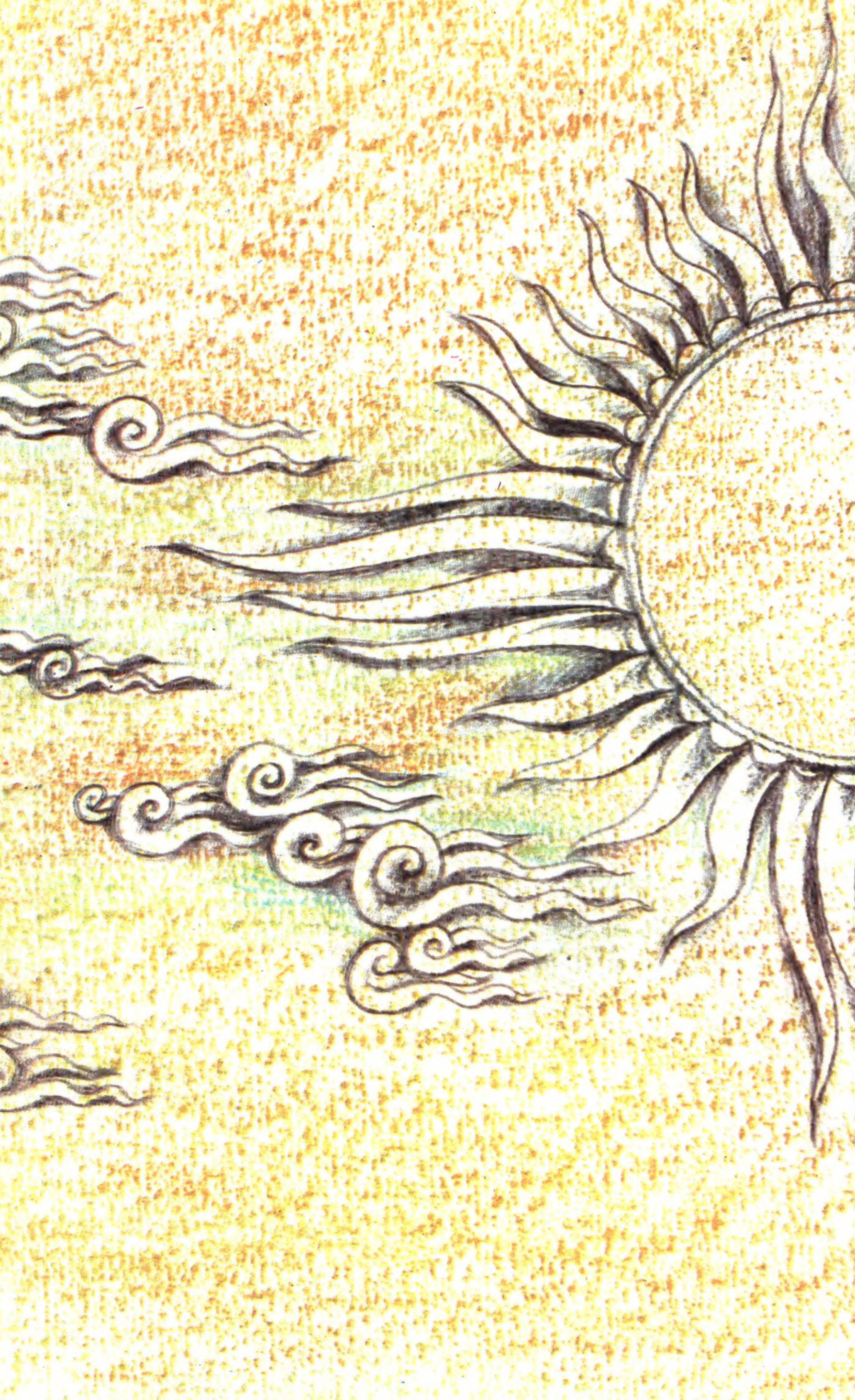
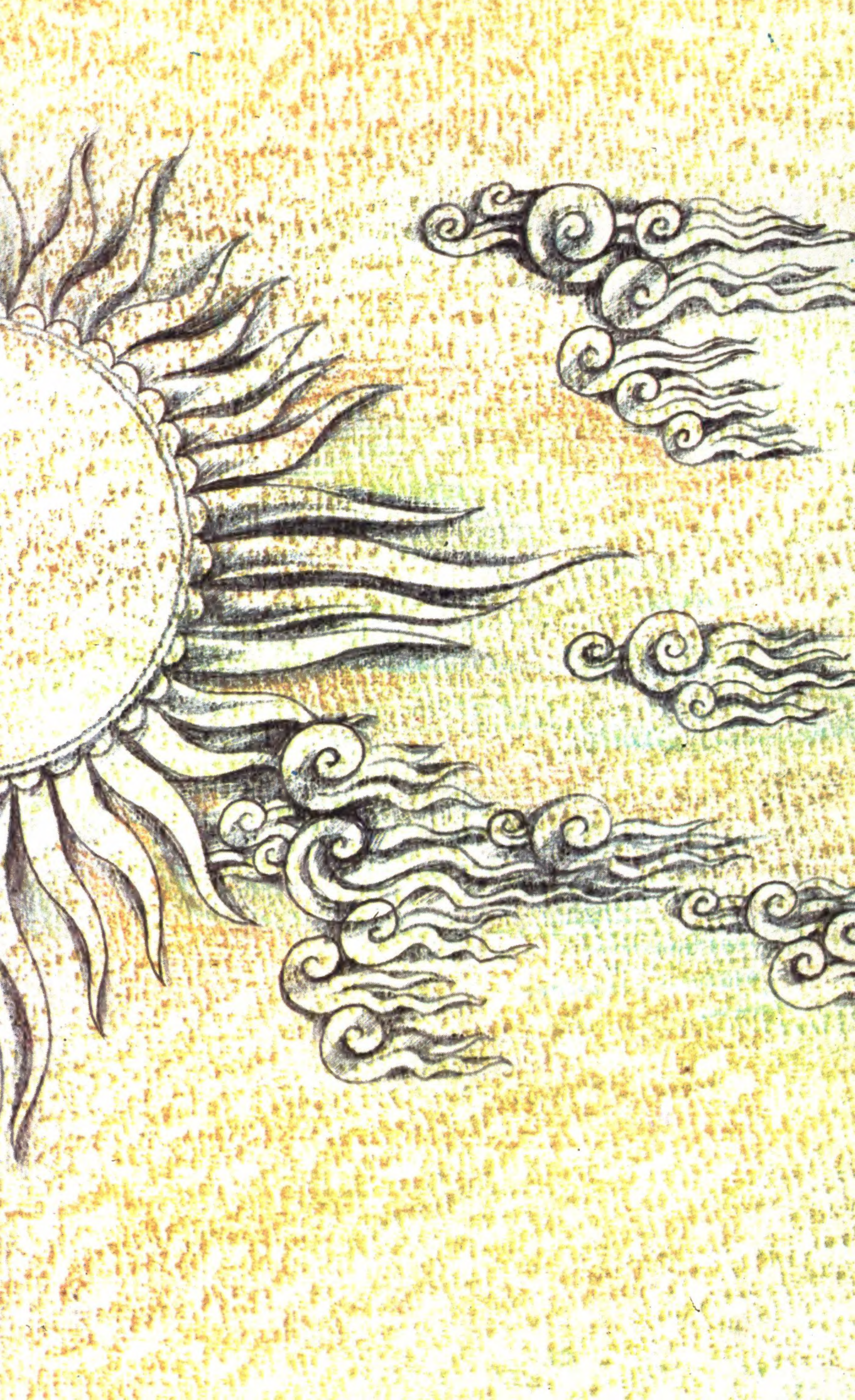
ВОЛШЕБНЫЙ ЦВЕТОК

УЗБЕКСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

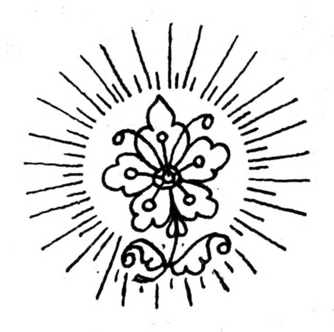

ЕШ
ГВАРДИЯ

ВОЛШЕБНЫЙ ЦВЕТОК

УЗБЕКСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия»
1986

Иллюстрации Р. Зуфарова

Составители А. Коновалов, В. Степанов

С $\frac{4702000000 - 86}{356\ (04) - 86}$ 60 — 86

НЕ ЖАДНИЧАЙ

***

Лиса от рожденья хитрой слывет,
Но к скорняку все равно попадет!

***

Уж лучше с тигром дважды повстречаться,
Чем с никудышным человеком знаться.

***

На то и подкован конь,
Чтоб не споткнулся он.

***

Где нет орлов — и майна тоже
Орлом нам показаться может.

***

И сокол летает, и муха летает...
По-своему каждый полет понимает.

***

От страха дрожат у шакала колени
Даже при виде собственной тени.

УМНАЯ КОЗА

Жила когда-то коза. Хозяйка у нее была злая и жадная. Давала ей за целый день клок сена, а когда доила, еще колотила кулаком.

Держала хозяйка шесть дней свою козу в хлеву взаперти и только на седьмой день выгоняла на луг пастись.

Как-то в один такой день паслась коза на лугу. Вдруг подошла к ней овца и поклонилась. Овца была худая-прехудая, кожа да кости.

Коза вежливо ответила на поклон и сказала:

— Поглядишь на тебя — и опускаются сами по себе глаза от стеснения. У тебя осталось кое-где по клочку шерсти да и это для тебя тяжелая ноша.

Услышав от козы такие обидные слова, овца ответила:

— Эх, коза, коза, ты сначала на себя бы посмотрела, а потом уж других укоряла. «Знай себя, а другого оставь в покое»,— говорят умные. Ты посмотри, на тебе шерсти осталось не больше моего.

Стыдно стало козе.

Помирились они и давай рассказывать друг другу о себе.

— Плохая у меня хозяйка, злая,— пожаловалась коза.— Дает она мне на целый день клок сухого сена, колотит меня, редко отпускает на луг.

Потом заговорила овца.

Ее жизнь, оказывается, была похожа на жизнь козы. Овце тоже давали только один день отдыха в неделю.

Поговорили коза и овца, стали искать пути избавления от хозяев-мучителей.

Решили они сбежать.

— Куда же мы убежим? — спросила овца.

Коза показала рогами на далекую гору и сказала:

— Мой отец всегда говорил: «Вон та гора, что виднеется, очень хорошее место для пастбищ, там отличная вода, свежий воздух, зеленая трава. Если мы доберемся туда, до самой смерти будем жить, как в раю. Все мучения позабудем». Но отец мой, увы, до той горы так и не дошел, да и нас не довел, покинул он здешний мир. Перед смертью он мне наказал: «Если ты моя дочь, то обязательно уйдешь на гору и поселишься на обширных пастбищах, погуляешь на воле и за себя и за меня». Вот если мы отправимся на гору, будет очень хорошо.

Слова козы пришлись овце по сердцу. И они вдвоем отправились на ту гору. Когда они шли по дороге, вдали появилось большое облако пыли.

— Что бы это могло быть? — сказали они друг другу. Подошли поближе, смотрят — это бык. Он еле передвигал ноги.

Коза и овца поздоровались, но бык только тряхнул головой и спросил:

— Куда это вы путь держите, сестрицы?

Коза ответила:

— Вы старший! Сначала вы скажите!

— Эх, сестрица, всю неделю я работал, еле ноги таскаю. Вот хозяин отпустил на один день передохнуть. Иду на луг, немного набраться сил.

Коза и овца рассказали быку, что они решили уйти от своих хозяев, даже не попрощавшись.

Тут бык сказал:

— Эх, и мне очень надоели горечи жизни и всякие беды. Разве для этого появился я на свет? С ранней зари до заката солнца работаешь, пашешь огромный участок земли. К вечеру, на обратном пути с поля, чтобы я не шел порожняком, хозяин еще запрягает меня в арбу с хворостом. А приходишь в хлев, в кормушке почти ничего нет. Совсем в моем теле не осталось соков. Сила ушла. Последнее время я все думаю, как избавиться от хозяина. Теперь я тоже уйду с вами в горы.

Коза и овца обрадовались:

— Вот и хорошо.

Отправились они дальше втроем. Шли они долго и, наконец, добрались до горы.

Как и говорила коза, здесь было настоящее приволье: воздух чистый и вода прозрачная, травы вдоволь. Сразу

же они утолил свой голод и под чинарой на холме построили себе загон и легли спать. Приснилось козе, что она вернулась домой и что хозяйка накинулась на нее: «Куда ты пропала! Ну, теперь я надою молока за все дни!» — и давай колотить ее что есть силы палкой.

— Слава аллаху, это только сон!

Зажили коза, овца и бык на горе привольной жизнью.

Никто по утрам на заре их не будил ударом палки, не привязывал на веревку. За короткий срок они отъелись, а бык так разжирел и стал такой важный, что при виде его даже дикие звери бросались перед ним ниц, думая, что на горе поселился сам звериный падишах.

Однажды вечером бык сказал козе и овце:

— Мне душно в загоне спать. Сегодня я останусь на ночь под чинарой.

А ночью ударил мороз и было очень холодно.

Утром коза и овца вышли из своего загона и начали звать быка, а он не отзывается.

Побежали они к чинаре узнать, что случилось.

Видят, а бык замерз.

— Что мы будем теперь с ним делать? — испугалась овца.

— Его обязательно надо отогреть около огня,— сказала коза.

Залезла на чинару, посмотрела во все стороны и вдруг заметила, что невдалеке, из пещеры, идет дым.

— Ага! — воскликнула коза.— Если дым, значит есть и огонь. Наверно, там горит костер.

Поскорее слезла коза с дерева, и они с овцой повели быка. Смотрят — на дереве висят тигровые, медвежьи, волчьи и лисьи шкуры. Чтобы бык согрелся, коза взяла шкуры и набросила их на него.

Когда они вошли в пещеру, то увидели, что она полна дикими зверями. Здесь были и медведь, и волк, и барс, и лиса, а на высоком троне сидел сам шах зверей — тигр. Оказывается, в этой пещере звери собирались раз в неделю и по очереди устраивали друг другу пиршество. В этот день была очередь лисы делать угощение, но она ничего не приготовила.

Звери ругали лису:

— Почему ты сегодня не принесла еды? Теперь мы тебя съедим.

А лиса оправдывалась:

— Всюду я была, все обшарила, но нигде не нашла ничего съедобного.

При этих словах коза и овца вошли в пещеру.

Увидев их, лиса очень обрадовалась:

— Достоуважаемые гости, я пошутила. Вот смотрите — сегодняшний ужин сам пожаловал к нам: какое вкусное мясо у этой козочки, какое тающее сало у этой овцы, какое отличное мясо у этого жирного быка!

Звери зарычали от радости и, щелкая зубами, подступили к замершим от страха козе, овце и быку.

— Пропали мы,— простонали в ужасе овца и бык. Но коза опомнилась, выступила вперед и важно сказала:

— Друзья мои, я мясник. Приехал из Намангана. Шестьдесят тигров, шестьдесят медведей, шестьдесят волков, шестьдесят лисиц подрядился я зарезать, а их шкуры доставить в Наманган в течение одной недели. Спасибо аллаху, привел он меня в пещеру, где полным-полно зверей, не придется мне рыскать по лесу, искать их. А если не верите,— посмотрите. Уже есть по одному!

Тут коза стянула со спины быка шкуры.

Перепугались, завизжали звери. Медведь, волк, барс, лисица, толкаясь, бросились к выходу и были таковы.

Царь-тигр остался один на своем троне, но и он тоже с ужасом смотрел на козу. Решил он тоже убежать, но только встал, как бык разбежался и припер его рогами к стене пещеры. Коза и овца расхрабрились и давай бодать его. Решил тигр, что конец его приходит, и взмолился:

— Друзья мои дорогие, оставьте мне жизнь. Клянусь своим тигриным царским словом, что ни одного дикого зверя не останется на этой горе. Никто не ступит рядом с вашим жилищем. Отпустите меня!

Коза, бык и овца отпустили его и вернулись в свой загон.

А дикие звери, собрались у подножия горы и начали совещаться:

— Что же это такое, мы испугались каких-то трех кусков мяса?

Забыл царь-тигр про свое обещание и во главе своих подданных отправился в поход против козы, овца и быка.

Коза первая увидела, что приближаются враги. Она

велела быку и овце забраться на чинару, а сама влезла на скалу.

Дикие звери прибежали к загону, видят — никого нет. Стали они упрашивать лису:

— Ты гадалка, погадай и скажи нам, где они находятся.

Лиса села на корточки и начала гадать.

Вдруг с неба раздался страшный голос и на зверей что-то свалилось с шумом. Это бык сорвался с ветки и, замычав от страха, увлек за собой овцу.

Но и тут не растерялась умная коза.

— Лови гадалку! Лови гадалку!— закричала она.

Перепугались дикие звери, пустились бежать.

А бык, коза и овца остались жить на горе.

ЛИСА И ВОЛК

Давным-давно жили старик со старухой. Всего имущества у них было — пестрый мешок с мукой и пестрая корова. В один из дней старик сказал:

— Эй, жена, возьми муки из пестрого мешка, сбей масла из молока нашей коровы, испеки лепешку.

Взяла старуха муки из пестрого мешка, сбила масла из молока пестрой коровы и испекла лепешку.

Положили старик и старуха лепешку на дастархан перед собой, и старуха попросила:

— А ну, муж мой, разломите лепешку!

Старик ей сказал:

— Нет, жена, лучше вы разломите.

Старуха тогда возразила:

— Эй, муженек, вы разломите!

Тут старик хотел разломить лепешку, как вдруг она скакнула и покатилась.

Старик со старухой бросились за ней.

Три раза лепешка прокатилась вокруг двора, юркнула в ворота и покатилась по улице.

Побежали за ней старик и старуха, но так догнать и не смогли.

А лепешка вкатилась в дом табунщика, шлепнулась на дастархан и проговорила, запыхавшись:

— Эй, табунщик! Я из муки пестрого мешка и из масла пестрой коровы. Ешь меня! Если меня не съешь, то будешь есть тело отца и матери.

Табунщик взял лепешку, чтобы разломить ее, но она выскользнула и покатилась прочь по дороге. Табунщик вскочил на лошадь и поскакал догонять лепешку.

Но лепешка умчалась от него и прикатилась в хижину дехканина.

— Эй, дехканин,— сказала она.— Я из муки пестрого мешка, из масла пестрой коровы, ешь меня, если меня не съешь, будешь есть тело отца и матери.

Дехканин только хотел съесть лепешку, а она укатилась.

Дехканин влез на быка, другого повел за повод и поехал догонять лепешку, но так и не догнал.

Катится лепешка, а навстречу ей лиса.

— Эй, лиса! — крикнула лепешка.— Я из муки пестрого мешка, из масла пестрой коровы, съешь меня, если меня не съешь, съешь тело отца и матери.

Но лиса даже и не посмотрела в сторону лепешки. Сделала вид, будто и не слышит ничего.

Тогда лепешка подкатилась ближе и еще громче закричала:

— Эй, лиса, я из муки пестрого мешка, из масла пестрой коровы, съешь меня, если не съешь меня, съешь тело отца и матери.

Тогда лиса посмотрела на лепешку, потрясла тихонько ушами и сказала:

— Я глухая, ничего не слышу. Подойди поближе, лепешка, и скажи мне на ухо, тогда я услышу.

Лепешка подкатилась к лисе и закричала ей прямо в ухо:

— Эй, лиса, я из муки пестрого мешка, из масла пестрой коровы, ешь меня, если не съешь меня, съешь тело отца и матери.

А лиса тут и сцапала лепешку. Выела она серединку, залепила глиной и понесла лепешку пастуху.

— Эй, пастух,— сказала лиса.— Я принесла тебе в подарок вкусную лепешку.

Пастух был голоден и очень обрадовался.

— Что тебе дать?

Лиса сказала:

— Дай-ка мне хорошего ягненка!

Пастух отдал лисе ягненка.

— Эй, пастух! — сказала лиса.— Ты разломи лепешку, только когда я уйду вон за ту гору.

Пастух очень хотел есть, но подождал, когда лиса ушла за гору, и только тогда разломил лепешку. Смотрит — а в середке лепешки глина. Очень рассердился пастух, но было поздно.

А лиса, довольная и веселая, шла себе по дороге и вела за собой ягненка.

Навстречу бежал друг лисы волк.

— Эй, подруга,— спросил он,— за сколько ты купила ягненка?

— За столько-то купила,— ответила лиса и продолжала путь.

Привела лиса ягненка домой, а сама пошла на гору покосить сена.

К дому подкрался волк, забрался внутрь и съел ягненка. Голову его он положил на порог, а ноги в четыре угла, в каждый угол по ноге.

Потом волк вылез через дымоход и убежал.

Лиса прибежала с сеном домой, подошла к двери и окликнула ягненка:

— С горы на гору бегала, сена накосила.
Открой дверь поскорей,
Мой ягненок!

Но никто двери не открыл и даже голоса не подал. Три раза звала лиса ягненка, и все напрасно.

Тут лиса открыла дверь в дом. Смотрит — голова ягненка лежит на пороге, а все четыре ноги по углам комнаты.

— Эх, коварный друг мой волк. Когда ты спросил, за сколько я купила ягненка, я тогда же подумала, как бы ты не съел его.

Решила она отомстить. В переднем углу комнаты вырыла она яму, а в яме разожгла угли. Сверху положила небольшую палочку, накрыла циновкой и одеялом. Потом сварила из головы и ног ягненка похлебку и пошла к другу волку звать его в гости.

— Эй, друг волк, я сегодня хочу вас угостить, приходите!

Волк сказал:

— Эй, друг лиса. Сегодня мне нездоровится. У меня живот болит.

Лиса сказала:

— Эй, друг волк, вставайте! Я сварила вкусную похлебку, покушаете и сразу выздоровеете.

Лиса не отставала от волка до тех пор, пока не уговорила его.

Пришли они в дом лисы.

Лиса проводила волка в почетный угол и, когда он сел на краешек одеяла, сказала:

— Эй, друг волк, не стесняйтесь, садитесь поудобнее на самую середку.

Волк привстал, чтобы пересесть на середину одеяла.

Тут лиса, схватив зубами край циновки, встряхнула ее, палочка подломилась, и в тот же миг волк полетел в яму на горящие угли.

Волк долго метался в яме, прыгая вверх и вниз и, наконец, с обгоревшей шерстью выбрался наверх и уполз чуть живой к себе в логово.

Узнав, что волку стало совсем худо, лиса переоделась знахаркой и пошла его проведать.

— Что это с вами, господин волк? — спросила она, изменив голос.

— У меня был друг — лиса. У нее был ягненок. Я съел этого ягненка. Лиса меня заманила в яму с огнем. Вот теперь я лежу и мучаюсь.

— Ай, ай! Как нехорошо она поступила! — запричитала лиса.— Причинила она вам такие страдания. Так знайте, я великий табиб и вылечила много таких больных, как вы. Вам надо бегать в колючих зарослях. Колючки проколют кожу и выпустят желтую воду из вашего тела. Вы за три дня выздоровеете.

Собрав последние силы, волк пошел в колючие заросли и начал бегать. Всю шкуру ему искололи, изранили острые колючки.

Наутро волку стало совсем худо, и он лежал пластом.

Лиса переоделась по-другому и пришла его проведать. Когда она спросила о его здоровье, он ответил:

— Вчера была одна знахарка и заставила меня бегать в зарослях колючки. Я носился как ветер, изранил всю свою шкуру и теперь умираю.

Лиса сказала:

— Она жительница гор. Горные знахарки лечить не умеют. Я знахарка из долины и умею лечить. Катайтесь в золе. Поправитесь сразу.

Волк сделал, как советовала лиса. Зола набилась

ему в раны и разъела их. От боли он выл во весь голос.

Лиса снова переоделась и пришла к волку.

— Эй, волк, что случилось с вами? — спросила она.

Тут волк сказал:

— У меня был друг — лиса, у нее ягненок. Я съел того ягненка. Лиса пригласила меня в гости и заманила в яму с огнем. Вся шкура у меня обгорела. Пришла знахарка и посоветовала бегать среди колючих зарослей. Колючки растерзали мое обгоревшее тело. Я умирал от боли. Тут пришла другая знахарка. Она посоветовала мне валяться в золе. От этого у меня раны стали нестерпимо гореть.

— Э, первая знахарка с гор, другая из долины. Они не умеют лечить, а вот я городская знахарка. Такие раны я умею лечить. Проруби лед на реке и до утра поливайся из чашки ледяной водой, сразу боль пройдет.

Так волк и замерз.

А лиса только сказала:

— Так тебе и надо. Не жадничай!

ВОЛК-ОБЖОРА

Волк и лиса подружились.

Волк и говорит лисе:

— Я голоден, у меня совсем брюхо подвело. Накорми меня досыта, порадуй, душенька лиса!

Лиса впереди, следом за ней волк — так они вдвоем и шли.

Повстречали они женщин, шедших на свадьбу. На головах они несли, по обычаю, узлы с угощением.

— Готовимся! — говорит лиса.

Перекувыркнулась она и, обернувшись перепелкой, заковыляла вприпрыжку по дороге впереди женщин.

Одна из женщин крикнула: «Смотрите, перепелка!» — и, положив поспешно узел на землю, кинулась ловить.

Глядя на нее, вслед побежала вторая женщина ловить перепелку, за ней третья, четвертая и все остальные.

Только женщины начнут догонять перепелку — а она

прибавляет шаг. Только опять женщины вот-вот поймают ее, а она то вправо, то влево.

Совсем измучились женщины. Никак перепелка не дается им в руки.

А волк тем временем развязал узлы, наелся и плова, и мяса, и сдобных лепешек, и всяких конфет, набил себе брюхо, как бурдюк, и пошел себе восвояси.

На следующий день лиса пошла к волку. Видит — он, довольный, растянувшись, лежит.

— Здорово ты угодила мне, лиса,— сказал волк,— и угостила, и повеселила. Очень я доволен. Теперь попробуй огорчить меня, посмотрим, как получится.

— Ладно! — сказала лиса.— Пошли!

Повела Лиса волка в виноградник. Там они протиснулись в узкую дыру под стеной. Видят — на лозах висят зрелые сладкие кисти винограда.

Вдоволь они наелись.

Лиса всунула себе в ноздри по виноградинке и пошла к волку.

— Волк, а волк! Я насытилась. Смотри, я так наелась, что виноград лезет у меня через нос. Скорее ешь!

А волк все ел и ел виноград, до тех пор, пока уже не мог поднять свое брюхо.

Лиса вскочила на забор и давай во все горло кричать:

— Эй, эй, в винограднике вор. Держите вора! Держите вора!

На крик прибежал с большущей дубинкой в руках виноградарь.

Волк пополз было в дыру под стеной, а у него так брюхо раздулось, что никак не пролезет.

Хотел волк вскарабкаться на стену — брюхо тяжелое, не пускает.

Тут подоспел виноградарь и так поколотил волка, что у него носом вышел весь виноград, который он съел.

Еле ноги унес избитый волк.

Очень он разозлился и решил отомстить. Пошел на следующий день к лисе и говорит:

— Я тебе сказал, чтобы ты меня немножко огорчила. А ты что со мной сделала? Всю шкуру мне попортили, спина до сих пор болит. Теперь я тебя съем.

Лиса только хвостом вильнула.

— Что ты, что ты! Ведь ты же сам меня просил. Да ты и сам виноват! Разве можно так обжираться!

Про себя же она подумала: «Как бы и взаправду он на меня не кинулся. Надо от него избавиться».

— Я голоден! — сказал волк, поглаживая брюхо.— Накорми меня. Да смотри, сегодня без всяких глупых шуток.

— Ну еды мы сейчас раздобудем,— ответила лиса. Она и сама до смерти была голодна.

Отправилась она на поиски пищи. Смотрит — на дороге лежит целый бараний курдюк.

— Тут что-то не так! — подумала лиса.— Сама я курдюк трогать лучше не буду, а натравлю волка. Пусть он попробует. Что-то получится из этого?

Вернулась она к волку.

— Ты что так замешкалась? — спросил волк.— Совсем у меня брюхо подвело.

— Собирайся побыстрее! — сказал лиса.— Я съела мясо целого барана, а сало оставила тебе. Пошли!

Привела она волка к салу, а у того слюнки потекли.

Не долго думая, волк набросился на сало.

Щелк!

Едва волк притронулся к салу, капкан, поставленный охотником, захлопнулся.

А лиса подбежала, схватила сало и говорит:

— Счастливо оставаться!

Лиса умчалась, а волк остался в капкане.

ГОЛОДНЫЙ ВОЛК

Голодный волк долго рыскал в поисках добычи, совсем измучился и решил: «Съем всякого, кто мне встретится».

И вдруг откуда ни возьмись перед ним появился молоденький барашек.

«Ах, какой хороший барашек!» — подумал волк, а у самого слюнки потекли.

Преградил волк дорогу барашку и говорит:

— Барашек, а я тебя съем!

Испугался барашек:

— Вай, неужто ты меня так, всухомятку, и съешь?

— Ну а как же еще я должен тебя есть? — удивился волк.

— Если хочешь, чтобы было вкусно, беги в кишлак, возьми шампуры, лук, перец. Потом разрежешь меня на кусочки, нанижешь мясо на шампуры, приготовишь хороший шашлык. Покрошишь сверху лук, посыплешь перцем. Ну а потом уже и ешь. Нет на свете ничего вкуснее, чем шашлык из молодого барашка. Люди всегда так делают.

— И верно,— сказал волк.

Помчался волк прямо в кишлак.

По дороге встретились ему пастухи.

— Эй, пастухи,— говорит волк,— дайте мне шампуры, лук и перец. Я хочу полакомиться шашлыком из молоденького барашка.

Схватили пастухи дубинки и давай колотить волка. Колотят его, приговаривают:

— Вот тебе шампуры! Вот тебе лук! Вот тебе перец! Вот тебе шашлык из барашка! Чтобы твои зубы обломались!

С разбитой мордой волк едва унес ноги.

Вернулся волк на прежнее место, видит, а барашка нет.

«Что же я буду теперь делать?» — подумал волк.

Еле волоча ноги, поплелся он куда глаза глядят. Повстречал он на дороге клячу.

— Эй, кляча я тебя съем! — сказал волк.

Кляча ему отвечает:

— Эй, волк, какой же ты глупец. Я давно тебя поджидаю. Твой отец еще хотел съесть меня, да потом раздумал и сказал: «Когда мой сын проголодается, тогда он тебя и съест!» Он мне даже клеймо на заднюю ногу поставил. Не веришь, сам посмотри.

Забежал волк сзади, чтобы посмотреть клеймо.

— Вот,— говорит лошадь и поднимает заднюю ногу.— На, смотри!

«Трах»!

Кляча так сильно лягнула волка по морде, что он шагов десять летел кувырком, и как упал в пыль, так больше не поднялся.

ЮНОША, ОРЕЛ, МЕДВЕДЬ И ЛИСИЦА

В одной пещере, у подножия горы, жили один юноша, медведь, лисица и орел.

Могучий орел — царь птиц — был всевластным повелителем в своем орлином царстве. Медведь тоже управлял медвежьим народом — ему подчинялись все медведи, какие только есть на свете. И хитрая лисица прослыла мудрой царицей краснобурых, чернобурых и прочих лисиц, какие только водились во всех лесах земли.

Однажды лисица и орел отправились в город. У царя этой страны была красивая дочь. Прогуливаясь по городу, лисица увидела эту девушку и, вернувшись в пещеру, рассказала о ней юноше, расхвалив ее красоту.

Слушая ее рассказ, юноша так увлекся, что влюбился в девушку, не видев ее ни разу. Долго он ходил скучный, удрученный тем, что не может встретиться с любимой девушкой. Орел, медведь и лисица спросили, почему он такой печальный.

— Если вы сумеете похитить для меня дочь этого царя, тогда мне будет весело,— сказал юноша.

— Не тревожься, не горюй, мы с лисицей вдвоем выполним это дело,— успокоил его орел.

Юноша обрадовался. Орел и лисица отправились в город. Лисица пробралась в царский дворец и стала крутиться вокруг девушки, виляя пушистым хвостом. А орел сел на крышу дворца, подстерегая добычу.

Увидев лисицу, царевна погналась за ней. Лисица бежала потихоньку, заманивая девушку, но в руки ей не давалась. С помощью хитрости и обмана лисица потихоньку увлекла за собой царевну. Гонясь за красивой лисицей, девушка не заметила, как очутилась во дворе.

Орел не зевал, кинулся с высоты, осторожно схватил девушку своими цепкими когтями, поднялся под облака и быстро доставил ее в пещеру к юноше.

А лисица, быстро семеня лапками и распустив свой пушистый хвост, побежала назад в горы.

Юноша женился на девушке, и они зажили счастливой жизнью. Оставляя царевну в пещере, юноша, орел и лисица втроем уходили в лес на охоту, а медведь стоял на страже у входа.

Царь-отец приказал глашатаям объявить своему народу, что из царского дворца похищена царевна, и если кто-либо найдет ее, чтобы немедленно известили его. Долго о царевне не было ни слуху ни духу.

Однажды пришла к царю старая колдунья и сказала:

— Государь, я найду вашу дочь, что вы дадите мне в награду за радостное известие?

— Я тебе дам все, что захочешь,— ответил царь.

Взяв у царя коня-скакуна, колдунья отправилась в путь. Долго ехала, подгоняя коня, наконец, добралась до леса, расположенного против пещеры, в которой жила царевна.

Спрятав в лесу коня-скакуна, старая колдунья, обернувшись странницей, пришла к царевне. Как раз в это время юноша орел и лисица вернулись с охоты. Старуха пустилась на хитрости — застонала, заохала, расплакалась и печально заявила:

— Я одинокая женщина, странствую по свету, ничего у меня нет — ни денег, ни имущества, возьмите меня к себе, я буду вам обед варить.

Юноша сжалился над старухой и пустил ее в пещеру.

Теперь каждый день в пещере стали оставаться царевна и колдунья, а все уходили на охоту.

Однажды старуха взяла с собой царевну в лес погулять. Показала она ей коня-скакуна и сказала:

— Давай-ка попробуем сесть на него. Покатаемся...

Колдунья посадила царевну на коня, села сама верхом. Конь поскакал во весь дух и привез их в царский дворец.

Вечером юноша, медведь, лисица и орел вернулись с охоты, смотрят: в пещере никого нет — ни царевны, ни старухи.

Юноша опять опечалился, загрустил.

Тогда лисица и орел снова отправились в город. Как и в первый раз, лисица заманила царевну, а орел подхватил ее и доставил в пещеру. Снова они с юношей зажили счастливой жизнью — пили-ели досыта, всего у них было вволю.

Хватился царь, а дочери опять нет. Тогда он собрал все свое войско, старуха показала ему дорогу, и он подступил к пещере.

— Эй, юноша! — крикнул он.— Ты зачем увез мою

дочь! А ну-ка выходи на бой, давай сразимся! Созывай свои войска!

Царь нагнал страху на юношу, и он, бедняга, стоял с поникшей головой, не зная, что делать.

Но вдруг раздался страшный рев. Это ревел медведь, сзывая свою рать. Вмиг сбежались медведи со всего света — бурые, черные, белые — и все выстроились ровными рядами. Вслед за этим и лисица издала призывный клич, и на ее зов со всех концов света сбежались лисицы и выстроились по другую сторону. Затем раздался орлиный клекот — и начали слетаться орлы со всего света. Они стремительно опустились вниз, похватали с гор цепкими когтями камни, поднялись вверх и грозной тучей нависли над царским войском, готовые ринуться в бой. Указав на медведей и лисиц, царь сказал своему визирю:

— У этого мальчишки войска совсем мало, давайте начнем сражение.

Визирь, взглянув на небо и увидев грозные орлиные стаи, перепугался до смерти. Сердце у него от страха чуть не лопнуло.

— О государь! — сказал он дрожащим голосом.— Вы посмотрите наверх, видите, сколько их? Мы не будем сражаться! Лучше давайте заключим мир с этим юношей!

Увидев грозные силы на земле и на небе, царь согласился с визирем и тут же помирился с юношей.

Он всенародно объявил его своим зятем и пригласил к себе. Все приехали в город и отпраздновали веселую свадьбу. Таким образом они исполнили свои желания.

ХИТРЫЙ ПЕТУХ

Жил-был у мальчика по имени Бурибай большой красный петух. Петух как петух. На ногах шпоры, шея длинная, а на голове гребешок, напоминающий серп. Так бы никто не обращал на петуха внимания, если бы он не славился в кишлаке своей хитростью. И от коршуна ему удалось увернуться, и от злой собаки убежать...

Ночью петух спал на ветке высокой джиды, чтобы

никто не смог достать. За эту-то смекалку и назвал Бурибай его Хитрым петушком.

Прослышала однажды Лиса об этом и усмехнулась:

— Надо же! С каких это пор слыхано, чтобы петух был хитрым? Ну, ничего, я покажу, кто из нас смекалистей...

Подкралась Лиса к джиде, на которой спал Хитрый петух, и стала поджидать, когда он проснется и спрыгнет на землю.

Проснулся петух на рассвете, посмотрел вниз, а там, прячась, поджидает его рыжая плутовка.

— Ха! — усмехнулся про себя петух.— Так уж я и спущусь вниз.

Но проходит час, два, три. Уже и яркое солнце взошло. Время близится к полудню. И в желудке пусто, страсть как хочется есть. А спуститься нельзя. Лиса поджидает. Надо что-то срочно придумывать.

И Хитрый петух придумал. Он шумно захлопал крыльями и закричал:

— Ку-ка-ре-ку-у-у!..

— Чему ты так радуешься, братец? — спрашивает Лиса.

— Как не радоваться? — отвечает ей Хитрый петух.— Скоро уже полдень и хозяин должен принести мне обед.

— А кто же, интересно, твой хозяин?

— Как, ты его не знаешь?

— Нет.

— Мой хозяин — известный охотник! У него двуствольное ружье, при нем всегда гончая собака. Он каждый день приносит мне есть, а после идет на охоту за лисицами,— отвечает Хитрый петух.

— Верно,— растерялась Лиса,— скоро полдень. Да и мне пора уже обедать. Побегу-ка я...

И, виляя своим пушистым хвостом, заторопилась прочь.

Так своей смекалкой и находчивостью удалось Хитрому петуху обвести даже рыжую плутовку!

БОГАТЫРЬ СОЛНЕЧНОЙ СТРАНЫ

* * *

Человек — нежнее цветка,
Но воля его, как железо, крепка.

* * *

Прекрасен садовник работой своей,
Песней прекрасен в саду соловей.

* * *

Куда б ни уехал твой истинный друг,
Ты близость его ощущаешь вокруг.

* * *

Чужая крыша, потолок чужой,
Не стукнись, гость, высокой головой!

* * *

Два кувшина на голове вовек
Удержать не сможет человек.

* * *

Не важно, что имеешь,
Важнее, что умеешь.

СЫН РЫБАКА ХАКИМА

ил когда-то в древние времена за кишлаком Чаральзар рыбак по имени Хаким с женой и сыном. Вблизи лачуги, в которой они ютились, протекала большая река.

Каждый день утром старик уходил ловить рыбу. Пойманной рыбы ему еле хватало, чтобы прокормить себя и свою семью. Хаким был очень беден, и поэтому ни он, ни его семья ни с кем не водились, нигде не бывали, да и к ним тоже редко кто заглядывал.

Однажды утром старик Хаким приготовил свои снасти и ушел рыбачить. Дорога к реке шла по буграм и оврагам, идти было трудно. Добравшись еле-еле до реки, старик отдохнул немного на берегу и начал ловить рыбу.

Наловил он уже очень много, как вдруг в сеть попала золотая рыбка. Хаким обрадовался, взял в руки золотую рыбку и залюбовался ею.

Придя домой, он позвал сына и сказал:

— Сынок, отнеси вот эту золотую рыбку царскому визирю и сейчас же вернись назад.

Сын рыбака взял золотую рыбку и пустился что есть духу по большой дороге прямо в город. Войдя в царский дворец, он подумал: «Ну что такое визирь? То ли дело царь! Эх, да ну его, этого визиря, отдам лучше рыбку самому царю!»

Как подумал, так и сделал: отдал золотую рыбку царю. Царь принял подарок, приказал пустить золотую рыбку в хауз, но ничего не сказал мальчику, а прогнал его.

— Ты кому отдал рыбку, сынок? — спросил отец.

— Отдал самому царю,— ответил мальчик.

Рыбак Хаким очень огорчился, но ничего не сказал и занялся своим делом.

На другой день утром визирь, идя через двор, увидел в хаузе красивую золотую рыбку. Полюбовавшись немного, он вошел к царю.

— Откуда появилась в хаузе рыбка? — спросил он.

Царь сказал, что ее принес сын старого рыбака, живущего за кишлаком Чаральзар.

Визирь разгневался на мальчика, что он не принес золотую рыбку ему, а отдал прямо царю, и решил во что бы то ни стало загубить его.

— О властелин мира! — сказал он, обращаясь к царю.— Как хорошо эта рыбка украшает хауз, но она одинока, у нее должна быть подруга. Прикажите мальчику достать ей подругу, и тогда хауз с двумя золотыми рыбками станет еще краше.

Совет этот очень понравился царю, и он приказал немедленно послать за стариком, чтобы тот не шел, а летел, не касаясь земли.

Старика в один миг доставили во дворец, и он предстал перед царем.

— Где ты достал эту золотую рыбку, там же достанешь и ее подругу,— сказал царь старику.— Даю тебе сорок дней сроку. Не достанешь — повешу, будешь болтаться на виселице.

Старик вернулся домой опечаленный. Позвав сына, он сказал ему:

— Вот видишь, из-за того, что ты отдал рыбку не визирю, а самому царю, беда свалилась на наши головы. Там в реке гуляет подружка золотой рыбки, мы должны ее поймать. Это очень большое и трудное дело. Если за сорок дней мы ее не поймаем, царь повесит и меня и тебя. Мы должны выполнить это во что бы то ни стало, другого выхода у нас нет. Теперь мы оба пойдем на берег реки и будем ловить рыбку.

И вот старик вместе с сыном пошли на берег реки. Отдохнув немного, они приступили к ловле. До самого вечера старались они изо всех сил, наловили очень много, но все это были простые рыбы. Тридцать девять дней отец и сын ловили рыбу, но золотая рыбка так и не попалась в сеть. Вернулись старик и его сын домой с печальными думами.

— Ну, остался один сороковой день, а золотой рыб-

ки мы так и не поймали, теперь царь повесит нас, будем оба болтаться на виселице! — со страхом говорили они друг другу.

Настал сороковой день. «Теперь уж недолго нам жить, всего-навсего один только день!» — думали отец и сын.

Уверенные в том, что завтра пробьет их смертный час, они в последний раз пошли ловить рыбу. До самого позднего вечера трудились они, и,— о счастье! — когда же совсем стемнело, в сеть попалась такая же, очень похожая на прежнюю, золотая рыбка.

Отец и сын очень обрадовались. У старика задрожали руки, и слезы градом полились из глаз. Он не верил, что спасся от смерти.

Поздно вечером рыбак Хаким с сыном вернулись домой. А старуха, как всегда, взобравшись на крышу, стояла там в томительном ожидании, посматривая на дорогу, думая-гадая, что же сегодня принесут отец и сын. «Сегодня уже сороковой день. Срок кончился. Если не поймают рыбку, значит расстанусь я со своим стариком и сыном навеки!» — горестно вздыхая, причитала бедняжка и, охваченная тревожными думами, беспокойно ходила по крыше взад и вперед.

Но вот вдали показались старик и сын. Старуха не вытерпела и крикнула:

— Поймали золотую рыбку?

Подойдя поближе, старик вынул из ведра золотую рыбку и показал старухе.

Лишь только настало утро, рыбак Хаким дал рыбку сыну и велел отнести во дворец.

— Отдай рыбку визирю! — строго-настрого наказал он.

Мальчик отправился в царский дворец. Между тем царь ждал-ждал — и страшно разгневался.

— Сегодня уже сорок первый день. Пойдите разыщите рыбака и сейчас же приведите сюда! — приказал он.

В этот момент в дверь вошел мальчик и, отвесив царю низкий поклон, подал ему золотую рыбку. Царь обрадовался, сошел по ступенькам вниз и пустил рыбку в хауз. А мальчик вернулся домой.

Идя к царю, визирь опять посмотрел в хауз и увидел, что там уже плавают две золотые рыбки. Он поспешно вошел к царю и поздравил его. Царь и визирь прошлись

по саду и подошли к хаузу. В хаузе плавали две золотые рыбки одна другой красивее.

Долго любовались они рыбками. Наконец визирь заговорил:

— О властелин мира, как красив ваш замечательный сад! Ни у одного царя нет такого. Теперь все есть в вашем саду, одного только не хватает — нет у вас золотого хауза.

Царь посмотрел на свой хауз и погрузился в думы.

— О властелин мира! — сказал визирь вкрадчивым голосом.— В одной стране, где живут дивы, есть золотой хауз. Вода в нем, как в роднике, кипит и бьет ключом. Вокруг него золотая решетка, золотые кресла, весь он покрыт золотом. Вот если бы принести этот хауз и устроить здесь, ваш сад стал бы еще краше!

— Кто же принесет его сюда? — спросил царь.

— Кто принес рыбку, тот принесет и хауз,— ответил визирь.— Зачем вам об этом беспокоиться? Вы только прикажите, вот и все!

Царь приказал своим людям быстро разыскать и привести к нему сына старого рыбака Хакима. Визирь подумал с тайным злорадством. «Ну, теперь не миновать тебе смерти. Попадешь к дивам в лапы, они тебя живым не выпустят!»

— В стране дивов есть золотой хауз,— сказал царь мальчику.— Пойдешь прямо к ним и принесешь сюда этот золотой хауз. Если не принесешь, повешу, будешь болтаться на виселице.

— О государь! — взмолился мальчик.— Да разве можно принести хауз?!

— Как ты смеешь перечить царю?! — прикрикнул на него визирь.— Разве можно говорить с царем как с равным? Поди прочь, несчастный!

Визирь выгнал мальчика из дворца. Вернулся он домой опечаленный. Стоило только рыбаку Хакиму увидеть его, как он сразу догадался, что опять случилась беда.

— Что случилось, сынок? — спросил он.— Наверное, опять рыбку отдал царю? Ну, говори, в чем дело?

Мальчик рассказал отцу все по порядку, как его принял царь, как приказал достать золотой хауз и как визирь выгнал его из дворца. Старик задумался, потом сказал:

— Слушай, сынок! Визирь задумал тебя погубить. Ты

сейчас поди к царю и попроси, чтобы дал он тебе железный посох, железные башмаки, несколько баранов и несколько ослов. Царь тебе не откажет, по его приказу все приготовят для тебя. Когда ты все это получишь, отправляйся в путь. По дороге паси баранов. Будешь ехать все время на ослах. Как только осел устанет, слезай с него и садись на другого.

Мальчик пошел во дворец и попросил у царя железный посох, железные башмаки, баранов и ослов, словом, сделал все так, как научил его отец. Царь, не говоря ни слова, приказал дать мальчику все, что он попросил.

Мальчик сел верхом на осла, остальных ослов и баранов пустил вперед и отправился в далекий путь.

Расставшись с отцом и матерью, он не знал, что ему делать, куда ехать, и, подгоняя ослов и баранов, ехал по степям и горам. Дорога была дальняя, степь бескрайняя. Ехал сын рыбака, ехал. Увидит, что осел устал, слезает с него, садится на другого и опять едет дальше. В пути он питался мясом баранов. Долго ехал мальчик по безлюдным степям и горам. Но всему бывает конец, зарезал он последнего барана, мясо кончилось, и есть стало больше нечего. Ослы измучились в дальней дороге, они уже не шли, а еле-еле волочили ноги. Что делать? Надел мальчик на ноги железные башмаки, взял в руки железный посох и, опираясь на него, пошел пешком.

Долго он шел и много прошел, нигде не отдыхая, и очень устал. Взобравшись на вершину холма, хотел идти дальше, но не смог сделать ни шагу: ноги не двигались, все тело словно свинцом налилось. Лег на землю и сразу уснул как убитый.

Уж вечер настал, и темная ночь спустилась на землю, а мальчик все спал и спал. И приснился ему чудесный сон: будто подходит к нему благообразный старец среднего роста, с белой как лунь бородой, в светлом полосатом халате и спрашивает, как и зачем он сюда попал? Мальчик стал рассказывать, куда и зачем послал его царь, сколько дней и ночей промучился он в степи. Вспомнил он про свои ноги, избитые в кровь, про мозоли и мучительную боль в спине и расплакался, жалуясь на свою горькую судьбу. «Не плачь, сынок,— сказал старец,— я тебе помогу, сделаю для тебя доброе дело. Но золотой хауз, о котором ты говоришь, день и ночь охраняют дивы. Ты его не сумеешь достать, тебе это не под

силу. Я дам тебе вот этот орех, ты вернешься домой, пойдешь с ним к царю и спросишь, где нужно устроить хауз, пусть укажет это место. Царь будет тебя ругать: «Где твой хауз? Ты его принес?» — спросит он, а потом укажет место. Ты подойди к этому месту и изо всей силы ударь орехом об землю, и тут золотой хауз будет готов. Так ты спасешь себя от лютой смерти». С этими словами старец сунул мальчику за пазуху волшебный орех и вмиг исчез, как будто его и не было.

Проснулся сын рыбака Хакима и первым долгом торопливо сунул руку за пазуху, смотрит — и в самом деле там лежит орех. Обрадовался мальчик и, не чувствуя боли ни в ногах, ни в спине, пустился в обратный путь. Знакомым путем было легче идти.

Скоро он добрался до своего дома. Смотрит — из хижины два царских палача вывели отца и мать и погнали по дороге. Оказывается, царь и визирь, не дождавшись мальчика с золотым хаузом, приказали казнить рыбака Хакима и его жену. Мальчик сказал, чтобы отпустили стариков, а сам пошел к царю.

— Ну, где твой хауз? — закричал в гневе царь.

— А где вы хотите устроить хауз? — спросил мальчик.

Царь рассвирепел еще больше, затопал, заорал:

— Да у тебя же нет ничего в руках, а ты еще спрашиваешь, где строить хауз?! Палачей сюда!

Этот крик услышал визирь, бросил все свои дела и поспешил к царю.

— О властелин мира! — сказал хитрый визирь.— Покажите этому мальчишке, где должен быть хауз, посмотрим, что он сделает.

— Вот здесь устраивай! — сказал царь и указал на самое красивое место среди сада.

Мальчик подошел, вынул из-за пазухи орех и ударил изо всех сил об землю. В тот же миг на глазах у всех появился золотой хауз. Вокруг хауза стояла золотая решетка и тут же были расставлены золотые кресла. В самой середине хауза кипела и била фонтаном вода, рассыпая кругом бриллиантовые брызги.

Царь очень обрадовался и приказал мальчику вынуть из старого хауза обеих рыбок и пустить их в золотой. Мальчик поймал рыбок и только поднес к берегу, как обе рыбки, сверкнув золотом чешуей, нырнули в прозрачную воду и поплыли вокруг фонтана.

Царь и все придворные любовались золотым хаузом, рыбками и радовались.

Один только визирь не был рад. Злоба душила его, что мальчик не погиб, а вернулся жив и невредим. Опять он начал строить козни против мальчика. А мальчик пошел домой и рассказал отцу и матери обо всем, что с ним произошло.

Время шло. Сын рыбака подрос и стал красивым юношей. Однажды визирь пришел к царю и сказал:

— О властелин мира! Благодарю моим советам вы стали обладателем золотых рыбок и золотого хауза. Но в вашем саду все еще не хватает самого главного, и вот об этом-то я и хочу вам сказать. В одной стране есть красавица пери. Если вы прикажете разыскать и доставить сюда эту красавицу, то в вашем саду уже никаких недостатков не будет.

— Кто же выполнит такое дело? — спросил царь.

— Выполнит тот же самый сын старого рыбака, который принес хауз с золотыми рыбками,— ответил визирь.

Царь приказал немедленно разыскать и привести юношу.

— Ты выполнил для меня два дела, но есть еще одно. Привези мне красавицу пери,— приказал царь.

Юноша ничего не ответил и молча пошел домой. Он не знал, где и как достать красавицу пери, и сказал отцу про новый приказ царя.

Крепко задумался рыбак Хаким, думал-думал и наконец сказал:

— Ты ничего не принес визирю, а все отдал царю. За это визирь добивается, чтобы царь казнил тебя. Но делать нечего, иди к царю и проси опять несколько баранов, несколько ослов, железные башмаки и железный посох. Как получишь все это, отправляйся в дорогу. Ты уже взрослый юноша, силы у тебя стало побольше, как-нибудь справишься.

Юноша сделал так, как научил его отец: пошел к царю и попросил баранов, ослов, железные башмаки и железный посох. Юноша сел верхом на осла, пустил остальных ослов и баранов вперед и выехал за город на большую дорогу.

Долго он ехал и много проехал, добрался до одного кишлака. Смотрит — из него люди бегут сломя голову и старые, и малые, и мужчины, и женщины, ну, словом,

все — от семилетнего ребенка до семидесятилетнего старика. Каждый из них схватил, что под руку попало — кто вилы, кто топор, кто кетмень, кто веревку, а мальчишки вооружились камнями, женщины — палками, скалками, кочергами, поварешками. Все уставились на вора и не спускают с него глаз.

Юноша отогнал баранов и ослов в сторонку, пробрался сквозь толпу и подошел к вору.

Тут люди рассказали ему, что это такой ловкий вор-великан — всем ворам вор. Если побежит, то ни на каком скакуне его не догонишь. Сорок баранов на завтрак ему не хватает.

Но сейчас вор стоял и не мог шевельнуться, потому что на шее у него была крепко затянута петля.

Юноша крикнул людям, которые стояли под виселицей и собирались вешать вора:

— Не убивайте его! За сколько вы продадите вора?

Толпа зашумела. Сначала никто не соглашался продать вора-великана.

— Не надо! — кричали баи.— За сколько бы мы его ни продали, за двадцать ли баранов, за сорок ли, все равно он их у нас украдет и опять каждую ночь будет воровать. Убить надо его!

Но те, кто были победнее, сказали:

— Какая будет польза от его смерти, лучше продадим его этому юноше.

Как баи-крикуны ни старались, не удалось им убить вора-великана. В конце концов юноша отдал всех своих ослов и баранов, и вора освободили.

Но как только сняли с его шеи петлю, вор-великан захохотал: «Ха-ха-ха-ха!» Вышел из толпы и снова захохотал: «Хо-хо-хо-хо!» Потом вдруг прыгнул в сторону и, захохотав в третий раз, кинулся бежать — только его и видели.

Лишившись всех баранов и ослов, юноша вышел из толпы, постоял-постоял, надел себе на ноги железные башмаки, взял в руки железный посох и, опираясь на него, пошел куда глаза глядят.

Теперь послушайте про вора. Шел он и думал: «Зачем этот юноша спас меня от смерти? Что за причина?»

Думал он, думал — и наконец, вернувшись назад, разыскал юношу и начал его расспрашивать, откуда он, куда и зачем идет. Юноша рассказал все.

Тогда вор предложил:

— Садись мне на плечи!

Юноша кое-как вскарабкался на плечи великана, и он помчался во весь дух. Вскоре они очутились около высокого железного дома.

Вор открыл железные ворота и вошел во двор. Зарезал он сорок баранов, сварил и начал есть. Юноша не успел оглянуться, как от баранов остались одни только косточки.

Отдохнув немного, вор сказал юноше:

— Я достану тебе девушку пери. Жди меня здесь.

С этими словами он выскочил за ворота и побежал. Долго бежал вор напрямик без дороги и наконец добежал до большого, окруженного высокой стеной замка. Здесь жила красавица пери.

Подойдя к воротам, вор постучал потихоньку и отошел в сторону. Вдруг открылась калитка и из нее вышел див. Вор ударил дива и убил его с одного маху. Войдя во двор, он наткнулся на сорок дивов и схватился с ними врукопашную. Убив всех дивов, он открыл дверь и вошел в комнату. Там сидела красивая пери. Она давно уже не видела людей и спросила вора-великана, как он попал сюда. Вор рассказал ей все по порядку, вывел пери из комнаты, сел с ней на коня и привез к юноше.

Теперь надо было отправляться в обратный путь. Вор дал юноше и девушке волшебного коня-скакуна.

— Только не прикасайтесь к поводьям! — предупредил он и убежал.

Сел юноша на коня и подал руку пери, чтобы помочь ей, но нечаянно задел за повод. Вдруг поднялся сильный ветер, пыль завертелась вихрем. Тут в небе появились три голубя, подхватили девушку, полетели с ней к высоким горам и скрылись в пещере.

Юноша растерялся и не знал, что делать и как теперь найти пери. Между тем вор-великан отбежал не так далеко. Он заметил, что случилась беда, в один миг примчался к юноше и спросил, в какую сторону улетели голуби с девушкой. Юноша рассказал, как было дело, и указал ему пещеру. Вор подбежал к пещере и громко крикнул:

— Выходи, добрая пери, я здесь!

Но пери в темноте не могла найти дорогу к выходу. Тогда великан научил ее, как выйти из пещеры. Пери вышла и сказала:

— Я не могу ехать с юношей, за мной гонятся дивы.

— Ну хорошо,— посоветовал великан,— тогда жди. Как только явятся дивы, спроси их, почему у людей душа в самом человеке, а у дива одно только тело, а душа в другом месте. Они будут молчать а ты спроси еще раз, где спрятана их душа. Если они не скажут, то ты плачь и добивайся, чтобы сказали. Тогда они откроют тебе свою тайну. Как только узнаешь, выйди и скажи мне.

Научив пери, что и как нужно сделать, вор вернулся к юноше.

Когда явились дивы, пери спросила их, где находятся души у дивов. Дивы заподозрили что-то недоброе и сначала не хотели ей говорить, но посоветовались и пришли к такому мнению: «Ну что может сделать эта слабая девушка? Бояться нам нечего». Старший див подозвал девушку к выходу из пещеры и показал:

— Вон там, видишь, за оврагом растет высокая чинара, а под той чинарой родник, а в роднике сундучок. В этом-то сундучке и хранятся наши души. Если подойти и раскачать чинару, тотчас же золотая рыбка махнет своим хвостом и выбросит из воды сундучок.

Девушка обрадовалась, угостила дивов вином. Они напились допьяна и заснули. Тогда пери вышла из пещеры и рассказала вору-великану, где хранятся души дивов.

Великан побежал к чинаре и ударил по стволу ногой с такой яростью, что дерево свалилось на землю. В тот же миг золотая рыбка махнула хвостом и выбросила сундучок на берег. Вор сломал сундучок, вынул души дивов и помчался во всю прыть к юноше. Забегали, закричали дивы. «Ой, спина разламывается!» — стонали одни дивы. «Ох, болит голова!» — охали другие. Прибежали они к вору, повалились ему в ноги, ударились об землю лбами и завыли.

— Не убивай нас! Приказывай, сделаем все, что захочешь!

— Сейчас же разыщите пери и принесите сюда. Если не принесете, пропали ваши души! — грозно крикнул вор.

Вмиг дивы исчезли, словно их и не было. Но не успел вор чихнуть, как они уже примчались назад вместе с пери. Вор-великан отдал красавице пери души дивов, распрощался с юношей и проводил их в обратный путь.

Наконец юноша прибыл в свою родную страну и хижину своего отца Хакима.

Услыхал об этом царь и приказал немедленно доставить пери во дворец. Но юноша не захотел отдавать девушку царю, и тогда царь приказал своим воинам поймать юношу, связать его по рукам и ногам, привести во дворец живым или мертвым вместе с прекрасной пери. Пришлось юноше с пери прятаться в речных зарослях.

Между тем вор-великан, узнав, что юношу разыскивают царские воины и вот-вот поймают, во весь дух помчался на выручку. А пери схватила души дивов и давай их жать руками. Вмиг прилетели перепуганные дивы, набросились по приказу пери на царских воинов, и началась страшная битва. Много было воинов у царя, и победа уже склонилась на их сторону, ослабели дивы. Но тут примчался вор-великан, разметал царское войско. Царь и визирь погибли в битве, а сын старого рыбака стал править страной и женился на красавице пери.

Вор бросил свое воровское дело и поступил на службу к молодому царю. Таким образом, все достигли своих целей и желаний.

БОГАТЫРЬ СОЛНЕЧНОЙ СТРАНЫ

В стародавние времена жил один старик, и не было у него никого, кроме единственного сына Рустама, которому исполнилось десять лет. Был этот старик до того беден, что ходил в лохмотьях и вечно голодал. Пришел однажды старик с сыном к соседу, богачу Салимбаю, и со слезами начал просить:

— Салимбай, отец, сделайте милость, помогите нам. А уж я и мой сынок Рустам на вас поработаем, рук своих не пожалеем.

Глянул Салимбай на старика, осмотрел мальчика с ног до головы и сказал:

— Хлеб у меня на улице не валяется. Отдай мне раньше свой долг. Ты уж совсем состарился, не сегодня-завтра помрешь. Никто мне и копейки не отдаст, и деньги мои пропадут.

Обомлел старик, задрожал.

— Господин Салимбай, про какой долг вы говорите? — спросил он.— Вы же мне ничего не давали.

Бай выпучил глаза и поднял крик:

— Молчи, где у тебя совесть? Ты уж и платить отказываешься?

И бай ударил старика плеткой, да так сильно, что бедняга повалился на землю. Из глаз его в три ручья полились слезы. Маленький Рустам насмерть перепугался, обнял отца и заплакал. Осмелел немного старик и снова попросил бая:

— Если уж я забыл, так вы мне напомните: какой долг, когда, что вы мне давали?

Бай сказал:

— Ты, бессовестный, мне кругом должен! А когда твоя жена умерла, кто тебе деньги дал на похороны? Кто давал тебе лошадь и арбу везти настоятеля мечети на кладбище? А когда поминки справлял на сто человек, кто угощение готовил, забыл? Еще и ты сам, и сын твой ели!

Старик от гнева весь затрясся. Никогда еще он не видел, чтобы так нагло врали. «Но что поделаешь,— подумал он,— выхода нет. Буду противоречить — с голоду помру».

Затаил старик свои мысли, а вслух только проговорил:

— Салимбай, пожалейте нас! За что же моему сыну страдать приходится?

Как раз в это время к Салимбаю пришел настоятель мечети. Увидел его Салимбай и обратился к нему:

— Вот, преподобный, рассудите нас.

— А в чем дело? — спросил с почтением настоятель.— Что угодно от меня отцу нашему Салимбаю?

— Помните, преподобный, как в прошлом году мы справляли в нашем доме поминки по жене этого старика?

Смекнул настоятель, куда бай клонит, и давай поддакивать:

— Конечно, помню. И покойницу помню, и как вы по ней поминки справляли.

— Ну вот, слышишь? — сказал бай старику.— Я тебе добро сделал как соседу, деньги на тебя потратил, а ты, бессовестный, теперь вернуть их отказываешься?

Настоятель мечети начал упрекать старика:

— Ай, ай, не делай такого бесчестного дела. Ты должен век отца нашего Салимбая благодарить. Он на тебя большой расход сделал, какие убытки понес. Это все на твоей шее.

А старик только стонал и плакал:

— Не хватало мне на голову такой беды! И так не то что сам ничего не ем, но и мальчик мой целыми днями кусочка хлеба не видит. Где я вам столько денег возьму? Постарел я, кончается моя жизнь. И вот какая беда моему сыночку в наследство остается.

Мулла принялся тогда утешать старика:

— Эх, глупый ты старик, дурак! Что ты плачешь? Отец наш Салимбай не требует же сейчас от тебя всего долга. Понемногу отдашь, только не вздумай отказываться. Вот сын у тебя подрастает. Будет он на Салимбая работать, так понемногу и рассчитаешься со своим долгом.

Так Салимбай и настоятель мечети и запутали старика. Понял он только, что сейчас с него денег не требуют, и согласился:

— Ладно уж, рассчитаемся!

Но настоятель возразил:

— Одним «ладно» тут не отделаешься.

Взял он бумагу и перо и спросил у Салимбая:

— Господин, сколько этот старик вам должен?

— Пятнадцать золотых,— ответил Салимбай.

Старика словно громом ударило. За всю свою жизнь он и одного золотого в глаза не видел, а тут на тебе: «Пятнадцать золотых!» Настоятель тем временем записал, сколько сказал ему Салимбай, и приказал старику приложить палец к бумаге. Заодно заставили и Рустама приложить палец.

— Ну вот, теперь идите! — сказал настоятель мечети.— Подрастет джигит, работа у него и хлеб будут.

Шли отец с сыном к баю, чтоб кусок хлеба достать, а вышли от него кабальными должниками.

Вернулся старик домой. Смотрит — перед дверью сидит его сосед Сиддык-сапожник, рассказал ему, как его бай обманул, и вздохнул только:

— У кого мне помощи-защиты искать?

— Да, брат,— ответил сапожник,— попался ты в их сети, и ничего не поделаешь. Сам хаким, правитель города, проклятому кровопийце Салимбаю зятем при-

ходится. Так что остается тебе только судьбе своей покориться.

Лег старик на голую постель, прижал сына Рустама к груди. Мучили его голод и горе, а еще больше донимали тяжкие думы. Все кругом спали, а старик никак заснуть не мог.

Вдруг открылась дверь и в комнату вошли три человека. Один из них подошел к старику, толкнул его ногой и сказал:

— Вставай, подлец!

Испугался старик — откуда такие непрошеные гости?

— Что вам нужно здесь? — спросил он.

Один из незнакомцев приказал:

— Убирайся из дома! Мигом! Чтоб и духу твоего здесь не было.

Старик подумал: «Тут видно, какая-то ошибка вышла»,— и робко заговорил:

— Что вы? Куда я из своего дома пойду? Зачем?

Второй незнакомец еще яростнее закричал:

— Нас не проведешь. Мы стражники городского пристава. Ты еще в прошлом году этот дом Салимбаю продал, пятнадцать золотых за него прямо в руки получил. А теперь отпираешься?

— Да что вы? — воскликнул в горе старик.— Никому я свой дом не продавал и не думаю продавать.

— Не продавал, говоришь? А это что? — спросил третий стражник и ткнул прямо в лицо бумажку.— Твоя расписка? И ты, и твой сын пальцы приложили. Хаким нам приказал, если ты подобру-поздорову не уберешься, и тебя и сына твоего взять и в яму посадить.

Пришлось старику уходить с сыном из своего дома. Принесла жена сапожника им кукурузную лепешку, пожелала счастья на дорогу.

Обнял старик беднягу Рустама, и пошли они в горы.

Долго шли они по степям и долинам, по пустынным местам. Рустам все время спрашивал отца: «Куда же мы идем так долго?» Отец молчал, ничего ему ответить не мог. Да он и сам не знал, куда идти. Так шли они, совсем из сил выбились. Наконец пришли они в лес, сели под дерево.

Старик прислонился к нему и задремал. Проснулся он, открыл глаза и замер от ужаса: прямо на них из леса шагала большая медведица с медвежонком. Что тут делать?

Прижал старик Рустама к груди и подумал: «Ну, конец нам пришел!»

А Рустам никогда медведей не видел и так испугался, что закричал во весь голос. А медведица тихонько подошла, взяла Рустама и подвела к своему медвежонку, потом сгребла старика лапами и понесла его в пещеру.

Прошла ночь, взошло солнце. Старик пришел в себя, открыл глаза, видит: сидят Рустам с медвежонком и мед едят.

Поразился старик, глазам своим не поверил: «Во сне это или наяву?» — подумал он и подозвал сына. Едва услышал Рустам голос отца, обрадовался:

— Вставайте, отец, будем мед есть.

— А кто это с тобой? — спросил старик Рустама.

— А это мой друг. Его мать вас сюда принесла и сказала: «Пусть отец твой поспит, ты его не буди. Мой медвежонок тебе товарищем будет. Вот мед, покушайте, а мне в лес надо идти».

Не знал старик, верить ему словам Рустама или не верить, как вдруг в пещеру явилась медведица. Она принесла лепешки и молоко в кринке из тыквы. Встал старик и поклонился медведице. Медведица поставила еду на землю и ласково прорычала:

— Вот, садитесь, покушайте. Я вам хлеба, молока принесла. Потом побеседуем.

Удивился старик такой доброте.

— Отец, вы не удивляйтесь,— сказала медведица.— У меня здесь друзья-приятели среди пастухов, которые у баев и всяких начальников овец пасут. Вот у них я и достала вам хлеба и молока, угощайтесь!

Поел старик, успокоился и рассказал медведице про все свои беды. Выслушала его медведица и предложила:

— Оставайтесь, отец, жить с нами в этой пещере. Никто вас здесь не тронет. А сыновья наши уже подружились.

Так и стал старик со своим Рустамом жить в медвежьей пещере. Старик собирал в лесу дрова. Медведица ночью оттаскивала их к городским воротам. Старик приходил утром и продавал. Рустам играл с медвежонком.

Подросли они, стали бороться. Увидели однажды пастухи, как Рустам с медвежонком боролся, и не могли

налюбоваться его силой и ловкостью. А еще лет пять прошло, и никто уж из взрослых парней не мог Рустама побороть. Пастухи его стали с почетом звать Аикпалван — Медведь-богатырь.

Пошел однажды Рустам с отцом в город дрова продавать. Возвращались они под вечер, видят: едет по дороге бай в суконном халате, на пегом коне, плетку в руке вертит, а за ним много народу.

Посмотрел старик и воскликнул:

— Гляди, Рустам! Да это тот самый Салимбай, который обманом у нас дом отобрал!

Не успел Рустам ничего сказать, как вдруг слышит:

— Рустам, спаси меня!

И тут Рустам увидел, что идет среди толпы верблюд, а к горбу его привязан медвежонок. Когда старик с сыном были в отлучке, Салимбай со слугами пришел в пещеру и поймал медвежонка.

Бросился Рустам к верблюду, разорвал веревки, точно пряжу, и освободил своего друга. Набросились тогда байские охотники на Рустама. Но чуть подбежал первый из охотников, Рустам как схватит его за пояс, как бросит об землю, тот и остался лежать недвижимым. Больше никто подойти не отважился. Тут Рустам кинулся на Салимбая, но тот хлестнул коня плеткой и ускакал.

Слава о Рустаме пошла по всему городу. Люди не могли нахвалиться его силой и храбростью. А Салимбай от страха дрожал, по ночам не спал.

Зять Салимбая, хаким города, пришел в ярость и отдал приказ поймать богатыря, который медвежонка у Салимбая и его охотников вырвал из рук, и привести к нему. Но никто не хотел выполнять этот приказ. Кого ни посылал хаким за Рустамом, все возвращались и говорили: «Нигде его найти не можем». Узнал от кого-то Салимбай, что Рустам — это сын того старика, у которого он дом отобрал, и совсем перепугался. Побежал он к зятю просить помощи. Хаким и сам дрожал от страха, но собрал сотню стражников и отправился с ними в лес ловить Рустама.

По дороге он объявил стражникам:

— Того, кто Рустама живым поймает, я на своей дочери женю, сотником назначу.

Ехали они, ехали и вечером остановились на опушке леса. Здесь хаким сказал:

— Отдохните немного, а ночью схватите Рустама,

когда он спать будет. А то он услышит, что мы едем, и в горы убежит.

Рустам со своим другом медвежонком спали на холме у входа в пещеру. Вдруг ночью прибежала медведица и давай их будить.

— Что случилось, родная? — спросил Рустам.

— Тебя схватить хотят,— сказала медведица.— Хаким сюда сотню стражников ведет.

— Что же вы хотите делать?

— Тебя спасти от них.

— Нет,— возразил Рустам.— До каких пор мы от них бегать будем? Надо их прогнать.

— Много их,— сказала медведица,— все на конях. А тут даже твоего отца нет. Ушел он в город дрова продавать. Беги, не теряй времени.

Но Рустам и не думал бежать.

— Что же ты делать будешь? — спросила медведица.

— Буду с врагами драться.

Медвежонок тряхнул головой и обнял Рустама.

А всадники хакима ехали уже через лес по тропинке гуськом. Слышны были уже их голоса и фыркание коней. Вот уже слезли стражники и поползли на гору.

Рустам и медвежонок подождали, когда враги ближе подошли, и начали сбрасывать на них камни. Жаркий бой разгорелся. Медведица от Рустама не отставала. Как кинет камень — кому в голову попадет, кого с коня свалит, кому спину перебьет. В ужасе кричали, вопили стражники.

Наконец у Рустама и у медведей камни кончились. Видит хаким, никто камней не бросает. Тогда он опять погнал стражников на холм. Рустам схватил бревно и кинул, чтоб им дорогу загородить, а медведица притащила несколько толстый деревьев и стала их во врагов кидать.

Тут хаким пустился наутек, а за ним побежали и стражники. Многие и коней и оружие побросали. Рустам с медведями все это пособирали и вернулись в свою пещеру. Скоро про это дело стало всем известно.

Хаким с досады рвал и метал, все думал, как бы ему Рустама схватить и, наконец, пообещал тому, кто поймает Рустама, дать столько золота, сколько Рустам весит.

У настоятеля мечети была мать, старая престарая, лысая, одноглазая, беззубая. Услыхала она про такое обещание, пришла к хакиму, поклон отвесила и говорит:

— Эй, хаким, дай мне разрешение, я тебе этого босяка Рустама поймаю.

Обрадовался хаким и предложил:

— Говори, что тебе для этого надо. Все сделаю.

Старуха ему сказала:

— Найди мне пятнадцать человек, которым ты доверяешь, только совсем безбородых, безусых, чтоб на лице у них ни одного волоска не было, и дай каждому запас еды на месяц. Если моего совета послушаешься, мы этого босяка поймаем.

Хаким сделал все, как старуха сказала.

По приказу старухи пятнадцать безбородых надели женское платье, зашли в лес и затеяли драку. Синяков друг другу на лице понаставили, носы порасквасили, головы поразбивали.

Рустам и медведи прибежали на шум. Старуха кинулась на землю, начала биться головой о камни, платье на себе рвать с воплями:

— Ой, скажите, где наш Рустам, где гроза злодеев, где он, который слышит наши жалобы, знает наши беды, нас, несчастных, жалеет? Одно у меня перед смертью желание — повидать его, все ему рассказать.

— Не печалься, мать,— сказал ей Рустам.— Я тот, которого ты ищешь. Кто это вас так изувечил? Расскажите.

Тут все безбородые с воплем, с плачем повалились Рустаму в ноги.

А старуха продолжала:

— О свет очей моих, Рустам! Мы, несчастные женщины, едва спаслись от ярости злодея хакима. После того как ты его напугал, из леса выгнал, он собрал всех бедняков и приказал бить палками. Стражники нам все бока поотбивали, мужей наших в яму посадили, детей у нас отняли, в клетки позапирали. Из домов нас выгнали в пустыню. Что нам делать? У кого нам защиты искать, как не у тебя!

— Не плачьте,— успокоил их Рустам.— Оставайтесь здесь, придумаем, что нам делать.

Показал им место, где расположиться, еду приготовил. Наступил вечер. Все готовятся спать. Вдруг пришел Сиддык-сапожник и говорит:

— Эй, Рустам, что ты скучный какой-то? Хочешь рассказ послушать?

— Расскажи, послушаю,— ответил Рустам.

И сапожник рассказал:

— Жил когда-то один сапожник. Трудно ему приходилось, еле-еле перебивался, и была у него дочь — красавица, умная, добрая девушка. Много богатых баев, беков присылали к ней сватов, несмотря на то, что отец ее был всего-навсего бедный сапожник. Но он никому своей дочери не отдал, потому что она очень любила сына своего соседа, с которым они в детстве играли вместе. Но джигита не было в городе, потому что жестокие богатеи-начальники отобрали у его отца дом, и пришлось ему с отцом уйти куда-то. Прошло время, мальчик вырос, стал статным, сильным богатырем, таким, что никто с ним по силе и храбрости сравняться не может. И сердце у джигита доброе, всех он бедняков жалеет. В народе о нем далеко слава пошла. Услыхали о нем и сапожник с дочерью и обрадовались, подумали, что уж теперь, наверно, он вернется. Однако уже много времени прошло, а джигит и весточки не подает.

Рустам до сих пор молча слушал, а тут вдруг и сказал:

— Что же этот джигит такой бессовестный?

А Сиддык-сапожник дальше рассказывает:

— Узнал про эту дочь сапожника хаким того города. И хотя у него уже есть четыре жены, заслал сватов, подарки богатые прислал. Но девушка и ее отец и этим сватам отказали. Тогда хаким приказал связать сапожнику руки и ноги и бросить его в реку, дом его сжег, а девушку против ее воли забрал в свой дом. Соседи спасли ее отца от смерти. Девушка всякие муки терпит, но ждет своего джигита. Только от него все вестей нет. Отец девушки немного с силами собрался и отправился в путь, чтобы джигита найти и о всех несчастиях ему рассказать.

Хотел Сиддык-сапожник дальше свой рассказ продолжать, но в это время подошел один из безбородых к Рустаму и женским голосом запричитал:

— Рустам, мать наша помирает. Тебя очень видеть хочет. Сходи к ней.

Пошел Рустам к старухе, а она притворилась, будто помирает, и знаками показала, что ей хочется обнять его, поцеловать. Наклонился Рустам, а старуха сунула ему в нос дурманящее зелье. Рустам без чувств упал. Старуха позвала тут же безбородых:

— Ну-ка, живо делать то, что я вам прикажу.

Связали они Рустама веревками и понесли в город.

Хаким прыгать готов был от радости. Ковры бархатные на стены повесил, людей созвал. Выстроил их в ряд, перед каждым парчовый халат положил. Притащили Рустама, положили его около двери связанного, одурманенного.

Хаким сказал:

— Теперь мне для вас подарков не жалко. Я хочу, чтобы и вы тоже радовались.

Тут Салимбай поднялся и обратился ко всем:

— Завтра соберем на базарную площадь народ, поставим виселицу и этого негодяя повесим, а потом на глазах у народа похороним.

Сказал так Салимбай, грудь выпятил, усы крутит, стоит и посмеивается.

Старуха возразила.

— Неправильно рассуждаешь, байбача. Во-первых, не надо народу этого босяка показывать. А во-вторых, надо его как следует стеречь. А то он придет в себя, веревки порвет — и поминай как звали. Чтоб не вышло чего, скорей с ним расправиться нужно.

Хаким спросил у старухи:

— А ты, мать, что предлагаешь? Как ты хочешь, так и сделаю.

— Пусть будет так,— сказала старуха,— в Шайтановой горе есть пещера, которую зовут Бездонная. Кинем его туда. Там дивы, драконы живут. Им пища нужна.

Тут все захохотали.

— Да это такая старуха, что ее и сам шайтан испугался бы.

На том и порешили. Повезли бедного Рустама к Шайтановой горе и бросили в Бездонную пещеру.

Живя в лесу, Рустам научился играть на свирели и играть всегда на рассвете. Услышат пастухи и дровосеки, как он играет,— значит, уже утро наступило, и выходят из своих землянок на работу. А в то утро было тихо, никто не играл. Сперва все думали, что просто рано проснулись, и не торопились вставать, а потом им и лежать надоело. А у отца Рустама сжалось сердце от тревоги. Выскочил он из пещеры и побежал к тому месту, где Рустам спал обычно. Прибежал, видит — только тюбетейка Рустамова валяется, ничего больше нет. Охватило старика беспокойство, и закричал он что было силы:

— Руста-а-а-м!

Услыхали его громкий крик дровосеки, со всех сторон прибежали, собрались вокруг старика. Все стали кричать, Рустама звать. Тут вдруг старик нашел на земле тыквочку с насваем. Она сверху была серебром покрыта, на нем имя ее владельца вырезано. Показал он ее дровосекам и воскликнул:

— Вот где подлость! Вот где коварство! Видите, друзья, кто у нас Рустама похитил. Вот эти, что вчера приходили защиты просить, совсем они не обиженные женщины, а злодеи, оказывается. Вот доказательство — эта тыквочка. Я знаю, чья она. Я такую у племянника Салимбая, у безбородого Бури, видел.

Один из дровосеков немного буквы знал. Стал он разбирать надпись на тыквочке и сказал:

— Правду старик говорит.

А Рустам пролежал ночь в Бездонной пещере, пролежал день и пришел наконец в себя. Очнулся он и почувствовал, что руки-ноги у него туго связаны веревками, кругом темнота. И где-то далеко в этой темноте слышны страшные голоса, стоны, вопли. Попробовал Рустам от веревок освободиться, и так и сяк вертелся, ничего не получилось. Тогда он потянулся что было силы — и веревка порвалась. Освободился Рустам от пут и пошел туда, где стоны слышались. Нашел он вход в другую пещеру, но был он большим жерновом завален. Легко отодвинул Рустам жернов, вошел внутрь, смотрит: на земле кости валяются, а на стенах нарисованы заколдованные люди, молодые девушки, цепями подвешенные. В глубине пещеры Рустам нашел большую комнату, в ней возвышение, сложенное из камня и застланное истлевшей звериной шкурой. Вокруг него стояли чуть мерцавшие светильники. За этой комнатой оказалась другая, темная.

В ней молодая девушка лет семнадцати была привязана за сорок косичек к сорока железным столбам. Ноги ее до колен были опущены в большую глиняную корчагу с ледяной водой, а руки распяты на жердях. Сил уже не осталось у девушки такие муки терпеть, и она еле дышала. А лицо у нее было такое красивое, что оно побеждало тьму, и от него, как от луны, разливалось кругом сияние. Как увидел все это Рустам, не стал спрашивать, кто эта девушка и за что такие муки терпит, а сразу корчагу с ледяной водой опрокинул наземь, столбы же-

лезные повыдергивал, несчастную пленницу освободил.

Девушка так обессилела, что сразу упала на землю. Если бы грудь у нее чуть-чуть не вздымалась, можно было бы подумать, что она мертва.

Вдруг вошел в комнату какой-то страшного обличья человек: горбун, плечи вверх торчат, бородатый, кривоногий да такой толстый, что казалось, в ширину он больше, чем в высоту. А за ним появился старик лет семидесяти с длинным носом, что чуть покороче палки, которую он держал в руке, а на подбородке у него, кроме двух волосков, ничего и не было. Устрашающего вида толстяк был известный в той стране разбойник, а старик — хитрец — настоятель мечети, который помогал этому разбойнику людей заманивать в западню и грабить. Настоятель своей хитростью помог разбойнику похитить девушку. Пораженный ее красотой, разбойник решил взять ее в жены. Но так как она не согласилась, он ее подверг пыткам и мучениям, а настоятель ходил в пещеру уговаривать девушку.

Когда на этот раз разбойник вместе с настоятелем явились, чтобы пытать свою несчастную жертву, вдруг они обнаружили в пещере Рустама.

— Вот удивиительно! Кто это тут мою комнату зла и пыток в комнату жалости-милости превратил, а?

И со смеху покатился.

Рустам молчал.

Разбойник подскочил к Рустаму и заорал:

— Эй, молокосос, кто ты такой? Говори! А то помрешь — и знать не будем, кто ты.

Ни слова не сказав, Рустам поднял руку да как даст разбойнику кулаком в грудь, тот раза три-четыре перевернулся, повалился на настоятеля и придавил его своей тушей. Злость разбойника разобрала. Хотел он встать — пузо мешало. Вертелся он, ерзал, настоятеля до смерти придушил. Наконец разбойник кое-как поднялся, вытащил из-за пояса саблю и кинулся на Рустама. Джигит схватил глиняную корчагу и сшиб ею разбойника, подбежал к нему, вырвал из рук саблю и зарубил его.

Тем временем девушка начала приходить в себя, медленно зашевелились ее длинные ресницы, чуть дыша, облизала она свои запекшиеся губы. Рустам зачерпнул в пригоршню воды и поднес девушке. Она сделала не-

сколько глотков, посмотрела на джигита с благодарностью и трепетно спросила:

— Кто ты, джигит? Зачем сюда пришел? Меня ж на смерть осудили. Беги отсюда, спасайся! А то, если узнают, что ты меня вызволить хотел, и тебя замучают.

Поглядел Рустам на девушку и сказал:

— Теперь ты свободна, никто тебя не тронет.

Не поверила девушка.

— Зачем ты меня утешаешь? — заговорила она.— Не видеть мне больше света дня. Уже сколько лет ни один человек, попавший в лапы этого чудовища-разбойника, не мог спасти свою душу. За зверства и кровожадность этого разбойника так и зовут — «див-мучитель». В нашей стране его все люди боятся, именем его пугают малых детей, даже тысячи мужественных батыров против его сабли устоять не могут.

Показал Рустам девушке саблю, которую он у разбойника отнял, и спросил:

— А ты эту саблю знаешь?

Девушка затрепетала:

— Где ты ее взял?

Показал тогда Рустам девушке яму, в которую мертвый разбойник с настоятелем свалились. Девушка от радости на груди руки сложила, длинные ресницы свои опустила и говорит:

— Хвала тебе, богатырь Солнечной страны!

Услышав такой привет, Рустам удивился:

— Почему ты называешь меня богатырем Солнечной страны?

А девушка сказала тогда:

— Это не только я, так тебя все люди называют. Имя твое Рустам, ты — дровосек, про тебя мне еще мой дедушка рассказывал, а зовут меня Цветок зари. Идем, я должна тебя всему народу показать, про дела твои славные рассказать.

И Цветок зари повела Рустама в город.

На рассвете пришли они к стенам города. У ворот его собралось много людей. Стон, плач стоял. Кто на себе одежду рвал, кто с воплями головой о камни бился. Другие их уговаривали: «Ничего не поделаешь, надо терпеть». Вдали был виден холм, на котором стоял мальчик лет четырнадцати с барашком. Глаза и у мальчика, и у барашка были завязаны. Три-четыре человека из

толпы хотели пробраться к мальчику, но люди их не пускали.

Не мог понять никак Рустам, что тут происходит, и спросил девушку:

— О Цветок зари, объясни мне, в чем дело?

Обернулась Цветок зари к Рустаму, из глаз ее слезы-жемчужины катились по щекам.

— Ах! Лучше бы я на свет не родилась! — плакала она.— Этих воплей и стонов не слышала. Вот уже два года наш народ этот ежедневный обряд выполняет.

Рустам удивился:

— О Цветок зари, открой мне скорей эту тайну, что за ежедневный обряд такой.

Цветок зари объяснила ему:

— Вот уже несколько лет, как в нашей стране поселился дракон. Много семей он уже обездолил. Много скота пожрал. И никак от него город избавиться не может. Дракон за этим холмом живет. И каждый день на рассвете он, голодный, хочет напасть на город. Ему на дороге оставляют ребенка и барана, он съедает их и тогда уже не налетает на город, а возвращается в свою пещеру. И вот каждый день люди нашего города платят дань дракону. Такой уж установился закон. В прошлом году как раз в эту пору мою младшую сестру Черрагул ему на съедение отдали. Вот и сегодня кто-то из горожан мальчика в жертву ему отдать должен. Из-за этого и стонет народ.

В это время в толпе все закричали, запричитали, Цветок зари успела только крикнуть Рустаму:

— Вон дракон. Он уже к мальчику подбирается! — и без памяти упала наземь.

Посмотрел Рустам, видит, черное-пречерное страшилище ползет прямо на мальчика. Почуяв дракона, барашек начал рваться на привязи. Мальчик жалобно закричал. Кинулся Рустам на холм. Дракон уже совсем подполз к мальчику, но джигит изловчился и с такой силой дракона ударил саблей, что голова у него покатилась.

Мальчик бросился Рустаму на шею и крепко его обнял. Народ вне себя был от радости. Вышел из толпы один высокий старик с белой бородой и спросил:

— Кто же ты, богатырь-пахлаван? Ты нас от злой напасти избавил, горе наше развеял, свет дал нашим сердцам.

А в это время Цветок зари пришла в чувство, поднялась и подошла к Рустаму. Увидел ее старик и в радости воскликнул:

— Внучка моя дорогая! Ты жива! Кто ж тебя от мучителей избавил?

Обнял старик девушку и плачет.

Цветок зари показала на Рустама:

— А вот тот, кто и вас избавил от беды, и меня освободил. Он дива-мучителя одолел, он людоеда-дракона убил, он нам дверь в счастливую жизнь открыл. Он тот, про кого вы в дастанах пели,— богатырь Солнечной страны, Рустам-дровосек.

Повели люди Рустама в свой город и там несколько дней праздновали свою великую радость. Но Рустам все время думал о своем старом отце. Рассказал он дедушке Цветка зари про своих друзей, про то, как враги, прикинулись обиженными женщинами, его обманули, связали и из родной земли увезли.

— Дайте мне совет,— попросил Рустам,— как мне к отцу вернуться.

Долго думал старик, головой качал, потому что знал, какое это трудное дело, и наконец заговорил:

— Эх, богатырь! Ни один еще человек на всем белом свете не ходил от нас в Солнечную страну. Только деды наши рассказывали, что где-то влево от нашего города есть высокие горы, зовут их Сорок гор. Есть в этих горах путь в Солнечную страну. Только никто его у нас не знает. Много людей в этих горах погибло. Дорога очень опасна. Диких зверей там очень много, а самое главное то, что, чтобы взобраться на эти горы, надо на сорок гладких скал подняться, а высота каждой скалы — сто аршин. Так что, богатырь, перестань лучше думать об этом. Оставайся у нас, будешь нашим пахлаваном. И нам расставаться с тобой не хочется.

Сложил Рустам руки на груди, поклонился старику и ответил:

— Эх, дороже всего мне на свете людям добро делать, но там у меня отец остался и те, кто меня, сироту, вырастили. Что только с ними сталось после того, как меня увезли оттуда? Пока этого не узнаю, сердце мое не успокоится, до тех пор мне и жизнь не в жизнь.

Услыхав такие речи, старик согласился. А утром весь город вышел провожать Рустама. Городской аксакал

поцеловал его в лоб, подарил Рустаму свой старый пятиаршинный лук, который ему еще от деда достался, и сказал:

— Пусть этот лук будет тебе спутником в дороге, пусть это будет тебе памятью о нас!

Попрощался Рустам с жителями города и отправился в путь.

Степи и пустыни прошел Рустам и подошел к тем страшным горам, про которые рассказывал ему старик. Были они так высоки, что вершины упирались прямо в облака. А при виде гладких скал всякий бы сказал, что взобраться по ним наверх ни у кого силы не хватит. Сел Рустам и задумался, что тут делать. Вдруг послышался страшный рев. Смотрит Рустам — прямо на него бежит львица с разинутой пастью. Вскочил он, натянул тетиву, прицелился. Заметила это львица, остановилась и начала просить.

— Эй, человек! Помоги мне, спаси моих детей от смерти!

Подбежала к Рустаму и голову склонила к ногам.

Погладил Рустам голову львице и спросил:

— Эй, царица зверей, какую помощь от меня ждешь? Говори, я готов помочь тебе.

Повела львица Рустама в горы. Пришел он и видит — у входа в пещеру громадный скорпион, ростом с быка. А в пещере сидели двое маленьких львят, в ужасе забились в угол. Взял Рустам лук, прицелился и пустил стрелу. Попала стрела прямо в голову скорпиону. Подбежал Рустам к скорпиону, отрубил саблей ему жало. Из пещеры выскочили перепуганные львята и бросились к матери. А Рустам так устал, что прилег и заснул. Оставила львица своих детенышей около Рустама, а сама пошла в пещеру еду готовить. Львята повеселели и стали играть. Вскоре пришел в пещеру лев с бараном в зубах. Хотел он уже на Рустама броситься и растерзать его, но львята попросили:

— Отец, не трогай этого человека. Он нас от смерти спас.

Удивился лев, но тут вышла из пещеры львица, все ему рассказала и показала разрубленного на куски скорпиона. К вечеру Рустам проснулся, видит — вокруг львы лежат. Встал Рустам и поклонился самому высокому старому льву с длинной гривой. А этот лев был аксакалом всех львов, которые жили в тех горах. Лев-аксакал

поднялся, подошел к Рустаму, положил свои передние лапы ему на плечи и заговорил:

— Ты герой! Ты уничтожил нашего врага скорпиона, который угрожал нашей жизни и хотел погубить наше потомство. Скажи нам, чем тебе мы сможем помочь, какое твое желание исполнить.

Рустам снова поклонился и сказал:

— Одно у меня есть желание — повидать моего отца, узнать, как он живет.

— А где он? — спросил лев-аксакал.

— Он в Солнечной стране живет,— ответил Рустам.

После этого львы долго думали. Немного погодя лев-аксакал поднял морду и заревел страшным голосом. Подбежал к аксакалу низенький лев с толстыми короткими лапами.

Аксакал распорядился:

— Отвези этого джигита на перевал горы и покажи ему дорогу, а когда будешь возвращаться, принеси нам какой-нибудь знак, что ты его целым и невредимым доставил.

Аксакал-лев на прощанье сказал Рустаму:

— Ну, богатырь, путь твой очень опасен. Поэтому все, что ни скажет тебе лев, который тебя повезет, надо точно выполнять. Если не сделаешь, как он скажет, большая беда может случиться. А когда ступит твоя нога на землю Солнечной страны, пришли нам весточку. Только тогда наши сердца успокоятся.

Рустам выслушал наставления и сел верхом на льва. Другие львы, играя, проводили их, и лев, на котором Рустам сидел, помчался стрелой.

Летел, летел и время от времени оглашал горы страшным ревом. В ответ на этот рев со всех сторон слышались разные голоса. Захотелось Рустаму узнать, чьи это голоса, и он задал вопрос:

— Эй, царь диких зверей! Расскажи мне, что это за голоса слышны.

Лев ему в ответ:

— Эх, богатырь, не время задавать такие вопросы. Держись за мою гриву и молчи, а то и себя и меня погубить можешь.

Лев мчался все дальше, а Рустаму все разные голоса слышались — то птицы пели, то кто-то стонал, то молния сверкала и гром грохотал, то слышно было, будто где-то на сазе играли или девичьи голоса пели.

Разобрало Рустама любопытство, и он опять льва спросил:

— Объясни мне, что все это значит.

Лев ему ответил:

— Ради твоего отца, который в Солнечной стране остался, молчи!

Пришлось Рустаму умолкнуть, а кругом было так темно — хоть глаз выколи, ничего не видно. Если б Рустам изо всех сил в гриву льве не вцепился, давно бы уж где-нибудь валялся на земле.

Вдруг лев сказал Рустаму:

— Ну, богатырь, закрой теперь глаза. И не открывай их пока я не скажу. Если уж захотел ты такое трудное дело совершить, терпи. Ты и перед своими и перед моими друзьями за это отвечаешь.

Закрыл Рустам глаза, крепко обхватил руками львиную шею. Лев еще быстрее помчался да так заревел, что Рустам еще никогда такого рева не слышал. От львиного пота вся одежда Рустама намокла, хоть выжми. Вдруг лев остановился и приказала Рустаму:

— Слезай!

Слез Рустам, но глаз все же не открыл.

— Открой глаза!

Открыл глаза Рустам и видит — стоят они на вершине горы. Кругом простор, а место, хоть и безлюдное, но приятное: зеленела трава, повсюду цвели розы, журчала в арыках прозрачная вода.

Рустам спросил:

— Чья это земля, кто здесь живет?

Но лев так устал, что не мог говорить. Искупался он в арыке, и опять к нему сила вернулась. Подошел он к Рустаму и сказал:

— Слушай теперь, богатырь. Сейчас я тебе открою всю тайну. Песни, стоны и веселые крики, что ты по дороге слышал,— все то голоса людей Солнечной страны. Они этими голосами друг другу о себе весть подавали. Одни из них стонали, другие смеялись, а в том месте, где я тебе сказал «Закрой глаза!» можно было видеть, что с твоими друзьями делается. Ты спрашиваешь, чья земля на этих горах? Это заколдованная земля. Кроме твоих ног, ни одна человеческая нога по ней не ступала. Я и мои деды-прадеды всегда эту землю охраняли. Даже и другие львы нашего рода сюда ходить не смеют.

Придет время, и явится хозяин этой земли. Он все эти высокие таинственные горы в сад превратит.

С большим интересом слушал Рустам льва и наконец спросил:

— А кто этот хозяин и когда он придет?

— Сказать это трудно,— говорит лев.— Но деды наши в своих сказаниях говорили: «Осветит солнце своими лучами и эту темную землю». Ну теперь, богатырь, прощай. Пути наши расходятся. Ты пойдешь вперед, а я вернусь к своим.

— Но я же тебе должен что-нибудь оставить. Как мне это сделать? — спросил Рустам.

Подвел лев Рустама к подножию скалы и показал ему на корень большого дерева, который аршин на сорок сверху свешивался.

— Вот по корню этого дерева ты дальше вверх поднимешься. А в этом дереве есть дупло. Когда взберешься на гору, брось мне из дупла немного земли. Эта земля уже считается землей Солнечной страны.

Как услышал Рустам, что Солнечная страна так близко, обрадовался, словно он уже своего отца обнял. Но только присмотрелся он получше к этому корню, и оторопь его взяла. Не знал он, как ему на корень забраться, потому что от земли до него аршин десять было. Заметил лев, что Рустама смущает, и сказал:

— А ты садись на меня. Еще немножко тебя подвезу.

Опять сел Рустам на льва, лев подпрыгнул, Рустам обеими руками ухватился за корень и пополз вверх. Добрался он до дупла, про которое ему лев рассказывал, взял немного земли, завязал ее в тряпочку и кинул льву.

Помахал Рустам рукой и пошел дальше по долине через горы.

На рассвете он увидел родной свой лес. Оказывается корень, по которому Рустам выбирался, был корнем того дерева, у которого его отец всегда сидел по вечерам и отдыхал от трудов. Посмотрел Рустам, видит — сидит около дерева медведица, голову на плечо склонила, а медвежонок передними лапами ее за спину обнял.

Как увидела Рустама медведица, закричала, бросилась к нему навстречу, к груди его прижала, а у самой из глаз слезы лились.

— У нас беда,— сказала медведица.— Стражники ха-

кима сюда приходили, лес подожгли, отца твоего и всех дровосеков связали и увели с собой. Пастухи рассказывают, что сегодня вечером хаким созвал весь народ смотреть, как он отца и всех друзей вешать будет.

И впрямь вечером на большую городскую площадь согнали весь народ. Многие помочь беднягам хотели, но как это сделать, не знали. А были и такие, что праздничные халаты надели, на конях гарцевали. Некоторые на арбах приехали, чтоб посмотреть, как несчастные на виселице умирать будут. Неподалеку от виселицы стояли железные клетки с детьми, отцы которых противились гнету хакима или, спасаясь от его жестокости, оставили дом свой и ушли. Так долго они голодали, что страшно смотреть было на них — одни кости торчали. Среди узников и Зухра, дочь Сиддыка-сапожника, в клетке сидела.

Вдруг загудели карнаи, побежали ясаулы с палками и плетками, расчищая дорогу, палачи с топорами повели к виселице отца Рустама, а за ним еще сорок семь дровосеков и их жен. Руки у всех были за спиной связаны, лица белее воска стали. Как увидели дети в клетках своих отцов, матерей, крики-стоны всю площадь заполнили. А на площади на возвышении сидел сам господин хаким, а вокруг него баи, сотники, тысячники, начальник виселицы, приставы, стражники.

Выехал вперед Салимбай на своем буланом коне и громко начал читать горожанам приказ хакима про тех, кого привели вешать. Тут опять карнаи заревели. Палачи бросились к несчастным и начали надевать на шеи им петли.

Салимбай, довольный, свою серебряную табакерку достал, хотел было себе табаку насыпать, как вдруг чья-то сильная рука схватила его за плечо, приподняла и с коня наземь скинула.

Хотели ясаулы схватить ту руку, которая Салимбая повалила, но и сами на землю повалились. Палачи попытались приказал выполнить, как вдруг на их головы упало толстое бревно и всех их к земле придавило. Оглянулись дровосеки и увидели, что медведица их от палачей освободила.

В толпе вдруг закричали:

— Смотрите! Смотрите! Это ж Рустам Салимбая с коня сбросил!

И все подхватили:

— Рустам жив! Рустам пришел!

Тут такая суматоха началась, и все смешалось. А когда ярость народа улеглась, нашли на площади тридцать мертвых палачей, да две сотни ясаулов, да поломанные железные клетки и среди них тело мертвого Салимбая.

Подняли люди своих детей на плечи, Рустама добрым словом похвалили и двинулись все в лес. Впереди шел, ведя под руку отца, Рустам, а рядом с ними Сиддык-сапожник со своей дочерью.

Шел сапожник сначала молча, только улыбался время от времени, а потом сказал Рустаму:

— Помнишь, что тогда в лесу тебе рассказывал. Да только тот человек, нарядившийся женщиной, не дал мне свой рассказ до конца довести.

Рустам ответил:

— Я это всю свою жизнь помнить буду.

И попросил сапожника:

— Вот теперь, пока мы идем, продолжите свой рассказ.

Сиддык-сапожник взглянул на свою дочь. Зухра застеснялась, глаза опустила. А Сиддык сказал:

— Так вот, та девушка, которая так верно своего любимого ожидала, которая из-за него такие муки от злого деспота принимала, это же моя Зухра, которая рядом с тобой идет.

Рустам быстро кинул взгляд на Зухру. Увидал он, как щеки девушки покраснели, словно гранат, и какое-то удивительное чувство его охватило. Никогда еще в жизни такого чувства Рустам не испытывал. Шел он и молчал.

Долго ждал Сиддык-сапожник, когда же Рустам слово скажет. Наконец будто вспомнил что-то Рустам и спросил:

— Да, а скажи мне, кто же тот богатырь, про которого ты рассказывал? Где он?

Улыбнулся Сиддык и сказал:

— Кто богатырь, спрашиваешь, которого Зухра ожидала? Да он же тот самый пахлаван, который об этом спрашивает.

Придержал Рустам свой шаг, приостановился и глянул на отца. Улыбнулся отец Рустаму, ответ Сиддыка улыбкой подтвердил.

Утренние ветерки в ветках шумят, старые деревья

тенью друзей встречают. Скоро весь лес радостью наполнился. К людям, которые гнет терпели, столько мук пережили, пришел богатырь Солнечной страны, и началась у них жизнь вольная, радостная, счастливая.

КАРАСОЧ-ПЕРИ

давние времена правил страной Шам один шах. Много богатств всяких накопил он в своей шахской казне, но не принесли они ему счастья. Ходил он всегда грустный и печальный, потому что не было у него детей. Придворные, чтоб помочь шаху тоску развеять, часто возили его на охоту.

Отправился однажды шах со своими приближенными в горы охотиться на ланей. Вдруг небо покрылось тучами, молнии засверкали, полил сильный дождь. Шах со своей свитой спрятался от дождя в пещеру.

Вошел он в пещеру, поглядел — а там девочка двухлетняя по земле то ползает, то на слабых ножках ковыляет. «Откуда она здесь взялась?» — подумал шах и удивился. Приближенные тоже диву даются, головами качают. Захотелось шаху узнать, в чем тут дело, и приказал он одному воину:

— Разузнай!

Пошел воин за девочкой в глубь пещеры и видит: лежит там без памяти молодая женщина лет двадцати, лицо у нее кровью залито, руки изранены, одежда изорвана. Поднял ее воин на руки и принес к шаху. Женщина в чувство пришла, глаза приоткрыла, видит: вокруг нее люди сидят.

Стал шах расспрашивать женщину, что с ней приключилось. А та только стонет.

Но все же несчастная рассказала, что она жена пастуха. Напали на них разбойники, пастуха убили, а ее в пещере настигли, замучили.

Тут она заплакала и закричала:

— Где же моя чернокудрая? Где моя доченька Карасоч?

Принесли женщине девочку, а она ничего не понимает. Раскрыла только широко свои черные глазки и

смотрит. Прижала дочку несчастная мать к своей окровавленной груди и умерла.

Пожалел шах бедную сиротку и увез с собой в город.

Дни прошли, месяцы, годы. Исполнилось Карасоч тринадцать лет. Окончила она школу и стала учиться у знаменитых мудрецов.

Когда ей шестнадцатый год пошел, по всей стране не было мудреца, который знал бы больше ее. Слава про ее красоту и ум пошла по всей стране. За то, что девочка разные науки и ремесла постигла, за необычайный ум и красоту стали ее люди звать Карасоч-пери. Так и мы ее в нашей сказке называть будем.

Скоро шах, прежде чем с визирями своими всякие дела решать, стал раньше у Карасоч-пери совета спрашивать. И так всегда получалось, что визири ее советы одобряли.

Приехал однажды из страны Кашмир один человек. Был он известен как могущественный чародей. Позвала его Карасоч-пери во дворец и спрашивает.

— А какая польза от вашего чародейства?

Надулся гордо чародей и стал хвалиться:

— Я своим волшебством несколько человек навсегда в собак и в кошек превратил, несколько селений сжег и пепел от них по ветру развеял, несколько друзей неразлучных поссорил, так что они врагами стали.

Окинула Карасоч-пери чародея своим гневным взглядом и говорит:

— А вы хоть одно доброе, полезное людям дело когда-нибудь сделали?

Карасоч-пери так смутила чародея этим вопросом, что он встал, поклонился ей и говорит:

— Больше тысячи раз за свою жизнь приходилось мне с шахами и беками беседы вести, но такой вопрос впервые от вас услышал.

Чтобы еще и тайны волшебства постичь, стала Карасоч-пери у чародея учиться. Проучилась она два года, и сказал ей чародей:

— Царевна, всему, что я сам знаю, вас научил, больше уж ничему научить не могу.

Снял он со своего пальца кольцо, отдал его Карасоч-пери и заявил:

— Все волшебство, все тайны, которым я вас учил,— в этом кольце. Поверните его направо — услышите чей-

то голос, скажите ему, чего вы желаете, и все желания исполнятся. Налево кольцо повернете — и опять все станет таким, каким было прежде. А не повернете кольцо — все, что сделалось по вашему желанию, таким навеки останется. Если же вы кольцо потеряете, все, чему вы от меня научились, все ваше волшебство и чародейство пропадет.

Сказал он так, надел почтительно кольцо Карасоч-пери на палец и ушел.

Исполнилось Карасоч-пери восемнадцать лет, стала она еще умнее, еще прекрасней. Слава о ней по разным странам пошла: шахи, ханы, беки, даже не повидав ее, один за другим стали к ней сватов засылать. Дошло дело до того, что шахи семи концов света решили: если не добром, так силой на Карасоч-пери жениться — и отправились походом на ее страну.

Как узнали об этом жители государства Шам, напал на них страх и ужас. «Что же будет? — подумали они.— Выйдет Карасоч-пери за одного шаха замуж, а остальные шесть войну затеют, наши города и селения разрушат, людей перебьют».

А семь шахов написали семь посланий и отправили их со своими гонцами отцу Карасоч-пери. И в каждом послании было написано:

«Отдайте мне Карасоч-пери в жены, а не отдадите — столицу государства Шам разорю и прах по ветру развею».

Читал шах одно за другим эти послания, и голова у него кругом пошла. Созвал он своих визирей, но и те ему ни одного толкового слова сказать не смогли. Взял шах все эти послания и пошел к Карасоч-пери. Прочитала девушка послания семи царей, смех ее разобрал.

— Что ж, мудрый шах,— сказала она,— они к вам, как паломники, с поклоном в гости пришли, а вы их не встречаете, за городом держите. Нехорошо. Надо их всех вечером во дворец пригласить, как гостей принять.

Написала она на каждое послание ответ, дала свои письма шаху в руки и заявила:

— А гонцам от меня поклон передайте, эти письма вручите, пусть отвезут своим шахам.

Взял шах ее грамотки и отдал их гонцам.

А вечером дворец разукрасили, всюду огни горели,

гостиную коврами шелковыми застелили, одеяла бархатные, подушки пуховые положили.

Сидят в гостиной семь шахов, Карасоч-пери ждут. Вошла Карасоч-пери со своими служанками, поклонилась.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — сказала и покрывало на лице приподняла. Как увидели шахи ее красоту, лишились рассудка, онемели они.

Во дворце тихо-тихо стало. А Карасоч-пери так сказала гостям:

— Послания ваши я с радостью прочитала. Каждый из вас просит меня за него замуж выйти. Но я ведь одна, а вас много. Поэтому идите соберитесь вместе, посоветуйтесь по-хорошему, кому одному из вас моим женихом быть, и мне скажите. Ну, а если вы сами к согласию прийти не сможете, тогда я поставлю вам одно условие. Кто его выполнит, за того замуж выйду. А условие я вам после скажу.

Сказала так Карасоч-пери и ушла. Гости тоже уходить собрались.

А Карасоч-пери вернулась к себе, повернула кольцо, сразу же чей-то голос послышался:

— Ждем твоих приказаний.

Тут Карасоч-пери приказала, чтобы во дворе было двести львов и чтоб на каждом льве сидел воин с оружием.

— Приказ выполнен,— отвечает голос.

Начали шахи один за другим с места подниматься. Вид у них был растерянный, словно они арбуз из-под мышки уронили, а лица кислые, как набухшие в воде лепешки.

Только вышли шахи из дворца, а на дворе страшные львы рычат и на них воины сидят с копьями да мечами. Как увидели львов и воинов шахи, сердца у них затрепетали. Кинулись они что было духу назад во дворец, поклонились Карасоч-пери в ноги, начали умолять:

— Ох, царевна! Мы же ваши гости, помогите нам подобру-поздорову из вашего дворца уйти.

Вышла Карасоч-пери из дворца, все воины верхом на львах в ряд выстроились, поклонились. Мимо них впереди пошла Карасоч-пери со своими девушками, а за ними цари ни живы ни мертвы зашагали. Проводила так царей Карасоч-пери и вернулась во дворец.

На другой день на рассвете послал шах к шахам

узнать, что они порешили. Ездил-ездил гонец — никого около стен города не нашел: шахи, оказывается, так напугались, что, ничего друг другу не говоря ночью, как трусливые зайцы, убежали со всеми своими войсками в свои страны.

А к Карасоч-пери с каждым днем все больше сватов приезжало от беков и царевичей. Но она никого не принимала, и приходилось им ни с чем домой возвращаться.

Пришел однажды шах к Карасоч-пери и говорит ей со слезами:

— О свет очей моих, умница моя, пожалей мою старость, дай глазам моим на тебя порадоваться, на свадьбу твою поглядеть. Вот и сейчас к тебе сваты от царевичей, от знатных людей приехали — выбери себе одного из них, не затопчи мой совет в землю.

Долго думала Карасоч-пери и сказала:

— Отец, подождите еще три дня.

Тогда шах попросил сватов подождать во дворце три дня.

На третий день Карасоч-пери сказала, чтобы все, кто есть во дворце, собрались у реки около холма Кырк-кыз.

Вечером отправились дворцовые люди к холму и видят: горят у реки светильники, цветов полно на холме, по холму из родников ручьи струятся, птицы поют. Визири шахские тоже ничего не понимали и друг друга спрашивали:

— Что это все, во сне или наяву?

Вдруг послышались голоса:

— Смотрите! Смотрите!

Светильники один за другим погасли, и река погрузилась во тьму. Людям страшно стало, но тут музыка зазвучала, девушки веселые песни запели. И на самой вершине холма появилась освещенная факелами Карасоч-пери. Поклонилась она всем собравшимся и сказала:

— За того, кто на этот холм взойдет и меня за руку вниз сведет, я замуж выйду.

Музыка заиграла, девушки плясать начали, окружили Карасоч-пери и вместе с троном подняли на воздух. Юноши все вверх на холм бросились. Но чуть станет кто к вершине холма подходить, падает и назад катится. Скатится так один раз, а второй раз подниматься уже смелости не хватает.

Оставим пока Карасоч-пери на вершине холма с ее девушками, послушайте о другом.

В стране Рум правил жестокий царь, который тем был знаменит, что людей мучил, казнил, в зиндане гноил. Этот царь тоже, наслышавшись про красоту Карасоч-пери, хотел было взять ее себе в жены: войско собрал, в поход отправился, а когда у него это дело, как и у других царей не вышло, во второй раз идти не осмелился.

Тогда он заставил художников нарисовать ему портрет Карасоч-пери и держал этот портрет в своей царской казне. У этого царя был восемнадцатилетний сын — царевич Кадыр. Гулял он однажды со своим другом Надыром по дворцу и зашел в царскую казну. Увидел там он портрет Карасоч-пери и, пораженный ее красотой, упал без памяти. А когда он в себя пришел, царь его спросил:

— Эй, свет очей моих! Что с тобой случилось? Расскажи мне!

Кадыр-царевич медленно открыл глаза, показал на портрет и сказал:

— О родитель мой! Кто эта царевна? Расскажи мне скорей, где она живет.

Царь начал сына успокаивать:

— Портрет этот нам в наследство от предков остался. Зачем тебе думать о том, что когда-то жила такая красивая женщина, и попусту мучить себя? А если ты хочешь жениться, я тебе девушку найду еще красивее этой.

Солгал так царевичу царь и ушел в свои палаты.

А Кадыр с каждым днем все больше и больше горевал и печалился. Наконец он узнал от придворных, что это портрет Карасоч-пери, что она чародейка и только за того выйдет замуж, кто тайну ее волшебства раскроет.

Пошел тогда Кадыр-царевич к шаху и попросил отпустить его в страну Карасоч-пери, чтоб ее чародейство раскрыть. Но царь понял, что если сын его пойдет в страну Шам, то обязательно пропадет и домой не вернется, и не дал ему разрешения. Тогда Кадыр поклялся, что если царь не отпустит его, то он и так уйдет.

Волей-неволей пришлось царю согласиться, и приказал он для царевича собрать конвой в две тысячи воинов.

Но Кадыр ему заявил:

— Не нужно мне ни войска, ни оружия. Но если вы не хотите, чтобы я ехал один, отпустите со мной моего друга Надыра.

А Надыр был сын няньки, воспитавшей Кадыра. Отец его был человек ученый, уважаемый, но он умер, когда было Надыру всего полтора года. Царь знал, что Надыр — умный, рассудительный юноша, и согласился, чтобы они ехали вдвоем.

Обняла мать Надыра и говорит ему:

— Дам я тебе три совета, ты их мимо ушей не пропускай. Первый мой совет — никого не обманывай, второй совет — ничьему сердцу больно не делай, третий совет — когда в какой-нибудь город приедешь, прежде всего пойди к старикам посоветоваться, а потом уж дела делай!

Так Кадыр и Надыр отправились в путь. Долго ехали, много проехали, степи проезжали, реки переезжали, горы переваливали и через несколько дней прибыли, наконец, в ту страну Шам, где Карасоч-пери жила. Въехали в городские ворота и, по совету Надыра, остановились на самой окраине у горшечника Кабула.

Кабул-горшечник славился своим мастерством, сам в другие страны ездил и любил гостей принимать. Угостил он юношей и спрашивает, кто они и откуда.

Посмотрел Кадыр-царевич на Надыра, и Надыр говорит:

— Мы из города Рума, ездим из города в город, узнаем, что такое путешествие. Давно мы уехали из родного города, во многих местах побывали, а вот сегодня и в ваш город приехали, удостоились вашей беседы. А куда, в какой город дальше поедем, и сами не знаем.

Улыбнулся слегка Кабул-горшечник и говорит своим гостям:

— Каждый человек, когда отправляется в путь, перед собой какую-нибудь цель ставит. Или он едет торговать — добро наживать, или науки-ремесла учить едет. Бывает и так: покидает человек родной город, если он чем-нибудь недоволен.

На это ему Надыр отвечает:

— А мы с такой целью путешествуем — хотим научиться людьми стать.

Услыхав это, Кабул-горшечник не стал задавать больше вопросов и такую речь повел:

— Пра́вду вы говорите, гости дорогие. Вашу страну Рум тюрьмой называют. Говорят, что у вас злодействам ханов и беков границ нет, что у вас деспоты умных людей в зиндан сажают, на виселицу отправляют. Был в вашей стране один мудрый человек Захид. Народ любил его за то, что он против злодейств вашего царя выступал, так царь ваш его за это лет восемнадцать тому назад на виселицу отправил, а жену его служанкой своего сына сделал.

Как услышал Кадыр-царевич, что горшечник про его отца — царя Рума — рассказывает, стыдно ему стало, да так, что он голову опустил, а на Надыра и взглянуть не смел. Потому что этот самый повешенный мудрец Захид был отец Надыра. Заметил Кабул-горшечник, что его гости брови насупили, и не стал больше про румского царя рассказывать.

— А вот в нашей стране царевна Карасоч-пери совсем другая. Она простая, справедливая, и людям у нас легче живется, все довольны и рады. У нас по ее приказу ни виселиц нет, ни зинданов. Науки, ремесла у нас процветают. Пусть же на наше счастье пошлет судьба Карасоч-пери долгие годы и достойного мужа.

Сказал так Кабул-горшечник и встал. Надыр тоже поднялся, чтобы хозяина из комнаты проводить. А Кадыр-царевич сидел печальный, и в душе его ненависть к отцу своему поднялась. Подошел к нему Надыр и предложил:

— Вставайте, пойдем город посмотрим!

Вышли они на улицу. Видят — народу полным-полно, и все идут в ту сторону, откуда солнце всходит. Юноши тоже с народом пошли.

Прошли немного и подошли к большой реке. Там ветерок такой нежный веял, от цветов аромат разносил. И запах этот был такой приятный, что, если у кого-нибудь даже тяжелое горе было, от этого аромата на душе легче становилось.

Хоть и много людей у реки собралось, но тишина была такая, что ни одного голоса не было слышно. И все смотрели вверх на вершину холма.

Кадыр и Надыр тоже стали среди людей и начали смотреть. Вдруг на холме музыка заиграла, и люди, которые, как зачарованные, тихо стояли и на холм смотрели, задвигались и к холму устремились.

На вершине холма девушки на сазах играли, пляса-

ли. Вдруг люди в ладоши захлопали, появилась среди девушек Карасоч-пери. Сняла она с лица покрывало, посмотрела на народ. Кадыр-царевич, чуть ее увидел, без чувств свалился. Подхватил его Надыр и унес из толпы в сторону.

Вечером сидели Надыр и Кадыр в хижине Кабула-горшечника и беседовали с его приятелями. Послушали они рассказ Надыра, а потом один из них говорит:

— Извините меня, дорогой гость, но вы и вправду достойны стать зятем нашего хана. Знать бы, что шах меня примет, я бы сам отправился к нему сватать вам Карасоч-пери.

— Нет, вы лучше к самой Карасоч-пери идите,— советует другой.

— Что ж идти, когда добраться к ней невозможно,— говорит первый.

— Кому невозможно, ну а кому совсем легко: лестницу поставим — и взберетесь.

Первого из гостей Кабула-горшечника друзья в шутку лестницей прозвали. Поэтому все засмеялись.

А Надыр тем временем разговор на другое решил перевести и спросил:

— А кто был последним учителем Карасоч-пери?

Все умолкли, а потом один старик говорит Надыру:

— Насколько я знаю, последним ее учителем был мудрец Акрам. Сейчас он уже глубокий старик, на улицу не выходит, сидит у себя дома и все книжки читает.

Надыр попросил старика отвести его к этому мудрецу. Пришли они в маленький скромный домик. У двери их встретил девяностолетний мудрец с большой белой бородой. Старик познакомил Надыра с ним, поговорил немного и ушел. Посмотрел на Надыра мудрец и говорит:

— Сын мой, ты, наверное, чего-то ждешь от меня, на что-то надеешься? Спрашивай, если смогу — скажу.

Надыр ему отвечает:

— Мне надо помочь своему верному другу. Но дело это очень сложное и трудное. Поэтому я пришел к вам с надеждой получить от вас помощь и совет.

Мудрец улыбнулся и говорит:

— Должно быть, тут дело касается Карасоч-пери?

— Вы угадали,— отвечает Надыр, вставая.

— По всему видно, что ты умный и понятливый юноша,— говорит мудрец,— что ж я тебе могу посоветовать?

До пятнадцати лет Карасоч-пери училась у меня. А потом, после меня, она стала у кашмирского чародея учиться. Но через два года и он не мог ее ничему больше научить и исчез. Я думаю, что на холм можно пробраться через пещеру, а вход в нее должен быть где-то в реке, вдали от холма.

Узнал все это Надыр от мудреца и возвратился в хижину Кабула-горшечника.

Обычно люди, собравшиеся на берегу реки у холма, вечером расходились по домам. А Надыр отошел в сторону и спрятался за деревом. Когда зашло солнце, вдруг на реке из-под большой водяной кувшинки появилась какая-то девушка и пошла в сторону дворца. Спустя некоторое время она вернулась и опустилась в воду, покружилась три раза около цветка и исчезла. Тогда Надыр спустился к этой кувшинке, сделал три круга около цветка, нырнул — и увидел вход в пещеру. Заметил он, что девушка спустилась по сорока ступенькам и с глаз скрылась.

Попробовал Надыр в пещеру войти, но чуть ступил он на первую ступеньку, что-то зашумело, вспыхнуло пламя. Снял он скорее ногу со ступеньки — все смолкло, огонь погас. Попробовал он сразу на вторую ступеньку ступить — ничего не случилось. Тогда он третью ступеньку пропустил, на четвертую ступил, пятую пропустил, на шестую ступил. Так, шагая через ступеньку, опустился он на самое дно пещеры. Видит — другая лестница вверх ведет, а на верху ее стоят два льва, и такие страшные: кажется, вот-вот бросятся на него. Попробовал он на первую лестницу ногу поставить — львы сразу зашевелились. Он скорей с первой ступеньки на вторую перешел, львы еще больше взъярились, а когда на третью ступеньку встал, успокоились. Понял Надыр, что надо ему две ступеньки пропускать, на третью ступать.

Тогда он вернулся в дом Кабула-горшечника, а утром отправился во дворец и попросил у шаха разрешения тайну открыть.

Шах ему разрешил и послал глашатая объявить по всему городу:

— Сегодня некий приезжий юноша желает подняться на вершину холма и сойти вниз под руку с Карасоч-пери.

Много людей у реки собралось. Шах со своими визирями приехал.

Пошел Надыр к реке. Народ, затаив дыхание, смотрел, что он будет делать. Покружился Надыр три раза вокруг цветка и исчез. Люди ахнули. Один кричит: «Он утонул», другие говорят: «Его проглотила земля». А Надыр цел и невредим на верхушку холма вышел. Видит, весь холм покрыт камнями разного цвета. Он на желтый камень ступил — земля под ногами у него заколебалась, на зеленый камень ногу поставил — холм задрожал, затрясся, на красный камень перешел Надыр — ничего не случилось. Тогда он по красным камням зашагал и подошел к воротам. А на воротах большущий замок висел с надписью: «Эй, юноша Надыр, узнавший тайну! Когда откроешь ворота, не входи в них, и тогда я приму тебя!»

Только шагнул Надыр к воротам, как что-то сильно его в грудь толкнуло, не пустило его. Надыр все свои силы собрал, к воротам ринулся, но та же невидимая сила бросила его на большой камень. Надыр, чтобы не скатиться с камня, крепко ухватился за его край, и в тот же миг ворота загремели и открылись. Надыр пошел к краю холма.

А люди внизу давно уже ждут, где Надыр. Волнуются. У Кабула-горшечника и его друзей на глазах даже слезы выступили. Вдруг видят: на вершине холма показался Надыр. Все от радости захлопали в ладоши.

А Надыр свободно к реке спустился, к шаху подошел и поклонился. Шах Надыра в лоб поцеловал и дал приказ глашатаю объявить народу, что сейчас начнется свадебный пир.

Тут Надыр его попросил:

— Шах-повелитель! Подождите еще про пиршество объявлять. Карасоч-пери желает еще мне три вопроса задать. Если отвечу на них, тогда той объявите.

— Какие еще вопросы? — удивился шах.— В ее условиях никаких вопросов не было. Мы сейчас пир начнем.

Но Надыр так настойчиво просил шаха, что пришлось ему согласиться.

Все знатные люди города собрались во дворце послушать эти вопросы и ответы.

Подошла к Надыру одна девушка из прислужниц Карасоч-пери, подала ему жемчужину и сказала:

— Карасоч-пери ждет от тебя ответа.

Надыр попросил дать приказ, чтобы принести ему целую коробочку жемчужин. Посмотрел он на них и выбрал точно такую же жемчужину, как та, что ему Карасоч-пери прислала.

Отдал Надыр обе жемчужины девушке и сказал:

— Вот мой ответ!

Отнесла девушка царевне обе жемчужины, та улыбнулась и сказала:

— Отнеси их обратно юноше, пусть ответит на второй вопрос.

Девушка возвратила Надыру жемчужины. Тогда он выбрал в коробочке самую красивую жемчужину, отдал девушке все три жемчужины и сказал:

— Вот ответ!

Отнесла девушка этот ответ Карасоч-пери, а та взяла ступку, растерла большую жемчужину, высыпала получившийся порошок в пиалу, смешала его с сахаром и послала Надыру:

— Пусть ответит на третий вопрос!

Надыр налил холодной воды в пиалу, размешал ложкой и отослал пиалу к Карасоч-пери.

Получив такой ответ, Карасоч-пери воскликнула:

— Мудрец Надыр! Он ответил на все мои вопросы!

И все во дворце обрадовались. А Карасоч-пери во всеуслышание объяснила:

— Когда в первом вопросе я послала Надыру одну жемчужину, я хотела тем самым сказать ему, какого я рода, и спрашивала: «А ты кто?» Он прислал мне такую же жемчужину, значит ответил, что он тоже из ученых и достойных людей. Когда я отослала ему обе жемчужины обратно, я спрашивала: «Может ли что-нибудь на свете быть выше любви?» Он прислал мне большую жемчужину, а это значит, что выше любви может быть только родное дитя. В третий раз я размешала в пиале сахар с жемчугом и спрашивала, что может разлучить наслаждение и красоту. Он налил холодной воды — значит ответил, что, кроме холода смерти, их ничто не разлучит.

Приблизилась Карасоч-пери к Надыру и поклонилась ему. А Надыр обратился к шаху:

— У меня тоже к Карасоч-пери две просьбы есть. Если вы разрешите, пусть она исполнит их, прежде чем пир начнется. Очень эти просьбы для меня важные.

Шах поглядел на Карасоч-пери, та только головой кивнула.

— Я — единственный сын,— сказал Надыр,— нет у меня ни отца, ни братьев, ни сестер. Вот прошу вас: пусть Карасоч-пери примет меня как брата. И тогда я, как брат, предложу своей сестре достойного жениха и сам свадебный пир открою.

Удивились все, застыли на месте, с Карасоч-пери глаз не сводят. А Карасоч-пери опустила голову и задумалась. А потом сказала:

— О славный юноша Надыр! Много ты бед испытал в своей жизни, отдай и мне, твоей слабой сестре, немного той любви и преданности, которую ты хранишь к своему другу.

Повернулась к собравшимся и продолжала:

— Сегодня я приобрела себе брата, он будет меня защищать, и никакое колдовство мне больше не нужно.

Сняла Карасоч-пери с пальца свое волшебное кольцо и разбила его. В тот же миг все цветы и самоцветы на берегу реки и на холме точно сквозь землю провалились, исчезли.

— Теперь судьба моя зависит от желания моего брата,— проговорила Карасоч-пери.— Если он считает своего друга достойным меня женихом, я согласна.

— Вторая просьба,— сказал Надыр,— такая: отдайте, шах-повелитель, мою дорогую сестру Карасоч-пери в жены Кадыру-царевичу, сыну румского шаха.

Шах сразу же согласился, карнаи заиграли, начался свадебный пир.

Пусть себе они пируют, послушайте, что делалось в Индостане. До индостанского шаха дошли слухи, что будто бы какой-то юноша открыл тайну Карасоч-пери, но жениться на ней не захотел, и она, разозлившись, разбила свое волшебное кольцо и с горя вышла замуж за какого-то пришельца.

Услыхав все это, индостанский шах вытаращил глаза от удивления и ярости. В тот же день он приказал собрать тысячу боевых слонов, созвал тысячу богатырей, дал им мечи, щиты, посадил их на слонов и приказал:

— Я теперь город Шам с землей сравняю, шаха в плен возьму, а Карасоч-пери своей рабыней сделаю, прислуживать себе заставлю.

Повел он свое войско в поход на Шам. А там свадебный пир был в разгаре. Донесли гонцы шаху, что

индостанское войско идет. Стал народ к битве готовить. А Надыр собрал сто верблюдов, нагрузил их соломой, посадил на них воинов и отправился с ними навстречу врагу. Едва приблизились слоны, Надыр приказал:

— Зажгите солому и трубите в карнаи.

Воины так и сделали. Слоны испугались дыма и рева карнаев и разбежались в разные стороны, а богатырей потоптали. Осталось у индостанского шаха всего восемьдесят воинов, и пришлось ему бегством спасаться.

Забрался он от стыда в пещеру и сидит там: с досады никому на глаза показаться не решается.

Приходит к нему одна старуха и говорит:

— Мой падишах, вставайте, возвращайтесь на свой трон, а Карасоч-пери я вам раздобуду.

Шах ей отвечает:

— Если ты Карасоч-пери мне приведешь, половину моей казны получишь.

Старуха ему говорит:

— Давайте мне большую лодку и двадцать кровожадных батыров. Прикажите дать им запас пищи на три месяца, за мной дело не станет.

Шах приказал так и сделать. Старуха и двадцать батыров сели в лодку и поплыли по реке. Спустя несколько дней приплыли они ко дворцу Карасоч-пери.

Старуха приказала:

— Я пойду во дворец, а вы спрячьтесь, ждите меня, из лодки не выходите и не шевелитесь. Когда я крикну: «Время дорого», сразу же хватайте девушку и гоните лодку что есть силы.

Шел последний день свадебного пира. Народ веселился, а девушки, прежде чем отвести Карасоч-пери к жениху, повели ее в баню. Вдруг появилась среди них какая-то женщина, она и пела, и плясала, веселила всех, а потом зашла в баню.

Около бани музыканты играют, девушки песни поют, танцуют, ждут, когда Карасоч-пери и эта женщина выйдут, а их все нет и нет. Наконец одна девушка заглянула в дверь, а в бане пусто, только задняя стена проломана.

А эта женщина-плясунья и была та самая старуха, которую индостанский шах подослал. Схватили воины девушку и увезли ее на лодке к индостанскому шаху.

Шах на радостях большой пир устроил.

Привели прислужницы Карасоч-пери к шаху, он ря-

дом с собой ее на золотой трон сажает. А она посмотрела на шаха и говорит:

— О повелитель вселенной, прежде чем стать вашей женой, прошу вас выполнить мое заветное желание. Пусть в честь праздника сегодня ни один человек в вашей стране не терпит мук и страданий, пусть никто слез не льет, пусть всем беднякам долги простят, а всех заключенных из зиндана освободят.

Шах подумал-подумал и отдал приказ.

— Во-вторых,— говорит Карасоч-пери,— уже сколько сотен лет простые люди не могут войти в шахский дворец. Пусть хоть во время свадебного пира двери вашего дворца будут открыты для всех бедняков и для нищих.

Шах и на это согласился.

— Теперь последняя просьба,— говорит Карасоч-пери.— Хоть я никогда и не дотрагивалась до руки мужчины, но я уже была обручена с одним юношей. А по нашему обычаю, если девушка была обручена, она должна выждать сорок дней и лишь после этого может обручиться с другим. Хоть и большой это срок, но я должна уважать обычаи своего народа. А чтобы этот срок незаметно прошел, пусть свадебный пир длится сорок дней.

Шах и на это тоже согласился.

Тогда Карасоч-пери встала и ушла со своими прислужницами к себе. А во дворце начался пир на сорок дней и сорок ночей.

У индостанского шаха была семнадцатилетняя дочь, красавица, умница — звали ее Дильнаваз. Целые дни проводила она вместе с Карасоч-пери, беседовала с ней, угощала ее, развлекала.

Хоть была Дильнаваз умная и смышленая, но одного никак понять не могла. Каждый день вечерней порой приходил во дворец какой-то человек, закутанный в черное покрывало. Садился он под тутовым деревом, ни с кем не говорил, до еды, которую перед ним ставили, не дотрагивался, ничего не просил, на вопросы не отвечал. Сидел он под деревом и плакал, а потом уходил. Один раз отозвала его Дильнаваз в сторону и спрашивает.

— Кто вы? Какая злая сила вас так мучит? Расскажите мне, может быть, я смогу облегчить ваше горе.

А человек в черном только пристально посмотрел на

нее, но ничего не сказал и ушел. Жалко стало Дильнаваз этого человека, и она его полюбила.

Если он не приходил в обычное время, она с нетерпением ждала его, по ночам не спала, все о нем думала, в лице изменилась, побледнела. Заметила это Карасоч-пери и говорит ей:

— Что с тобой, сестрица? Что тебя так беспокоит? Отчего ты так похудела?

Тут Дильнаваз рассказала ей все — и про человека в черном покрывале, и про то, что она его полюбила. Карасоч-пери подумала-подумала и говорит ей:

— Когда он завтра придет, то спроси у него вот что: «Сколько вас было, когда выехали из Рума, сколько стало в городе Шаме и сколько вас в Индостане?» Ответ его мне передай.

На следующий день Дильнаваз с нетерпением ожидала человека в черном покрывале, а когда он пришел, отозвала его в сторону и спросила:

— О юноша, подавленный тяжелым горем, скажите мне, сколько вас было, когда выезжали из Рума, сколько стало в Шаме и сколько вас здесь, в нашем городе?

Не в силах сдержать слезы, юноша ответил:

— О царевна! Заставляя меня говорить, вы лишаете меня возможности уехать из вашего города. Много у меня было несчастий, а вы так жалеете меня, что я решил в вашем городе остаться. Из Рума мы выехали вдвоем, в Шаме нас стало трое, а здесь я один. А что это значит, я хотел рассказать вам только в самую последнюю минуту. Вот если бы я мог остаться на ночь во дворце, я рассказал бы вам обо всем.

Дильнаваз спрятала его в саду, в беседке, а сама пошла к Карасоч-пери. Увидев ее, Карасоч-пери спрашивает:

— Ну что? Принесла ответ?

— Он сказал,— говорит Дильнаваз.— Из Рума мы выехали вдвоем, в Шаме нас стало трое, а здесь я один.

И Дильнаваз рассказала, что она этого юношу в беседке спрятала.

Ночью, крадучись, Карасоч-пери подошла к беседке. Заглянула через оконце и видит: сидит там юноша в черном покрывале. Узнала она сразу, что это Надыр. Как только Карасоч-пери похитили, он отправился ее искать в Индостан.

Уже тридцать девять дней провела Карасоч-пери у индостанского шаха. Накануне свадьбы написала она ему такое письмо:

«Шах-повелитель! Завтра назначенный мною срок кончается и наступает день, когда мы оба должны осуществить свои мечты. После того как я стану вашей женой, мне уже нельзя будет покидать этот дворец. А мне очень хочется посмотреть ваш город. Поэтому разрешите мне сегодня вечером покататься верхом с моими прислужницами на улицах».

Шах прочитал письмо и объявил:

— Ладно уж, если ей так хочется!

И тут же отдал приказ, чтобы вечером ни один мужчина не смел выходить на улицы. Оседлали коней, прислужницы нарядились, ждут, когда Карасоч-пери выйдет. А та говорит:

— Еще слишком рано. Давайте вздремнем немножко.

Все легли и уснули. Тогда Карасоч-пери потихоньку встала, заперла прислужниц на замок и выпустила из беседки Надыра. Сели они на коней и поскакали в степь.

Отъехали они немало. Здесь Надыр нашел для Карасоч-пери пещеру и сказал:

— Вы уж тут побудьте, а мне нужно в город вернуться. Если я с этой старухой злодейкой не расправлюсь, она нам еще может горе причинить.

Поскакал он в город, подъехал к дому старухи, взял кетмень да как стукнет — и убил злодейку. А потом привязал мертвую старуху к воротам шахского дворца.

Утром шах отправился в мечеть, видит: стоит старуха, прислонившись к воротам. Шах и говорит:

— Ну, старуха! Ты за наградой пришла? Свадьбы не начну, пока тебя не порадую. Иди во дворец и жди там, пока я утренний намаз совершу.

А старуха ни с места, молчит, не шевелится, только зубы скалит. Тогда шах говорит слуге:

— Отведи эту старуху во дворец.

Дотронулся слуга до старухи, а она и повалилась. Шах испугался и поскорее послал слуг узнать, что делает Карасоч-пери. Пришли слуги, видят: девушки-прислужницы сидят под замком, а Карасоч-пери исчезла.

Разгневался шах и выслал погоню за Карасоч-пери. Но нигде ее найти не могли. Ездили воины, ездили — так ни с чем и вернулись.

Когда хитрая старуха похитила Карасоч-пери и увезла ее к индостанскому шаху, Кадыр так горевал, что чуть не заболел. Испугался шамский шах, что, если, что-нибудь с Кадыром случится, румский царь скажет, чего доброго, что он нарочно сам его сына заманил, да и пойдет на него войной.

Стал шамский шах просить Кадыра домой возвратиться. Подарков дорогих ему дал на дорогу, четырех батыров снарядил провожатыми. Погоревал Кадыр, погоревал — да и уехал к себе на родину, в Рум.

Только взобрался он на гору Такырташ, видит: навстречу едут Карасоч-пери с Надыром. Обрадовались они, обнялись и решили отправиться все вместе в Рум. Ехали, ехали они и остановились отдыхать под большой чинарой. Кадыр и Карасоч-пери, уснули, а Надыр остался бодрствовать.

Как вдруг среди ночи на чинару прилетели четыре попугая.

Один из них говорит другим:

— Глядите, что здесь делается. Трудился один, а счастье досталось другому.

Другой попугай отвечает:

— Это еще полбеды, а что будет, когда они в Рум приедут! Царь, как узнал, что они едут, дал одной рабыне яд и приказал: когда мой сын приедет, дай ему выпить, тогда жена его мне достанется.

Третий попугай поддакивает:

— Царь еще отравленного коня и сокола приготовил. Говорит: «Когда сын вернется, пусть сядет на этого коня, сокола на руку возьмет и умрет, а жена его мне достанется».

Четвертый попугай заканчивает:

— Он еще и новую гостиную сыну построил и больших ядовитых скорпионов туда напустил. Говорит: «Пусть, когда сын приедет, скорпионы его ужалят, сын умрет, а жена его мне достанется». Только смотрите, чтобы все, что мы здесь говорили, как камень, молчало.

Поговорили так попугаи и улетели.

Утром все сели на коней и в путь отправились. Через несколько дней показался шахский дворец. Раздались звуки карнаев-сурнаев.

— Что там делается? — спрашивает Карасоч-пери.

— Это отец нас ждет-встречает,— похвалился Кадыр.

Из города вышли им навстречу разодетые в красивые платья девушки. В руках они держали золотые чашки с кумысом.

— Царевичу с дороги, наверно, пить хочется? Выпейте кумысу,— предложили девушки.

Кадыр взял уже у одной девушки чашку и поднес ее к губам, но в это время Надыр схватил его за руку и говорит:

— Подождите, брат! Когда мы с Карасоч-пери во дворце индостанского шаха на коней садились, я обет дал: если мы целы-невредимы доедем и девушки нам кумыс поднесут, не пить его, а на землю вылить. Позвольте, я этот кумыс вылью.

А Кадыр не согласился, уж очень ему хотелось пить. Но тут Надыр как ударил плеткой по чашке, кумыс весь и вылился.

Обиделся царевич на Надыра, хлестнул своего коня и поскакал.

У городских ворот их сам царь с визирями встречал. Кадыр и Карасоч-пери соскочили с коней и поклонились. Как увидел шах Карасоч-пери, онемел совсем — и с коня сойти не может, и сына обнять не может. Тут драгоценные подарки поднесли. Один визирь дорогого коня подвел, другой сокола поднес.

— Просим возвратившегося из путешествия принять эти подарки от нашего повелителя царя,— заявили визири.

Кадыр уже хотел было сесть на коня и взять птицу, но тут опять вмешался Надыр:

— О великие визири! В пути у нас много было бед и трудностей. И вот я такой обет дал: если мы их избежим и живыми-невредимыми домой вернемся, то первые подарки нашего царя в жертву принесем и сожжем.

Выхватил он меч и изрубил коня и сокола на куски, мелким песком засыпал.

Как увидел это румский царь, в ярость пришел, но сказать ничего при Карасоч-пери не посмел, повернул своего коня и уехал. А Кадыра-царевича, Карасоч-пери и Надыра приказал отвести во вновь выстроенную для них гостиную.

В полдень жарко стало, Карасоч-пери окна завесила, чтобы было прохладней, постелила на красные ковры бархатные одеяла, легла, раскинув свои черные волосы на белой подушке, и крепко уснула. Вдруг из-под ковра

вылез большой скорпион, взобрался на Карасоч-пери и по атласному платью пополз. Так он дополз до груди девушки, остановился, хвост с жалом поднял. Хотел скорпион за воротник залезть, но тут дыхание Карасоч-пери его назад отбросило. Он тогда по плечу пополз, стал на лицо подниматься. Как раз в это время заглянул в гостиную Надыр, сразу же скорпиона скинул и раздавил его. Капля яда брызнула на лицо красавицы. Надыр вынул платочек и наклонился, чтобы стереть скорее яд с лица Карасоч-пери. Но тут в комнату вошел Кадыр и закричал:

— Вот как! Считал я тебя другом, братом своим!

От этого крика Карасоч-пери проснулась, глядит испуганно, ничего не понимает. А царевич еще больше кричит:

— Вот значит, как ты меня обманывал, вот когда твои козни открылись. И отец твой против моего отца шел, и ты по его стопам идешь. А я тебя в своем дворце держал, другом тебе был. Убирайся же!

Выхватил Кадыр саблю и бросился на Надыра. Тут Карасоч-пери вскочила, схватила царевича за руку и спрашивает:

— Что тут случилось? Расскажи же мне.

Надыр говорит Кадыру:

— Садись, брат. И ты, сестра моя, сядь. Я вам все сейчас расскажу. Хоть, быть может, после этого нам уже ни разговаривать, ни видеться не придется. Помните, когда мы встретились в пути и отдыхали под большой чинарой, вы спали, а я ваш сон охранял. Прилетели тогда на чинару четыре попугая и вот что они говорили. Первый сказал: «Глядите! Один молодец трудился, а другому счастье». Если не верите мне, пусть колено мое в камень превратиться. Другой говорит: «Это еще полбеды. А вот отец его рабыням кумыс отравленный дал и сказал: «Пусть мой сын выпьет его и умрет, а жена его мне достанется». Если не верите мне, пусть спина моя в камень превратится. Третий говорил: «Отец для него еще и отравленного коня с соколом приготовил и сказал: «Пусть мой сын сядет на него, сокола возьмет и умрет, а жена его мне достанется». Коль не верите мне, пусть грудь моя в камень превратится. А четвертый говорил: «Отец для него и дом новый построил, а потом скорпионов туда напустил и сказал: «Пусть они ужалят моего сына, и он умрет, а жена его мне достанется».

Вот я ждал все время этих скорпионов, одного я на пороге раздавил, а сюда вошел — и другого с лица сестры моей смахнул, а капля яда на лицо ей попала, я этот яд платком собирал, а тут вы и вошли...

Показал Надыр убитого скорпиона и добавил:

— Если и теперь не верите мне, пусть я весь в камень превращусь.

Сказал так — и в тот же миг превратился он в камень. Увидела это Карасоч-пери и говорит Кадыру-царевичу:

— Так вот, Кадыр, какое у тебя черное сердце! Так ты отблагодарил своего верного друга, который ради тебя столько мук вынес, жизнь свою за тебя отдать был готов. Вот смотри — камнем лежит юноша, который спас тебя от яда и от козней твоего отца!

Кадыр и сам жалел, что так вышло. Заплакал он, застонал. Карасоч-пери ему и говорит:

— Сидеть теперь нечего. Вставай, гонцов разошли по всей стране, всех лекарей позови, богатств из своей казны не жалей. Надо Надыру жизнь вернуть. Если ты этого не сделаешь, не видеть тебе больше меня, уеду к своему отцу.

Разослал Кадыр гонцов по всей стране, лекарей созвал, но ничего уже сделать не мог. Ночью он спать лег и уснул, а Карасоч-пери и спать не могла. Вдруг видит она: выползла из одного угла комнаты белая змея, а из другого желтая. Белая змея желтой сказала:

— Все твари земные ненавидят нас, врагами своими считают, а посмотри какие страшные злодейства они сами совершают. Вот был юноша, верой и правдой другу своему служил, а тот его в камень превратил. А царь, узнав об этом, радуется, все время думает, как бы сына своего со света сжить.

Желтая змея ответила:

— Юноше можно вернуть жизнь, только это очень трудно. Для этого надо убить самого злого, самого жестокого шаха, выкупать юношу в его крови, а потом окунуть его в том роднике, что течет под чинарой, где попугаи сидели.

Поговорили так змеи и уползли в свои норы. Карасоч-пери разбудила Кадыра и рассказала ему, о чем змеи между собой говорили.

Вдруг открылась дверь — и вошел царь. Выхватил он кинжал и бросился сразу на Кадыра.

Царевич кинулся отцу в ноги и просит:

— Отец! Я же ваш сын, в чем я перед вами провинился?

Царь ударил кинжалом Кадыра прямо в сердце, и бездыханное тело царевича повалилось на ковер. А царь, как дикий зверь, кинулся к Карасоч-пери и прижал ее к груди, но вдруг изо рта у него хлынула кровь, и он упал мертвый.

Карасоч-пери тогда сказала:

— Более жестокого царя, чем этот румский царь, на всем свете не найти.

Она окунула окаменелого Надыра в кровь и сказала: «Будь проклят этот дворец, где совершалось столько злодеяний!»

Взяла она с собой окаменевшего Надыра и отправилась в путь. Подъехав к роднику под чинарами, опустила в него камень, и вышел из родника Надыр, живой, невредимый. Обрадовалась Карасоч-пери, глядит на Надыра не наглядится. А Надыр удивляется, спрашивает:

— А где же мой брат? Как мы сюда попали?

Тут Карасоч-пери рассказала ему, как Кадыр от руки родного отца погиб. А потом показала ему двух коней оседланных и говорит:

— Сядем на коней. Остальное я расскажу в пути.

И поехали они в страну Шам.

КЛЫЧ-БАТЫР

Жил в давние времена необыкновенной силы человек по имени Клыч-батыр.

Однажды узнал он, что живет на свете красавица Акбиляк, и отправился искать ее по свету.

Клыч-батыру попался навстречу прохожий.

— Эй, друг, далеко ли собрался? — спросил он у Клыч-батыра.

— Ищу я по свету красавицу Акбиляк,— ответил Клыч-батыр.— А ты кто таков и что тут делаешь?

— Я ткач,— сказал прохожий.— Прослышал я, что появился в нашей стране силач, по имени Клыч-батыр. Вот ищу его, хочу померяться с ним силой.

— Тебе повезло,— усмехнулся Клыч-батыр.— Я друг Клыч-батыра, много ходил с ним вместе. Давай померяемся силами сначала со мной. Одолеешь меня — поборешься с самим Клыч-батыром.

— Если так, давай! — ответил ткач.

Схватили они друг друга и давай бороться. Приподнял Клыч-батыр ткача и одним махом бросил его на землю.

Встал ткач и поклонился Клыч-батыру.

— Молодец! Если ты такой, что сказать о Клыч-батыре?

Клыч-батыр дал ему маленькую тыквянку-табакерку и сказал:

— Возьми, друг, эту тыквянку, не забывай меня, пока в ней будет табак, не беспокойся, а если вдруг из нее капнет кровь, то беги ко мне что есть силы! Был я один — теперь нас стало двое.

Простился Клыч-батыр с ткачом и поехал дальше.

Прошло не много не мало времени, встретил он на дороге еще одного прохожего, оказался тот кузнецом.

— Далеко ли держишь путь? — спросил он Клыч-батыра.

— Ищу я по свету красавицу Акбиляк,— ответил Клыч-батыр.— А ты что стоишь здесь на дороге?

— Говорят, едет какой-то Клыч-батыр, силач. Вот жду его. Хочу побороться с ним,— сказал кузнец.

— Тебе повезло. Я друг Клыч-батыра,— ответил Клыч-батыр.— Если хочешь, давай поборемся сначала со мной.

— Давай,— ответил кузнец. Схватили они друг друга за пояса. Но долго не выдержал кузнец. Клыч-батыр быстро положил его на спину.

Кузнец не обиделся и предложил свою дружбу Клыч-батыру. Тот и ему дал тыквянку.

— Пока в ней будет табак, ни о чем не беспокойся,— сказал он,— а если из нее капнет кровь, немедленно беги ко мне! Был я один, потом нас стало двое, а теперь — трое!

Простился Клыч-батыр с кузнецом и поехал дальше.

Долго ли ехал Клыч-батыр, коротко ли, смотрит — навстречу ему прохожий. Оказался он водоносом.

Клыч-батыр поборол и его. Дал он ему тыквянку и сказал то же, что ткачу и кузнецу. «Нас было трое, а с тобой стало четверо»,— добавил он в заключение.

Поехал Клыч-батыр дальше.

Ехал он, ехал — и добрался до степи, где пастух пас стадо баранов.

— Чьи это овцы? — спросил Клыч-батыр у пастуха.

— Красавицы Акбиляк,— ответил пастух.

— А где живет красавица Акбиляк?

— Эй, джигит,— сказал пастух,— сколько таких молодцов, даже шахских и ханских сыновей приезжало к ней. Да где им до нее! Только себя погубили! Посмотри, вот стоит дворец. Стены его увешаны головами. Это головы таких, как ты. И ты все еще думаешь добраться до красавицы.

Поразмыслил немного Клыч-батыр и сказал:

— Непременно я добьюсь Акбиляк. Но скажи, что для этого надо сделать?

— Поезжай на базар и купи полный хурджун кишмиша. У Акбиляк есть конь, он очень любит кишмиш. Если конь видит, что кто-то хочет пробраться во дворец к Акбиляк, он начинает ржать. Красавица просыпается и отрубает голову смельчаку. А ты пустись на хитрость. Прокопай под землей ход в конюшню этого коня. До ночи прикрой дыру циновкой и жди. Сам укройся получше, чтобы конь не видел тебя, не то ты пропал. Как станет темно и красавица Акбиляк уснет, отодвинь циновку, высыпь кишмиш в ясли. Тогда считай, что красавица Акбиляк твоя.

Клыч-батыр так и поступил. Прорыл в конюшне подземный ход, но когда хотел прикрыть отверстие циновкой, конь увидел его и заржал. В ту же минуту красавица Акбиляк вошла в конюшню.

— Ну чего ты заржал? Что еще случилось? — спросила она, гладя коню челку и оглядываясь по сторонам. Ничего не заметив, она ушла к себе.

Только Клыч-батыр шевельнулся под своей циновкой, конь опять заржал.

Снова пришла в конюшню красавица. Осмотрелась — ничего не заметила и раскричалась на коня.

— И что ты ржешь, мешаешь мне спать! — сказала она, ударила раза два коня плеткой, ушла к себе и уснула.

Клыч-батыр дождался темноты, отодвинул циновку и насыпал в ясли кишмиша. Конь забыл обо всем, а Клыч-батыр тихонько вошел в дом. Смотрит — красавица Акбиляк крепко спит на ложе из сорока одеял. Быст-

ро и ловко забил он около постели сорок колышков и привязал сорок косичек Акбиляк. Красавица проснулась и испугалась. Видит — стоит над ней какой-то юноша и смотрит на нее.

— Зачем ты пришел? — спросила Акбиляк.— Что ты хочешь от меня? Вот встану сейчас и отрублю тебе голову!

Попыталась она подняться с ложа, рванулась, а голова ее привязана.

Засмеялась красавица, похвалила Клыч-батыра за находчивость и сказала:

— Ну, джигит, победил ты меня.

Стали они жить вместе.

Услышал о красоте Акбиляк падишах по имени Карахан. Позвал он одну хитрую старуху и сказал ей:

— Привезешь мне ту девушку, насыплю тебе золота выше твоего роста!

Села на осла хитрая старуха и поехала не торопясь. Добралась она до места, мимо которого должен был возвращаться с охоты Клыч-батыр. Разбила камнем ноги своему ослу, а сама начала громко плакать и причитать.

Подъехал Клыч-батыр и спросил:

— Что с тобой, старая?

— Пожалей меня, сынок,— причитала хитрая старуха,— не оставляй одну в степи, не то я погибну!

Пожалел Клыч-батыр старуху, усадил ее на коня позади себя и привез домой.

Красавица Акбиляк рассердилась:

— Зачем ты привез эту старуху-злодейку? Она сживет нас со света.

— А что она сумеет сделать— рассмеялся Клыч-батыр.— Пусть живет у нас. Будет помогать тебе во всем!

Стала старуха жить у них, хлопотать по хояйству.

Как-то спросила хитрая старуха у Акбиляк:

— Доченька, не знаете ли, где у Клыч-батыра находится душа? Было бы хорошо, если бы вы узнали.

— А как спросить его об этом? — сказала Акбиляк.

— Вечером, когда Клыч-батыр вернется домой с охоты, вы отвернитесь от него, он вам скажет,— захихикала хитрая старуха.

Вечером, когда Клыч-батыр возвратился с охоты, красавица Акбиляк отвернулась от него, села, насупившись, в угол и так сидела молча.

— Что это ты такая грустная, душа моя? Что случилось? — удивился Клыч-батыр.

— До сих пор я ничего не знаю о вас,— ответила красавица Акбиляк.

— Ну, а что хотела узнать?

—А где у вас находится душа?— спросила она.

Как ни отговаривался Клыч-батыр, но Акбиляк не отстала, пока он ей не рассказал.

— Моя душа — в моей сабле. Поэтому меня и зовут Клыч-батыр, то есть Сабля-батыр. Без сабли своей я и шагу не могу ступить.

Молода была, неразумна красавица Акбиляк, и потому в тот же час передала она слова Клыч-батыра хитрой старухе. А той только этого и надо было. Обрадовалась она: «Вот и я достигну теперь желанной цели!» Вслух она только сказала:

— Никогда я не поверю, чтобы душа человека помещалась в какой-то сабле! Муж обманул вас. Возьмите у Клыч-батыра саблю, когда он утром соберется на охоту. Посмотрим, что будет?

Утром Акбиляк попросила мужа оставить свою саблю дома. Не хотел он обидеть жену, отдал ей саблю, а сам уехал на охоту. Хитрая старуха утащила саблю и бросила ее в реку. И в ту же минуту Клыч-батыр упал с коня на землю бездыханный. А старуха тем временем сделала из щепок коня, да не обыкновенного, а волшебного. Повернешь ему правое ухо — он взлетит в небо, повернешь левое ухо — опустится на землю.

Удивилась Акбиляк: что это за деревянный конь?

— А вы сами посмотрите,— сказала старуха.— Не простой это конь, а летающий. Сядьте-ка позади меня на этого коня, облетим мы многие страны и посмотрим их.

Повернула хитрая старуха правое ухо деревянному коню, он взвился и полетел. Спустя минуту они оказались уже во дворце падишаха Карахана.

Отвесила хитрая старуха поклон Карахану и сказала:

— Мой падишах, я исполнила твое приказание, привезла тебе красавицу Акбиляк.

Царь велел выдать старухе столько золота, сколько она смогла унести, а потом устроил пир на сорок дней и сорок ночей.

А теперь послушайте о друзьях Клыч-батыра,— тка-

че, кузнеце и водоносе. Все в один час, в одно мгновение взяли свои тыквянки, видят — из них капает кровь. Мигом собрались они и побежали.

Прибегают они к дому Клыч-батыра, а путь им преграждает река.

— Выбери воду из реки! — сказал ткач водоносу.

Водонос быстро выбрал воду кожаным ведром, и дно реки оголилось. Смотрит — а там сабля Клыч-батыра. Отдал ткач ее кузнецу и попросил:

— Наточи ее!

Кузнец наточил саблю, и в ту же минуту Клыч-батыр в том месте, где упал он бездыханный на землю, встал и отряхнулся. Видит — коня нет. Пришел он домой пешком. Пришел — а красавица Акбиляк исчезла.

Встретили его ткач, кузнец и водонос.

— Что случилось, друг? — спросили они его в один голос.

— Горе мне! — воскликнул Клыч-батыр.— Похитила злая старуха у меня Акбиляк.

Ткач пошел в город, где жил падишах Карахан. Слышит — народ шумит, барабаны гудят, трубы трубят.

— Что у вас случилось? — спросил ткач у привратника.

— Как что? Свадьбу справляют,— ответил тот.

— А какая свадьба?

— Царь женится на красавице Акбиляк.

Прибежал ткач к Клыч-батыру и рассказал обо всем.

Схватил свой меч Клыч-батыр, вскочил на коня и поехал в город. Смело вошел он во дворец и сразился с падишахом Караханом.

Победил Клыч-батыр Карахана и отрубил ему голову.

Повелителем страны Клыч-батыр назначил ткача, а визирями кузнеца и водоноса.

После пира, продолжавшегося сорок дней, усадил Клыч-батыр красавицу Акбиляк на коня и вернулся с ней домой.

МАЛЬЧИК С ГОРОШИНКУ

В давние времена жил-был один бай. У этого бая было много работников и батраков-издольщиков. Батраки-издольщики трудились на байской земле круглый год, три четверти урожая отдавали баю, а четвертую долю оставляли себе на пропитание.

Один из батраков-издольщиков по имени Хасан жил очень бедно. Детей у него не было. Он день и ночь работал на бая и даже не мог выбрать свободной минутки, чтобы пойти домой. Работать на байской земле приходилось много: надо было и пахать, и сеять и поливать посевы, полоть, а когда начиналась уборка, жить, молотить и веять, затем удобрять землю и снова пахать и сеять. И так круглый год беспрерывно работал Хасан. Жена каждый день варила дома обед и приносила ему в поле.

Однажды, когда Хасан пахал на быках байское поле, жена его родила сына, да такого малюсенького, с горошинку. Бедная женщина стонала и охала, жалуясь на свою судьбу:

— Что теперь делать? Отец твой работает с утра до ночи, голодный,— говорила она, упрекая сына.— А у меня сил нет нести ему обед. И родила-то тебя такого маленького, как горох, тоже мне помощничек! Куда ты такой годишься, Нохотбай [1]? Чтоб ты совсем зачах!

Она с трудом поднялась с постели и со слезами на глазах пошла варить обед. «Как же я теперь понесу обед мужу?» — подумала она и ничего не могла придумать. Налила она похлебку в глиняную корчажку, завязала ее сверху чистой тряпкой и поставила на пол. Смотрит — к корчажке, словно горошинка, подкатился ее новорожденный сыночек и говорит:

— Мама, ты не ходи в поле, я сам отнесу обед отцу.

— Ты понесешь? — удивилась мать.— Хорош, нечего сказать! Вот еще, выискался помощничек! Куда же ты годишься-то? Ну как ты понесешь обед? Тебя самого-то надо нести на руках!

Обидно было слушать Нохотбаю упреки матери. Он разозлился, поднял корчажку и побежал, быстро семеня

---

[1] Нохот — горошина. Бай — богач.

малюсенькими ножками. Мать так и ахнула от удивления.

Батрак Хасан с утра пахал землю в поле, очень устал, проголодался и все поглядывал на дорогу. «Что же это жена до сих пор возится? Пора обедать»,— думал он. Вдруг Хасан остановил быков, смотрит и не верит своим глазам: катится по дороге знакомая корчажка сама, а жены не видать. Пока он стоял с разинутым ртом, корчажка подкатилась почти к самым ногам, а из-под нее послышался голос:

— Отец, а отец! Я тебе обед принес!

Хасан взял корчажку в руки, поднял ее, смотрит — нет никого. Поставил он корчажку, вынул кусок лепешки, стал обедать. А Нохотбай уже вскарабкался на омач и стал погонять быков. Они послушно пошли бороздой. Смотрит Хасан и удивляется: быки сами по себе идут, как полагается, и пашут землю. А Нохотбая было совсем не видно.

Наелся Хасан, поставил пустую корчажку на землю и пошел к быкам. Нохотбай, увидев приближавшегося отца, быстренько подкатился к пустой корчажке, легко поднял ее и побежал домой к матери. Увидев удалявшуюся корчажку, отец совсем растерялся. «Что за диковина?» — подумал он. Вечером, придя домой, он первым долгом спросил жену:

— Ты почему сегодня не пришла? Кто принес мне обед?

В ответ на эти слова жена засмеялась.

— Не пошла, вот и все. Что ж мне дома делать нечего, что ли? А обед принес ваш сынок! — сказала она.

Хасан рассердился.

— Мелешь ты что-то несуразное! О чем это ты? Что за болтовня? С чего это ты взяла? Я тебе про обед говорю, а ты мне про сына. Какой сын? Где он? Если б был у меня сын да принес бы мне обед, разве я не увидел бы его?

«Нет, ему никак не втолкуешь, хоть говори, хоть нет, все равно не поверит. Как бы не рассердился пуще прежнего»,— подумала жена и крикнула:

— Нохотбай, а Нохотбай! Где ты там? Иди сюда!

— Что такое? — недоумевал Хасан.— Да о чем ты говоришь? Кого ты зовешь? Что за Нохотбай?! Сроду

не слыхал такого имени. Да таких имен-то не бывает. Ты что?

— Ой, умереть мне! — воскликнула жена.— Вы все еще не верите, спрашиваете, о чем я говорю! Да у нас ведь сын родился! Что же тут удивительного?! Вот и родился сын, да такой малюсенький, как горошинка. Его и не видно, сразу-то не заметишь!

Хасан так удивился, что не мог выговорить ни слова. В этот момент появился Нохотбай.

— Здравствуй, отец! — сказал он.

Хасан посмотрел этак сверху вниз и еще больше удивился: перед ним, семеня ножками, двигался крошечный мальчик величиной с горошинку.

— Вот это и есть наш сынок Нохотбай,— сказала жена.

А Хасан все удивлялся: «Как это такой малыш мог принести мне обед?» — думал он, но все же очень обрадовался и похвалил Нохотбая:

— Молодец, сынок!

Слушая дельные рассуждений Нохотбая, отец радовался: «Смышленый мальчик, из него выйдет толк. Только уж очень маленький. Ну и что ж? Вырастет! — думал он, утешая себя.— Подождем!»

Однако напрасно ждал Хасан. У всех дети росли, набирались сил, а его Нохотбай как был с горошинку в день рождения, так и остался.

Родители были довольны своим сыном Нохотбаем. Мальчик выполнил все домашние работы, во всем помогал отцу и матери.

Однажды Хасан решил показать своего сына баю. Позвал он Нохотбая и повел его к хозяину.

Увидев малыша, бай сначала посмеялся над ним, а потом, разозлившись, крикнул:

— Что это такое? Кого ты мне привел? Разве это человек? Мне таких работников не нужно! Уберите его отсюда! Постойте! — приказал он слугам.— Отвезите его через реку Курдум и бросьте там!

Хасан ужаснулся. Когда слуги схватили Нохотбая и тот завизжал, отец заплакал от обиды. Слуги потащили мальчика к реке, а Хасан побежал домой и рассказал жене о случившемся. Вместе с женой они плакали, убивались, но ничего не могли сделать.

Байские слуги перевезли Нохотбая на лодке через быструю речку Курдум на другой берег и бросили его

в глубокий овраг. Кончился день, настала ночь, а Нохотбай все карабкался по склону и выбрался только утром, когда взошло солнце.

Дней пять-шесть бродил Нохотбай по берегу и, наконец, добрался до людей. Это были батраки бая. Они приютили малыша, накормили его и обласкали. Нохотбай работал вместе с ними не покладая рук, подружился со всеми. С ним обращались как с родным сыном. Нохотбай рассказал им о жестоком поступке бая, о том, как он издевался над его отцом.

Однажды люди собрались в доме, где жил Нохотбай, и договорились отомстить баю. Они избрали Нохотбая своим предводителем и переплыли на лодке через речку Курдум. Долго они шли и много прошли, а Нохотбай, не зная устали, все вел их вперед. Наконец Нохотбай привел их к дому бая — и они неожиданно напали на хозяина. Убив бая, они забрали все его имущество и отнесли в дом Хасана.

Нохотбай поздоровался с отцом и матерью. Они обнимали его, целовали и плакали от радости. Так вся семья батрака Хасана, достигнув своих желаний и целей, зажила счастливой жизнью.

СТОЛЯР И ПОРТНОЙ

Было или не было, сытно ли голодно ли — не говорят, в давние времена жили в одном городе столяр и портной. Были они большие друзья. Однажды портной сшил очень красивый костюм, позвал он своего приятеля, столяра, и говорит ему:

— Ты не видел, какой я сшил костюм? Посмотри!

Посмотрел столяр и подумал: удивительная работа, ни одного шва не видно. За всю свою жизнь не видел он такого красивого костюма. Полюбовался им столяр и говорит портному:

— Спасибо тебе, товарищ, обрадовал ты меня своим мастерством.

В том же городе жила одна красивая девушка. И портной, и столяр были знакомы с этой девушкой, но никогда друг другу о ней не говорили. Однажды

проходил столяр мимо дома портного и увидел там эту девушку, а на ней сшитый его другом красивый костюм. Огорчился очень столяр и позавидовал своему другу.

«Дай-ка я что-нибудь удивительное смастерю!» — подумал он. И в тот же день начал мастерить сундук. За несколько дней сделал он сундук, да такой красивый, какого еще никто не видел. Показал столяр сундук своему товарищу и говорит:

— Посмотри, вот я сундук сделал.

Оглядел портной сундук и похвалил:

— Друг мой, прекрасный ты сундук сделал.

А столяр ему в ответ:

— Если хочешь действительно узнать, что это за сундук, полезай в него.

Только успел портной залезть в сундук, как столяр повернул какой-то винтик в нем и запер сундук на замок.

Вдруг сундук начал подниматься в воздух. Портной внутри кричит, а друг его ничего и слушать не хочет.

Сундук поднимался, поднимался — и улетел.

Сидит портной в сундуке и думает: один винтик мой друг повернул — сундук вверх полетел, вероятно, есть в сундуке еще какой-нибудь винтик, попробую-ка и его повернуть, может быть на землю опущусь.

Пошарил глазами портной туда-сюда, видит — маленький винтик торчит. Однако чуть только портной до него дотронулся, сундук еще выше поднялся. Наконец заметил портной третий винтик, повернул его — и сундук начал опускаться, и под вечер опустился на землю около какого-то города.

Портной вышел из сундука, с большим трудом взвалил его себе на плечо и понес.

Видит портной — старик-красильщик закрывает свою мастерскую и собирается домой.

Портной поздоровался со стариком и говорит:

— Здравствуйте, отец! Я здесь приезжий. Нельзя ли мне у вас переночевать?

Старик согласился, и они пошли в его дом, а сундук оставили в мастерской. Дома жена старика приготовила ужин. Поели они и начали беседовать, расспрашивать друг друга о здоровье, о делах. Узнав, что с портным приключилось, старик и старуха ему говорят:

— Сынок, ты нам как сын родной будешь, жить нам недолго осталось, пусть этот дом будет тебе родным.

Портной поблагодарил их за добрые слова и согласился. Наступил вечер, стемнело. Но вдруг небо озарилось каким-то светом. Хотя луны в этот день и не было, во всем городе стало светло.

Портной спросил у стариков:

— Вот удивительно, луны нет на небе, а почему во всем городе такой яркий свет?

Старуха ему отвечает:

— А это, сынок, так бог дал. В нашем городе есть шах. А у шаха есть дочь. И такая красавица, что от взгляда ее в городе и ночью светло становится. Поэтому в нашем городе люди огня не зажигают. Эта девушка шесть месяцев в году живет на высоком холме во дворце под сводами.

Услышав эти слова, портной подумал: «Вот бы посмотреть на красавицу».

Назавтра рано утром старик взял портного в свою мастерскую. До вечера они вместе работали, а вечером старик стал собираться домой.

Портной ему сказал:

— В доме у нас очень тесно. Я лучше здесь переночую.

Старик говорит:

— Когда тесно — не беда. Но если тебе здесь больше нравится, оставайся.

И портной остался ночевать в мастерской.

Когда он утром встал и готовил себе завтрак, на улице послышался громкий голос шахского вестника, который объявлял:

— Сегодня шах на сорок дней отправляется на охоту. Тот, у кого есть хороший конь, хорошие собаки, хорошие соколы, может ехать на охоту вместе с шахом.

И шах в тот же день уехал на охоту.

Наступил вечер, старик опять пошел к себе домой, а портной остался в мастерской один.

«Сегодня ночью я заберусь в сундук и удивлю всех»,— решил он.

Так он и сделал. Забрался в сундук, и только повернул винтик — как сундук опять в небо поднялся. С высоты юноша увидел весь город и летний шахский дворец, где жила царевна. Он опустил сундук прямо на крышу дворца, привязал веревку и по веревке спустился в комнату царевны. Вошел — видит: на постели спит

девушка, а от нее, словно от луны, расходятся лучи света.

Портной тихонько разбудил царевну. Проснулась девушка, смотрит — перед ней джигит стоит. Испугалась царевна, а потом пришла в себя и спрашивает:

— Кто ты?

— Я Азраил, ангел смерти.

— Азраил? Зачем ты пришел сюда?

— А вот зачем. Аллах создал тебя очень красивой. И вот он сказал мне: «Азраил, в этом городе у шаха есть дочь. Я создал ее для тебя. Иди туда и исполняй мою волю». Вот почему я стою тут и любуюсь твоей красотой.

Девушка так сильно удивилась, что ничего не могла больше сказать, и портной остался у нее. Утром портной тихонько вышел, сел в сундук и возвратился в мастерскую.

Царевна позвала своих нянек и кормилиц и рассказала им, что к ней ночью прилетал Азраил. Удивились няньки. А в следующую ночь в комнате царевны снова появился портной. И так продолжалось сорок дней.

Через сорок дней шах поздно вечером возвращался с охоты.

Подъехал он к городу и видит: кругом темно, нет прежнего светлого сияния. Приехал шах во дворец, позвал всех слуг и служанок.

Кормилицы царевны ему и говорят:

— Вот уже сорок дней, как аллах прислал к вашей дочери самого ангела Азраила.

— Что? Умерла моя дочь? — огорчился шах.

— Нет, она замуж вышла.

— За кого? Да как она посмела выйти замуж, меня не спросив? — рассердился шах.

А кормилицы ему говорят:

— Она за Азраила вышла замуж.

Удивился шах, «Что такое? — подумал он.— Пойду-ка я сам расспрошу дочь».

Царевна ему рассказала:

— Однажды ночью, когда я спала, появился в моей комнате какой-то джигит и разбудил меня. Проснулась я — а он стоит и смотрит на меня. «Кто ты?» — спрашиваю,— а он говорит: «Я Азраил». Я очень испугалась и говорю: «Зачем ты пришел сюда?», а он отвечает: «Аллах тебя создал такой красивой для того,

чтобы мне красоту подарить». Я сказала ему: «Сейчас отца дома нет, а вернется он — спроси у отца, сыграем свадьбу и женишься на мне». «Нет,— говорит Азраил.— Свадьба твоя будет на небе, по велению аллаха, и спрашивать у твоего отца разрешения нам не нужно». После этого он каждый день ко мне приходил.

Удивлялся шах, слушая этот рассказ, а потом созвал всех своих визирей и поведал им все, что дочь ему рассказала.

Подумали визири и стали совет держать:

Первый визирь сказал:

— Эх, падишах, здесь, наверно, какое-то чародейство.

Второй визирь посоветовал:

— Нужно его проверить. Если он Азраил, то он на земле ничего есть не будет, а если он обыкновенный человек, будет. Нужно для него приготовить хорошее угощение и ждать, когда он придет. А когда он явится, пусть царевна предложит ему угощение.

Шах приказал своим слугам приготовить всякие вкусные блюда. Когда все пошли спать, перед царевной предстал портной. Девушка сразу же стала его просить:

— Сегодня как раз сорок дней исполнилось со дня нашей свадьбы. Поэтому я приготовила вам угощение. Садитесь, покушаем.

Но портной отвечает:

— Азраил на земле не может ничего есть. Нам, ангелам, это запрещено.

Утром пришел к царевне шах, увидел, что угощение, приготовленное для его зятя, не тронуто, и поверил, что тот Азраил.

Прошло после того несколько недель. Приехал к шахской дочери сват другого шаха. Пришел он во дворец, поклонился шаху и говорит:

— Меня послал мой падишах к вам просить вашу дочь в жены своему сыну. Какой вы ответ дадите?

А шах говорит:

— Мы отдали свою дочь Азраилу.

— Что, неужели ваша дочь умерла? — спрашивает сват.

— Нет,— отвечает шах,— дочь моя не умерла, мы ее живую замуж отдали.

Возвратился к своему шаху сват и передал ему все, что сказал отец царевны. Шах, конечно, не поверил, что

можно девушку выдать за ангела смерти замуж. Разгневался он, что не отдали царевну за его сына, и приказал всем своим подданным собираться в поход.

Собрал шах свое войско и через несколько дней напал на страну царевны.

Опять отец царевны созвал визирей на совет.

— Что делать? — спрашивает.

Визири говорят шаху:

— Не можем мы устоять против вражеских воинов. У них много войска, а у нас мало. Скажите своей дочери, пусть ваш зять Азраил нам поможет.

Передал это шах своей дочери. Вечером явился портной. Царевна ему и говорит:

— Наш город окружили вражеские воины. Если вы нам не поможете, кажется, плохо нам будет. Большая опасность нам грозит. Захватят враги наш город.

— Ладно,— говорит портной,— принесите мне поскорее связку сухой травы и фунт масла.

Царевна тотчас же все это ему приготовила. Портной намочил траву в масле, сел в свой сундук и полетел. Поднявшись в небо, он зажег несколько пучков травы и стал сбрасывать их на вражеских воинов. Испугались они,— что это за беда такая на них с неба летит,— и побежали без оглядки.

Но на беду одна зажженная соломинка упала в сундук, и он загорелся. У портного не было чем потушить огонь, и сундук упал за горой на берег реки. Три месяца лежал портной в пастушьей хижине, пока зажили его раны.

А шах и царевна все ждали, удивлялись, куда девался Азраил.

Через три месяца шах заболел и умер.

Страной править вместо него стала его дочь. Она все не могла забыть своего мужа Азраила.

Выздоровел, наконец, портной и решил:

— «Пойду-ка я теперь в город, сяду около шахского дворца, посмотрю, узнает ли меня кто-нибудь».

Надел он старый рваный халат и пустился в путь. Пришел он в город и, как задумал, сел около шахского дворца.

Увидела его царевна и сразу узнала. Позвала она своих слуг и дала им приказ:

— Пойдите на площадь и позовите ко мне пришлого

человека. Только прежде чем ко мне привести, оденьте его хорошо.

Слуги пошли к Азраилу и говорят ему:

— Царевна зовет тебя.

Одели его в хорошие одежды и привели к царевне.

— Кто вы? — спрашивает его царевна.

— Я Азраил,— говорит портной.

— Что с вами было, что вы так незаметно исчезли и неизвестно куда?

Портной отвечает:

— Когда я поражал захватчиков, напавших на вашу страну, опалились мои крылья, и я упал на землю. Потом я попросил аллаха дать мне новые крылья. Но аллах мне говорит: «А зачем ты погубил столько невинных душ. Вот я за это тебя и наказал».

Царевна говорит ему:

— Аллах простит вас и еще новые крылья даст. А за то, что вы прогнали наших врагов, передаю вам государство, которое я от отца получила. Садитесь на мое место и управляйте нашей страной.

Так портной и царевна стали жить вместе и оба достигли исполнения своих желаний.

СЫН БЕДНЯКА

В стародавние времена жил бедняк. Было ему лет восемьдесят.

Старик и жена его только и жили тем, что каждый день он приносил из лесу вязанку хворосту и продавал ее за грош на базаре.

Но вот однажды не удалось ему продать хворост, и вернулся он домой с пустыми руками.

Жена его спросила:

— Что вы принесли? Со вчерашнего дня у меня во рту ничего не было!

— Эх, жена, сегодня никто не захотел купить у меня хворост,— ответил старик.

— Ну, конечно, не продашь — не купишь,— сокрушалась жена.— А были бы деньги купила бы я мяса, сварила бы я похлебку, и были бы мы сыты. Ничего не поделаешь. Завтра вот что сделайте: позовите в помощь

себе двух соседей. Свою вязанку хвороста продадите на базаре и на вырученные деньги купите мяса, риса, моркови, и на тех двух вязанках, что они принесут, сготовим себе плов.

Так и сделал старик. Утром на следующий день позвал он на помощь двух соседей. Втроем, запасшись веревками, пошли они в лес.

Собрали они хворост, только приготовили вязанки и хотели взвалить их себе на спины, как вдруг подул страшный вихрь и унес с собой все три вязанки.

Старик заплакал:

— Эх, горе, вчера с женой легли спать голодные. Видно, и сегодня будет так же.

— Не плачьте, отец,— успокаивали его соседи,— сегодня вас и вашу жену как-нибудь покормим. А завтра, когда ветер успокоится, мы снова к вам явимся и наберем много хвороста.

Пришли они утром к старику и снова отправились в лес. Вдруг близ дороги, под высокой чинарой, они увидели яму, а в ней три вязанки хворосту.

— А вот и наш хворост! — обрадовались соседи и обратились к старику.— Отец, давайте спуститесь в яму и подавайте нам хворост наверх.

Спустился старик в яму, поднял одну связку, а под ней три корчажки, полные золотых монет.

Старик был честный человек. Он и не подумал скрыть свою находку от соседей. Привязал он к каждой вязанке хворосту по корчажке золота и крикнул:

— Каждому из нас поровну, по одной корчажке, но вот хворост прошу отнести ко мне домой, все три вязанки.

Но соседи, увидев золото, загорелись жадностью. Задумали они черное дело.

Переглянулись они, и один говорит другому:

— Ты взвали на спину старика, а я в это время свяжу ему руки. Отведем его к речке, прирежем его, а труп спрячем под мельничный жернов. Ну, а просьбу его выполнить можно — хворост отнесем в его дом.

Связали они старика и привели его к речке.

Начали они ножи точить, а старик и говорит:

— За что на меня руку хотите поднять?

— Убьем тебя и заберем все золото себе,— ответили соседи.

— Не убивайте меня,— взмолился старик.— Я и так

одной ногой стою в могиле. Да кроме того жена моя должна скоро родить, дайте мне увидеть на закате жизни сына или дочку...

— Нет, мы убьем тебя!

Старик снова начал умолять:

— Возьмите все золото себе, я никому не скажу. Мне денег не надо, только отдайте весь хворост мне.

Соседи и слушать ничего не желают, ножи точат.

Увидел старик, что не избежать ему смерти, и говорит:

— Передайте моей жене последнюю мою волю. Скажите ей так: «Возвращаясь домой с хворостом, ваш муж три раза упал под сильными порывами ветра. Рассердился он и ушел куда глаза глядят». Если жена родит сына, пусть назовет его Дод — «Помогите», а если дочь, то пусть сама назовет ее, как хочет.

Соседи убили старика, а труп бросили в реку и сверху придавили жерновом. Взвалив на спины три вязанки хворосту, три корчаги с золотом, пошли они в кишлак.

Занесли они три вязанки в дом старика и сказали его жене:

— Ну и нрав у вашего мужа! Мы прямо измучились с ним! По дороге домой он три раза упал, разозлился и ушел в другой город. Когда уходил, он просил передать вам: «Если жена родит сына, пусть назовет его Дод, а если дочь, то пусть назовет ее, как хочет».

Жена старика занесла в дом три вязанки хворосту, села и стала горько плакать.

Пусть она так сидит и плачет, а вы послушайте про соседей.

Стали они самыми богатыми людьми во всей округе. Истратили они полкорчаги золота и выстроили великолепный дворец. Сделались они к тому же большими купцами, в каждом городе были у них свои люди, торговавшие их товарами.

Носили с тех пор соседи одежды из атласа и бархата, подпоясывались золотыми поясами, опирались на серебряные посохи.

А теперь послушайте о жене бедняка. Родила она сына и назвала его, как наказал муж, Дод.

Не по дням, а по часам рос Дод.

Исполнилось ему семь лет. Мать никогда не выпускала сына со двора. Калитку на улицу держала на

запоре. Жила она тем, что пряла нитки и продавала перекупщикам.

Скучно было семилетнему мальчику Доду взаперти. Как-то услышал он за забором голоса и смех мальчиков, заплакал и сказал матери:

— Выпустите меня, матушка, на улицу, хочу поиграть с ребятами!

Мать ответила:

— Выпущу я тебя, сынок, с одним условием: надену на лицо тебе маску. Если мальчишки скажут: «Открой лицо», ты им отвечай: «Нет, не открою!»

Надела мать на лицо Дода маску и выпустила на улицу. Мальчик играл с товарищами до самого вечера. Проголодавшись, прибежал домой и попросил:

— Дайте, матушка, хлеба.

— О сын мой! Ни куска хлеба нет в доме. Не иначе, придется тебе заняться тем, что делал твой отец,— ответила мать.— Отец твой собирал в лесу хворост и продавал его. Пойдем-ка с тобой в лес, наберем две вязанки хворосту, одну продадим, а на другой сварим себе ужин.

Отправились они вместе в лес. Собирая хворост, мать вдруг почувствовала боль в пояснице.

— Я прилягу, полежу,— сказала она сыну.— А ты поиграй.

Прилегла она под деревом и уснула. А проснувшись, видит: нет нигде Дода.

Начала она громко звать его по имени «Дод»!

Не нашла она сына, пошла по берегу реки, все так же крича: «Дод!» Услышал голос матери падишах, охотившийся в тех местах в сопровождении восьмисот своих воинов, и сказал своим есаулам:

— Слыхали, женщина кричит: «Дод!» — «Помогите!» Не иначе, ее укусил скорпион или змея. Слышите, как она кричит, зовет на помощь. Пойдите приведите ее ко мне!

Есаулы побежали на крик и привели безутешную мать к падишаху.

— Чего ты вопишь, женщина? — спросил он.— Не змея ли укусила тебя?

— Я потеряла сына, его зовут Дод. Вот я и ищу его, зову,— ответила мать.

— Неужели другого имени не было, кроме этого? — удивился падишах.

Мать рассказала тогда, как ее муж-бедняк пошел с двумя своими соседями за хворостом и не вернулся домой и что он завещал. Потом добавила она о том, как с сыном Додом пошла в лес, как собирала хворост, как у нее заболела поясница, как прилегла она и уснула, а сын ее Дод пропал.

— А те соседи, что вышли с твоим мужем в лес за хворостом, живы? — спросил падишах.

— Живы. Они очень разбогатели. Те двое купцов, которые живут в самом лучшем дворце возле базара и восседают на серебряных тахтах, это и есть наши бывшие соседи.

Падишах подумал: «Не иначе, как они убили старика».

Подозвал он к себе трех своих есаулов и говорит им:

— Отправляйтесь все в город. Въезжайте в него с трех сторон. Громко зовите: «Дод!» Мальчика, который откликнется на это имя, сажайте на коня и везите ко мне!

Въехали есаулы в город, крича: «Дод!» Тотчас же на призыв откликнулся мальчик, сидевший в лавке шашлычника.

— Как тебя зовут? — спросил есаул.

— Дод,— отвечает мальчик.

— Чтоб тебе пусто было! — говорит ему есаул.— Мать по лесу бегает, тебя разыскивает, плачет.

Посадил есаул мальчика на коня и привез к падишаху.

Увидев на лице мальчика маску, падишах приказал:

— Сними маску.

— Государь, зачем буду я снимать маску? — ответил мальчик.— Говорите, я и так слышу.

— Снимешь ли ты маску, если я найду убийц твоего отца и тело твоего отца? — спросил падишах.

— На то воля моей матери,— сказал мальчик.

Падишах призвал к себе мать Дода и задал ей вопрос:

— Твой сын говорит, что маску можешь разрешить снять только ты. Скажи ему, пусть снимет!

— Да он еще так мал. К чему вам, могущественному падишаху смотреть на его лицо? — ответила мать.

Падишах приказал своим есаулам привести двух баев, бывших соседей бедняка.

Не прошло много времени, оба бая со связанными

руками предстали перед лицом падишаха. Падишах приказал развязать им руки и потом спросил их:

— Где вы убили отца этого мальчика? Скажите правду, не захочу вашей крови.

Подумали баи, подумали — и решили: раз падишах не хочет их крови, надо признаться во всем:

— Мы соседа убили на берегу речки.

Все слышавшие слова баев ужаснулись.

— За что вы его убили? — спросил падишах.

Баи рассказали все, как было:

— Когда старик-бедняк сказал нам свою волю, мы отрезали ему голову, бросили тело в реку, придавили жерновом, а золото поделили между собой. Каждому досталось по полторы корчаги. Таким путем мы и разбогатели...

— А теперь сколько осталось золота? — продолжал спрашивать падишах.

— Золота осталось в двух корчагах,— ответили баи.

— Принесите те корчаги,— приказал падишах есаулам.

Есаулы принесли две корчаги с золотом.

Падишах подозвал Дода и сказал:

— Вот тебе одна корчажка золота за убитого отца. А вот другая корчажка, это его доля. Бери! Доволен ли теперь?

— Смерть отца я простил, дайте мне только его долю,— заявил Дод.— Больше мне не надо.

Попросил Дод отнести корчажку с золотом матери. Вторую корчажку падишах приказал разделить между баями. Потом опять обратился к Доду:

— Найдут останки твоего отца под жерновом и похоронят с почетом, а ты открой свое лицо, я посмотрю!

— Да ведь мне всего семь лет, что вам смотреть на мое лицо? — продолжал упрямиться Дод.

— Да откроешь ты свое лицо или нет?! — закричал, рассвирепев падишах, и обнажил меч.

Испугался Дод и снял маску. Падишах глянул на его лицо и упал с трона без чувств. Дод сказал тогда:

— Отведите падишаха скорее к реке и приведите его в чувство.

Открыл падишах глаза и первым делом задал вопрос:

— Где Дод?

Привели к нему Дода.

Падишах спросил:

— Какого ты сада цветок? Не див ли ты? Или, быть может, сын пери? Какое чудо сотворило тебя?

— Мой отец бедняк, а вот стоит моя мать,— ответил Дод и поклонился до земли матери.

— Семью странами правлю я, но такого красивого мальчика, как ты, не видел! У меня нет ни сына, ни дочери. Будь моим сыном! Будешь жить в моих роскошных садах, сидеть на золотом троне. Я сделаю тебя падишахом.

— Мне только семь лет, молоко матери не обсохло на моих губах. Я недостоин вашего дворца и не могу быть вашим сыном. Я не умею еще разбираться в людях. Отдайте мне лучше степь. Я прикажу в ней арыки прорыть, пустить воду, насадить сады, построить дома. Пусть поселятся в них бедные люди. Через семь лет поля и сады дадут плоды. Вот тогда и пришлите за мной,— ответил Дод.

— Хорошо,— сказал падишах,— отдаю тебе степь. Делай с ней что хочешь, помни только, что теперь ты мне сын, а я тебе — отец.

Одарив Дода и его мать мерой золотых монет, падишах, собрав своих визирей, военачальников и есаулов, уехал в горы на охоту.

Дод ушел с матерью в степь.

— Матушка,— сказал он.— Я сделаю для вас здесь из веток тала шалаш, вы поживете в нем немного, а я приведу одну или две тысячи рабочих.

На другой день он привел рабочих, и они начали рыть арыки из кокандского вилаета, а потом выстроили много домов, в которых Дод поселил бедняков. По указанию мальчика бедняки заложили сад на тысяче танапов земли. И этот сад был назван именем Дода.

Прошло семь лет, и падишах прислал за Додом своих есаулов. Они посадили Дода в золотую клетку, клетку поставили на коня и привезли во дворец.

Падишах приветствовал Дода:

— Теперь ты мой. Ты не забыл, что я тебе отец, а ты мне — сын. Сними с себя маску и садись на трон.

— Позвольте мне сходить к матери и спросить позволения у нее снять маску,— ответил Дод.

А для его матери падишах выстроил дворец. Сорок ступеней в нем были сплошь из жемчуга и алмазов. Ей прислуживали сорок рабынь и сорок прислужниц. Каж-

дый день для матери Дода варили плов с мозгами сорока баранов.

Пришел Дод к матери и говорит:

— Матушка, падишах требует, чтобы я опять снял маску. Там сидят мудрецы, визири, вельможи, есаулы и военачальники. А вдруг, когда я сниму маску, падишах снова упадет без чувств? Не найдется ли среди придворных какой-нибудь враг, который убьет падишаха, а потом отвечать придется мне.

— Открой-ка рот, мой сын,— сказала ему мать.

Дод открыл рот, она дунула в него и говорит:

— Теперь иди, не бойся. Садись на трон.

Дод вернулся во дворец, сел справа от падишаха и только здесь снял с лица маску.

Увидев его красоту, все придворные поразились и хором воскликнули:

— Поздравляем вас, падишах, с сыном!

Падишах засыпал их бриллиантами и жемчугом.

Дод вышел в роскошный сад. Пораженные его красотой, птицы полетели к нему. Убежав от них, Дод пошел на верблюжий двор. Там караванщики стали восторгаться им. Тогда он убежал на женскую половину дворца. Увидев его, девушки окружили. Выбежал он от них на улицу, а там начали восхвалять его сорок привратников. Ушел Дод в потайную комнату дворца, лег на кошму и уснул. Приснилось ему, будто с горы Кухи Каф прилетела прекрасная пери, держа в одной руке шампур с шашлыком, в другой — сосуд с вином. Угостив Дода шашлыком и вином, она улетела. Проснулся Дод, посмотрел — нет никакой пери.

Зайдя в птичник падишаха, Дод посадил на руку охотничьего сокола, взял лук и стрелы и прошел в дворцовую конюшню. Вывел он оттуда коня Тулпара, сел на него и отправился искать пери своего сна.

Проехал Дод горы, степи, озера и добрался до горы Кухи Каф, где находился Сезам. Три дня и три ночи ездил он по той горе. Наконец из ущелья выскочил олень и побежал в степь. Погнался Дод за ним и тоже очутился в степи.

Семь дней и семь ночей скитался Дод по степи и наконец приехал к берегу реки. Воткнул он здесь палку в землю, посадил на нее сокола.

Сидит он на берегу реки, отдыхает. Вдруг на другом берегу прямо перед ним появился старик в чалме, конец

которой свисал на плечо, в желтом халате и с посохом в руке.

Лицо старика так и светилось. Дод почтительно поклонился ему.

— Э, джигит, не следовало бы вам останавливаться здесь. В реке обитают дивы,— сказал Доду старик.— Я знаю, вы приехали сюда в поисках возлюбленной, но она не дочь человека, а неземная пери. Живет она под водой и нет никакой возможности достать ее со дна реки.

Тогда Дод горько заплакал.

— Ладно,— сжалился над ним старик.— Я достану тебе пери. Закрой глаза и открой их только через семь мгновений, не раньше!

Дод закрыл глаза, открыл их через семь мгновений и увидел, что неведомо как он очутился рядом со стариком на другом берегу реки.

— Сын мой,— сказал старик,— пойди вон к тому дереву. Ствол его изумрудный, ветки рубиновые, а листья алмазные. Под деревом увидишь жилище. В нем спят дивы и пери. Увидишь в том доме сорок одну комнату. В каждой из них горят свечи из жемчуга, не гляди на них. Войдешь в самую последнюю комнату и в стенной нише увидишь три тыквы. Возьми ту, что стоит посредине, и принеси ее мне.

Дод сделал так, как велел ему старик, зашел в самую последнюю комнату и принес среднюю тыкву.

— Вот она, сын мой, та, которую ты видел во сне. Возьми ее. Теперь закрой глаза и открой через семь мгновений.

Через семь мгновений Дод увидел себя возле своего коня.

Старик с другого берега реки сказал ему:

— Ты ехал сюда четырнадцать дней. Я тебя научу одному заклинанию, произнеся его ты вмиг домчишься до дома.

Взяв тыкву и сокола, Дод вскочил на коня.

— Помни же, сын мой, бери, не отдавай, набирай, но сам не рассыпай. В пути не шути с тыквой, не накликай беду на свою голову,— напутствовал старец Дода.

Проехал Дод некоторое время, остановил коня и подумал:

«Во сне я видел пери. Старик, конечно, колдун: но на что мне пустая тыква?»

Он схватил тыкву и хотел ее выбросить, но вдруг она заговорила тонким приятным голосом:

— О, как мне больно!

Выхватив из ножен саблю, Дод концом ее приоткрыл крышку тыквы и видит — внутри сидит девушка невиданной красоты: назвал бы ее луной, но у нее есть губы, назвал бы солнцем, но у нее есть глаза, на правой щеке была у нее прелестная родинка, сорок кос ее были унизаны изумрудами, жемчугами, рубинами.

Увидев в тыкве девушку, Дод лишился чувств.

Пери вышла из тыквы и начала обмахивать юношу своим покрывалом, приводить в чувство.

— О моя прекрасная возлюбленная! Какого сада ты цветок, какого сада соловей ты? Человек ли ты или пери, или див? Кто сотворил такое чудо? — промолвил Дод, едва сознание вернулось к нему.

— Не послушался ты старика, обошелся небрежно с тыквой, накликал на себя беду,— сказала ему пери.— Теперь есть три способа привезти меня к себе домой.

— О чудо мира,— возразил плененный красотой пери юноша,— я и так увезу тебя на коне, укрыв своим золотым халатом и златотканым покрывалом.

— Нет,— сказала пери,— не могу я ехать на коне, отвезите меня в крытой арбе.

— О моя бесценная! До города осталось немного. Когда доедем до его окраины, я оставлю тебя под крышей какой-нибудь бедной хижины, а сам поеду вперед, приведу сорок девушек и затем на арбах, под звуки карнаев и сурнаев, отвезу тебя во дворец с лестницей из восьмидесяти ступенек. Лестница дворца будет из мрамора, потолки из кораллов, а башни из рубинов.

Пери согласилась. Уселись они с Додом на коня и направились к городу. Въехав в него, Дод оставил девушку в бедной хижине, а сам отправился во дворец за арбой и свитой. Оставшись одна, пери вышла на крышу, приоткрыла златотканое покрывало и с улыбкой стала оглядываться по сторонам. Видит, на пороге напротив сидит старушка. Улыбнулась ей пери. Не знала она, что старушка эта была могущественной колдуньей. За один присест съедала она сорок баранов, выпивала сорок бурдюков воды, а своим дыханием могла заставить крутиться тяжелый мельничный жернов.

Старуха-колдунья сразу заприметила улыбающуюся пери.

«Отчего это вдруг стало светло»,— подумала колдунья и, взяв кувшин, вышла на улицу, будто за водой.

Пери вновь улыбнулась и поклонилась старухе.

Колдунья посмотрела на нее и попросила:

— Будь доброй, доченька, сойди вниз и набери-ка мне в кувшин воды.

Пери рассердилась.

— Я вам не служанка,— возразила она.

— А я-то подумала: пойдет эта красавица к роднику, лучи ее красоты отразятся в воде, засияют, станет еще светлее, и я, старая, смогу тогда в своей темной комнатке и на прялке шерсти напрясть, и прибрать все, и обед сготовить,— сказала колдунья.

— Стану я воду таскать,— засмеялась пери.— Я пери, могу обернуться и змеей, и голубем, и старухой.

— Ну если ты пери, обернись-ка голубем, а я погляжу.

Кувыркнулась пери и впрямь обернулась голубем, но не простым, а волшебным: с лапками из красных кораллов, с крыльями из рубинов, с клювом из жемчуга.

А потом снова кувыркнулась и обернулась опять пери.

— Каких трудов стоило Доду привезти меня сюда, а вы говорите — достань воды! — сказала гордо пери.

— Ладно уж, не доставай! — заявила с обидой колдунья.— Сама уж как-нибудь наберу! — и пошла к роднику.

Сжалилась пери над старухой, стыдно стало.

— Постойте, бабушка, я вам наберу воды, так и быть! — крикнула она вдогонку и побежала за колдуньей, взяла из ее рук кувшин и пошла к роднику. Только пери нагнулась, чтобы окунуть кувшин, как старуха подкралась сзади и толкнула ее. Пери упала в родник и исчезла под водой.

Старуха пошла в хижину, где Дод оставил свою пери, и уселась на подстилку, закрыв лицо златотканым покрывалом.

Скоро вернулся Дод, ведя за собой пятьсот конных воинов и сорок девушек на арбах с золотым верхом и серебряными колесами.

Вошел Дод в хижину, поднял златотканое покрыва-

ло, видит — сидит страшная старуха с вылупленными глазами.

Упал Дод без чувств. Воины побрызгали на него водой, пришел он в себя.

— Что с вами, царевич? — спросили они его.

Стыдно было Доду рассказать всем, что случилось. Подошел он к старухе и спросил:

— Та ли самая пери ты или другая?

— Да, я та пери, которую вы привезли с собой,— ответила колдунья.

— Тогда дай еще раз посмотреть на твое лицо.

— Я не покажу вам своего лица до тех пор, пока вы не женитесь на мне, пока не принесу я вам сына, пока тот сын не достигнет семилетнего возраста. До тех пор я поклялась не показывать лица. Я пери. Многое я умею: могу обернуться голубем, и змеей, и старухой. Сейчас вот я обернулась старухой.

— Прошу тебя, обернись снова красавицей, я отвезу тебя во дворец падишаха,— попросил Дод.

— Нет, слово мое крепкое. Хотите — везите вот так во дворец, а не хотите — обернусь голубем и улечу на Кухи Каф.

«Ждать семь лет не так уж долго для такого молодого джигита, как я»,— подумал Дод и сказал колдунье:

— Ладно, садитесь на арбу!

— Нет, вы сами посадите меня на нее,— возразила старуха.

Поднял Дод на руки колдунью и свалился под ее тяжестью.

Старуха только усмехнулась:

— Садитесь-ка сами на коня!

Вскочил Дод на коня, тронул его, как вдруг из родника выскочила красивая лошадь вороной масти и начала кружиться и вертеться вокруг него. Всех поразила та лошадь своей красотой и статью. Так понравилась она Доду, что он спешился, подошел к ней, обнял за шею и давай целовать. Увидев это, колдунья приказала:

— Запрягите эту вороную лошадь в арбу.

Запрягли вороную лошадь в золотую арбу, села в нее колдунья, а царевич на своего коня. Вмиг доскакали до дворца. Падишах осыпал их жемчугами и изумрудами. Девушки провели невесту в ее покой.

Укрывшись златотканым покрывалом, колдунья сидела у себя и никому не показывала лица.

Тем временем Дод привязал к колу вороную лошадь, вышедшую из родника, и до полуночи не мог отойти от нее. Ухаживал за ней, гладил гриву, целовал, а лошадь тоже не могла оторваться от Дода и все ласкалась к нему.

Колдунья приказала тогда девушкам позвать к ней жениха.

Дод вошел к ней и поклонился. Колдунья сварливо начала ему выговаривать:

— Эй, джигит, или та вороная лошадь, или я! Не то обернусь я голубем и улечу от вас. Если со мной хотите жить, ускорьте свадьбу. И чтоб скорее был сын от вас.

Услышав эти слова, Дод поклонился и со слезами на глазах пошел к царю. Падишах, увидев его огорченным и печальным, спросил:

— Кто обидел тебя, сынок? Скажи! Я сейчас же велю отрубить головы твоим обидчикам и сложить из них башню!

— Государь! — начал свой рассказ Дод.— Вез я с горы Кухи Каф тыкву, по дороге я ее открыл, а из нее вышла прекрасная девушка. Когда мы въехали в город, я ее оставил в хижине и пошел во дворец за арбой, а когда вернулся, на месте красавицы оказалась какая-то пучеглазая старуха. Весит она столько, сколько четырнадцать человек. Старуха говорит, что может обернуться и змеей, и голубем, и пери. Я ее прошу: «Обернитесь же снова пери, иначе как же я введу вас такую во дворец», а она отвечает: «Я дала клятву не показывать никому лица, такую меня и берите. Лицо свое покажу в тот день, когда вашему сыну исполнится семь лет. А не хотите, так обернусь голубем и улечу на гору Кухи Каф». Как же теперь не огорчаться! Я ведь полюбил пери, пораженный ее красотой. Когда мы поехали во дворец, из родника вышла вороная лошадь и начала кружиться вокруг меня. Все, кто видел ее, были поражены: такая она красивая и статная. Тогда старуха велела запрячь эту вороную лошадь в арбу. Каждым своим шагом вороная лошадь покрывала сорок шагов. Приехали во дворец, и я не мог оторваться от той чудесной лошади. Тут старуха позвала меня и начала торопить со свадьбой. Да как же я женюсь на старухе?!

— Не печалься сынок! — сказал падишах.— Это пра-

вильно, что пери могут оборачиваться в кого угодно. Наверное, твоя красавица просто хочет испытать тебя. Свадьбу надо сыграть поскорее. Большое счастье, когда у человека родится сын.

Падишах устроил свадебный пир на сорок дней и сорок ночей. Напоив Дода допьяна, прислужницы отвели его к старухе.

На другое утро Дод вышел во двор, увидел вороную лошадь и давай ухаживать за ней, обнимать за шею, целовать. Одни ясли он приказал наполнить шербетом, другие сахаром.

Шли дни, недели, месяцы. Колдунья объявила, что скоро у нее будет сын. Начала она капризничать, захотелось ей жареного мяса. Призвала она Дода и заявила:

— Позови сейчас же мясника. Пусть он зарежет вороную лошадь. Мне захотелось шашлыка из ее мяса.

Спорил с женой Дод, спорил, но делать нечего. Вызвал Дод мясника и, горько плача, приказал заколоть вороную лошадь. Но как только мясник вошел в конюшню, чтобы выполнить приказ, выпали у него из рук топор и нож: перед ним стояла не лошадь, а прекрасная девушка.

Прибежал мясник к Доду, упал перед ним ниц и говорит:

— Царевич, это вовсе не конь, а пери! Не могу я ее резать, рука не поднимается!

Сказал он так и ушел.

Обрадовался Дод, но не тут-то было. Подняла старуха-колдунья страшный крик. Давай ей шашлыка из мяса вороной лошади и все.

Слуги позвали другого мясника. Тот тоже отказался:

— Да ведь это же украшение вашего дворца, а вы хотите зарезать ее! Вы что, ума лишились? Я не людоед.

И тоже поспешил уйти со двора.

— Что это с мясниками случилось? — сказал Дод.— Что, глаз у них нет?

А старуха колдунья все вопила:

— Зарежьте мне вороную лошадь. Хочу шашлыка из мяса вороной лошади!

Нашли еще одного мясника.

— Хорошо,— сказал мясник,— я зарежу вороную лошадь, только кровь ее берите на себя.

А старуха-колдунья так раскричалась, что Дод уши себе заткнул и только сказал:

— Беру на себя!

Как только набросил мясник на ноги вороной лошади петлю, чтоб повалить ее наземь, она сама легла, только на Дода печально посмотрела.

Мясник ударил по шее лошади ножом. В трех местах выступило по капле крови. Там, где упали те капли, вдруг выросли три тополя, каждый высотой в пять локтей.

Тут прибежала рабыня старухи-колдуньи и закричала:

— Госпожа требует лошадиной печенки.

Мясник отдал ей печень. Старуха съела ее, а потом и все мясо.

Расстроенный вконец тем, что лишился любимой вороной лошади, Дод уехал на охоту.

Когда прошло положенных девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут, родился у его жены сын.

Вызвала старуха-колдунья Дода с охоты и сказала ему:

— Пора вашего сына запеленать и положить в колыбель. Велите срубить те три тополя и сделать двери с четырех сторон дворца и колыбель для сына.

Не хотел Дод рубить те три тополя, но не будешь же спорить с женой, подарившей ему сына. Пригласил Дод во дворец плотника срубить те три тополя и сделать двери и колыбель.

Увидел плотник тополи, и пила и топор выпали у него из рук.

— О царевич, да ведь это не деревья, а красавицы! Что плохого, если в вашем дворце будут жить эти три красавицы.

— Рубите, я приказываю,— сказал Дод, доведенный до отчаяния капризами жены.

— Ладно, я срубаю, только грех возмешь на себя,— сказал плотник.

— Хорошо, беру на себя,— ответил Дод.

Тогда шестеро пильщиков, подручных плотника, подступили к тополям, но те сами тихо качнулись и упали на землю. Мастер напилил досок и сделал колыбель для сына Дода и двери для покоев старухи-колдуньи. Новорожденного мальчика уложили в колыбель и осы-

пали его жемчугом. Но колыбель вдруг сжалась и младенец оказался мертвым. Закричав «Дод!», старуха-колдунья бросилась к двери, но она вдруг зажала ее. Дод прибежал, высвободил жену и со слезами вынул мертвого младенца из колыбели.

Женщины, увидев его слезы, говорили ему:

— Вы еще молоды, у вас будет много детей. Стоит ли убиваться. Все равно ведь вы не оживите его. Сколько ни стирай черную кошму, белой не станет.

Вышел безутешный Дод на улицу, а там у ворот стоял каландар — бродячий монах.

Достал Дод из кармана крупную жемчужину и протянул каландару. Не взял тот жемчуга, показал на стружки и щепки, что остались после работы плотника от трех тополей, и заговорил:

— Отдайте мне вот эти стружки и щепки. Пригодятся они на растопку. Я вас отблагодарю!

— Бери,— ответил Дод.

Только было начал каландар собирать стружки и щепки, как они взвились к небу и улетели.

Каландар вернулся домой, видит: вместо его полуразвалившейся хижины возвышается великолепный дворец, к которому ведут сорок ступеней. От удивления каландар лишился чувств. Придя в себя, он пошел к соседям, чтоб узнать, что случилось и точно ли он попал к себе. Увидев каландара, сосед набросился на него:

— Чтоб сгорел твой дом! Этот неизвестно откуда взявшись дворец полон пери! Не знаем, как дальше нам жить здесь! Народ боится.

Каландар поднялся по сорока ступеням во дворец, появившийся на месте его хижины, глядит: с потолка спускается пери с двумя дивами.

Увидев, что каландар не осмеливается войти, пери прогнала дивов и сказала:

— О благородный каландар, заходите. Этот дворец ваш. Теперь вам следует только одеться.

Она дала ему роскошные одежды. Когда он нарядился, пери отвела его в соседнюю комнату, показала ему на стоявший там большой сундук и распорядилась:

— Отец, откройте сундук, достаньте из него бриллианты и жемчуг, продайте их и устройте на эти деньги пир для жителей всего вашего города. Пригласите и падишаха, и Дода. Когда они придут, каждому на плечи набросьте по златотканому халату.

Калaндар сделал так, как сказал пери. Сорок громадных котлов были поставлены на сорок очагов. Сорок дней и ночей угощал каландар пловом всех вплоть до бедняков, у которых очаги порой и по году не дымились.

Падишах сказал: «Разве пристало мне, падишаху, идти к нищему?» — и не пошел, а послал вместо себя сорок военачальников во главе с Додом.

Каландар вышел к пери и доложил:

— Доченька, падишах не приехал, а прислал Дода и сорок военачальников. Что ты скажешь?

— Это ничего,— ответила пери.— Угощайте их попышнее. Дайте их военачальникам халаты, достойные семи стран, а на Дода наденьте царский халат, а потом покажите ему все строения дворца и под конец приведите его ко мне.

Показал каландар царевичу все строения дворца, а потом привел его к пери. Поклонились Дод и пери друг дружке и тут же лишились чувств. Когда они пришли в себя, пери рассказала:

— Я вижу, Дод, у вас на плечах тыква вместо головы. Удивляюсь, как могли вы поддаться уговорам старухи-колдуньи. Лошадь вороной масти, вышедшая из родника,— это я. А вы не только запрягли меня в арбу и заставили везти старуху-колдунью, но по капризу ее приказали зарезать. Когда же я обернулась тремя тополями, велели плотнику сделать из них двери и колыбель. А когда дверь прищемила колдунью, вы освободили ее. Когда же у вас каландар попросил стружки и щепки и они улетели в небо, вы и тогда, увы, ничего не поняли.

— О моя возлюбленная! — вскричал Дод.— Теперь все понятно! — Он сбежал по сорока ступенькам, вскочил на коня, примчался к себе во дворец. Зашел он к жене-колдунье, а она в это время мыла волосы, и закричал:

— Ну, жена, покажи теперь свое искусство, обернись голубем!

— Рано мне еще показывать свое искусство. Я сначала рожу тебе еще сына и, когда ему исполнится семь лет, обернусь голубем,— ответила колдунья.

Дод схватил ее за волосы, выволок из дворца и велел ясаулам изрубить ее на пятьдесят частей.

Потом Дод пришел к падишаху и сказал:

— Отец, дайте мне награду за радостную весть! Я нашел свою возлюбленную!

Заиграли тут карнаи и сурнаи. Усадив свою пери на разукрашенную арбу, Дод привез ее во дворец. Позади ехали девушки на сорока арбах. Устроили пир, длившийся сорок дней и сорок ночей. Падишах назначил Дода правителем страны. Так сын бедняка Дод и его красавица пери достигли своих желаний.

БАДАЛКАРАЧИ

Едва у дедушкиной кобылицы Лали появлялся на свет жеребенок, как в ту же ночь он исчезал. Так пропали жеребята — Золотой конь и Серебряный конь.

Когда должен был появиться жеребенок Вороной конь, дедушка позвал своего внука Бадала и сказал ему:

— Иди в конюшню и карауль всю ночь.

Чтобы не заснуть, Бадал порезал палец и посыпал рану солью. Хоть и саднило палец, но все же сон оказался сильнее, и Бадал заснул.

Вдруг лошадь заржала. Очнулся Бадал — смотрит, с неба опустилась черная тень, схватила жеребенка и потащила вверх.

Выхватил Бадал меч и ударил. Тень исчезла.

Наступил рассвет. Бадал видит, что у его ног лежит коготь величиной с чинару.

Позвал дедушка к себе Бадала и двух его старших братьев и сказал:

— Жеребят у нас таскает Черный див, отправляйтесь на розыски. Убейте дива и приведите всех похищенных коней.

Братья отправились в путь.

Отъехали они далеко. Перед ними было три дороги. И у каждой лежало по камню. На первом камне было написано: «Пойдешь — вернешься»; на втором «Либо останешься жив, либо нет»; на третьем: «Совсем не вернешься».

Бадал сказал:

— Выбирайте.

Старший брат выбрал дорогу «Пойдешь — вернешься», средний — «Либо останешься жив, либо нет».

Отправился Бадал по дороге «Совсем не вернешься».

День и ночь он ехал.

Наконец увидел — вдали что-то блестит.

Заинтересовался Бадал и направил коня в ту сторону. Когда он подъехал поближе, увидел высокий замок. Стенки замка были позолочены и сияли под лучами солнца.

Ворота замка были заперты.

Но Бадал и на минуту не задумался. Быстро перелез через стену и спустился внутрь.

В замке было сорок комнат.

Бадал зашел в каждую из них. В одной комнате было золото; в другой — серебро; в третьей — сласти; сахар, леденцы, халва, нишолды; в четвертой — сто сортов всяких кушаний; в пятой — китайский фарфор; в шестой — серебряная посуда; в седьмой — золотая; в восьмой — невиданной красоты золотые украшения; в девятой — алмазы; в десятой — рубины. В каждой комнате что-нибудь да было.

На одном дворе били копытами и ржали чистокровные кони, на другом — потряхивали колокольцами верблюды, на третьем — топтались слоны, на четвертом...— да разве все перескажешь, что нашел Бадал в замке.

Осмотрел Бадал все и дошел до роскошных палат. Там сидела девица невиданной красоты.

— Сюда влетит птица — у нее крылья сгорят, сюда человек войдет — ноги обожжет,— сказала девица.— Что ты тут делаешь, эй, дитя человеческое? Как ты не побоялся за свою голову, пришел сюда?

Поклонился Бадал девице и сказал:

— Не говори, во-первых, с голодным, во-вторых — с изнемогающим от жажды и усталости.

Девица хлопнула в ладоши.

Прислужница принесла на золотом блюде плов, сваренный в котле с семью ушками, на серебряном блюде — мясо семи баранов, на деревянном — белые сдобные лепешки. Бадал в семь глотков съел плов, в семь глотков — хлеб. Запил все семью чайниками чаю и пришел к девице.

— О красавица,— сказал он,— есть ли в этом доме где-нибудь запрятанный кусочек сухой лепешки?

Удивилась девица:

— Глупый, разве я не приказала подать обед на сорок человек?

Она встала и пошла посмотреть. Увидев, что Бадал все съел, девица рассмеялась:

— Ты — богатырь с блюдами и котлами, посмотрю, какой ты богатырь с дивами!

— Ага, вот дивов я и ищу! — сказал Бадал.— Скажи, красавица, кто ты сама? Что ты тут делаешь в обиталище дивов?

— Зовут меня Оккыз. Меня украли у отца-матери и принесли сюда дивы.

Тут подул холодный ветер, и начался буран. Вдали поднялась стена снега и закрыла небо.

— В чем дело? — спросил девицу Бадал-богатырь.

— Белый див идет. Беги, джигит, а то пропадешь.

Бадал выбежал из замка и спрятался под мостом, переброшенным через ров.

Земля задрожала. Загрохотали копыта. Все вокруг окуталось, побелело от снега. Стало холодно, листья на деревьях завяли, птицы замерзали на лету. На Серебряном коне на мост въехал страшный Белый див.

Серебряный конь только ступил копытами на мост — и встал точно вкопанный.

— Чу-чу,— понукал коня Белый див, но Серебряный конь не двигался.

Тогда Бадал выскочил из-под моста. Белый див вскричал:

— Кто посмел преградить путь морозу?

— Огонь! — сказал Бадал.

— Драться, бороться или рубить будешь? — спросил див.

— Бороться! — ответил Бадал.

Стали они бороться. Бадал обхватил Белого дива так крепко, что кости его затрещали. Богатырь поднял на воздух Белого дива и со всего размаху ударил об мост. Доски проломились, и Белый див застрял среди них, как клин в расщепленном бревне.

Бадал отрубил Белому диву голову и бросил в ров.

Вернулся Бадал с Серебряным конем в замок.

Оккыз очень обрадовалась, увидев Бадала целым и невредимым.

Принесла она на золотом блюде и поставила перед Бадалом плов, который приготовила для Белого дива.

Не успел богатырь съесть плов, как вдруг замок заслонила желтая пыль.

— Желтый див идет,— сказала девушка.

Богатырь вышел из замка и снова спрятался под мостом.

Воздух нагрелся, земля накалилась точно железо, пламя вспыхнуло, живые твари изжарились с треском.

Словно ветер несшийся Золотой конь подскакал к мосту и остановился как вкопанный.

Див взревел:

— Кто преградил путь огню?

— Вода! — ответил богатырь.— Огонь рассыплю, сваришься! Водой залью, погаснешь!

— Тогда выбирай: стрелять, рубиться или бороться!

— Буду бороться! — сказал богатырь.

Борьба началась. Желтый див не считал джигита опасным противником и думал в одно мгновение побороть и испепелить его. Но силен был Бадал, и борьба продолжалась долго. Девица Оккыз забеспокоилась. Вот-вот должен был вернуться Черный див.

Девушка выбежала из замка и поднялась на мост.

Влила она в рот Бадала кувшин остуженного чая — и сразу же у него прибавилось сил.

Крепко уперся ногами Бадал в землю и, произнеся «Э, счастье!», поднял дива и швырнул в ров.

Желтый див с размаху воткнулся головой в землю и наружу остались торчать только его ноги.

Отвел Бадал Золотого коня во двор и пошел поблагодарить девушку.

Тут все вокруг потемнело.

— Еще что случилось? — спросил богатырь.

— Черный див идет! — ответила девушка.— Берегись, это самое страшное и злое чудовище.

Спустился на землю мрак, на небе появились звезды.

Богатырь снова вышел к мосту, смотрит — на другом конце моста сверкают в ночи, точно у волка, глаза Черного дива. Ехал Черный див верхом на молодом Вороном коне.

Скакун, почуяв Бадала, радостно заржал и остановился как вкопанный.

— Чу! Чтоб тебе пропасть! — понукал Вороного коня Черный див.

Вдруг Черный див увидел Бадала и заорал:

— Кто ты, что смеешь становиться на пути мрака?! — и набросился на джигита.

Между ними завязалась борьба. Черный див был очень силен, но и богатырь ему не уступал.

Прошел день, настала ночь, прошла ночь, снова наступил день, а Бадал все боролся с Черным дивом. Наконец пришла Оккыз и высыпала под ноги Черному диму ведро проса.

Черный див поскользнулся и растянулся на досках моста.

Богатырь выхватил меч и отсек Черному диву голову.

В тот же миг мрак рассеялся... На небе ярко засветило солнце.

Богатырь вернулся в замок.

— Я уезжаю,— сказал он девице.

— О цветок моего сада, о соловей моего цветника, почему ты хочешь уехать? — спросила красавица.

Бадал-богатырь поклонился и сказал:

— Не знаю, что с моими братьями.

Опечалилась девушка, но пошла проводить Бадала до ворот.

Сел он на Вороного скакуна, взял за повод Золотого и Серебряного коней и в один миг исчез.

Вернулся Бадал к камню с надписью: «Либо останешься жив, либо нет» и поехал по этой дороге.

Скоро он приехал в большой город. Был базарный день.

Бадал-богатырь подошел к лавчонке, где продавались вареные бараньи головы.

Вошел в лавчонку, видит — его средний брат, грязный и оборванный, подкладывает дрова в очаг.

Бадал-богатырь дал хозяину лавки теньгу и сказал:

— Отрежь мяса на одну теньгу от бараньей головы и пошли мне вон в чайхану напротив со своим истопником.

— Куда я пошлю этого грязного, поганого. Я лучше сам подам.

— Нет,— возразил Бадал-богатырь,— пошлите с ним.

Когда средний брат принес на одну теньгу бараньей головы, Бадал-богатырь сказал ему:

— Садись, ешь!

— Кушайте сами!

— Эх ты, недогадливый,— возразил Бадал-богатырь,— разве я приехал в этот город для того, чтобы поесть бараньей головы.

Тут средний брат узнал Бадала-богатыря и заплакал от радости.

Бадал купил ему хорошее платье, посадил на Серебряного коня, и они поехали.

Вернулись братья к камню «Пойдешь — вернешься» и поехали по дороге. Скоро прибыли они в большой город.

Завернули братья в первый попавшийся караван-сарай. Поводья лошадей принял слуга, подметавший двор. Смотрят — а это старший брат.

Посадил его Бадал на Золотого коня, и поехали они домой.

Скакуны мчались словно ветер, и к вечеру они прибыли в замок дивов.

Девица приняла братьев как дорогих гостей.

— Теперь давайте отдохнем,— сказал после ужина Бадал,— а рано утром снова двинемся в путь.

В полночь старший брат разбудил среднего.

— Вставай, нужен совет. Если наш брат расскажет обо всем отцу и сам станет хозяином всех богатств этого замка, лучше нам умереть, чем переносить такой позор.

— Правильно говоришь! — сказал средний брат.

Они привязали на пороге острый меч и закричали:

— Эй, враги у ворот!

Бадал-богатырь вскочил, бросился в дверь и тут же упал.

Меч отсек ему обе ноги.

Прибежала Оккыз, нажгла ваты и, обливаясь слезами, перевязала раны богатыря.

А тем временем братья собирались в дорогу. Все богатства они погрузили на верблюдов.

Увидел это Бадал-богатырь и сказал братьям:

— Увы, братья, вы сделали черное дело, и я остался здесь. Положите только около меня лук и стрелы.

— Ну что же, положим! — поневоле согласились вероломные братья.

— Я останусь с Бадалом,— сказала девушка Оккыз.

— Нет,— возразили братья и увезли с собой красавицу.

Богатырь в замке остался один.

Бадал был хороший стрелок. Он убивал пролетавших в небе птиц и готовил себе пищу.

В один из дней Бадал ползком выбрался из замка. Видит — безрукий человек гонится за джейраном.

Безрукий был такой быстроногий, что все время держался рядом с джейраном, но схватить его, конечно, не мог. Рук-то у него не было.

Бадал-богатырь прицелился и пустил стрелу. Джейран свалился.

Бадал и безрукий подружились и стали вместе жить.

Как-то Бадал-богатырь спросил:

— Кто тебе отрубил руки?

— Я был лихой джигит,— расказал безрукий,— никто не мог сравниться со мной в силе и смелости. Однажды хан устроил кокбури — козлодрание. И я отнял у самого хана козла на полном скаку. В гневе хан приказал отрубить мне обе руки.

Бадал и безрукий теперь охотились вместе.

Когда они выходили на охоту, безрукий брал на плечи богатыря.

В один из дней они нашли в степи слепого юношу и взяли его с собой.

— У меня была невеста красавица,— рассказал слепой,— хан узнал о ее красоте и решил забрать девушку в свой гарем. Когда за моей невестой пришли воины хана, я схватил меч и напал на них. Увы, их было много — и они одержали верх. Хан приказал ослепить меня.

Тогда Бадал-богатырь и его новые друзья решили освободить невесту слепого. Много дней они поджидали случая и, наконец, пробрались во дворец и похитили ее из ханского гарема.

Ханские прислужники погнались за ними, но дойдя до камня «Совсем не вернешься», струсили и вернулись обратно.

Девушка стала жить в замке, смотреть за хозяйством, готовить Бадалу и его друзьям пищу.

Дни проходили.

Когда джигиты уходили на охоту, девушка оставалась одна. Как-то поднялся сильный ветер и погасил огонь в очаге.

Девушка очень огорчилась, что к приходу джигитов не будет готов обед.

Поднялась она на башню и увидела вдали дымок.

Пошла девушка в том направлении и дошла до пе-

щеры. Смотрит — сидит старая-престарая старуха и поджаривает зерна кукурузы.

— Салам, бабушка,— сказала девушка.

— Если бы не твое приветствие, то я тебя проглотила бы! — сказала старуха.

Старуха эта была страшная ведьма Алмауз Кампыр.

— Что тебе надо, внучка? — спросила Алмауз Кампыр.

— Дайте мне горячих угольков.

— Бери! — сказала старуха, дала девушке полный совок углей, а вдобавок насыпала ей в подол жареных зерен кукурузы.

Девушка так торопилась в замок, что по дороге рассыпала много зерен.

Прибежала девушка в замок, быстро разожгла в очаге огонь, и к приходу джигитов плов был готов.

Назавтра, когда джигиты снова ушли на охоту, Алмауз Кампыр по рассыпанным зернам нашла дорогу в замок.

Девушка вежливо поздоровалась со старой ведьмой:

— Салам, бабушка, заходите.

— Если бы не твой «салам», я бы тебя проглотила. Причеши-ка мне голову.

Алмауз Кампыр положила голову на колени девушке, и, пока та причесывала ее, стала сосать из нее кровь.

Перед возвращением джигитов ведьма ушла, предупредив:

— Если только заикнешься, что я была, я тебя проглочу.

Каждый день Алмауз Кампыр сосала кровь девушки и мучила ее.

Наконец Бадал-богатырь заметил, что девушка стала бледная, точно смерть.

— Что с тобой сделалось, сестрица? — спросил он.

Девушка ответила:

— Ничего не сделалось.

— Нет,— сказал Бадал-богатырь,— если ничего не случилось, ты от мяса джейрана должна бы стать толстой и красной. Если тебя кто-нибудь обидел, скажи.

Но девушка так ничего и не рассказала.

— Что-то тут есть, друзья! Сегодня ты покарауль,— сказал Бадал-богатырь слепому.— Что бы ни случилось, ты нам расскажешь.

Они оставили слепого в замке.

В обычное время приковыляла Алмауз Кампыр:

— Эге, человечиной пахнет! — сказала она и привязала задвижку двери прядью своих волос.

Когда слепой услышал, что девушка плачет, и хотел зайти в комнату, дверь оказалась закрытой, и он ничего не узнал. Наутро Бадал-богатырь решил сам последить и остался в замке.

Только пришла Алмауз Кампыр, он подполз к двери и стал слушать.

— Салам, бабушка! — сказала девушка.

Старуха, как обычно, начала:

— Если бы не твой «салам», я бы тебя проглотила.

Но тут Бадал-богатырь протянул в дверь руку и схватил ведьму за волосы и скрутил.

— Не Бадал ли богатырь ты, что за напасть?! — завизжала ведьма.

— Да, я самый! — ответил Бадал-богатырь.— А ну, скажи свое последнее слово! Сейчас я тебе отрубаю голову.

— Не убивай, прошу тебя, не убивай! Я верну тебе ноги, только не убивай!

Тут вернулись друзья богатыря.

— А как ты вернешь мне ноги? — спросил Бадал-богатырь.

— Я проглочу тебя и выкину обратно, и ты станешь таким, как был.

— Ладно, останешься жить, но начнешь со слепого,— сказал Бадал-богатырь.— Если вздумаешь схитрить, тут тебе и конец.

Ведьма проглотила слепого и вернула его зрячим с острыми глазами, проглотила безрукого и вернула его с руками.

Теперь пришла очередь Бадала-богатыря.

— Будьте внимательны, возьмите в руки мечи: когда она проглотит меня и не захочет вернуть, разрубите ее и достаньте меня! — сказал Бадал-богатырь.

Его друзья обнажили мечи. Ведьма проглотила богатыря.

— Верни,— сказали джигиты.

Ведьма сидела, выпучив глаза.

— Убьем,— сказали джигиты.

— Ха, ха! Ну и ладно. Бадал-богатырь тоже умрет вместе со мной,— засмеялась Алмауз Кампыр.

Тогда джигиты изрубили ведьму на куски, а богатыря не нашли.

Джигиты очень огорчились.

Тут воробей прыгнул на подоконник и зачирикал:

— Чир-чир-чир! Ми-зи-не-ц!

Девушка сказала:

— Посмотрите в мизинце.

Они разрезали мизинец ведьмы, и оттуда живой и со здоровыми ногами выскочил Бадал-богатырь. От радости топнул он ногой об пол и затанцевал.

Вдруг смотрит — голова Алмауз Кампыр катится к выходу и бормочет:

— Я еще тебе задам, я еще тебе задам!

Бросились за головой три джигита и изрубили ее на мелкие куски.

Тут пришел ведьме Алмауз Кампыр конец.

Три джигита и девушка вчетвером пустились в путь. Сначала они заехали в дом девушки.

Родители девушки, не найдя ее следов, считали ее умершей и уже хотели объявить траур. С приездом друзей траур обернулся свадьбой. Девушку выдали замуж за бывшего слепого.

Пировали сорок дней.

Потом заехали в дом бывшего безрукого, попировали и там.

Наконец Бадал-богатырь отправился домой.

В тот день, когда он вернулся в родные места, дедушка его устроил пир по случаю свадьбы старшего сына, который брал в жены Оккыз.

Бедная Оккыз никак не хотела выходить замуж и все думала о Бадале-богатыре.

Богатырь вошел в дом.

— Мой любимый! — воскликнула Оккыз и бросилась в объятия богатыря.

Для богатыря и Оккыз это был день большой радости, а для братьев — день несчастья.

Бадал-богатырь привел своих братьев к деду, поставил их перед ним и сказал:

— Рассудите нас.

— Говори,— сказал дед.

Тогда Бадал-богатырь обратился к старшему брату.

— Я ли, грязный, оборванный, подметал, убирал и привязывал коней путешественников в караван-сарае? И ты ли меня выручил?

— Увы! — сказал старший брат.

— Я ли, вонючий, поганый, подкладывал дрова в очаг торговца вареными бараньими головами? И ты ли меня выручил?

— Увы! — сказал средний брат.

— А вы мне отрубили в благодарность ноги и бросили одного на верную смерть.

Сказал так Бадал-богатырь, повернулся и вышел из комнаты.

Выгнал тогда дед вероломных братьев из дома.

ВОЛШЕБНЫЙ КОВРИК

 давние времена в старинном городе Нурабаде жили старик со старухой. Прожили они вдвоем долгую жизнь, а детей не имели. И только когда мужу уже было за пятьдесят, а жене за сорок, у них наконец, родился сын.

С рождением ребенка у стариков появились новые заботы и хлопоты. Надо было его накормить, напоить и спать уложить, надо было за ним ухаживать, нянчить его и лелеять. Словом, старик и старуха занялись воспитанием своего сына.

Время шло, мальчик подрастал. Когда он достиг школьного возраста, они отвели его к ученому домулле. Домулла стал обучать его чтению и письму. Каждый день утром, перекинув через плечо матерчатую сумку с книжкой, тетрадью и тростниковым пером, мальчик уходил к учителю, а в полдень возвращался домой.

Мальчик был способный, сообразительный, учился хорошо. Вскоре он постиг все тайны науки и стал самостоятельно читать разные книги, а если в книгах встречались непонятные ему слова и выражения, он получал разъяснения у своего домуллы или других знающих людей. Таким образом, когда ему исполнилось двадцать лет, он уже хорошо овладел наукой и стал образованным человеком.

Однажды юноша повстречался с одним стариком и долго беседовал с ним. Старик дал ему много советов и наставлений, объяснил ему значение тайных волшебных чудодейственных слов и заклинаний. На память

он подарил юноше маленький коврик. Принимая подарок, юноша поблагодарил старика.

— Отец, спасибо. Коврик будет всегда напоминать мне о вас и о ваших мудрых наставлениях.

Тогда старик рассказал, что коврик отличается чудодейственной силой, и дал ему еще один совет:

— Теперь ты уже совсем большой, пора тебе жениться. Скажи своим родителям, пусть они тебя женят на царской дочери. Если они скажут, что найдут, мол, тебе другую невесту, ты не соглашайся. Скажи: нет, другую не хочу, сватайте дочь царя.

Юноша взял коврик и не успел глазом мигнуть, как старик исчез, будто его и не было...

Волшебный коврик отличался действительно чудесным свойством: стоило только захотеть, как он мог в один миг перенести человека куда угодно, в любую страну. Для этого надо было усесться на нем и сказать:

«Коврик, коврик, окажи честь деду, взвейся вихрем, унеси меня скорее».

В то же мгновение коврик быстрее молнии поднимался в воздух и летел в любую страну или город в указанное место. Тогда достаточно было сказать: «О волшебный коврик, сделай одолжение, по веленью деда превратись в платочек!»

И ковер превращался в маленький платочек.

Расставшись со стариком, юноша не один раз проверил волшебную силу коврика и убедился, что старик сказал правду.

Вечером после ужина юноша сказал отцу и матери:

— Любимые, вы меня воспитали, вспоили, вскормили, и я стал уже взрослым человеком. Теперь у меня есть к вам большая просьба — жените меня.

— Хорошо, сынок,— отвечали ему старик и старуха.— Завтра поищем тебе невесту.

— Кого вы думаете посватать?

— Выберем тебе красивую воспитанную девушку из хорошей семьи, знатного рода. Чья дочь окажется подходящей, ту и будем сватать.

— Нет,— возразил сын.— Сватайте мне царскую дочь.

— Что ты говоришь, сынок? Мы ведь бедняки. Да разве мыслимое дело, чтобы я, бедный человек, стал царским сватом?! За свою дочь он потребует большой калым, а где мы возьмем такое богатство? Слава богу,

ты у нас неглупый, сам понимаешь. А ну-ка, пораскинь умом, во что это станет!

— Я понимаю, отец, а вы все-таки посватайте царскую дочь. Посмотрим, что царь вам ответит. А там видно будет, что делать,— сказал юноша.

— Сынок, достаточно только заикнуться о сватовстве — и царь сейчас же позовет палачей.

— Вы не бойтесь, отец, пойдите да узнайте, что он скажет.

— Ну ладно, сынок,— согласился старик.

На другой день вечером сын спросил:

— Ну что, отец, вы ходили?

— Нет, сынок, побоялся я идти,— ответил старик.

И на второй день старик тоже не пошел, побоялся. Страшно было идти к царю. Наконец на третий день старик ни свет ни заря отправился во дворец. Он прошел в открытую калитку, подмел двор и вернулся домой. На другой день он опять пошел во дворец и стал подметать двор. Вдруг выскочили царские слуги, схватили старика и повели его к царю.

— Ты чего, старик? Зачем пришел? Что ты здесь делаешь? — грозно накинулся на него царь.

— О могучий властелин мира! Великий султан! Ваш ничтожный раб пришел служить и умереть рабом у ваших ног. У меня есть сын, ваш молодой смиренный раб. Хочу про-сить пос-ва-тать за него... вашу дочь...

Старик тут запнулся, сбился и так запутался, что не мог больше выговорить ни одного слова.

Царь впал в ярость. Лицо его перекосилось от гнева, глаза чуть не вылезли из орбит. Он крикнул:

— Палачей!

В один миг перед троном предстали сразу три палача. Низко поклонившись царю, они сказали в один голос:

— Мы разим словом и мечом. Пусть дрожат злодеи. Мечи у нас стальные. О властелин, какой злодей осмелился перечить вашей милости?! Где непокорный? Скажите, чей смертный час настал?

Грозно приказал царь:

— Возьмите этого старика. Пришел он за смертью в мой дворец. Задумал он царский двор мести! Приказываю за дерзость ему отрубить голову и выставить всем напоказ, пусть будет каждому урок — не задирать свой нос без меры.

Палачи схватили старика и потащили его к дверям.

У царя был очень мудрый визирь. Он попросил простить старику его проступок. Царь с криком набросился на визиря:

— Что ты хочешь сказать? Чтобы я отдал свою дочь за сына этого старого греховодника?

— О властелин мира! — сказал визирь, почтительно кланяясь.— Зачем же проливать кровь этого бедняги. Лучше поставьте ему какое-нибудь условие. Можно придумать что-нибудь потруднее. Тогда он сам больше сюда не явится.

— Ну тогда сам придумай для него условие, только трудное,— согласился царь.

Визирь остановил палачей, высвободил старика из их цепких рук и сказал ему:

— Отец, отправляйся-ка домой и скажи своему сыну, пусть он пойдет в кишлак Байткурган, что находится поблизости от города, в восточной стороне. На краю кишлака стоит большая хлебная печь, врытая в землю. В той печи живут старик со старухой. Выходят они оттуда только по очереди, да и то всегда в одном и том же халате. Пусть ваш сын разузнает, почему они живут в печи, а не в доме, как все честные люди, и почему они выходят всегда в одном и том же халате. Может быть, у них халаты одинаковые или у них только один халат на двоих. Если ваш сын все разузнает, тогда царь отдаст за него свою дочь.

Старик вернулся домой и рассказал все сыну.

На другой день утром юноша попросил отца и мать дать ему доброе напутствие и пожелать счастливого пути. Выйдя из дома, он развернул коврик и едва успел сказать заклинание, как волшебный коврик взвился в небо и вмиг доставил его в кишлак Байткурган. Там действительно стояла большая печь.

Подойдя поближе, юноша сел напротив и стал поджидать. Около полудня из печи вылез белобородый старик в стареньком халате. Он сходил по нужде, совершил омовение и опять залез в печь. Немного погодя из печи вылезла старуха. Она была в таком же халате, как и старик. Сделав все, что ей было нужно, и совершив омовение, старуха опять залезла в печь.

Прошло еще часа три-четыре, а юноша все сидел на своем месте и ждал. Перед заходом солнца, когда пришло время третьей молитвы, белобородый старик

снова вышел из печи, совершил омовение и тем же путем вновь скрылся. После него вышла старуха по своим делам и опять исчезла.

На следующий день около полудня юноша опять сел напротив печи и стал смотреть. На этот раз, когда старик опять вышел наружу, к нему подошел юноша, почтительно поклонился и спросил его, почему они со старухой живут в хлебной печи и выходят в одном и том же халате.

— Оставь меня, сынок, в покое,— сказал белобородый старик,— не отрывай от дела. Нехорошо будет, если я из-за тебя пропущу молитву.

Однако юноша крепко уцепился за него и не отставал.

— Отец, вы должны сказать. Я не уйду, пока вы не скажете,— настаивал он.

Но старик не хотел говорить. Юноша продолжал настаивать. Видит старик, что юноша не отступает, думал-думал и наконец сказал:

— Если ты сумеешь выполнить мое условие, так и быть скажу тебе, а если не сумеешь, то лучше не мучайся, не затрудняй ни себя, ни меня.

— Ну, скажите, какое у вас условие? — спросил юноша.

— Вот мое условие,— ответил старик.— В городе Карабулаке на кладбище есть маленькая лачуга. В ней живет старик сторож. День и ночь он плачет. Пойди в тот город и спроси у старика, кто у него есть там, в этом городе, из родственников и почему он сам день и ночь плачет и чем он живет. Если ты обо всем узнаешь, только тогда и я открою тебе свою тайну.

Юноша сел на свой волшебный коврик и полетел в город Карабулак. Разыскав кладбище, он зашел к старику в лачугу и поздоровался. Старик вежливо пригласил его сесть и вопросительно посмотрел на него.

— Добро пожаловать, сынок,— сказал он.— Откуда вы прибыли и с какой целью?

— Я живу в городе Нурабаде. Услыхал я там про вас и приехал сюда, чтобы узнать, верно ли, что мне сказали. Вы все время плачете. Почему? Я задам вам еще два-три вопроса и прошу вас ответить мне на них.

— Полно, сынок,— ответил старик,— оставь меня в покое, не мешай мне плакать. Не забивай мне голову своими вопросами. Они мне хорошо известны. Много та-

ких, как ты, приходят ко мне, но ни один из них ничего не добился, все уходят от меня, ничего не узнав.

— Отец, не сравнивайте меня с другими. Я не уйду отсюда, пока не получу ответа,— повторил юноша.

Тогда старик, видя его упорство, сказал:

— Сынок, у меня есть условие. Если ты его выполнишь, тогда я отвечу тебе на вопросы!

— Говорите, отец, я выполню! — сказал юноша.

— В городе Акбулаке живет один пекарь,— сказал старик.— У него в пекарне двадцать хлебных печей. Каждый день с утра до обеда в них пекутся лепешки. Ни разу ни одной лепешки еще не было продано. После обеда в пекарне начинается уборка. Выносят все лепешки, испеченные с раннего утра до обеда, и грузят на арбы. Каждый день нагружают двадцать-двадцать пять арб. Хозяин пекарни садится на первую арбу и приказывает трогаться в путь. За городом в двадцати верстах протекает большая река. Как только арбы подъезжают к реке, хозяин пекарни велит сбрасывать лепешки в воду. Разгрузив все арбы, он возвращается в город. Вот уже несколько лет пекарь занят только этим делом. В пекарне ежедневно работает семьдесят-восемьдесят мастеров, всем им платят жалование. На выпечку лепешек в день уходит не меньше ста мешков муки. Ты пойди в этот город и спроси у пекаря, какая ему польза выкидывать лепешки в реку.

Юноша расстелил коврик, сел на него и в один миг перелетел в город Акбулак. Разыскав пекарню, он сел в сторонке и стал наблюдать за работой пекарей. Мастера выпекли лепешки, погрузили их в арбы, хозяин сел на переднюю арбу, и весь караван поехал к реке. Юноша сел на последнюю арбу и тоже поехал со всеми вместе. Как только караван оказался на берегу реки, хозяин пекарни велел сбрасывать лепешки в воду.

На другой день утром юноша зашел в пекарню, смотрит — у двадцати печей суетятся мастера, пекут лепешки, а посередине на возвышении, покрытом большим красным ковром, облокотясь на пуховые подушки, сидит плотный пожилой человек лет пятидесяти. Это и был хозяин пекарни. Юноша поклонился, поднялся на возвышение и поздоровался с ним. Хозяин тотчас же пригласил его сесть и приказал подать чаю. Потом разломил на куски горячую лепешку и, пододвинув поднос к юноше, стал угощать его.

— Пожалуйте, гостем будете, отведайте чаю с горячей лепешкой.

— Я много слышал про вас в своем городе,— сказал юноша,— и приехал посмотреть своими глазами, чтобы убедиться, правда ли то, что про вас говорили. Теперь я вижу, что все это правда. Слыхал я, что вы уже двадцать пять лет занимаетесь этим делом. Скажите мне, где вы достаете столько денег и почему вы расточаете свое богатство, бросая его в реку?

— Эх, джигит,— сказал пекарь,— если вам нужны деньги, пожалуйста, берите, я дам сколько угодно. Может быть, вам нужно еще что-нибудь другое,— скажите, я все сделаю, только про это дело даже не заикайтесь, не скажу.

— Послушайте, хозяин, я во что бы то ни стало решил узнать, но без вас, конечно, не могу сделать, так как ключ к достижению моей цели в ваших руках. Все будет зависеть от вашего ответа. Я надеюсь, что вы порадуете меня хорошим ответом.

Тогда хозяин пекарни сказал:

— У меня есть одно условие. Если вы его выполните, я вам скажу все, а если не выполните, то не пеняйте на меня.

— Скажите, что за условие? — спросил юноша.

— В городе Хорасане живет один шорник. За весь год работы он изготовляет всего-навсего одно только седло. Окончив свою работу, он продает седло за тысячу теңег. Покупатель дает ему деньги, берет седло и уходит. Шорник смотрит на деньги, и вдруг лицо его бледнеет, холодный пот выступает на лбу, глаза загораются огнем, он вскакивает и зовет покупателя назад, отбирает седло и возвращает деньги. «Что случилось?» — спрашивает удивленный покупатель. «В одном месте есть недоделка»,— отвечает шорник. «Ну ладно, доделайте, а деньги пусть будут у вас». «Нет, не нужно»,— говорит мастер. Несет седло к себе и, положив на колодку, начинает рубить его топором и рубит до тех пор, пока от седла останутся щепки. Почему ему не жаль потраченного труда? Вот если бы вы отправились в Хорасан и узнали, в чем дело! Выяснили бы, почему он снова делает седло, ведь все равно его сломает.

Юноша распрощался с пекарем и ушел. Выйдя за город, он сел на волшебный коврик и в один миг перелетел в город Хорасан. Он пришел в мастерскую шор-

ника как раз в тот момент, когда он сделал уже седло и занялся его отделкой. Через два дня седло было готово. Мастер рассматривал седло, любовался своим мастерством. Он был очень рад, что получилось такое красивое седло. Многие прохожие останавливались, чтобы осмотреть его и прицениться.

Около полудня явился какой-то байский сын и спросил:

— Послушайте, отец, сколько стоит ваше седло?

— Тысячу тенег.

— Это очень дорого!

— Если вы понимаете толк в хороших вещах — возьмете и за тысячу. А не возьмете, беда невелика, пусть лежит у меня.

— Уступите, скажите более подходящую цену,— настаивал байский сын.

— Цена окончательная. Если дорого, не берите,— сказал шорник.

Байский сын купил седло за тысячу серебряных монет. Отсчитав и уплатив деньги, он взял седло. Получив деньги, шорник изменился в лице, громко позвал покупателя. Байский сын вернулся.

— Возьмите свои деньги, давайте мне седло! — сказал шорник.

— Почему? — удивился покупатель.

— В одном месте есть недоделка, надо поправить,— ответил мастер.

Он забрал седло и унес его в мастерскую, разрубил его на мелкие кусочки. А на другой день принялся делать новое седло.

Тогда юноша вошел к шорнику в мастерскую и после обычных приветствий сказал:

— Отец, я слышал обо всех ваших делах и не верил. Приехав сюда, я видел сам, как вы сделали седло, продали, забрали назад и тотчас же порубили его. Целый год вы трудились, неужели вам не жалко потраченного труда?

— Оставь меня в покое, сынок, не мешай мне работать!

— Нет, отец, я вас так не оставлю, вы мне скажете.

— У меня нет времени рассказывать об этом.

— Расскажите мне,— упрашивал юноша.

Видя, что юноша не отстает, мастер сказал:

— Я скажу только с одним условием. Надо разгадать одну тайну. Если ты сумеешь узнать...

— Говорите, отец, я узнаю! — воскликнул юноша.

— Говорят, что в городе Ширабаде есть могучий царь по имени Санобар. Много лет тому назад ему понравилась маленькая девочка Гуль, лет пяти-шести, и он уговорил родителей отдать ему ее на воспитание. Приставил он к ней хороших мамок и нянек, словом, ничего не пожалел, чтобы воспитать Гуль, как принцессу. Наконец девочка подросла, достигла совершеннолетия, и царь женился на ней, устроив богатый свадебный пир. И вот спустя некоторое время повсюду пошли слухи, что царь Санобар посадил бедняжку Гуль в железную клетку. Почему он так ее мучает? Неужели нельзя было отпустить ее домой к родителям? Вот, сынок: ты пойди в город Ширабад и разузнай эту тайну. Если узнаешь, то и я раскрою тебе свою тайну.

Юноша распрощался с шорником, вышел за город, сел на волшебный коврик и полетел в город Ширабад к царю Санобару. Спустившись на землю, юноша увидел перед собой высокую крепость. На стенах стояла грозная стража.

Юноша прожил в городе много дней, присматривался, прислушивался, а сам тем временем все думал, как ему пробраться во дворец к царю Санобару.

Однажды он познакомился с дворцовым поваром и с его помощью устроился учеником на царскую кухню. На кухне юноша работал с большим усердием, старался во все вникать и вскоре изучил поварское искусство. Своей ловкостью, расторопностью и умением выполнять любую работу он заслужил любовь поваров. Вскоре его сделали помощником главного повара, готовившего кушанья самому царю Санобару, а когда ему случалось печь и варить самому, у него все выходило во много раз вкуснее, чем у самого повара. В конце концов старший повар поручал ему готовить кушанья, а сам только похаживал по кухне, наблюдая за работой.

Однажды старший повар уехал к родственникам на свадьбу, поручив юноше готовить для царя.

Каждое блюдо, поданное им к царскому столу, отличалось особым вкусом. Через день вернулся старший повар и сам приготовил все кушанья. После обеда царь Санобар вызвал его к себе и спросил:

— Кто вчера готовил завтрак, обед и ужин?

Старший повар с перепугу не решился сказать правду.

— О властелин мира, я сам готовил все,— ответил он.

— Ты не лги, вчера был другой повар.

— О властелин мира, я скажу правду, только пощадите меня! — взмолился повар.

— Пощажу! — сказал царь.

— О государь! Вот уже год, как мы взяли на кухню одного юношу. Сейчас он работает у меня. Очень старательный юноша. Все умеет делать, всему научился.

— Он был твоим учеником, а теперь ты должен у него учиться. Он готовит кушанья лучше тебя. Приведи ко мне юношу,— сказал царь.

Повар, согнувшись в поклоне, побежал на кухню.

— Ну, джигит,— сказал он,— тебе повезло, сам царь зовет тебя. Если он назначит тебя старшим поваром вместо меня, прошу, не забывай меня. Ведь я тебя научил поварскому искусству.

— Будьте спокойны, вы сделали мне много добра, я никогда этого не забуду,— успокоил повара юноша и пошел во дворец. Он прошел мимо грозной стражи, стоявшей у входа с копьями на плечах, мимо царских телохранителей, мимо суровых военачальников и, смело шагая по роскошным коврам, наконец предстал перед самим царем.

— Это ты молодой повар? — спросил царь.

— Да, государь,— ответил юноша.

— У тебя есть родители?

— Есть, государь.

— Они старые?

— Да, уже состарились.

— Слышал я, что ты служишь нам усердно.

— Я только выполняю свои обязанности,— ответил юноша.

— Проси у меня, что твоей душе угодно,— сказал царь.

— О государь, я еще молод, не испытал сладости жизни, чего мне желать?

— Проси, не скромничай. У каждого человека есть желания,— настаивал царь.

— Я молод и не гонюсь за богатством, но у меня есть одна просьба: если вам не трудно будет, расскажите мне об одном деле,— сказал юноша.

— О каком деле? — спросил царь.

— За что вы держите свою жену Гуль в клетке?
— Эй, парень! — рассердился царь.— Зачем ты забиваешь себе голову такими мыслями? Проси что-нибудь из богатства.
— О государь! — воскликнул юноша.— У меня только это одно желание. Других нет.
Царь Санобар вызвал старшего визиря и приказал:
— Возьмите этого юношу и покажите ему дворец Назиданий.— Повели юношу в сторону царского сада, утопавшего в зелени. Всюду цвели пышные цветы, порхали птицы.
— Как хороша жизнь! — сказал визирь, обращаясь к юноше.— Смотри, как красив этот сад! Погуляешь в этом саду один день — и сразу на пять лет помолодеешь.
Пройдя сад, они вошли в ворота дворца Назиданий. Тут юноша затрясся всем телом, всюду висели отрубленные головы. Боязливо озираясь, он спросил:
— Господин. Кто были эти люди?
— Это головы таких дураков, как ты,— отвечал визирь.— Войдешь только один раз в этот ужасный дворец — и сразу постареешь лет на десять. Эти головы не таких простых людей, как ты, а знатных вельмож, царевичей, беков. Они тоже, как и ты, хотели узнать, за что сидит в клетке жена царя. И если ты будешь настаивать, царь Санобар тебе расскажет все, но как только кончит свой рассказ, сейчас же палач отрубит тебе голову и повесит ее здесь.
Выйдя из ужасного дворца Назиданий, юноша в сопровождении визиря тем же путем через чудесный царский сад вернулся во дворец к царю Санобару.
— Мне жаль тебя, юноша,— сказал царь.— Ты молод, напрасно погибнешь. Не делай этого, откажись, проси у меня богатства!
Но сколько Санобар ни советовал, юноша упорно стоял на своем.
— О властелин мира! — возразил он.— Если вы не хотите рассказывать, не говорите. Но я у вас больше ничего просить не буду.
Царь не стал больше уговаривать юношу и сказал:
— Если ты хочешь узнать историю Гуль, я расскажу, но тогда сейчас же тебе здесь, на этом месте, отрубят голову. Дело твое: хочешь умереть — умирай, лишь бы моя тайна не разнеслась по всему свету!

— Я согласен на ваше условие,— твердо заявил юноша,— но только прошу исполнить мою просьбу. Как только кончите свой рассказ дайте мне небольшой срок, чтобы я успел выпить пиалу горячего чая. И тогда можете снять мою голову.

Царь Санобар согласился и стал рассказывать:

— Я ослеплен был красотой Гуль, когда ей было всего семь лет. Тогда я уговорил ее родителей отдать мне девочку на воспитание. По моему приказанию ее обучали лучшие наставницы. Когда она выросла и достигла совершеннолетия, я женился на ней. Свадебный пир продолжался сорок дней и сорок ночей, веселился весь народ, угощался весь город. Я очень любил Гуль и большую часть времени проводил с ней. Даже на охоту я всегда выезжал вместе с ней. Так прошло три года. У меня было два коня, которых я держал специально для того, чтобы выезжать с Гуль вместе на охоту. Собираясь однажды охотиться, я накануне зашел в конюшню посмотреть коней. Смотрю — кони почему-то похудели, шерсть на них взлохмачена, вид усталый. Я вызвал конюха и отругал его. А он отвечает мне: «О государь! Как же им не похудеть? Каждый день вы ездите на них». «Ты лжешь!» — крикнул я. «Вы приходите каждую ночь, я седлаю вам коня, вы садитесь верхом и уезжаете, а перед утром возвращаетесь назад»,— говорил перепуганный конюх. Я был поражен. Подумав немного, я приказал конюху: «Сегодня оседлай обоих коней! Как только тот человек уедет на одном из коней, ты разбуди меня». Утром я проснулся, смотрю — уже светло, лежу я в своей постели. Встал и пошел в конюшню. «Ты почему не разбудил меня?» — спросил я конюха. «Государь, я приходил будить, стучал-стучал, а вы не проснулись. Вы очень крепко спали». «Ну, сегодня уж ты разбуди меня во что бы то ни стало»,— сказал я ему. Ночью конюх выломал дверь в мою спальню, поднял меня, и только тогда я проснулся. В этот момент с моей груди скатилась какая-то круглая бусинка величиной с ноготь большого пальца. Я поднял ее с полу и положил себе в карман. Вскочив на коня, я спросил конюха, в какую сторону отправился неизвестный, и поскакал вдогонку. Увидев впереди всадника, я натянул поводья и, замедлив бег коня, поехал за ним следом. Мы ехали в сторону загородного сада. Неизвестный въехал в ворота сада, привязал коня и направился в гостиную. Тут только я

увидел, что это была моя жена Гуль. Я тоже привязал коня и побежал вслед за ней. Для охраны сада я держал там сорок рабов-негров во главе с их начальником Қахратоном. В большой михманхане сидели сорок рабов, на почетном месте восседал Қахратон. Қогда я их увидел, они разливали в глиняные чаши вино. Қак только Гуль вошла в михманхану, Қахратон заорал на нее и обругал площадной руганью. «Я еле-еле усыпила Санобара,— оправдывалась Гуль умоляющим голосом.— И сейчас боюсь: мне казалось, что кто-то ехал за мной следом». «Если ты положила ему на грудь волшебную бусину, которую я тебе дал, тогда хоть режь его на куски, он ни за что не проснется,— с усмешкой сказал Қахратон.— Садись, наливай вино!» «Почему-то сегодня душа у меня неспокойна. Я так боюсь. А вдруг Санобар приедет сюда!» — сказала Гуль. «Наливай, говорю тебе! — крикнул Қахратон.— Если приедет твой Санобар, пусть у него не одна душа, а даже тысяча, все равно я его в живых не оставлю! Пусть только явится — тут ему и конец! А уж если сам приедет за своей смертью, значит, это рок его загнал сюда»! — бахвалился Қахратон. Но Гуль все говорила: «Богатырь мой, боюсь я!» «Садись я тебе говорю! Наливай вина себе и мне, и всем!» Гуль прошла на почетное место, села рядом с Қахратоном, налила в чаши вина, потом, жеманясь и кокетничая, стала подавать чаши сначала ему, а затем всем рабам. Я был наготове и с обнаженным мечом стоял у входа в михманхану, сгорая от нетерпения поскорей расправиться с презренными. «Я боюсь чего-то сегодня»,— то и дело говорила Гуль. Тогда Қахратон приказал одному из рабов: «Выйди во двор и посмотри везде, успокой ее!» Сторож вышел в переднюю и, открыв дверь во двор, высунул голову. Я тотчас же ударом меча снес ему голову с плеч. Видя, что раб не возвращается, Гуль еще больше испугалась. «Смотри, он все еще не вернулся»,— сказала она. Чтобы успокоить ее, Қахратон послал второго раба. Ему я тоже отрубил голову. Затем вышел третий сторож, за ним четвертый, пятый. Так одного за другим я убил сорок рабов. В гостиной остались только Қахратон и Гуль. Теперь уж не только Гуль, но и Қахратон понял, что я стою за дверью, и он закричал: «Ну, Санобар, где ты там? Входи! Попробую-ка я испытать свое счастье!» Я открыл дверь, вошел в михманхану, и мы с ним схватились. То я наступал и загонял его в

угол, то он, обрушиваясь со всей яростью, отгонял меня к двери. Наконец, улучив момент, я ловким ударом снес ему голову. Покончив с Кахратоном, я забрал Гуль, привез в город и посадил ее в железную клетку. Вот в этом вся и причина, почему я держу свою жену в железной клетке. Ну теперь распрощайся с белым светом, сейчас я позову палача! — закончил свой рассказ царь Санобар.

Юноша встал и поклонился:

— О государь, велите подать чаю.

— Хорошо.

Юноша вынул из кармана платочек, встряхнул его и, когда он превратился в коврик, тотчас же уселся на него. В этот момент в дверях показался служитель с чайником чая и пиалой на подносе, а за ним следовала грозная стража во главе с палачом. Юноша быстро произнес заклинание:

— О милый коврик, из уважения к благородному отцу, доставь меня немедленно в город Харасан к шорнику!

Коврик поднялся, вылетел в окно, взвился в небо. Опустившись на землю вблизи городских ворот, юноша произнес слова заклинания, и коврик превратился в платочек. Положив его в карман, он пошел к шорнику.

— Здравствуйте! — сказал он, войдя в мастерскую.

Шорник усадил его, расстелил перед ним дастархан, положил лепешки, сласти, вскипятил и заварил чай. Юноша рассказал шорнику, что произошло с женой царя Санобара.

— Слушай сынок, как же ты спасся?

— Отец, я выполнил ваше условие и давайте не будем говорить о том, как я вырвался из рук палачей царя Санобара. Расскажите же, почему вы ломаете свои седла,— сказал юноша.

— Ладно сынок, расскажу, теперь уж некуда деваться.

Вечером после ужина, за чашкой чаю, шорник приступил к рассказу.

— Шорному ремеслу обучил меня отец. Когда отец и мать умерли, я остался один с младшей сестрой. Сестра выполняла домашние работы, а я занимался шорным делом и этим зарабатывал себе на пропитание. Так мы жили три года после смерти родителей. Однажды

вечером прихожу домой, смотрю — двор полон молодых людей. Очень я удивился и поспешил во внутренний двор, смотрю — а там полным-полно женщин. Разыскал я среди них мою сестру и спрашиваю: «Что случилось? Откуда пришли эти люди?» «Они пришли на свадьбу»,— ответила сестра. «На какую свадьбу? Кто женится? — удивился я. «На вашу свадьбу, вас сегодня женят». «Кто меня женит»? «Идите-ка сюда»,— сказала сестра и повела меня в дальнюю комнату. Я пошел за ней. Там она заставила меня переодеться в новую праздничную одежду. Я умылся, нарядился во все новое. Потом женщины повели меня в другую комнату, красиво убранную. Они подвели меня к пологу, подтолкнули, и я очутился за пологом один на один со своей невестой. Я остановился как вкопанный и не мог отвести от нее глаз. Никогда еще в жизни я не видел такую красавицу. У меня нет слов описать ее красоту. «Неужели есть на свете такие красивые девушки?» — подумал я. Время шло, свадебные церемонии выполнялись согласно установленному обряду, гости угощались, веселились. Но вот шум стал затихать, гости постепенно расходились по домам, и вскоре мы остались одни. И с тех пор мы зажили вдвоем с молодой женой. Жили мы очень хорошо. Через год жена родила сына. В доме у нас было полное благополучие. Мы никогда не ссорились. Когда нашему сыночку исполнилось два года, жена родила второго сына. Спустя два года как-то мы с женой поспорили из-за пустяка. Я разозлился, ударил ее по щеке и ушел из дома. Вечером прихожу домой, смотрю — во дворе никого нет и в доме пусто и тихо. Сестра сидит в углу комнаты и плачет. «Что случилось? Почему ты плачешь? Где жена? Где дети? Почему в доме никого нет?» — спросил я. «Ах, милый братец, зачем вы ее ударили? Она ушла вместе с детьми...» «Куда ушла?» «Откуда пришла, туда и ушла»,— ответила сестра и зарыдала сильнее прежнего. Я кинулся на розыски. Бегал везде и всюду, спрашивал одного соседа, другого, третьего — никто не видел, никто ничего не знал. Так несколько дней подряд я разыскивал пропавшую жену и детей. Жена с детьми как в воду канули. Я искал-искал, ждал-ждал, но не дождался. Их и по сей день все нет... И с тех пор, чтобы чем-нибудь утешить себя, как-нибудь скоротать мои дни в одиночестве, я делаю седла, работаю в мастерской с утра до вечера. Но как только продам

седло и получу за него деньги, в тот же миг вспоминаю жену и детей. И я терзаюсь оттого, что навсегда теперь померкла радость тех дней, я возвращаю деньги, хватаю топор и начинаю рубить седло. А когда остываю и немного успокаиваюсь, снова начинаю делать седло, чтобы как-нибудь забыться, иначе без дела я совсем пропаду с тоски.

Распрощавшись с шорником, юноша вышел за город, сел на волшебный коврик и в один миг перелетел в город Акбулак. Он пошел к пекарю, рассказал о злоключениях шорника. Выслушав его рассказ, пекарь спросил:

— Как же это, братец, удалось вам все разузнать, смягчить сердце городского человека? Говорят, что он очень упрям, молчалив и никому не рассказывал про свою тайну.

— И все же я заставил его рассказать,— ответил юноша.— А теперь вы расскажите про себя.

Делать нечего, пришлось пекарю рассказать свою историю:

— Мой отец жил очень бедно,— начал он свой рассказ.— Жить было тяжело, мы с трудом добывали кусок хлеба. Когда отец умер, в доме ничего не осталось — ни денег, ни вещей. Из-за нищеты и нужды не пришлось мне обучиться никакому ремеслу и потому ничего не оставалось делать, как ходить на поденную черную работу. Однажды рано утром я ждал на базаре вместе с другими поденщиками, надеясь, что кто-нибудь наймет меня на работу. Вдруг к нам подъехал сын купца на вороном коне, байбача крикнул: «Эй, мне нужен работник на целый год. Работа не трудная: одиннадцать месяцев я его буду кормить и сам ухаживать, и только последний, двенадцатый месяц он будет работать на меня. Есть такой человек?» Я быстро подошел к сыну купца и сказал «Вот я пойду, хозяин!» Посмотрел он мне в лицо и сказал: «Ну идем!» По дороге он расспрашивал меня обо всем и, узнав, что я постоянно занят трудом, остался доволен мной. Но вот он остановился перед большим домом, слез с коня и вошел во двор, а я за ним следом. Хозяин отвел коня в конюшно и привязал его, а потом повел меня в дом. Мы вошли в большую михманхану. «Вот ваша комната, здесь вы будете жить,— сказал мне сын купца.— Утром молочный чай, в обед плов, вечером суп. Лежите, отдыхайте, кушайте

досыта». Тут же он расстелил дастархан с угощением и принес мне большую чашку молочного чая со сливочным маслом, а сам ушел. Я поел, напился досыта, потом убрал дастархан и стал ждать, думал, вот сейчас придет хозяин и даст мне какую-нибудь работу, но он не приходил до самого обеда. В полдень сын купца принес целое блюдо плова и поставил передо мной, а сам ушел и до вечера не показывался. Вечером он вынес мне две лепешки и полную миску супа. Я наелся и лег спать. Так проходили дни за днями, месяцы за месяцами. Одиннадцать месяцев кормил меня хозяин, но никакой работы не давал, и я жил припеваючи. В первый же день двенадцатого месяца рано утром хозяин вошел в михманхану и сказал: «Ну, теперь пришло время вам работать. Вставайте, идите во двор и запрягайте лошадь в арбу». Я запряг лошадь, мы положили на арбу кошму, подстилки, посуду, большой бурдюк. Хозяин сел на арбу, а мне приказал: «Садитесь на лошадь и погоняйте». Вскоре мы миновали городские ворота и поехали по большой дороге. Проехав половину дневного перехода, мы очутились на берегу моря. Хозяин велел распрягать. Я развязал ремни, приподнял оглобли, вывел лошадь и привязал к торчавшему из земли колу. Потом развернул кошму, постелил подстилки для хозяина на кошме и для себя — подальше от него, на краю, перенес с арбы все вещи. Там же, на берегу, оказывается, был старый очаг. Я развел огонь, повесил котел и стал готовить плов. Когда плов был готов, хозяин сам наложил полную касу и, подав мне, сказал: «Кушайте!» Ничего не подозревая, я сел на подстилку и стал есть. Хозяин любезно потчевал меня, все время приговаривая: «Кушайте, кушайте!» Я тоже из вежливости говорил ему сначала: «Да вы сами-то кушайте! Кушайте!» Но тут я потерял сознание и больше ничего не помню. Очнулся я и чувствую, что задыхаюсь без воздуха, что-то сильно сжимает все мое тело. Тогда я начал барахтаться, поднатужился — вдруг что-то лопнуло, и голова моя высунулась наружу. Тут я увидел, что сижу в бурдюке. Глотнув свежего воздуха, я изловчился и кое-как вылез из бурдюка. Смотрю — бурдюк лежит на берегу, позади меня плещут волны. Только тогда я понял, что сын купца обкормил меня каким-то зельем, засунул в бурдюк и бросил в море. Сколько времени меня носили волны, я не знаю. Но делать было

нечего. Огляделся я и увидел, что вокруг сверкают на солнце всевозможные драгоценные камни, которыми был усыпан весь берег. Я начал собирать их и складывать в бурдюк. Набрав полный бурдюк, я крепко завязал его бечевкой, потом набил себе карманы крупными алмазами, рубинами и другими драгоценными камнями. Вдруг в небе показалась огромная птица. Покружилась она над моей головой, спустилась на берег, схватила бурдюк, быстро поднялся в воздух и улетела, а я остался один на пустынном берегу. Потянулись бесконечные дни одиночества. Чтобы не умереть от голода, я ловил рыбу. Очистив ее от внутренности и чешуи, я клал ее на солнцепеке и оставлял лежать на раскаленных камнях. Запеченная таким образом рыба казалась мне очень вкусной. Так провел я шесть дней и шесть ночей. Казалось мне, что нет и не будет конца моим мучениям. Лег я на берегу и горько заплакал. Ночь опустилась на землю, и не помню, как я забылся и заснул. Сплю и вижу во сне, как будто ко мне подошел седовласый старик с белой бородой и приветливой улыбкой на благородном лице. Посмотрел он на меня так ласково и сказал: «Вставай, сынок, не плачь, переходи на тот берег вон через тот мост!» Я вскочил, посмотрел в ту сторону, вижу, действительно стоит мост. Был он бесконечно длинный. С большими трудностями, еле-еле передвигая ноги, перешел я на другой берег. Оглянулся назад, смотрю — мост обвалился в воду и обратился в рыбу, а рыба юркнула в глубину и уплыла. И вот тогда я решил: «Если будет мне в жизни счастье и удача, если я когда-нибудь разбогатею, то все добытое богатство отдам рыбам!» Переночевав на берегу, я тотчас же отправился в город. Здесь от людей я узнал, что мой хозяин каждый год пускал плавать по морю таких же бедняков, как я. Очутившись на другом берегу, работник набирал полный бурдюк драгоценных камней, прилетала огромная птица и улетала с ним на другой берег. Там уже поджидал ее хозяин. Погрузив брошенный птицей бурдюк на арбу, он увозил его домой. Добравшись до города, я продал один из алмазов, купил себе новую одежду и переоделся. «Ну, теперь меня никто не узнает»,— подумал я, пошел в каравансарай и переночевал там. На другой день утром я пошел на базар и стал прохаживаться среди толпы поденщиков, поджидая, что, может быть, появится сын купца нанимать но-

вого работника. Так прошло пять дней. На шестой день приехал сын купца на том же вороном коне в дорогой сбруе, а сам в дорогой бархатной шубе, в куньей шапке и в новых сапогах. Так же, как и в прошлом году, он сказал, что ему нужен работник. «Я пойду!» — вызвался я. Он очень долго рассматривал меня, но так и не узнал. Приехав домой, он поместил меня в той же михманхане, и я опять зажил по-прежнему. Наконец настал день выезда. Я запряг лошадь в арбу, и мы поехали на берег моря. Как и в прошлом году, я распряг лошадь, привязал ее к колу, растелил кошму, подстилки. Хозяин приказал мне готовить плов. Но на этот раз я перехитрил сына купца, и ему не удалось обмануть меня. Когда плов был готов, я сам подсыпал ему сонного зелья, которым запасся в городе. Хозяин сидел мрачный, молчал и ел мало. Я же все время угощал его и все приговаривал «Кушайте, кушайте!» А он еле-еле плов подносил ко рту, и не успел я оглянуться, как он уже лишился чувств. Я затолкал его в бурдюк, крепко завязал бечевкой и сбросил в море. К вечеру следующего дня перед закатом солнца прилетела птица и принесла бурдюк с драгоценностями. Я положил его на арбу и вернулся в город. Подъехал я к дому сына купца, открыл ворота, выпряг лошадь среди двора, привязал ее, снял с арбы все вещи, а сам скорее бегом в ичкари. Постучал в калитку, слышу — из-за перегородки женский голос: «Кто там?» «Послушайте меня»,— говорю я. «Кто вы такой? Что вам нужно?» «Не бойтесь, это я, ваш работник. Вот уже два года, как работаю у вас, живу в вашей михманхане. В прошлом году я попал в беду, бросил меня хозяин в море. Подумал я: «Ну, пришел мой конец!» Оказывается, нет, аллах миловал, поплавал я в море и вернулся назад жив и невредим. А в этом году опять пришел к вам на работу. Но теперь хозяину не удалось расправиться со мной. На этот раз я сам бросил его в море. Теперь я сам буду хозяином этого дома и всех его богатств. Ваш муж погубил столько бедняков. Знайте же, что, если я пойду к казию или хакиму и подам на вас жалобу, вас казнят, так как вы все знали и прикрывали его. А если согласны быть моей женой, то оставайтесь в доме, будете хозяйкой. Если не согласны, то можете идти на все четыре стороны. Даю вам пять дней сроку». На мое предложение хозяйка ответила согласием, и мы зажили как муж и жена. Она повела меня

в подвал и показала несметные богатства, накопленные ее мужем, алмазы, рубины, изумруды. «Куда мне девать столько богатств?» — подумал я. Вспомнив свое обещание, построил вот эту пекарню и каждый день кормлю рыб лепешками. Этого нескончаемого богатства хватит не только мне, но и моему сыну, и внукам, да еще останется и для следующих поколений. Сейчас у меня есть уже двое детей, сын и дочь...

На этом пекарь закончил рассказ о своих интересных приключениях.

Юноша распрощался с гостеприимным хозяином, сел на волшебный коврик и полетел в город Карабулак.

Пришел он к кладбищенскому сторожу и рассказал ему все, что узнал о пекаре.

Выслушав его рассказ, старик сказал:

— Ну, сынок, все-таки ты добился своего, заставляешь меня раскрыть свою тайну. Придется мне теперь рассказывать историю моей жизни. Не думай, что я всегда был сторожем на этом кладбище, нет, я купец и раньше всегда торговал разными товарами. Я отправлялся в дальние страны, разъезжал по городам, продавал и покупал, и таким образом, иногда мое путешествие затягивалось на пять-шесть лет. Однажды выехал я с караваном в один из ближних городов. Пробыв там около года, я получил из дома известие, что жена моя родила дочь. Я был очень рад, поспешно закончил свои дела и вернулся домой. Мы с женой не могли наглядеться на малютку и берегли ее как зеницу ока. Но все же на сороковой день со дня рождения она заболела, все тело ее покрылось язвами. День ото дня здоровье дочери ухудшалось, раны не заживали, а наоборот, появлялись все новые. Мы лечили, но никакие лекарства не действовали. Куда только ни ходила жена, кому только ни показывала больную дочку. Что только они ни делали: и заклинали, и читали заговоры, и дули на нее, чтобы изгнать нечистую силу, и читали над ней молитвы — но ничто не помогало. Мы с женой лишились радости и веселья. Кого бы мы ни встречали, каждого спрашивали: не знаете ли вы хорошего лекаря или знахаря? Так день за днем, месяц за месяцем незаметно проходили годы. Дочь наша, как ни болела, а все же выросла, и ей исполнилось семнадцать лет. Однажды в одну из пятниц родственники пригласили меня на свадьбу. Возвращался я через кладбище, чтобы скорей попасть домой. Иду по

тропинке, смотрю — около одной могилы лежит череп. Я нагнулся, чтобы рассмотреть, и вижу на лобовой кости надпись: «Эта голова убьет четырнадцать человек». Я взял в руки череп и подумал: «Как же этот высохший череп может убить четырнадцать человек?» Потом сунул череп за пазуху и пошел домой. Дома я дал череп жене и сказал: «На-ка, возьми череп, истолки его в ступке в мелкий порошок, положи в мешочек и завяжи его». Жена пошла за ступой. «А ведь жена может испугаться»,— подумал я, взял молоток и разбил череп на мелкие кусочки, а когда она вернулась, сам положил кости в ступку. Жена истолкла кости, высыпала в мешочек и спрятала в сундук. Вскоре купцы нашего города, собравшись с товарами в дальнюю страну, предложили мне ехать с ними. Подумав немного, я согласился и, распрощавшись с женой и дочерью, отправился в путь. Долго мы ехали со своим караваном и много проехали, наконец добрались до одного большого города. Поторговав там несколько недель, мы поехали по другим городам. Продавали и покупали переезжая из города в город, и так проездили много лет. Мы часто вспоминали о своем городе, каждый из нас думал о своей семье, но никто не знал, что дома делается. Узнать было не от кого, расспросить было некого. Между тем после моего отъезда в моем доме произошли удивительные дела. Однажды жена открыла сундук и стала перебирать мои вещи. Ей казалось, что на душе станет легче, когда она будет рассматривать мою одежду. Вдруг на глаза ей попался мешочек с толчеными костями. «Что это такое?» — подумала она, развязала мешочек, достала щепочку и попробовала. Порошок на вкус показался ей обыкновенным толокном. Она дала одну щепотку дочери. Дочь попросила еще. Жена дала. На другой день раны у дочери как будто немного затвердели и стали подсыхать. Постепенно язвы исчезали одна за другой, и вскоре от них и следа не осталось. Прошло три месяца, и дочь совершенно выздоровела. Жена с подозрением поглядела на ее полноту и наконец решила осмотреть ее. Да, конечно, больше сомнений не могло быть — дочка забеременела. Все соседки удивились. Но вот пришло время, когда дочь должна была стать матерью. Все обошлось благополучно, у нее родился сын. Уже на второй день после рождения мальчик стал лепетать и спустя некоторое время заговорил. Рос он не

по дням, а по часам, сам научился читать и писать, чем удивил всех соседей. А еще больше удивлялись люди тому, что мальчик говорил умные, красивые речи, никогда не смущался и знал такое, чего не знали мулла и многие образованные люди. Своею сметливостью, остроумными и мудрыми ответами он приводил всех в изумление. Когда я с караваном вернулся домой, мальчику исполнилось уже девять лет. От друзей и знакомых, вышедших за город встречать караван, я услыхал, что у меня есть внук, очень умный мальчик, поражающий всех своими мудрыми изречениями. Я разозлился на жену за то, что она выдала, не посоветовавшись, дочь замуж. Но когда я свернул с большой дороги на свою улицу, навстречу выбежал мальчик и кинулся мне на шею с радостным криком: «Дорогой дедушка!» Удивительно, куда и злость моя девалась. Я сразу размяк, сердце мое наполнилось любовью к мальчику. Я схватил внука, обнял и прижал его к груди. Так с ним вместе мы и вошли во двор. Он все время говорил, рассказывал мне про все новости, про все изменения, происшедшие в доме. Я слушал его, разинув рот от удивления: так говорить мог только взрослый человек. А внук рассказал о том, как он, принимая участие в споре с известными мудрецами нашего города, своими умными ответами и вопросами поставил их в тупик. На пятый день после возвращения мы получили весть, что нас вызывает царь к себе во дворец. Все купцы, являясь на поклон к царю, должны приносить подарки. Я тоже приготовил богатый подарок и собрался во дворец. Узнав, что я отправляюсь к царю, внук увязался за мной. «Дедушка, миленький, возьмите меня,— попросил он. «Нет, внучек, тебе нельзя,— сказал я.— У царя соберутся знатные люди. Как же я могу взять тебя?» Но как я ни уговаривал внука, он не отступал и настоял на своем. Волей-неволей пришлось мне взять его с собой. Мы вошли в роскошный царский зал. Но вот из внутренних покоев вышел царь в сопровождении знати и сел на трон. Мы отвесили ему земной поклон. Царь стал расспрашивать, как и куда мы ездили. Все купцы по очереди рассказывали о том, где они были и что видели, о порядках и народных обычаях в чужих странах. Один из купцов привез в стеклянном сосуде живую рыбу. Сосуд поставили посередине чертога, и все любовались, как плавает и плещется в воде чудесная рыба. Когда все насмотре-

лись досыта, царь приказал стоявшему у дверей юноше-телохранителю, чтобы он отнес рыбу во внутренние покои, на женскую половину. «Пусть женщины и девушки тоже посмотрят на диковинную рыбу!» — сказал царь. Телохранитель взял стеклянный сосуд и отнес его в гарем. Но через несколько минут он вернулся с рыбой назад. Царь удивился: «Ну что? Почему ты так быстро принес рыбу назад?» «Они сказали, что к женщинам не дозволен вход особам мужского пола. Оказывается, эта рыба не самка, а самец»,— ответил телохранитель. Услыхав слова «самец», мой внук так и прыснул со смеху. Все оглянулись и посмотрели на мальчика. «Кто смеялся?» — в гневе воскликнул царь. «Вот этот мальчик!» — указав на внука, сказал один из купцов, сидевший рядом со мной. «Палач! — гневно крикнул царь.— Снять голову этому мальчишке!» В то же мгновение вошел палач. «О властелин мира! — воскликнул мой внук.— Вы сначала меня допросите, а казнить всегда успеете. Раз я засмеялся, значит у меня есть на то причина». «Говори, какая у тебя причина!» — закричал царь. «Я вам скажу только на ухо!» «Ну иди сюда, говори!» Внук поднялся к трону и что-то тихо прошептал царю на ухо. Тот сейчас же приказал палачу уйти, а внук мой спустился вниз и сел на свое место рядом со мной. Между тем слуги расстелили дастарханы, принесли разные яства. Никто из присутствовавших не смел отказаться от царского угощения. После угощения всех гостей одарили богатыми подарками. «А ваш внук сегодня останется у нас погостить»,— сказал царь, обращаясь ко мне. Я сложил руки на груди, почтительно поклонился, поблагодарил царя. Не знаю, как и когда добрался я до дому, но помню только, что все чувства остались там, во дворце, и мысли о любимом внуке не выходили у меня из головы. Всю ночь до утра я не сомкнул глаз и утром пошел во дворец. Меня сейчас же провели к царю. Смотрю — мой внук сидит вместе с царем за утренним чаем. Царь предложил мне выпить пиалу чаю. В тот день царь осыпал моего внука своими милостями, пожаловал ему такие богатые подарки, которые и во сне мне не снились. Все мое богатство, добытое торговлей в течение многих лет жизни, по сравнению с царскими подарками было ничтожной каплей в море. Я не помнил себя от радости, поблагодарил царя и, очень довольный, вернулся домой вместе с внуком. Дома внук рассказал

мне обо всем, что случилось в эту ночь: «Я шепнул царю на ухо: «Причину моего смеха я объясню вам сегодня ночью. Вы только попросите дедушку, пусть он разрешит мне остаться с вами». Оставшись один на один с царем, внук предложил ему сыграть партию в шахматы. Увлекшись шахматной игрой, они просидели до поздней ночи. Наконец в полночь внук встал с места и сказал: «Ну, государь, теперь вооружайтесь и мне дайте в руки какое-нибудь оружие!» Вооружившись, они пошли во внутренние покои дворца. Внук повел царя в комнату старшей дочери. Царь открыл дверь, смотрит — в комнате никого нет. Они вышли в переднюю. «Смотрите сюда! Откройте!» — сказал внук царю, указав на деревянную крышку водосливной ямы для умывания. Царь поднял крышку водостока. Вниз вела лестница. Они спустились по лестнице и очутились в передней, которую освещала свеча, стоявшая на полке. Рядом была дверь в комнату, а у порога стояла одна пара больших кожаных калош и две пары маленьких женских. Они открыли дверь и вошли в комнату. Посередине комнаты на постели спала царская дочь, а рядом с нею храпел мужчина. Увидев такую картину, царь остолбенел. «О властелин мира! — сказал внук.— Вы видите этого уродину? Разве ему дозволен вход к женщинам? Так почему же безобидной бессловесной рыбке не дозволен? Вот причина, почему я засмеялся». Разгневанный царь приказал казнить всех, кто находился в этом подвале. После этого он часто стал вызывать моего внука к себе во дворец. Надо сказать, я каждый день свершал все установленные молитвы. Однажды внук нарушил мою молитву. «Сынок, выйди пока, поиграй во дворе, а потом, когда я кончу молиться, мы с тобой пойдем в одно место»,— сказал я ему, прибегнув к обману, чтобы как-нибудь выпроводить его из комнаты. Он вышел, а я стал совершать молитву. Я только прочел один стих из корана, как он опять вбежал в комнату и помешал мне. Кое-как хитростью я вновь выпроводил его во двор. Но он еще раз вошел в комнату и так и не дал мне закончить молитву. «Будь он хоть в тысячу раз умнее, но все же ребенок,— подумал я.— Если позволить ему делать все, что он захочет, то он станет несносным. Нельзя оставлять безнаказанными эти детские шалости. Нет, надо ему пригрозить, припугнуть его, и он перестанет шалить». Я шлепнул внука так, что он перевернулся два раза и вдруг

превратился в тот самый сухой череп, который я нашел на кладбище. Вот какое горе обрушилось на мою голову. Я похоронил этот череп здесь на клабище и теперь охраняю могилу. Я горько раскаялся в своем поступке и с тех пор день и ночь мучаюсь и каюсь. «Зачем, думаю, я его ударил?» Я плачу горькими слезами и говорю каждый раз: «Что я наделал?» Пусть бы он хоть сто раз, хоть тысячу раз нарушил мою молитву! Не надо было бить его, был бы он жив! Но слезами ведь горю не поможешь». Так вот и мучаюсь, раскаиваюсь, плачу, но все бесполезно. Все имущество и деньги я отдал своему верному рабу, поручив ему вести хозяйство. Он опекает мою жену и дочь, во всем помогает им и заботится о них, а я дал обет до самой смерти оплакивать моего внука и охранять здесь его могилу.

Выслушав печальный рассказ старика, юноша распрощался с ним, вышел за город и, сев на волшебный коврик, полетел в кишлак Байткурган. Подойдя к хлебной печке, он вызвал старика и рассказал ему всю историю жизни бывшего купца, а теперь кладбищенского сторожа. Когда юноша закончил свой рассказ, старик сказал:

— С давних пор живем мы в этой печке. Снаружи она кажется маленькой, но внутри в ней просторно, и места нам вполне хватает. Халат у нас один, потому что мы очень бедны. Каждый день мы выходим из печки, чтобы добыть себе кусок хлеба. Так прожили мы всю жизнь, бродили по свету в погоне за счастьем, но счастья не видели. Теперь на старости лет мы вынуждены доживать последние дни нашей жизни в этой печке, носить один халат и каждый день выходить на поиски пищи.

Распрощавшись со стариками, юноша пошел в свой родной город Нурабад. Отец и мать встретили дорогого сына с распростертыми объятиями, обнимали его, целовали, плакали от радости. Отдохнув, сын рассказал про все свои приключения в чужедальних странах.

На другой день юноша раздобыл перо и чернила, запасся бумагой, уселся в комнате за маленький столик поудобнее и стал писать. Много дней писал он о своем путешествии по всем городам. В результате получилась целая книга о жизни тех людей, у которых он побывал, начиная от бедняков, живших в хлебной печи, и кончая царем Санобаром, в ней были раскрыты все тайны этих людей, о которых раньше никто не знал.

Закончив описание своих похождений, юноша дал книгу отцу и попросил отнести ее царю.

Пришел старик во дворец и отвесил царю низкий поклон. Царь спросил:

— Ну что скажете, отец?

Старик вынул из-за пазухи книгу и подал ее царю.

— Что это такое, отец? — спросил тот.

— А это рассказ о старике и старухе, которые живут в хлебной печи. Сынок мой, ваш смиренный раб, прислал вам,— ответил старик.

Царь начал перелистывать книгу, прочел кое-где по одной строчке, а где и полстрочки и, наконец, сказал старику:

— Отец, ты сейчас иди домой и приходи через неделю. Я прочту ее всю и потом дам тебе ответ.

С этими словами царь отпустил старика, и он ушел домой.

Царь со своим визирем внимательно прочли всю книгу. После долгого раздумья визирь сказал:

— О властелин мира! Мне кажется, что этот юноша очень умный. Ведь не всякий способен на такие дела, а кто и пытался узнать эти тайны, описанные в книге, тот ничего не смог добиться. Никому не удалось заставить говорить ни старика со старухой, ни кладбищенского сторожа, ни пекаря, ни шорника, а особенно трудно было узнать тайну царя Санобара. Кому удалось проникнуть к нему во дворец,. все поплатились своей головой. Ни один из них живым не вернулся. А этот юноша все узнал. Вы не смотрите на то, что он бедняк. Конечно, есть и богатые люди, но какая польза от их богатства, если у них нет ума? Мой совет: выдайте царевну замуж за юношу.

Другие визири тоже поддержали старшего визиря. Тогда царь согласился выдать замуж свою дочь за юношу.

Когда все приготовления были закончены, царь приказал объявить народу, чтобы все шли на свадебный пир. Пировали сорок дней и сорок ночей, после чего царевну выдали замуж за сына бедняка. Таким образом все достигли своих желаний.

БЕКТЕМИР-БАТЫР

огда-то давным-давно жил в Ферганской стороне падишах Адылхан. Тридцать девять жен было у него и от них было тридцать девять сыновей. Выехал однажды падишах на охоту и набрел на какой-то домик в степи. Хотелось ему пить, и он постучался в калитку. На стук вышла лет восемнадцати девушка, чуть прикрыв лицо платком. Увидел ее падишах и поразился: была она похожа на луну в четырнадцатый день.

Падишах попросил напиться. Вынесла девушка ему чашку холодной воды, а падишаху показалось, что не воду он пьет, а шербет.

Вернувшись во дворец, падишах послал людей к родителям девушки.

— Пусть отдадут дочь мне в жены,— сказал он.— А если не отдадут, заберите ее силой и привезите ко мне.

Приехали люди падишаха к дому и постучались. Вышел старик. Был он человек бедный, охотился на лисиц, оленей, волков, продавал шкуры, тем и жил он с женой и дочерью.

— Нас прислал падишах Адылхан,— сказали люди царя.— Приехали мы сватать вашу дочь. Не отдадите добром, заберем силой.

Старик посоветовался с женой как быть.

— Дочь все равно увезут, а нас с тобой бросят в яму-зиндан,— сказал он.— Лучше отдать дочь добровольно.

Ничего не поделаешь, пришлось выдать дочь за падишаха. Родила она через год сына, которому дали имя Бектемир.

Стало теперь у падишаха Адылхана сорок сыновей.

Тридцать девять из них были слабы, хилы и изнеженны, а Бектемир рос крепким и сильным юношей.

Сидел однажды падишах Адылхан со своими сорока сыновьями за трапезой, радовался на них и сказал:

— У меня сорок сыновей, сорок батыров. Если нападет враг, стеной вы станете на него. Надо обучить вас военному делу.

Вызвал падишах токсабу-военачальника и приказал

ему обучить сыновей ездить верхом, рубить саблей, стрелять из лука.

Начал токсаба учить сыновей падишаха военному делу, но тридцать девять сыновей были лодырями и неженками и поэтому ничему они не научились.

— Зачем нам учить военное дело? — говорили они.— Ведь мы царские сыновья, и так проживем!

А токсаба, боясь гнева падишаха, не говорил ему о них ничего.

Что касается Бектемира, то он не ленился, скакал верхом на коне, рубил саблей, стрелял из лука.

Однажды падишах позвал своего токсабу и спросил:

— Ну, токсаба, как мои сыновья обучены военному делу?

Токсаба ответил:

— Хорошо!

Тогда падишах вызвал сыновей и начал расспрашивать их. Они тоже ответили:

— Очень хорошо выучили все.

— Тогда научитесь стрелять и из катапульты.

Вызвал он мастера-литейщика и приказал ему отлить золотое ядро с сорока ушками.

Падишах позвал придворных на площадь и приказал тридцати девяти сыновьям выстроится в ряд, а Бектемира оставил дома, сказав, что он еще молод для этого дела.

Подходили сыновья падишаха к катапульте один за другим, пытались кинуть золотое ядро, а им не то что кинуть его, даже сдвинуть с места не удалось.

Стыдно стало падишаху Адылхану за сыновей. Ушел он к себе в сад и спрятался от народа. Бектемир попытался утешить падишаха:

— Отец, чего вам печалиться, когда у вас есть сорок сыновей. Ведь мы сильны и могучи, как львы!

— Увы, сын мой, видел я, что это за львы! — ответил Адылхан.— Все они вместе не смогут одолеть и мышонка!

— Что же случилось, отец, расскажите мне? — удивился Бектемир.— Может быть, я смогу помочь.

— Как ты сумеешь делать то, что не сумели тридцать девять твоих братьев?

И падишах Адылхан рассказал своему сороковому сыну, что ни один из его братьев не смог сдвинуть с места золотое ядро с сорока ушками.

Бектемир вышел из дворца, подошел на площадь, поднял золотое ядро с сорока ушками, выстрелил им из катапульты. Ядро перелетело через дворец, ударилось о балкон и упало в саду.

Прибежали слуги к падишаху и говорят:

— Государь! Ядро с сорока ушками, что вы велели отлить из золота, полетело и, разбив на своем пути балкон, упало в саду. Но никто не знает, кто им выстрелил так далеко из катапульты.

Поразился падишах и повелел объявить по всему городу:

— Пусть тот, кто закинул золотое ядро, заберет его себе и унесет с собой.

Но никто не явился. Так прошло несколько дней.

Жил в этом городе ловкий вор. Польстился он на золото, пришел к падишаху и говорит:

— Государь, это я закинул ядро с сорока ушками!

— Ну так иди в сад и забери ядро себе! — отвечает падишах.

— Слушаюсь, государь! — сказал вор.— Но сейчас было бы невежливо забирать ядро в вашем высоком присутствии. Разрешите унести его завтра, когда вас не будет.

— Нет,— возразил падишах,— сейчас, при мне унеси!

Тут вор перепугался. Шутка ли, навлечь на себя гнев падишаха!

— Ну тогда позвольте, ваше величество, я схожу за арбой,— сказал вор, а сам только и думал, как бы убежать.

Тогда падишах заявил:

— Тот, кто сумел забросить ядро с сорока ушками, сумеет и на руках унести его! Забирай его и убирайся!

Подошел вор к ядру, взялся за ушки, но с места не смог сдвинуть.

— Ага, ты обманул меня! — крикнул падишах и приказал казнить вора.

Тогда Бактемир признался:

— Отец, это я закинул ядро с сорока ушками.

Усомнился падишах Адылхан:

— Как же ты, такой молодой, мог закинуть его, когда все тридцать девять твоих братьев не сдвинули его с места?

Пошел Бектемир в сад, поднял ядро и, перебрасывая его с руки на руку, принес во дворец.

Падишах Адылхан обрадовался и велел сыну показать свою силу народу.

Тогда Бектемир легонько бросил ядро. Одна старушка пряла в это время у себя во дворе. Ядро пролетело мимо старушки, но одним ушком задело прялку и разбило ее на мелкие кусочки. Бактемир видел, куда упало ядро, и побежал за ним. Остановился он у ворот дома старушки и слышит, как она плачет и причитает:

— Чтоб ты помер, злодей,
Разбил ты мою прялку!
Бог с ней, с прялкой,
Но и губу задел мне.
Не видеть тебе возлюбленной,
Быть тебе таким, как я, несчастным!

Вежливо зашел Бектемир во двор и поклонился:

— О чем это вы плачете, матушка? Кто вас обидел?

— А ты не знаешь? — рассердилась старушка.— Твое золотое ядро с сорока ушками пролетело мимо меня, разбило мне прялку и рассекло губу. Если ты такой сильный, не со мной тебе тягаться надо, а с египетским царем!

— Говорите ясней, матушка! О чем это вы говорите? — спросил Бектемир.

— В стране Египет есть падишах, которого зовут Шавкат. Есть у него дочь Акбиляк. Она красивее луны, глаза ее прекраснее, чем у газели. Сейчас она в самую прекрасную пору вступила. Сколько юношей сложило голову из-за любви к ней. Я вижу, ты силен, как лев, ловок, как тигр. Поехал бы в Египет и привез бы к себе Акбиляк.

После рассказа старушки Бектемир забыл и думать о золотом ядре. Вернулся во дворец, забрался в темную комнату и лежит. Вызвал его падишах, а он не идет. Тогда падишах сам пошел к нему и начал расспрашивать, что с ним, но Бектемир ни на один вопрос не ответил. Пошла к нему мать. Однако и ей он ничего не сказал.

С того дня Бектемир все молчал. Начал он со дня на день худеть.

Тогда падишах приказал объявить по всему государству:

— Тому, кто вызовет Бектемира на разговор и узнает, что у него на душе, дам полную миску золота!

Многие приходили, разоваривали с Бектемиром, но от него и слова услышать никому не удалось. Наконец пришла во дворец та самая старушка, которой Бектемир сломал ядром прялку и разбил губу.

— Позвольте мне, падишах, поговорить с юношей. Узнаю я, что у него на душе.

Зашла она в комнату к Бектемиру и говорит:

— Вставай, сынок. Я знаю, о чем ты думаешь, и знаю, как тебе помочь. Попроси отца, он сделает все, что надо, и ты поедешь в Египет за Акбиляк. Только вот что: начнет тебе твой отец давать дорогие одежды, чистокровных коней, но ты ничего не бери, а проси Тарланбуза, что стоит в конюшне на откорме.

Послушался Бектемир старушки. Вышла она к падишаху и говорит:

— Государь, сын твой влюбился в дочь египетского царя, прекрасную Акбиляк. Он просит разрешения съездить за ней. Если не разрешить, то можешь лишиться сына.

Дал падишах Адылхан старухе миску золота и от радости, что сын заговорил, разрешил ему ехать в Египет за Акбиляк. Назначил падишах Бектемиру охрану из сорока лучших и отборных джигитов.

— За возлюбленной своей поеду я один, мне не нужно никаких джигитов! — сказал Бектемир.

Тогда Адылхан велел оседлать самых лучших коней из дворцовой конюшни.

— Не возьму я коней,— заявил Бектемир.— Вместо всего этого добра дайте мне своего коня Тарланбуза!

По приказанию падишаха слуги вымыли, вычистили Тарланбуза, расчесали ему хвост и гриву, заседлали золотым седлом, подтянули подпруги и привели к Бектемиру.

Простился Бектемир с падишахом, затем зашел в комнату матери, повесил к потолку любимую из своих сабель и сказал:

— Матушка, если закапает с этой сабли кровь, знайте, что я погиб, и можете меня оплакивать. Если не закапает, значит я жив и здоров.

Выехал Бектемир за городские ворота и ударил коня Тарланбуза плеткой так, что он заржал от боли и взвился к небу, словно на крыльях. Три дня и три ночи летел конь под облаками и прилетел в египетскую страну. Бектемир направил коня в пальмовую рощу и спешился.

Расседлал он Тарланбуза, спрятал седло и сбрую в густую траву, погладил глаза и голову коня и сказал:

— Иду я искать свою возлюбленную, а ты оставайся здесь один. Жди меня, пока я не вернусь с Акбиляк!

Пустил он коня пастись на луг, а сам положил плетку в хурджун, перекинул хурджун через плечо и пустился в путь. Но вдруг Бектемиру жалко стало оставлять коня Тарланбуза одного, и он вернулся, а конь, словно угадав, зачем вернулся его хозяин, заговорил человеческим языком:

— Мой повелитель, не беспокойся. Думай лучше о своей возлюбленной. Я никому из воров не дамся в руки, а когда ты вернешься с Акбиляк, умчу вас, словно на крыльях. Иди же, повелитель мой!

Успокоенный Бектемир зашагал по дороге. Много ли он шел, мало ли, пришел он, наконец, в большой город. Не знал юноша, куда и к кому идти. Видит — сидит на обочине улицы старуха и продает хурму.

— Мамаша, дайте мне столько хурмы, чтоб я наелся,— сказал Бектемир.

Посмотрела внимательно на Бектемира старуха, видит — перед ней стоит юноша, похожий на принца, но не здешний. Придвинула она к нему всю корзину и говорит:

— Ешь, ешь, сынок, наедайся!

Наелся Бектемир хурмы и дал старухе золотой.

— Пока вы здесь сидите, мать, я лягу тут у стены и посплю,— сказал он и, положив под голову хурджун, лег и уснул. Распродала к вечеру свою хурму старуха и собралась уходить. Разбудила она Бектемира и сказала:

— Вижу, ты пришелец, мой сын. Где ты остановился?

— Я приехал только сегодня,— ответил Бектемир.— Еще не нашел пристанища. Если разрешите, я у вас остановлюсь на несколько дней.

Старуха увела его к себе. Утром дал Бектемир ей золотой, а вечером еще, и сказал:

— Вот вам на расходы, мамаша.

Обрадовалась старуха, а на третий день спросила его:

— Извини меня, старуху, за любопытство. Откуда ты и зачем приехал в нашу страну?

— Приехал я из Ферганской страны,— ответил Бек-

темир.— Прослышал я, что у вашего царя Шавката есть дочь Акбиляк, красавица. И вот приехал я сюда хоть одним глазом глянуть на нее. Все я для вас сделаю, мать, только узнайте, как можно встретиться с Акбиляк.

Тут же он достал из хурджуна горсть золота и высыпал старухе в подол.

— Шавкат-падишах сейчас отправился в далекий поход,— сказала старуха.— Каждую пятницу Акбиляк выходит со своими рабынями погулять в райский сад. Переоденься продавцом-разносчиком и пройди мимо дворцовых ворот, громко выкрикивай свой товар. Акбиляк и выйдет к тебе. Тогда ты и выскажешь ей все. Теперь иди на базар и накупи товаров, а я пойду к Акбиляк, поворожу, чтобы она полюбила тебя.

Бектемир отправился на базар. Зашел он к ювелиру и попросил:

— Продайте мне самых лучших сережек, браслетов, рубиновых ожерелий, бриллиантов...

Потом зашел к продавцу благовониями, накупил белой и черной серы, имбиря, мазей, розовой воды. У портного купил себе одежду разносчика, сложив все в хурджун, вернулся домой.

Тем временем старуха, накрыв голову чадрой, пошла ко дворцу и стала у ворот. Возвращалась Акбиляк из бани, куда ходила со своими прислужницами, видит — у ворот стоит старуха.

— Спросите, что ей нужно? — сказала царевна, одной из своих прислужниц.

— Зачем пришли, матушка? — спросила прислужница старуху.

— Ах, доченька, я гадальщица,— ответила старуха.— Не надо ли погадать нашей Акбиляк?

Прислужница доложила принцессе, что старуха, оказывается, гадальщица.

— Тогда приведите ее ко мне,— приказала Акбиляк.

Девушки привели старуху во дворец. Она, взяв руку Акбиляк, заговорила:

— Доченька моя ненаглядная! Рассказать ли тебе о твоем счастье? Если говорить о счастье, то оно велико. Но на сердце у тебя какая-то боль, ты не рада чему-то. Но ты, дитя мое, не печалься. Скоро ты найдешь свое счастье! Многие прекрасные юноши добиваются твоей руки, но есть у тебя какой-то скрытый враг. Это

он мешает тебе на твоем пути. Кто твой враг, отец ли твой, мать ли твоя родная, или родственники,— я не знаю. Но я скажу тебе вот что: влюбился в тебя один юноша, шахский сын. Линии на твоей ладони говорят, что тот юноша явится к тебе в облике продавца-разносчика. Не упускай того, кто влюблен в тебя.

— Ой! — удивилась Акбиляк.— Старуха сказала именно то, что у меня на душе! — и дала ей горсть золота.

Прошло три дня, наступила пятница.

— Сегодня принцесса Акбиляк выйдет в свой райский сад на прогулку. Иди, собирайся! — сказала старуха Бектемиру.

Оделся он разносчиком, перекинул через плечо хурджун и отправился к райскому саду. Видит, сад так громаден, что конца-края не видно.

Стал ходить Бектемир под стеной и кричать:

— Есть у меня золотые гребешки! Есть у меня прекрасные гребешки. Налетайте, девушки, берите, девушки, есть у меня всякие благования!

Голос Бектемира услышала Акбиляк:

— Девушки, бегите, узнайте, кто там на улице кричит! — приказала она своим прислужницам.

Увидев их Бектемир и сказал:

— Белоликие девушки, луноликие девушки, с тонкими станами девушки! Есть у меня товары, достойные прекрасной Акбиляк: и розовая вода, и пудра, и золотые серьги, и гребешки, и золотые зеркала, и сережки, есть у меня золотые подвески, подойдите, посмотрите сами...

Окружили девушки Бектемира, начали разглядывать его товары. Восхитились они и побежали рассказать Акбиляк.

Тогда величественной и нежной походкой подошла Акбиляк к воротам сада, выглянула и поманила Бектемира к себе.

— Что у вас есть, продавец? — спросила она его.

Бектемир разложил перед ней свой товар. Выбрал он пару золотых серег, пару браслетов и пару подвесок, протянул их Акбиляк и говорит:

— Возьмите, это я для вас особо принес.

А сама Акбиляк не спускала глаз с юноши, так он понравился ей. Протянула она руку к драгоценностям, в ту же минуту ветер сдернул с ее головы покрывало.

Бектемир, увидев лицо Акбиляк, вскрикнул и упал без чувств.

«Наверное, это тот самый юноша, о котором говорила старуха гадальщица»,— подумала принцесса и велела прислужницам перенести Бектемира в сад и уложить его в беседке, что стояла среди цветов. В лицо юноши подбрызгали водой, и он пришел в себя. Акбиляк сама поднесла ему в золотой чаше шербет.

Выпил Бектемир шербету и сел, не сводя глаз с Акбиляк.

— О прекрасный юноша! Какого ты сада цветок, какого ты сада соловей? Как ты попал в наши края? — спросила принцесса.

Бектемир рассказал ей о себе.

Акбиляк отвела его к себе, усадила, угостила всякими яствами и винами.

Так они прожили целую неделю в этом саду и никак не могли налюбоваться друг другом. Спустя неделю Бектемир ей говорит:

— Судьба соединила нас навеки. Теперь я тебя увезу, моя любимая, в родную Фергану. На лугу близ города пасется мой конь Тарланбуз. Я пойду к нему и все приготовлю, а ты последуй за мной.

Так они договорились. Бектемир-батыр зашел к старушке гадальщице, отдал ей все золото и серебро, что у него оставалось, и отправился на луг. Пришел он, видит — конь мирно пасется там, где он его оставил. Увидел хозяина Тарланбуз, заржал, подбежал к нему. Бектемир искупал его в реке, почистил щеткой, расчесал ему хвост и гриву, заседлал и стал ждать принцессу.

Тем временем Акбиляк, собрав всех прислужниц, объявила им:

— Теперь я уеду от вас. Была я довольна вами, и вы будьте довольны мной. Будем живы — увидимся.

Одарила она их всех богатыми подарками, девушки заплакали, заголосили:

— Зачем нас покидаете? На кого нас покидаете?

Еще до рассвета Акбиляк, надев мужскую одежду, заседлала своего любимого коня и поскакала за город к Бектемиру, который дожидался ее на лугу.

Увидев Акбиляк, Бектемир вскочил на Тарланбуза, и помчались они бок о бок быстрее ветра. Сорок дней и сорок ночей ехали они, не зная ни отдыха, ни сна.

Приехали Бектемир с Акбиляк в одно место, решили они тут отдохнуть, разбили шатер и вошли в него.

— Если я усну,— сказал Бектемир,— не буди меня сорок дней и сорок ночей. Если случится что-нибудь, вонзи в пятку мне иголку, и я проснусь.

Положил он голову на колени Акбиляк и уснул. Прошло так много дней.

Вдруг послышались у палатки чьи-то тяжелые шаги. Перепугалась Акбиляк.

— Эй, похититель девушек, выходи из шатра! — закричал кто-то снаружи.

Акбиляк, хотя и задрожала вся, не захотела вонзить в пятку Бектемира иголку, пожалела его. Сидела она и плакала. Все платье залила слезами.

А снаружи еще более страшным голосом кто-то кричал:

— Эй, выходи!

Тогда Акбиляк решила сама выйти, но слезы ее брызнули в лицо Бектемиру, и он проснулся.

— Что случилось? — спросил он.

— Кто-то страшно кричит. Не иначе, нас догнали люди моего отца и требуют, чтобы ты вышел,— ответила Акбиляк.

— О любовь моя, ни о чем не тужи! Я сам выйду сейчас к ним.

Схватил он меч, выбежал — видит: перед шатром стоит сам падишах Шавкат, а за ним воины, нет числа!

— Вот и я! Один на один сразимся или будем стрелять! — спросил Бектемир.

— Будем стрелять! — закричал падишах Шавкат.

— Тогда стреляйте вы первые, а потом я начну,— сказал Бектемир.

Воины падишаха натянули луки и пустили тучу стрел, но ни одна не попала в Бектемира.

— Ну, а теперь моя очередь,— сказал Бектемир. Натянул он лук и начал пускать стрелу за стрелой, только тетива звенела. Всех воинов сразил Бектемир, остался лишь один падишах Шавкат. Бектемир тогда спросил Акбиляк:

— Все воины твоего отца перебиты. Остался один твой отец. Что с ним станем делать?

— Отец теперь никогда нам не простит. Если ты его не убьешь, рано или поздно он причинит беду,— сказала Акбиляк.

— А что сможет сделать нам один человек? — заявил Бектемир.— Да к тому же большой грех убить тестя. Ведь он твой отец!

Собрал Бектемир шатер, свернул, сели они на коней и умчались. Долго ли ехали они, мало ли, а приехали в одно место, разбили шатер и легли отдохнуть.

А вслед за ними ехал падишах Шавкат, но они этого не знали. Тихо-тихо подошел он к шатру. Выхватил свой кинжал и метнул прямо в сердце Бектемира.

Застонал юноша и умер. Закричала, зарыдала Акбиляк.

— О, я лишилась своего любимого цветка, что сама выбрала в саду!

Подошел Тарланбуз и, понюхав Бектемира, заржал, и слезы полились у него из глаз. Так и плакали они — Акбиляк и Тарланбуз над телом Бектемира вместе, а потом вырыли могилу и похоронили его.

Села Акбиляк на Тарланбуза и сказала, проливая слезы:

— О мой конь! Не пристало мне теперь возвращаться в Египет! Неси меня в Фергану — на родину моего возлюбленного! Там, где он ходил, я посажу в следы его ног цветы. Так и буду жить, ухаживая за теми цветками.

И Тарланбуз понесся в Ферганскую страну.

А когда Бектемир уехал в страну Египетскую, его мать, дочь бедняка, стала его дожидаться, не спуская глаз с сабли, что повесил он в ее комнате.

Часто мать Бектемира говорила:

— О радость моего сердца, когда же ты покажешься вновь?

И вдруг с сабли закапала кровь.

Закричала мать Бектемира.

Все погрузились в глубокую скорбь. Был объявлен в стране траур.

В эту минуту с неба опустился на землю Тарланбуз. На его спине сидела невиданной красоты молодая женщина.

Мать зарыдала:

— А где же мой сын?

— Приедет ваш сын обязательно,— сказала Акбиляк.

— Ты лучше б сказала, что сын мой погиб,— причитала мать Бектемира,— что прекрасные глаза его за-

сыпаны землей, что его брови исклевали орлы!

Тогда заплакала и Акбиляк, кинулась к матери Бектемира, обняла ее. Заплакали и падишах, и все родственники.

Когда плач стих, Адылхан начал расспрашивать Акбиляк. И та рассказала ему все, что видела и знала.

— Нельзя оставлять тело сына в степи, надо перевезти его сюда,— сказал падишах и выехал вместе с матерью Бектемира и Акбиляк в степь в сопровождении множества людей. Приехали они на место, разрыли могилу, достали тело Бектемира, и мать снова залилась слезами.

И тут вдруг появилась старуха гадальщица.

— Эй, падишах! — сказала старуха.— Никто не вечен в этом мире. Все смертны. У тебя было сорок сыновей, умер один, а тридцать девять живы! Благодари аллаха!

— Все тридцать девять сыновей не стоят и одного волоса Бектемира,— вскричал падишах Адылхан.— Больше всех радовал меня он. Для меня было бы лучше, если б умерли тридцать девять, а он бы один остался.

Подняла старуха обе руки к небу, прочитала заклинание и сказала при этом: «Да будет так!»

В ту же минуту вскочил с земли Бектемир и говорит:

— Ох, я что-то долго спал!

Обрадовались все, смотрят, а тридцать девять сыновей падишаха тут же умерли.

Падишах Адылхан покорился судьбе. Похоронил он своих сыновей, а когда миновал траур, свадебный пир устроили на сорок дней и сорок ночей.

Так Бектемир и Акбиляк достигли желаемого.

СОРОК ЖЕНИХОВ

 одного царя было сорок сыновей. Выросли они, и решил он женить старшего сына.

Услыхав об этом, остальные сыновья заволновались, и стали просить отца, чтобы он их тоже женил. Тогда царь приказал своим визирям найти такого человека, у которого было бы сорок дочерей, и женить на них своих сорок сыновей.

Долго искали, наконец, дошел слух, что у одного царя есть сорок дочерей, только его государство находится далеко, на расстоянии шести месяцев пути.

Царь вызвал хитрую колдунью Мастон, дал ей верблюда Илямон и велел ей ехать в дальнюю страну во дворец к могучему царю сватать сорок дочерей за своих сорок сыновей.

Залезла старуха Мастон на верблюда Илямон и помчалась, не качаясь, как все люди. Не шесть месяцев ехала колдунья на верблюде. Быстроногий Илямон не давал ей ни вздремнуть, ни глаз сомкнуть и за шесть дней и шесть ночей одолел весь шестимесячный путь. У царского дворца Илямон остановился и опустился на колени. Сваха тут с верблюда слезла, но во дворец не пошла, у порога остановилась. Пустилась она на хитрость. Стала она подметать улицу.

Мигом прибежали слуги, под руки схватили Мастон и повели к царю.

Царь сидел темнее ночи.

— Ты зачем сюда явилась? — спросил он.

— О государь, у вас есть сорок дочерей, я пришла их сватать за царских сыновей,— ответила старуха Мастон.

— Есть у меня сорок дочерей,— сказал царь,— но я их выдам замуж только за сорок сыновей одного и того же отца, одной и той же матери.

— У моего царя как раз сорок сыновей, и все они красавцы,— сказала старуха.

— Я согласен выдать за них замуж своих дочерей, только у меня есть одно условие: пусть ваш царь велит прорыть канал на всем шестимесячном пути от вашей страны до моего государства и соединит воды своих рек с водами моей страны.

Объявив свое условие, царь отпустил сваху.

Колдунья Мастон тем же путем вернулась в свою страну и доложила царю:

— О великий властелин мира! Тот царь сказал, что если вы пророете канал на всем шестимесячном пути и соедините воды своих рек с водами его страны, тогда он выдаст замуж своих дочерей.

Царь согласился на это условие.

По приказу царя всех его подданных выгнали в степь и заставили рыть канал. За один месяц народ прорыл канал протяжением около четырех ташей [1].

Царские сыновья каждый день по очереди были начальниками на канале, наблюдали и подгоняли народ, чтобы люди зря не стояли и быстрее рыли. Многие люди, не зная, что делается у них дома, волновались и жаловались. Пришла очередь присматривать за работами на канале самому младшему из царских сыновей.

А народ громко говорил:

— Провались эта работа, пусть хоть совсем не женятся царские сыновья! Из-за нее все покинули свои дома и хозяйства, расстались с семьями.

Младший сын царя услышал жалобы и распустил народ по домам.

Старшие братья, узнав об этом, накинулись на младшего, надавали ему тумаков. Младший брат плакал-плакал, лег на берегу канала и заснул.

На рассвете проходил мимо какой-то старец, разбудил юношу и спрашивает:

— Эй, сынок, почему ты здесь спишь?

Юноша рассказал ему обо всем, что случилось.

— Не печалься, сынок,— сказал ему старец.— Этот канал вырыть не трудно. Но я тебе дам один совет. Вырытый вами канал будет необыкновенный: по одну сторону его будет лето, а по другую зима. Когда твои братья поедут на свадебный пир, ты сам не езди, а вместо себя положи свой нож. Со свадьбы твои братья вместе с молодыми женами будут возвращаться той же дорогой домой. Проедут они полдороги, вдруг налетит ветер с дождем, после дождя пойдет снег, начнут падать камни с неба. В это время твои братья увидят у дороги белый дом. Пусть они поберегутся и ни в коем случае не входят в этот белый дом. Вскоре небо очистит-

---

[1] Четыре таша — восемь километров.

ся от туч, и опять наступит ясная погода. Все это я говорю, чтобы ты передал своему отцу, смотри не забудь.

Старец сел верхом на палку и приказал:

— Закрой глаза!

Юноша зажмурился. Немного спустя старец сказал:

— Открой глаза!

Юноша послушно открыл глаза и страшно удивился.

За то очень короткое время, пока он держал глаза закрытыми, канал на протяжении шестимесячного пути был готов. По нему потекли воды здешних рек и соединились с реками другой страны.

Старец опять велел юноше закрыть глаза. Юноша опять зажмурился.

— Открой глаза! — сказал старец.

Юноша открыл глаза, смотрит — старец исчез, а сам он лежит на берегу канала, на том месте, где вчера заснул.

В это время пришли на берег канала тридцать девять его братьев, смотрят — по каналу течет вода, и конца не видать, где она скрывается. Удивились они и повели младшего брата к царю.

— Это я вырыл канал и соединил воды двух государств,— сказал юноша и передал все слова старца. Царь обрадовался. Он был очень доволен своим младшим сыном и велел всем готовиться к отъезду.

Все царские сыновья обрадовались. Только младший сын, помня совет старца, не стал собираться, а отдал отцу свой нож и сказал:

— А я не поеду. Вместо меня поедет мой нож.

Сопровождаемые большим войском, царь и тридцать девять его сыновей отправились в дальний путь.

Ехали они несколько месяцев, отъехали далеко, проехали много, пересекли безводную пустыню и, наконец, добрались до страны, где жил царь, имевший сорок дочерей.

Услыхав что едут гости, царь приказал расстелить на пути ковровые дорожки и сам с войском выехал навстречу.

Тут устроили свадебный пир, пировали сорок дней и сорок ночей, под конец, совершив обряд бракосочетания, выдали девушек замуж за тридцать девять юношей, а так как самого младшего царевича не было, то младшую

невесту выдали замуж за его нож и так совершили обряд бракосочетания.

Царь велел сыновьям готовиться вместе с молодыми женами в обратную дорогу.

Сказано — сделано.

Проехав три месяца, они совершили половину пути. Вдруг пошел дождь. После дождя начал падать снег, а после снега посыпались с неба камни. Тут все увидели, что на краю дороги стоит белый дом. Сыновья попросили царя разрешить укрыться в этом доме.

— Ваш младший брат не советовал здесь останавливаться,— сказал царь и не дал согласия.

Братья обиделись.

— Из-за глупых слов неразумного юноши вы хотите всех нас погубить,— сказали они и, не послушавшись отца, заехали в белый дом.

Царь приказал своему войску остаться в поле, а сам поехал с сыновьями. Едва только они спешились и вошли в дом, небо прояснилось и засияло солнце.

В белом доме было все богато и красиво. В четырех углах двора из четырех колодцев фонтаном била вода и, рассыпаясь брызгами, падала вниз. В котлах на жарких очагах готов был плов. На айванах были расстелены мягкие подстилки для отдыха, приготовлены дастарханы с вкусными яствами, сладким шербетом. Для каждого коня были отдельно вбиты колышки и во все кормушки засыпан корм.

Но во всем доме и на дворе никого из людей не оказалось. Царь и его тридцать девять сыновей и сорок невесток плотно поели и улеглись спать.

Утром поднялись со свежими силами и стали собираться в путь. Но когда они хотели выехать со двора, в воротах вдруг появился страшный дракон и загородил всем выход.

— Ну-ка, заплатите сначала за все, а потом поедете! — сказал он, разинув пасть, и оскалил острые зубы. Пожалел царь, что нет с ним войска, но делать было нечего.

— Эй, дракон, бери что тебе угодно: деньги, вещи, коней,— предложил он.

Дракон зарычал:

— Не нужны мне ни деньги, ни вещи, ни кони. Отдайте мне своего младшего сына, с меня и хватит. Больше я ничего не возьму.

Царь опечалился, но тридцать девять его сыновей потихоньку сказали:

— Ладно, скажите ему, что отдадите младшего сына, а тем временем мы уедем далеко. Дракон и не догонит нас.

Уговорили они отца, и тот дал согласие отдать дракону младшего сына. Дракон отошел от ворот, и царь с сыновьями и невестками отправились дальше. Ехали они три ночи и вдруг на четвертый день видят — далеко впереди что-то летит им навстречу, а что такое, не могут рассмотреть. Еще немного прошло, видят — а это младший царевич летит: сильной струей воздуха дракон втягивает его в свою пасть. Пролетал мимо бедный юноша, успел только крикнуть:

— Отец, вашу молодую невестку, которую вы везете для меня, отдайте кому хотите!

Быстро пролетел он мимо и немного погодя долетел до хутора. Опустившись на землю, юноша очутился перед драконом. А тот его уже ждал с разинутой пастью. Обвившись два раза вокруг юноши и прижавшись щекой к его щеке, дракон сказал:

— Ну, выбирай сам, когда ты хочешь распроститься со своей жизнью, через день или через сорок дней?

Юноша подумал немного и ответил:

— Через сорок дней.

— Ну, тогда сделай вот что. В одной стране у царя есть дочь. За эти сорок дней ты доставишь эту девушку ко мне. Если не привезешь, я сожру тебя самого,— сказал дракон и лязгнул зубами.

Делать нечего, юноша пустился в путь, выполнять приказ дракона.

Шел он несколько дней, смотрит — на дороге муравьев так много, что невозможно пройти. Юноша не хотел давить их и ждал до вечера, пока они все не проползут. Муравьиный царь подполз к юноше и спросил.

— Почему вы здесь сидите?

— Жду, пока проползут все муравьи, чтобы их не подавить,— ответил юноша.

— Спасибо, может быть, и мы когда-нибудь пригодимся вам,— сказал муравьиный царь и дал юноше горсть саману.

Юноша пошел дальше. Через несколько дней он увидел, что близ дороги дерутся два льва из-за зайца и ни-

как не могут его поделить. Юноша отобрал у львов зайца, разрезал его ножом и разделил между львами поровну.

— Спасибо тебе, сын человеческий,— прорычали львы.— Мы уже три дня грызлись здесь, мучились и никак не могли разделить зайца, а ты помог нам.

Каждый, оторвав от гривы по клочку шерсти, дал юноше и на прощанье прорычал:

— Вот возьми, когда-нибудь мы тебе пригодимся.

Юноша отправился дальше. Шел-шел — и к вечеру пришел в какой-то кишлак. Увидел он на улице старушку и попросил у нее места переночевать. Старушка пустила его в дом и спрашивает:

— Откуда и зачем ты идешь, сынок?

Юноша сначала не хотел говорить старушке, зачем он идет, но та все допытывалась, и тогда он сказал, что идет за дочерью царя для дракона.

Старушка тяжело вздохнула и, опечаленная его словами, сказала:

— Сынок, ты не ходи, оставь это дело, оно тебе совсем не под силу. Ты молод, не губи себя понапрасну. Там, у царя, остались семеро моих сыновей. Сыновья мои тоже хотели добиться дочери царя, а он поставил им такие условия, какие они выполнить не сумели, и вот один за другим погибли. Осталась я одна — одинешенька. Лучше брось это, сынок. Зачем тебе царская дочь, кроме нее есть очень много других девушек. Выберем одну из них, я женю тебя, приму к себе и усыновлю.

— Эх, мать! Что бы там ни было, а раз я взялся выполнить эти приказания дракона, то либо выполню, либо погибну,— сказал юноша.

На другой день утром, несмотря на слезы и упрашивания старушки, юноша пошел в город к царскому дворцу, и, извещая о своем приходе, ударил в барабан, висевший на воротах. Вышли царские слуги и повели юношу к царю.

— Если ты пришел за моей дочерью, то слушай. У меня есть три условия. Если ты хоть одно из них не выполнишь, голову тебе сниму. Лучше брось, не пытайся, иди-ка ты своей дорогой подобру-поздорову.

— Скажите свои условия,— сказал юноша царю.

— Первое условие: прикажу я рассыпать по полю сорок мешков проса, а ты соберешь все по одному зернышку,— сказал царь.— Второе условие: у меня от отца

остались два откормленных быка. Я прикажу их зарезать, сварить, и до утра ты должен съесть все мясо, а кости оставить. Третье условие: мне достался в наследство от отца четырехпудовый кувшин с открытым горлышком, он зарыт в землю у ворот, внутри ничего нет. Ты пройдешь мимо него, и когда вернешься назад, он должен быть наполнен золотыми червонцами. Выполнишь условия — получишь мою дочь, не выполнишь — без головы останешься.

Царские слуги вывезли просо за город, рассыпали все по чистому полю, а сами уехали. Думал-думал юноша, но ничего не мог придумать, и стал собирать просо руками. Сел он отдохнуть и опечалился: разве такое условие можно выполнить? Вдруг он вспомнил про саман, который дали муравьи. Вынул из-за пояса трут и кресало, высек огонь и зажег саман. Дым ударил в нос муравьям, со всех ног они побежали к юноше.

— Что вам угодно? Приказывайте! — сказали они.

— О муравьи! — воскликнул юноша.— На мою долю выпало трудное дело. Вы видите просо, рассыпанное по полю! Здесь сорок мешков. Соберите мне все просо.

Юноша взял мешок, раскрыл его, а муравьи, рассыпавшись по полю, стали собирать просо и сносить в мешок.

К вечеру муравьи наполнили все сорок мешков. Погонщики пригнали сорок верблюдов, погрузили на них сорок мешков проса, и юноша с караваном прибыл в царский дворец.

На другой день царь велел вывести двух откормленных быков, доставшихся ему в наследство от отца, и сказал:

— До утра ты должен съесть мясо вот этих быков, а кости сложить в мешок и принести сюда.

Юноша повел быков за город, привязал их к дереву, а сам стал думать, как же можно съесть столько мяса, но ничего не мог придумать. Вари не вари, жарь не жарь, все равно одному человеку не под силу съесть двух быков в один присест. Думал-думал — и вдруг вспомнил про львов. Вынул он клочья шерсти и зажег. Тут раздалось страшное рычание, мгновенно перед юношей очутились два льва.

— Что угодно? Мы готовы выполнить все, что вы прикажете! — сказали львы.

Юноша указал им на быков. Львы с яростью набросились на добычу, растерзали быков, а к утру остались от них только обглоданные кости.

Юноша собрал кости, набил полный мешок и пошел в царский дворец.

Все там еще спали. Он поднял шум:

— Голодный я, нет ли у вас чего-нибудь поесть?

Подняли царя с постели. Юноша снял мешок, открыл и высыпал на ковер кости.

— Что за чудо! Кто этот юноша, наверно, настоящий див — оборотень или какое-либо другое чудовище? — говорили царю удивленные визири и придворные.

По приказанию царя принесли кислого молока, лепешек, и юноша действительно с жадностью накинулся на еду. За один присест он опорожнил всю миску с кислым молоком и съел целых восемь лепешек.

Царь объявил, что пора приступить к выполнению третьего условия.

А дочь царя была добрая девушка и очень обрадовалась, что юноша выполнил уже два условия.

Она тайком спустилась в сад и поджидала юношу около цветника, мимо которого он должен был пройти.

Юноша шел печальный, с поникшей головой и все думал о третьем условии, не зная, что делать, и не заметил даже, как навстречу ему вышла царская дочь. А она сняла с пальца золотое колечко с драгоценным алмазом, дала его юноше и сказала:

— О юноша, возьмите это кольцо. Когда вы будете проходить мимо кувшина у ворот, бросьте его в кувшин, только проходите скорей, не оглядывайтесь. Пока вы вернетесь назад, в кувшине закипит золото, и посыплются из него золотые червонцы.

Юноша взял кольцо, поблагодарил дочь царя, подошел к воротам, бросил кольцо в кувшин и, как сказала ему девушка, не оглядываясь, прошел дальше. В кувшине закипело, забурлило, и оттуда посыпались золотые червонцы. Когда юноша возвратился назад, слуги подхватили его и на руках внесли во дворец.

— О властелин мира! — сказали слуги царю.— Теперь ваша дочь принадлежит этому юноше.

Царь приказал собрать весь народ и устроил пир на весь мир. В конце свадебного торжества он велел совершить обряд бракосочетания и выдал свою дочь замуж за юношу. Но подошел к концу и сорокадневный срок,

данный драконом, и остался последний день. Юноша загрустил, вздохнул.

— Почему вы так тяжело вздыхаете? — спросила его дочь царя.

Юноша до сих пор ничего про дракона даже не упомянул и поэтому только сказал:

— Соскучился я по отцу и матери.

На следующий день, лишь только рассвело, он стал собираться в дорогу и предложил дочери царя:

— Если желаешь, едем со мной вместе, а если нет, тогда как хочешь, воля твоя.

Дочь царя решила ехать с ним.

Получили они разрешение, попрощались и пустились в путь. Едут они по дороге, а у юноши сердце щемит. Не зная, как ему быть, что делать, он совсем огорчился, осунулся, весь почернел.

Дочь царя спросила:

— Почему вы такой печальный?

Тогда юноша во всем признался.

— Надо спешить,— сказал он.— Если мы не успеем доехать в срок, он сожрет нас.

Девушка очень опечалилась.

— Эх, почему же вы до сих пор не сказали мне об этом? В наших руках было все, чтобы победить этого дракона, да и сейчас еще не поздно. Скорее скачите назад во дворец, откройте мою комнату, в комнате стоит сундук, в сундуке сидит голубь. Вы отрежьте голову этому голубю, из зоба его вылезет червяк, вы убьете этого червяка. Тогда дракон подохнет. В противном случае он сожрет и вас и меня.

Только успела она сказать эти слова, как дракон потянул в себя воздух и стал притягивать к себе дочь царя.

А юноша погнал коня и помчался в царский дворец. Он разыскал ключ от комнаты дочери царя, открыл замок и вошел. Смотрит — в нише стоит сундук. Он открыл его и только что хотел схватить голубя, как тот вспорхнул и полетел. Юноша быстро закрыл дверь и стал ловить птицу. Долго он ловил голубя, наконец, поймал его и, отрезав ему голову, вытащил из зоба червяка и раздавил его.

Выскочив из комнаты, юноша сел на коня и помчался по дороге.

«Как там моя жена,— думал он,— жива или нет, мо-

жет быть, дракон уже проглотил ее?» Подскакал он к белому дому, смотрит — а между дочерью царя и драконом осталось всего-навсего три шага. Только дракон уже подох, а дочь царя лежит на земле без чувств.

Взял юноша молодую жену на руки и сел на коня. Едет он по дороге, а дочь царя не приходит в себя. Заплакал юноша. Капнула слеза на лицо девушки, она открыла глаза и обрадовалась.

Юноша вздохнул с облегчением и сказал:

— Дракон околел, жизнь наша спасена, мы теперь навсегда избавились от этого чудовища. Не нужен нам его белый дом, поедем в родную страну!

Проехав много дней, прибыли они на родину юноши. В тот же день начались опять свадебные торжества, пировали, веселились сорок дней и сорок ночей. Юноша и девушка, достигнув цели и желаний, зажили счастливой жизнью.

ДЖИГИТ И ПЕРИ

ыло или не было, сытно или голодно — в давние времена жил один старик. Было у него трое сыновей. Выросли они, и стал их старик женить. Сначала он женил двух старших и построил им дома. А потом заговорил и о свадьбе младшего.

А младший его сын очень любил охотиться.

Однажды взял он лук и стрелы и отправился в горы. Вдруг из-за камня вылетел фазан. Прицелился юноша, стрелу пустил, но не попал в птицу. Фазан в пещеру залетел, а потом убежал через другой выход. Юноша подумал: «Хоть стрелу свою поищу»,— и зашел в пещеру.

А в пещере этой пери жили. Подошла к юноше одна прекрасная пери, взяла его за руку и повела за собой. Сорок дней байбача в пещере пробыл, с пери пировал, веселился.

Через сорок дней пери, которая его в пещеру завела, спрашивает:

— Эй, джигит, из какой ты страны?

Юноша рассказал ей. Пери еще спрашивает:

— А есть у тебя отец, мать, родные, близкие?

— Да,— ответил байбача.— Есть у меня и отец, и мать, два старших брата, да и другие родственники есть.

— Если так,— говорит пери,— то возвращайся домой и скажи своему отцу: «Отец, постройте мне дом!» Если спросит отец: «Зачем тебе дом? Что ты в нем делать будешь?» — ты скажи: «Да так, жить в нем хочу».

После этого разговора юноша отправился домой. Сидел он как-то с отцом, беседовал и вдруг попросил:

— Отец, постройте мне большой дом!

— Сынок, а зачем тебе дом? — говорит ему старик.— Семьи у тебя еще нет. Женись раньше, а тогда и дом можно будет построить.

Байбача все просит:

— Ах, отец! Семьи у меня пока нет, но пусть будет у меня свой дом.

— Ладно, сынок,— отвечает старик. Позвал мастеров, построили они красивый дом для младшего сына.

Джигит опять на охоту уехал. Ездил-ездил и подъезжает к пещере, где пери живут.

А прекрасная пери сидела у входа, поджидала его. Взяла она юношу за руку и опять увела к себе в пещеру. Спустя несколько дней юноша говорит пери:

— Надо мне домой съездить.

— Поезжай,— отвечает пери,— да попроси отца в твоей усадьбе белую юрту поставить.

Приехал джигит домой и попросил:

— Отец, прикажите в моей усадьбе белую юрту поставить!

— Зачем тебе белая юрта? — говорит старик.— Жены у тебя нет, что ты там делать будешь?

— Буду ночевать в ней,— отвечает юноша.

— Ладно! — согласился отец и поставил для сына белую юрту.

— Ну вот тебе и юрта готова! — говорит старик.

Юноша опять лук и стрелы взял и поехал на охоту. Подъезжает к пещере, а пери уже его ждет. Увидела его, подбегает и спрашивает:

— Ну как? Поставили юрту?

— Юрта готова,— отвечает джигит.

— Ну раз юрта готова, тогда поехали,— говорит пери.

Сели они вместе на коня и поехали в усадьбу юноши. Зашли в белую юрту и стали жить как муж и жена.

А пери обладала особым свойством. Когда на нее другие люди смотрели, то видели кошку, и только для юноши она оставалась красавицей пери.

Захотелось однажды старику пойти посмотреть, как его младший сын в своей усадьбе живет, что он там делает. Пришел туда старик, зашел в юрту, видит: сидит его сын один, а рядом с ним кошечка.

— Что ты делаешь здесь, сынок? — спрашивает старик.

— Да вот зайду сюда, посижу, потом во дворе погуляю. Вот с кошечкой забавляюсь.

Посидел немного старик, поговорил с сыном и ушел домой. Прошло пять дней, пери и говорит байбаче:

— Сходи к своим родным, принеси мне кислого молока, голову надо помыть.

Пошел юноша к старшему брату, попросил у его жены пиалу кислого молока и принес пери.

— Да разве одной пиалы кислого молока хватит, чтобы голову вымыть? — говорит пери.— Сходи еще принеси!

Опять пошел юноша к своим невесткам и принес еще одну большую пиалу молока.

— Да ты что думаешь? — говорит пери.— Голову мыть — это дело серьезное! Пойди, принеси мне целый кувшин кислого молока и большой таз.

Пошел юноша третий раз и принес кувшин кислого молока и таз. Пери приготовила все для мытья головы и говорит байбаче:

— А ты выйди, за дверью постой!

Юноша вышел из юрты, а пери распустила волосы, расчесала, взобралась на сандал и начала мыть их. Стоит юноша во дворе и думает: «Взгляну-ка, какие у моей пери волосы». Подошел тихонько и заглянул в щелочку. Пери на сандале стоит, а волосы ее земли касаются. «Да, чтобы такие волосы помыть, много кислого молока надо»,— подумал юноша.

Снова как-то наведался отец в усадьбу, поглядеть, как там его сын живет, что делает. Но на этот раз он тихонько подошел и заглянул в юрту. Видит: сидит его сын рядом с пери, а красота ее всю юрту своим светом озаряет. Обрадовался старик и думает: «Так вот зачем моему сыну усадьба и юрта понадобились. Хорошую

жену он себе нашел». И, ни слова не говоря, потихоньку ушел он, довольный, домой.

Так проходили день за днем, месяц за месяцем. Один родственник старика готовился свадьбу справлять. Старик своим старшим сыновьям дал по восемь пудов муки, чтобы их жены лепешки пекли для свадебного тоя, ситцу дал платья невесте шить. Узнала об этом пери и говорит джигиту:

— А ты чего сидишь? Иди к отцу, возьми у него муки, ситцу возьми, будем к свадьбе готовиться.

Джигит ей говорит:

— А разве ты, пери, умеешь лепешки печь? Разве ты шить умеешь? А если отец меня спросит: «Зачем тебе все это?», что я ему отвечу?

— Ничего,— говорит пери.— Лепешки как-нибудь испечем, платья как-нибудь сошьем.

Пошел джигит к отцу и просит:

— Дайте мне тоже муки и ситцу.

Услышали это его невестки и засмеялись:

— Эй, джигит, жены у тебя нет, что же ты будешь с мукой и с ситцем делать? Научись сначала лепешки печь, платья шить.

— Как-нибудь научусь,— говорит джигит.

Взял он муку и ситец и отнес в свою юрту.

— Вот принес то, что ты хотела,— невесело сказал джигит.— Но как мы будем лепешки печь и платья шить — ума не приложу.

Пери ему говорит:

— Это не твоя забота. Тебе с печкой да с иголкой возиться нечего. Ты только вот что сделай: поезжай к той пещере, где ты меня встретил, однако в нее не заходи, крикни: «Эй, пери! Кто здесь хорошо умеет лепешки печь? Кто хорошо шить умеет? Выйдите ко мне!»

Джигит взял лук и стрелы, сел на коня и отправился к пещере.

— Эй, эй, пери! — закричал он.— Кто из вас умеет хорошо лепешки печь, кто умеет платья шить, выходите ко мне!

Вышли пери и говорят юноше:

— Здравствуйте! Заходите!

Но он в пещеру не пошел, а взял с собой двух пери и привез домой.

Тут они тесто замесили, лепешек напекли целую гору. Потом стали платья, халаты шить. Сделали эти две пери

все, что надо было, и вернулись к себе в пещеру. А джигит и пери лепешки и одежду завязали в узлы и сидят себе, как ни в чем не бывало, ждут.

Старшая невестка говорит жене среднего брата:

— Давай пойдем посмотрим, что делает джигит. Как он домашним хозяйством занимается.

Пришли они в его усадьбу и видят, сидит младший сын старика в юрте и с пери о чем-то разговаривает. Удивились невестки, вошли в юрту, сели и спрашивают:

— Что же вы сделали из муки и материи, которую вам отец дал?

— Да вот лепешек напекли, а из материи сшили то да се,— отвечает пери.

Невестки ее спрашивают:

— Ну, а себе вы какое платье для свадьбы сшили? Чем будете голову покрывать?

Пери им отвечает:

— А я платья и халаты себе из бумаги сошью, а на голову бумажную паранджу надену.

Вернулись домой старшие невестки и решили: «Сделаем так, как она». Напекли кое-как лепешек, ситец покромсали, сшили как попало платья, а для себя стали из бумаги платья шить.

Конец всему бывает. Стали все собираться в дорогу. Пери взяла свои лепешки, красивые платья с широкими подолами и сборками, халаты, сложила все это в мешок, завязала. Надела платье из шелка и атласа с парчою, сверху на него халат из бумаги натянула. А старшие невестки в один мешок уложили свои лепешки, а в другой — платья для подарков. На себя же они надели бумажные платья. Старик приказал запрячь две арбы.

На одну посадил невесток, на другую подарки положил, и поехали все на свадьбу. Вдруг поднялся ветер, набежала черная туча, полил дождь. Бумажные платья невесток намокли и расползлись, а у пери шелковое платье, которое под бумажным было, заблестело, засверкало, красавица еще краше стала. Так они и доехали. Ничего не поделаешь, пришлось старшим невесткам полуголым с арбы слезать в дом идти. Как глянули старшие сыновья старика на своих жен — со стыда готовы были сквозь землю провалиться. Хозяин дома, который свадьбу устраивал, пожалел невесток и велел дать им хоть что-нибудь из платья.

Уселись сыновья и невестки старика в горнице, позва-

ли хозяина дома, начали его поздравлять и подносить свои подарки. Достали старшие невестки свои лепешки, а они серые, как зола, смотреть на них страшно. Достали они шитье свое, платья косые, узкие, надеть их невозможно. Подошла очередь младшей невестки-пери. Лепешки достала — все смотрят: лепешки у нее румяные, сдобные, лучше, чем у всякого пекаря; платья достала — платья ее лучше, чем у заправской портнихи. Все гости диву дались, на ее лепешки и платья глядели не нагляделись. Один из гостей спрашивает старика:

— Где вы нашли такую хорошую жену своему младшему сыну?

Не знал старик, что и сказать, и придумал первое, что пришло в голову.

— Она дочь одного бедного человека из соседнего кишлака.

Наступила ночь. Когда все уснули, старик подозвал в сторонку младшего сына и спрашивает:

— Сынок, куда ты кладешь кошачью шкуру, которую твоя жена надевает?

Понял джигит, что тайна его раскрылась, и растерялся:

— А зачем она вам, отец? Что вы с ней делать хотите?

— Я тебя спрашиваю,— говорит старик,— значит, отвечай. А зачем, увидишь потом.

Не захотел ему сын говорить, но старик заставил, и пришлось все рассказать:

— Я ее положил под попону белого коня.

Вытащил старик кошачью шкуру, которую пери надевала, и кинул ее в огонь. Обнаружила пери по запаху, что ее кошачья шкурка горит, и попросила одну старушку:

— Позовите мне моего мужа.

Пришел джигит к ней и спрашивает:

— Зачем ты меня звала?

Пери ему говорит:

— Э, джигит! Сделай теперь себе железный посох весом в тысячу пудов, на ноги железные сапоги, весом тоже в тысячу пудов, надень их и ходи по свету, ищи меня до тех пор, пока посох твой не станет тоненьким, как иголка, а сапоги не станут дырявыми, как решето! Нет теперь у тебя больше меня, а у меня — тебя нет!

Сказала так пери, поднялась в воздух и улетела из

юрты через отверстие, сквозь которое дым выходит. Стоит джигит посреди юрты и с горя себя ладонями по голове хлопает.

Ночь прошла, рассвет наступил, свадьба кончилась, гости домой разъехались. Старик со своими сыновьями тоже домой вернулся.

Сделал себе младший сын железный посох в тысячу пудов, выковал у кузнеца железные сапоги и пошел искать свою пери. Пусть себе он ходит, пери ищет, а вы послушайте про старика.

День за днем идет, месяц за месяцем, год за годом. Однажды старик говорит:

— Вот уже три года прошло, как сын ушел. Надо узнать, жив он или погиб. Если погиб он — надо хоть поминки справить.

Позвал он четырех человек, дал каждому еды на месяц и послал их во все четыре стороны искать джигита. Искали они его, искали и через тридцать пять дней вернулись все четверо к старику с разных сторон. Старик поприветствовал их как полагается: «Ходить вам, не уставать!» — сказал и спрашивает:

— Ну хоть что-нибудь узнали?

Один из них говорит:

— Эх, отец! Уже три года прошло с тех пор, как ваш сын ушел. Если бы он жив был, он уже за это время вернулся б домой. Так что сами понимаете, где он.

Старик посоветовался со старшими сыновьями и созвал всех жителей кишлака, и старых и малых, справлять по младшему сыну поминки. Пусть себе они поминки справляют, а вы послушайте про джигита.

Долго ходил он по горам и долам, по степям и пустыням. Однажды увидел он одинокую усадьбу. Зашел он в сад и присел на берегу хауза отдохнуть. В это время из усадьбы вышел мальчик с кувшином, зачерпнул воды из хауза.

Джигит его попросил:

— Мальчик, дай мне воды напиться!

А тот отвечает:

— Какой же ты чудак! Сидишь около воды, а у меня пить просишь.

И пошел в дом.

— Так пусть же вода в твоем кувшине в кровь превратится! — рассердился джигит.

А в этой усадьбе жила страшная старуха Алмауз

Кампыр. Мальчик, который за водой приходил, ей прислуживал. И пери — жена джигита — тоже здесь была. Это она и посылала мальчика за водой. Принес мальчик кувшин к пери, а она и говорит:

— Полей мне на руки!

Начал мальчик поливать, а из кувшина не вода, а кровь полилась, красная-красная.

— Ах ты, безобразник! — говорит пери.— Я тебе сказала воды принести, а ты кровь принес!

Удивился мальчик и опять побежал к хаузу за водой. Выполоскал кувшин, воды набрал. А байбача ему говорит:

— Эй, мальчик! Дай мне из твоего кувшина напиться!

— Что ты за человек? — отвечает ему мальчик.— Сидишь ты около хауза — и пей, сколько хочешь, хоть весь хауз выпей.

И унес кувшин. А байбаче говорит ему вслед:

— Так пусть же вода твоя в гной превратится!

Пришел мальчик в дом, пери говорит ему: «Полей мне на руки!» Стал мальчик поливать, а из кувшина не вода, а гной льется. Рассердилась пери и стала его бранить.

— Ах, ты! Негодник ты этакий! Что это с тобой сегодня? Что там около хауза делается? Говори!

Мальчик ей рассказал:

— На берегу хауза какой-то джигит сидит. И оба раза, когда я за водой ходил, он у меня напиться просил, а я ему не дал.

— Иди еще раз,— говорит пери,— и если он у тебя воды попросит, не жалей, дай ему напиться.

Пошел мальчик к хаузу, выполоскал кувшин и чистой воды набрал. Джигит его снова просит:

— Мальчик, подойди сюда с кувшином, дай мне напиться.

На этот раз мальчик подошел, подал ему кувшин.

Напился джигит и спросил:

— Ты кому воду носишь?

— Я ее сестре несу, она умываться будет. У меня сестра пери.

Стал джигит расспрашивать мальчика и из его ответов понял, что пери эта — его жена.

Тогда он снял с пальца кольцо, которое ему подарила как-то пери, бросил его в кувшин и сказал:

— Когда ты станешь поливать сестре на руки, сначала чуть-чуть покапай. Она тебе скажет «Лей!», ты еще несколько подбавь. А она скажет: «Да лей же как следует!», ты возьми и вылей всю воду из кувшина.

Пошел мальчик в дом с водой.

— Ну-ка, поливай! — говорит пери.

Мальчик тихонько капнул ей две капельки.

— Да лей же быстрее! — приказывает пери.— Что это стало с тобой сегодня? Раньше ты не был таким!

Тогда мальчик перевернул кувшин и вылил ей на руки всю воду. А вместе с водой на руки пери и кольцо упало, которое джигит в кувшин опустил. Пери сразу узнала это кольцо, взяла его и, ни слова не говоря мальчику, на палец надела. Потом выбежала она из усадьбы, обняла мужа, привела его в дом и спрятала в сундуке.

Вечером вернулась домой Алмауз Кампыр. Покрутилась она, на все четыре стороны поглядела и спрашивает:

— Что это? Как будто человечьим духом пахнет. Что здесь, человек появился?

Пери говорит ей:

— А что здесь человеку делать? Да и кто осмелится в вашем жилье появиться?

На том разговор и кончился. А у Алмауз Кампыр был обычай: каждый день утром уходить из дому. Пери сейчас же выпускала джигита из сундука и веселилась с ним. А если случалось, что Алмауз Кампыр неожиданно возвращалась раньше, чем обычно, то пери превращала юношу в цветок и вплетала этот цветок себе в волосы.

Однажды пери спрашивает юношу:

— Эй, любимый! Отчего ты такой бледный? Что тебя так беспокоит?

Джигит отвечает:

— О прекрасная! До каких пор мы здесь прятаться будем. И так половина жизни моей на то ушла, что я тебя искал! А ты не думаешь о том, как нам отсюда выбраться?

— Как не думаю? — говорит пери.— Только надо нам обождать еще немного.

— Сил у меня нет больше ждать,— говорит джигит.— Если сегодня-завтра мы ничего не придумаем, от такой жизни я заболею.

— Ничего, любимый, потерпи еще немножко,— уговаривает его пери.— Так уж свет устроен, что полмесяца ночи темные, а полмесяца — светлые.

Однажды вечером Алмауз Кампыр вернулась домой, уселась во дворе и говорит:

— Ой, что-то человечьим духом пахнет. Что-то ты, пери, от меня скрываешь.

Испугалась пери и говорит ей:

— Эх, бабушка! Если кровь мою пощадите, я вам все расскажу.

— Ну, рассказывай, дочка! Так уж и быть: прощу твои грехи.

— Когда вы меня привели сюда, бабушка, у меня остался брат-сирота, ему было лет четырнадцать-пятнадцать. А теперь он вырос и пошел меня искать. Уже несколько дней я его в сундуке прячу, вас боюсь. Сделайте милость, разрешите ему вместе с нами в вашем доме пожить.

— Ладно, дочка,— отвечает Алмауз Кампыр.— Если уж он пришел сюда, то пусть живет с нами.

А сама подумала: «Я всю кровь его выпью».

Проходили дни. Проклятая Алмауз Кампыр завела такую привычку: каждый день она клала свою голову юноше на колени и заставляла его искать у нее в волосах, а сама в это время высасывала из него кровь. А надо сказать, эта Алмауз Кампыр за пять-десять дней могла высосать у человека всю кровь, и тогда он умирал. Начал джигит слабеть, и говорит он пери:

— Что же нам делать? Неужели мы и теперь от бабы-яги не избавимся?

Пери его утешает:

— Я придумала, как нам спастись. Только ты делай все точно так, как я скажу. Слушай меня внимательно! У Алмауз Кампыр есть верблюд и собака. И она все время собаку кормит соломой, а верблюда костями. Еще есть у Алмауз Кампыр особая комната. Переднюю ее дверь она все время держит закрытой, а заднюю — открытой. Посреди комнаты стоит столб, а на полке лежат зеркало, ножницы и гребень. Так вот, когда Алмауз Кампыр сегодня домой вернется и сядет в этой комнате, ты дай верблюду соломы, а собаке костей брось. Потом войди в эту комнату и сядь около столба, а дверь не закрывай. Когда Алмауз Кампыр прикажет искать у нее в голове, ты скажи ей: «Ах, бабушка! Я очень устал се-

годня, с места встать не могу, подойдите ко мне!» Алмауз Кампыр подойдет к тебе и положит свою голову тебе на колени. А чуть только она заснет, ты обмотай ее волосы вокруг столба и крепко привяжи к столбу. Тогда встань тихонько, возьми с полки зеркало, гребень и ножницы и спрячь их себе за пазуху. Открой переднюю дверь и выходи во двор. Я тебя там ожидать буду. Так мы и убежим.

Скоро вернулась Алмауз Кампыр, зашла в свою комнату и говорит:

— Покормите, ребятки, верблюда и собаку! Я очень сегодня устала.

Байбача положил верблюду соломы, а собаке кость дал. А потом открыл переднюю дверь, вошел в комнату, заднюю закрыл и сел около столба. Алмауз Кампыр говорит ему:

— Подойди ко мне юноша, расчеши мне волосы!

А джигит ей говорит:

— Ох, бабушка! Я так устал, что сил нет подняться. Подойдите ко мне сами!

Подошла к нему Алмауз Кампыр, голову на колени ему положила и заснула. Взял джигит ее волосы и стал приговаривать: «Вот эту прядь сюда, а эту сюда, а эту вот так!» Закрутил их сорок раз вокруг столба и привязал крепко-накрепко. Приподнял осторожно джигит голову Алмауз Кампыр со своих колен, положил ее на землю. А сам встал, взял с полки зеркало, гребень и ножницы, спрятал за пазуху и вышел через переднюю дверь во двор. Вдруг Алмауз Кампыр проснулась, попыталась вскочить, а волосы, привязанные к столбу, ее не пускают.

— Закройся, передняя дверь, закройся! — закричала Алмауз Кампыр.

А дверь ей отвечает:

— Зачем я буду закрываться, ты меня и так всегда закрытой держала!

Алмауз Кампыр задней двери кричит:

— Откройся, моя дверь, откройся!

А задняя дверь ей отвечает:

— А зачем я буду открываться, ты меня всегда открытой держала!

Алмауз Кампыр кричит из комнаты:

— Эй, мой верблюд, держи их, держи!

А верблюд отвечает:

— Зачем я буду их держать, ты мне всегда кости бросала!

Алмауз Кампыр собаке кричит:

— Эй моя собачка, хватай их, хватай!

— Зачем я их буду хватать,— отвечает собака.— Ты всегда меня соломой кормила.

Ни двери, ни верблюд, ни собака не захотели слушать Алмауз Кампыр. Растерялась совсем старуха, не знает, что ей делать. Тем временем джигит и пери убежали. С большим трудом баба-яга отвязала волосы и пустилась в погоню за беглецами. Три дня и три ночи гналась Алмауз Кампыр за джигитом и пери и, наконец, догнала их в далекой пустыне. Увидел юноша, что Алмауз Кампыр их догоняет, и бросил на дорогу ее гребень. Вырос сразу же густой лес. Алмауз Кампыр кричит:

— Эй, ребятки! Как вы через этот лес прошли?

А юноша и пери ей отвечают:

— А мы, бабушка, вырвали у себя два зуба. Из них топоры сделали. Этими топорами себе дорогу прорубили.

Вырвала Алмауз Кампыр у себя зубы, топоры сделала. Прорубила себе через лес тропинку и помчалась за джигитом и его прекрасной пери.

Тогда юноша бросил на дорогу ножницы. На дороге такой лес поднялся, что ему ни начала ни конца не видно. Алмауз Кампыр опять кричит:

— Эй, ребятки! А через этот лес вы как пробрались?

Пери ей отвечает:

— Мы, бабушка, еще два зуба вырвали и опять из них топоры сделали, так и прорубили себе дорогу.

Алмауз Кампыр давай у себя зубы рвать, топоры делать. А у нее всего-навсего четыре зуба было. Увидели джигит и пери, что у бабы-яги ни одного зуба не осталось, обрадовались и дальше побежали.

Алмауз Кампыр схватила топоры, прорубила себе в чаще дорогу, вышла из леса и дальше за джигитом и пери погналась. Прошло два дня и две ночи, опять начала настигать их Алмауз Кампыр.

Теперь они на дорогу ей зеркало кинули. Разлилась река, и такая, что ни дна у нее нет, ни конца. Стояла Алмауз Кампыр у этой реки, от удивления рот разинув, и кричала:

— Эй, ребятки, как вы через эту реку переправились?

— А мы, бабушка,— отвечает ей джигит,— одежду с себя сняли, вороты и рукава завязали, наложили в нее камней, а потом привязали их себе на шею, на дно опустились и перешли речку по дну:

Алмауз Кампыр сделала так, как он сказал, и кричит им:

— Ну вот, ребятки, я сейчас на дно опущусь. Если белая пена появится, то смейтесь от радости, а если красная пена потечет, то плачьте, рыдайте.

И бросилась Алмауз Кампыр в реку.

Прошло немного времени, появилась на реке белая пена. Как увидели ее юноша и пери, горько заплакали. Еще немного времени прошло, смотрят они — а по реке уже красная пена плывет. Тут джигит и пери обрадовались, засмеялись, потому что поняли, что наконец-то они от бабы-яги избавились. Прошли они еще три дня и три ночи и добрались до своей усадьбы.

Стали они опять в своем доме жить. Так джигит и прекрасная пери достигли исполнения своих желаний.

ВОЛШЕБНЫЙ СВЕТИЛЬНИК

то было давным-давно. Жил в стране иомудов батрак по имени Махмуд. Каждый день трудился Махмуд вместе со своей женой, добывая кусок хлеба. Проходили годы в труде и заботах, но ни он, ни жена не видели ни радости, ни светлых дней. Детей у них не было, и они, привыкнув к одиночеству, смирились со своей судьбой. Но вот под конец жизни у них родился сын. Старик со старухой обрадовались, любовно ухаживали за своим первенцем и берегли его как зеницу ока. Они назвали его Хасаном.

Когда Хасану было три года, умер его отец, и старуха осталась одна с Хасаном. Она трудилась не покладая рук, кормила, обувала, одевала и воспитывала ребенка.

Мальчик подрастал, ему исполнилось уже восемь лет, и теперь матери трудно было следить за ним. Пользуясь

этим, Хасан целый день бегал по улицам со своими сверстниками, играл с ними в разные игры. Особенно нравилось ему играть в орехи. Он был ловкий, проворный и всегда выигрывал.

Через селение проходила большая дорога. По этой дороге дехкане везли в город на продажу масло, молоко, зерно, овощи, фрукты, дыни, арбузы. Ребятишки обычно бежали за ними следом, некоторые выпрашивали себе что-нибудь, другие ухитрялись стащить фрукты и потом хвастались друг перед другом своей добычей.

Особенно ловко действовал Хасан. Ему ничего не стоило незаметно для хозяина вынуть из корзины яблоки, груши, персики, виноград, снять с арбы арбуз или дыню. Набив фруктами полные карманы, натолкав за пазуху виноград, он лакомился, вызывая зависть у своих сверстников.

Никто не говорил Хасану, что воровать нехорошо. Взрослые были заняты своими повседневными делами и заботами и не обращали внимания на детей. Ловкого, расторопного мальчугана давно уже заприметил старый колдун Мирхамид. В деревне его никто не знал. Он жил где-то в глухой степи и занимался всякими темными делами.

В один прекрасный день старый колдун появился в деревне. Увидев детей, игравших на улице, Мирхамид подозвал к себе Хасана и сказал:

— Какой ты большой уже, Хасан! Я сразу узнал тебя, ты так похож на Махмуда. Ведь твой отец Махмуд — мой родной брат. Но ты меня не знаешь. Меня зовут Мирхамидом. Я расстался с ним очень давно, когда тебя еще на свете не было. Я тогда покинул родную деревню и уехал в Иран. Недавно я узнал, что Махмуд умер. Я горевал, плакал, но слезами горю не поможешь. Меня потянуло на родину, захотелось пойти на могилу брата. Только из-за этого я поспешил вернуться в родную страну.

Хитрый колдун вынул из складок поясного платка серебряную монету и дал ее Хасану. Мальчик очень обрадовался, побежал к матери и рассказал ей о своей встрече, показал ей монету, которую подарил ей Мирхамид.

— Я позову его к нам? Можно? — спросил мальчик.

Мать разрешила ему позвать старика.

Войдя в комнату, Мирхамид поздоровался, расплакался, стал говорить о том, как ему жаль брата, что он так рано умер, сказал, что они с Махмудом жили очень дружно, что они любили друг друга. Мать Хасана сначала удивилась и тоже расплакалась. Она приготовила чай и угостила старика. После чая колдун Мирхамид повел Хасана на базар, купил ему новые штаны, рубаху, тюбетейку, халат, пояс и сапожки. Вернувшись домой, мальчик оделся во все новое.

Через несколько дней Мирхамид собрался в путь и сказал матери, что хочет взять мальчика с собой. Мать долго не соглашалась отпустить сына. Но колдун уговорил, наконец, ее.

Кончив все дела и сборы, старик и Хасан отправились в Иран. Путь был тяжелый, дальний. Шли они очень долго по степи, по безводной пустыне. Через несколько дней Хасан сказал колдуну, что он очень устал.

Мирхамид снял с руки кольцо, дал его Хасану и сказал:

— Возьми себе это кольцо и надень на палец. Когда ты очутишься в трудном положении, оно тебе поможет. Сейчас я скажу заклинание — перед нами треснет земля. Ты войдешь в эту расщелину и спустишься вниз под землю. Там ты увидишь сад. Пойдешь по саду. В правой стороне в углу увидишь развалившийся дом. Ты не бойся, смело входи в него. Среди развалин найдешь старый светильник. Возьми этот светильник и принеси его ко мне. Только неси его осторожно, не стукни, не вытирай и не три его ничем.

Колдун собрал в кучу немного сухой травы, зажег ее, пробормотал себе под нос заклинание, а затем высыпал какой-то порошок в огонь. Тотчас же земля треснула и расступилась. Колдун поманил к себе Хасана и велел ему сойти вниз под землю. Спустился вниз Хасан, смотрит — перед ним большой красивый сад. По саду, журча, бегут говорливые ручейки. На берегах их растут красивые цветы, сквозь прозрачную воду на дне виднеются драгоценные изумруды. Хасан удивился, захотелось ему набрать их в карман, но строгий наказ старика не выходил у него из головы, поэтому он поспешил разыскать в углу сада разрушенный дом. Увидев развалины, он пробрался в середину и там под стеной у очага нашел старый светильник. Взял он его, положил в карман и пошел назад. Проходя мимо ручейка, Хасан

набрал со дна много изумрудов и набил ими полные карманы. Выйдя из сада, Хасан поднялся наверх и позвал своего дядю, чтобы он помог выбраться наружу. Колдун протянул руку и сказал:

— Давай светильник!

Хасан сказал, что светильник у него в кармане, а сверху лежат камешки, и он никак не может его вытащить из кармана.

— Я выйду наверх, потом отдам вам! — просил мальчик.

— Раз не даешь мне светильник, тогда оставайся там под землей! — злобно крикнул старик и ушел. Сколько ни кричал Хасан, сколько ни звал дядю, так и не дозвался. «Значит, дядя ушел и я один остался под землей»,— подумал он и заплакал горькими слезами. Наплакавшись, он со злости стал выбрасывать из кармана драгоценные изумруды. Выбросив все камни, Хасан вынул светильник и тут вспомнил строгий наказ старика. «Почему нельзя тереть светильник? Дай-ка я попробую, потру его! — подумал мальчик.— А чем?»

На земле лежал кусок кошмы. Хасан быстро спустился вниз и потер светильник кошмой. В тот же миг перед ним предстал здоровенный страшный див высоченного роста. Хасан испугался и закричал. Но див, сложив почтительно руки на груди, сказал:

— К вашим услугам, хозяин! Что прикажете? Я сделаю все, что вам угодно!

Поборов чувство страха, мальчик сказал:

— Я хочу домой, к маме! Доставь меня в родную деревню, около города Иомуд прямо в наш дом.

— Закрой глаза! — сказал див.

Хасан зажмурился.

— Открой глаза! — приказал див.

Хасан открыл глаза, смотрит — он уже у себя дома. Мать сидит в комнате на подстилке и шьет платье. Хасан бросился к ней и обнял ее.

Расспросив, как она жила без него, мальчик узнал, что в доме все припасы кончились и мать голодает. Он вынул светильник, потер его о кошму и приказал явившемуся диву принести поесть. В один миг в комнате на дастархане появились разные кушанья. Мать с сыном сели и утолили свой голод.

Так и зажили Хасан с матерью спокойной жизнью. Всего у них было вдоволь, всегда они были сыты.

Прошло немало лет. Однажды Хасан попросил мать посватать ему невесту. Мать спросила:

— К кому же я пойду сватать?

— Пойди к царю Валоматхану и посватай за меня его дочь Хилолой,— ответил Хасан.

В те времена был такой обычай: сваха должна была прийти в дом невесты на рассвете и подмести двор. Мать Хасана сделала точно так же. Рано утром она пришла во дворец, подмела двор и ушла. На другой день она снова пошла во дворец и опять подмела двор. Узнал об этом царь Валоматхан и разгневался. На третий день, когда мать стала подметать двор, он приказал свои слугам:

— Приведите ко мне эту старуху!

Слуги побежали, схватили старуху и привели ее к царю.

— Ну-ка, скажи, почему это ты мой двор подметаешь? — грозно спросил царь.

— Я пришла сватать вашу дочь Хилолой за своего сына,— ответила старуха.

Царь раскричался и в гневе приказал казнить старуху.

У царя был мудрый визирь Захиддин. Он почтительно поклонился и дал ему такой совет:

— О могучий властелин! Вы благородный отпрыск славного рода великих государей, славитесь своим гостеприимством. Двери ваших величественных и роскошных хором всегда широко раскрыты для всех. Проявите великодушие и милосердие! Зачем вам убивать какую-то глупую, выжившую из ума старуху? Лучше поставьте перед ней невыполнимые условия, и она больше не придет сюда.

— Хорошо, я согласен,— сказал царь.— Но какое условие? Скажите вы сами, и я ей прикажу выполнить.

Мудрый визирь сразу придумал условие.

— Прикажите ей достать семь золотых чаш,— сказал он,— пусть она положит в эти чаши семь жемчужин, и пусть эти золотые чаши с жемчужинами принесут сюда семь нарядно одетых служанок. И скажите ей, если она выполнит это условие, тогда, мол, я выдам свою дочь замуж за твоего сына.

Царь объявил старухе это условие и приказал выпроводить ее из дворца.

Старуха пришла домой и рассказала Хасану обо всем, что с ней случилось во дворце. Пока мать занималась хозяйскими делами, Хасан достал светильник и потер его о кошму. Тотчас же перед ним появился див, и Хасан поручил ему достать семь золотых чаш с семью жемчужинами и привести семь хорошо одетых служанок и, кроме того, принести хорошую одежду для матери.

К утру все уже было готово. Мать в сопровождении семи служанок явилась во дворец. Царь был удивлен и позвал своего визиря. Визирь Захиддин посоветовал ему поставить перед старухой второе условие:

— Скажите ей, пусть жених приедет во дворец верхом на коне в сопровождении пятнадцати хорошо одетых джигитов на красивых скакунах в дорогой нарядной сбруе.

Царь объявил старухе новое условие. Оставив золотые чаши с жемчугом во дворце, она вернулась домой и рассказала сыну о новом условии царя. Сын послал мать в ичкари, а сам достал светильник и потер его кошмой. Опять перед ним появился див. Хасан сказал ему:

— Пришли ко мне пятнадцать богато одетых джигитов, дай им золотое оружие, посади на хороших скакунов. Вся сбруя должна сверкать золотом. Для меня достань такую дорогую одежду, какой нет во всем царстве и купить ее не хватит царской казны, золотое оружие, чтобы сверкало драгоценными камнями, и красивого коня-скакуна в золотой сбруе. Чтобы завтра к утру все было готово.

На другой день утром все было готово, красивые джигиты на скакунах гарцевали у ворот. Хасан оделся, сел на коня и поехал во дворец в сопровождении джигитов.

Валоматхан принял его очень хорошо, угостил и хотел было уже дать согласие, но тут вмешался визирь Захиддин. Он был против такого решения и на этот раз тоже стал уговаривать царя не спешить с выдачей дочери замуж.

Почему же визирь противодействовал намерению царя и чинил всякие препятствия?

На это была причина, которую Захиддин хранил в глубокой тайне: он сам был влюблен в царевну и втайне надеялся как-нибудь уговорить царя выдать дочь за него замуж. Поэтому он сказал царю потихоньку:

— Вы не спешите. Поставьте перед ним третье усло-

вие. Скажите ему сейчас, пусть он построит замок вблизи вашего дворца на берегу реки. Замок должен быть весь из золота. Скажите, что я, мол, дам согласие только при том условии, если вы построите золотой замок.

Царь послушался визиря и объявил Хасану третье условие. Юноша принял это условие. Вернувшись домой, он достал светильник, потер его кошмой и, когда див явился, поручил ему новое дело:

— Ты построй мне замок на большом пустыре около реки, неподалеку от царского дворца. Замок должен быть весь из золота. Даю тебе срок до утра.

Див почтительно поклонился и исчез.

Хасан вышел во двор. В этот момент в комнату вошла мать, увидела пыльный светильник, взяла его и стала вытирать. Вдруг перед ней предстал огромный страшный див. Мать испугалась и завопила. Услышав ее крик в комнату вбежал Хасан, смотрит — див стоит перед матерью, почтительно сложив руки на груди.

— Ты иди! — сказал юноша, и див в один миг скрылся из глаз. Встав утром, Хасан вызвал дива и вместе с ним пошел на берег реки осматривать золотой замок. На пустыре у реки, весь сияя золотом, высился прекрасный замок, огороженный высокой золотой стеной с острыми зубцами и башнями по углам. Хасан вместе с дивом обошел вокруг стен и в одном месте велел сделать пролом в стене шириной в один аршин. Див сделал брешь в стене. Потом Хасан пошел к царю и сообщил что замок уже построен.

Царь со своими приближенными обошел вокруг стен и осмотрел золотой замок. Хасан подвел царя к тому месту, где был пролом в стене, и сказал:

— Здесь маленькая недоделка, золота не хватило.

Валоматхан дал слово, что он прикажет сделать брешь и закончить постройку стены. Он вызвал мастеров и приказал приступить к работе. Долго строили стену мастера, царь уже израсходовал все золото, которое лежало в царской казне, но так и не мог заделать пролом. Так прошло шесть месяцев.

Тогда Хасан вызвал дива, и он в одно мгновение сделал все, что надо.

Когда работа была закончена, царь устроил роскошный пир. Пировали сорок дней и сорок ночей. Затем был совершен обряд бракосочетания, и царь выдал свою дочь замуж за Хасана.

Хасан положил старый светильник в одной из надворных построек в самом углу двора и никому не рассказывал про его волшебные свойства. Живя в золотом замке с молодой царевной, Хасан иногда отправлялся на охоту.

Слава о Хасане и золотом замке быстро разнеслась по всей стране. Узнал об этом и старый колдун Мирхамид. Он изготовил сорок новых очень красивых светильников и однажды, когда Хасан уехал на охоту, пошел к золотому замку и стал выкрикивать:

— Есть хорошие светильники! Продаю светильники! Меняю новые на старые!

Служанки прибежали к царевне Хилолой и стали ей нахваливать новые светильники. Царевна сказала им, что в одной комнате в углу двора валяется старый светильник, и приказала обменять его на новый. Служанки вынесли старый светильник и отдали его продавцу, а тот дал им взамен десять новеньких светильников.

Взяв в руки старый светильник, колдун потер его, и в тот же миг к нему явился див. Колдун приказал диву перенести золотой замок в Иран. Див выполнил его приказание. Он поднял на воздух замок и в мгновение ока перенес его в Иран.

Утром царь Валоматхан проснулся, выглянул в окно, смотрит — золотого замка нет. Он стал протирать глаза, долго тер их, потом ущипнул себя. «Может быть, я сплю»,— подумал он. Выглянул опять и убедился, что у реки нет уже золотого замка, в котором жила его дочь. «Куда же он девался? Что случилось?» — подумал удивленный Валоматхан, позвал придворных и рассказал им о случившемся.

Визирь Захиддин стал упрекать царя в необдуманном поступке: «Зачем вы поспешили выдать за него замуж свою дочь».

В этот момент Хасан вернулся с охоты, смотрит — золотого замка нет, а там, где он стоял, по-прежнему голый пустырь. Огорчился Хасан. Царь приказал ему в трехдневный срок разыскать дочь и доставить ее во дворец. Хасан пошел на берег реки, сел и задумался. Думал-думал и вдруг вспомнил про старого колдуна, про своего хитрого дядю Мирхамида. «Конечно, это дело его рук»,— подумал Хасан. Теперь он не сомневался в том, что колдун перенес золотой замок в Иран, и стал обдумывать, как туда добраться. «За сколько времени

я доеду до Ирана?» — спросил сам себя Хасан и, не находя ответа, долго смотрел на прозрачные струйки, слушая тихий плеск воды.

Вдруг на поверхности воды сверкнул яркий свет. Хасан удивился и долго смотрел в воду. Наконец он догадался, что свет исходит от драгоценного камня в кольце, которое когда-то дал ему старик. Хасан, не снимая, носил это кольцо на пальце.

Он тотчас же снял кольцо, опустил руку в воду и потер его о камень. Вмиг перед ним предстал младший див, поменьше ростом. Хасан попросил его перенести золотой замок и поставить на прежнее место. Однако див отказался выполнить эту просьбу, сказав, что он не может перенести замок, так как у него на это силы не хватит.

Тогда Хасан попросил перенести его самого в золотой замок, и див в одно мгновение ока перенес его в Иран. Хасан увиделся с женой и узнал обо всем, что с ней случилось. Оказывается, старый колдун хотел насильно заставить ее выйти за него замуж. Хасан посоветовал царевне угостить колдуна вином и незаметно подсыпать ему сонного зелья.

Царевна тайком провела Хасана в замок и спрятала в одной из комнат. Когда пришел старик, царевна встретила его приветливо, расстелила дастархан и стала угощать. Наливая вино в пиалу, она незаметно подсыпала ему сонного зелья. Через несколько минут старый колдун лишился чувств и свалился на ковер. Хасан подбежал к нему, вытащил у него из-за пазухи старый светильник, вызвал старшего дива и стал его ругать за то, что тот перенес золотой замок. Див сказал, что он выполняет приказание того, в чьих руках находится светильник.

Тогда Хасан выволок колдуна на середину большого зала, привел его в чувство и сказал: «Вот тебе наказание за обман и предательство! По делам и заслугам!» Выхватив меч, Хасан отрубил колдуну голову. Затем он приказал диву перенести золотой замок на прежнее место на пустырь около реки, вблизи царского дворца. Хасан и царевна зажили в нем спокойной и счастливой жизнью.

АИКПАЛВАН

Было или не было, в давно прошедшие времена страной Каньон правил один царь. Были у него три дочери и звали их Мухлиё, Мухаббат и Икбал. Мухлиё исполнилось двадцать два года, Мухаббат — двадцать, а Икбал — восемнадцать. Красотой своей царевны славились во всех семи странах света. Много женихов сваталось к ним. Но царь отказывал бесчисленным сватам, заявляя: «Это мне не ровня. Я выдам дочерей за тех, кто богаче меня, кто славнее меня».

Однажды Мухлиё, Мухаббат и Икбал, гуляя в райских садах и цветниках, с наслаждением слушали пение влюбленного в розу соловья, смотрели на птичек, порхавших с ветки на ветку, на летающих высоко в небе голубей и тихо беседовали о том о сем.

— Смотрите, как хороша природа,— говорила старшая, Мухлиё,— как она нарядно одета. Свободные птицы летают, радуясь всему. Они поднимаются в поднебесье и любуются цветами мира.

Мухаббат ответила Мухлиё:

— Давайте, сестрицы, втроем уйдем отсюда. Давайте откажемся от этой роскоши и отцовского трона. Давайте оставим царский дворец, чтобы не раскаиваться потом, что мы жили, как попугаи в золотой клетке.

Икбал поддержала сестер:

— Сестрички, давайте проснемся ночью, наденем мужскую одежду, сядем на коней и убежим.

Три сестры-царевны, запертые, словно попугаи, в золотую клетку, не видели света, не знали людей, потеряли надежду иметь любимых и давно уже думали: «Лучше бежать, нежели жить такой жизнью». Сегодня наступил час решений.

В полночь Мухлиё, Мухаббат и Икбал вышли тайком через сад и тихо-тихо прокрались в царские конюшни. Все кони и сторожа спали мертвым сном. Три сестры надели на себя одежду джигитов, прицепили сбоку сабли, взяли с собой шлемы, панцири, кольчуги, на голову низко надели меховые шапки, подобрав под них свои длинные до колен косы, подтянули брюки и сапоги, лихо вскочили на горячих коней и пустились в дальний путь.

Никто во дворце, ни одна душа не видела даже, как уехали девушки.

На заре, до восхода солнца, девушки проделали порядочный путь и попали в незнакомую местность. Но они, не останавливаясь и понукая коней, все продолжали ехать. Пусть они едут, а вы послушайте про другое.

Утром царь проснулся и, прогуливаясь по своим райским садам, заглянул на половину дочерей. Видит — они исчезли. В ужасном гневе велел он казнить сорок человек из дворцовой стражи, но и это не помогло. Дочери его словно сквозь землю провалились. Послал царь письма всем бекам и ханам страны со строжайшим повелением разыскать дочерей и торжественно обещал: «Того, кто найдет царевен, засыплю вровень с головой золотыми червонцами и дам полцарства».

Теперь послушайте о девушках.

Три сестры ехали и ехали, много проехали, переправились через реки, миновали степи и пустыни, добрались до высокой горы.

У подножия ее дорога разветвлялась в три стороны. На камне, установленном посредине, имелась надпись: «Пойдешь направо — не вернешься, пойдешь прямо — навряд ли дойдешь, пойдешь налево — вернешься».

Прочли девушки надпись на камне и стали советоваться.

Младшая, Икбал, сказала первая:

— Поеду-ка я в сторону «Поедешь — не вернешься». Улыбнется нам счастье — обязательно встретимся. Но каждая из нас вольна поступить по своему желанию и выйти замуж за первого, кого встретит и полюбит.

Средняя, Мухаббат, согласилась:

— Правильно говорит Икбал, я поеду по дороге «Вряд ли дойдешь».

Старшая, Мухлиё, сказала:

— Поезжайте, сестрицы, своей дорогой, а я поеду по левой дороге — «Пойдешь и вернешься».

Так сестры и порешили. В последний раз переночевали они вместе в горной пещере и на заре, сердечно попрощавшись, пустились в путь.

Икбал проехала степи и пустыни, немало перенесла горя и лишений, и наконец, однажды, когда уже стемнело, она подъехала к лесу, что рос на склоне высокой горы. Нашла Икбал местечко, легла и заснула. Едва

рассвело, Икбал проснулась и, оглянувшись по сторонам, увидела высокие горы, густые леса и глубокие озера. Больше ничего она не увидела, даже дорогу, по которой ехала, она не запомнила.

Вдруг заметила она, что какое-то живое существо, пошатываясь, шло в ее сторону. Тут она вспомнила уговор с сестрами и сказала себе: «Что бы и кто бы ни был, ты первый, кого я встретила, поэтому ты мой, а я твоя».

Только она так сказала, смотрит — а это медведь.

Икбал поклонилась ему и попросилась к нему жить. Медведь повел Икбал к себе в пещеру, и осталась она у него.

Медведь по ночам выходил на охоту, воровал в соседних кишлаках коров, баранов и всякие вещи и тем промышлял много лет. Он набил драгоценностями пещеру. Когда Икбал узнала, что медведь занимается разбоем и за счет дехканских слез скопил свои богатства, она очень огорчилась, но не посмела ему ничего сказать.

Так шли месяцы. Наступило время — и Икбал родила сына. Ребенок был получеловеком, полумедведем. Голову и руки он имел человечьи, а ноги и туловище медвежьи.

Быстро рос ребенок. Медведь-отец каждый вечер запирал снаружи пещеру, привалив к входу жернов, уходил. Чтобы сыночку не было скучно, Икбал стала учить его швырять камни, рубить саблей, ездить верхом, бороться.

Сыну Икбал исполнилось четырнадцать лет, когда он спросил мать:

— Есть ли у меня отец?

Икбал ответила:

— Отец у тебя есть. Только он не человек. Ночью он грабит селения, а днем спит в лесу.

Сын рассердился и хотел пойти искать отца, но мать сказала:

— Куда ты пойдешь? Вход в пещеру закрыт жерновом. Тебе его с места не сдвинуть.

Но сын подошел к жернову и одним рывком отбросил его.

Возвращавшийся из лесу медведь пришел в ярость и набросился на мальчика. Начали они бороться; мальчик ударил его камнем и убил.

Потом он пошел искать отца. Долго бродил по лесу. К вечеру он вернулся в пещеру и рассказал Икбал, как на него набросился медведь. Печально объяснила Икбал сыну, что медведь этот и был его отец, и рассказала всю свою жизнь:

— Сын мой, я дочь царя страны Каньон. Я имела двух сестер — Мухлиё и Мухаббат. Наш отец был деспот и не давал нам воли. Надели мы одежду джигитов, прицепили сабли, сели на лихих коней и покинули дворец. Вскоре я рассталась с сестрами и поехала по дороге «Пойдешь — не вернешься» и попала сюда в пещеру. Твой отец — медведь. Всякого, кто появлялся около пещеры, он убивал. Человек бесследно исчезал, и поэтому эти места называют «Пойдешь — не вернешься». Мои сестры Мухлиё и Мухаббат поехали по дорогам «Пойдешь — вернешься» и «Вряд ли вернешься». С тех пор я их не видела.

Икбал с сыном оставили пещеру и отправились в страну Каньон. Приехав в город, мать с сыном остановились в каравансарае для чужестранцев и рассказали там хозяину, что приехали в гости к царю Каньона. Рассказ этот услышал пахарь, привязывавший во дворе быков. Он вспомнил, как пропали несколько лет тому назад три дочери царя, и он обещал в награду засыпать разыскавшего их золотом и отдать ему половину своего царства. Пахарь пошел во дворец к царю и рассказал все, что видел. Но царь подумал, что пахарь его обманывает ради награды, и приказал бросить его в зиндан. Тогда визирь встал и поклонился:

— Зачем этому бедняку лгать,— сказал он и пошел в каравансарай чужестранцев. Там он узнал, что действительно Икбал с сыном приехала в страну своего отца. Царь на радостях объявил всенародный праздник. С большими почестями привезли царевну во дворец. Вся царская родня, ханы, беки, эмиры, наместники, казии устраивали пиры в честь Икбал, а сыну ее дали имя Аикпалван — Медведь-богатырь.

Пусть они пируют и празднуют, а вы послушайте про царя. Был он жаден и скуп. Стало ему жалко давать обещанную награду и он решил: «Пахарь сказал первый об Икбал, награду следует дать ему, но если я его выпущу из зиндана, это для него дороже всякого золота. Поэтому в награду я его выпущу из подземелья».

Велел царь привести к себе пахаря и сказал ему:

— Впредь не лги царю в надежде получить награду. Хотел я тебя казнить, но мне жалко тебя. Помолись за меня аллаху. Я освобождаю тебя из подземелья.

Радуясь, что избавился от гибели, пахарь пал ниц, поцеловал царю туфлю и побежал домой, забыв о золоте и половине царства. А царь, довольный, что из трех дочерей нашлась хоть одна, возблагодарил за это аллаха и занялся воспитанием Аикпалвана.

Юноша день ото дня рос. Часто он выходил из дворца на улицу поиграть со сверстниками. Однажды он увидел, как его товарищи играют в бабки, и попросил мать сделать ему альчики. Тогда ему сделали четыре альчика из чугуна, каждый весом в десять пудов.

Начал Аикпалван играть с друзьями и многих посбивал с ног и поранил. Отцы и матери ребят пожаловались царю.

Царь созвал визирей на совет и объявил:

— Придется Аикпалвана казнить.

Один из визирей стал возражать:

— Эй, царь царей, никто никогда еще не убивал плоть от своей плоти. Разнесется слух, что царь Каньона казнил из-за пустяка своего внука,— нехорошо получится. Лучше не проливать кровь парня, а выслать туда, откуда не возвращаются. Там, в тех местах, бесследно пропадают.

Другой визирь встал, поклонился царю и сказал:

— Лучше сделать так: пусть Икбал притворится больной и скажет, что для ее исцеления необходимы корешки и листья дерева жизни, которое растет в стране дивов. Аикпалван отправится искать корень дерева жизни и больше не вернется. И тогда отцы-матери ребят перестанут лить слезы и вопить о спасении, а царь не услышит больше жалоб.

Пришелся этот совет царю по сердцу, и он приказал так и сделать. Однажды приходит Аикпалван с улицы и видит — мать лежит в постели. Он спросил ее, чем она больна и нельзя ли помочь ей.

Икбал ответила, как приказал царь:

— Мне бы выпить отвара из корней и листьев дерева жизни, что растет в стране дивов, и тогда я наверняка поправлюсь.

С этого дня Аикпалван начал собираться в путь, чтобы достать корешков и листьев дерева жизни. Он облачился в стальную кольчугу, надел на голову блестящий

шлем, а на ноги чугунные сапоги весом в триста пудов, взял в руки щит и лук и отправился в страну дивов.

Повсюду по всем странам разнесся слух, что внук царя страны Каньон идет походом на страну дивов. Услышав об этом, много богатырей приготовились сразиться с Аикпалваном и искали с ним встречи.

Аикпалван шел дорогой, шел полем, много прошел и вышел, наконец, в пустыню.

Встретился ему богатырь, который играл двумя жерновами, подкидывая их легко, точно яблоки. Спросил Аикпалван богатыря, зачем он играет жерновами.

Тот ответил:

— Слыхал я, что в стране Каньон объявился богатырь Аикпалван. Говорят, он очень сильный богатырь. Хочу с ним побороться и вот проверяю свою силу. Как бы ни был он силен, сила его не потянет и одного жернова.

Усмехнулся Аикпалван:

— Эй, богатырь, иду я из этой самой страны Каньон, я там живу по соседству с Аикпалваном, приходилось мне с ним бороться. То он меня, то я его побеждал. Могу и с тобой побороться. Если ты меня одолеешь, это все равно, что его поборешь.

Вышли они на открытое место и начали бороться.

Аикпалван схватил богатыря, поднял на воздух, ударил о землю, и тот по колени вошел в нее.

Засмеялся Аикпалван и сказал:

— Тот Аикпалван, о котором ты говоришь — я сам!

Богатырь, игравший жерновами, пришел в восторг от Аикпалвана.

Побратались богатыри и пустились дальше в путь вдвоем. Шли они дорогой, шли полем, прошли много и пришли в горное ущелье. Смотрят — какой-то человек забавляется: берет рукой одну гору, переставляет на место другой, а другую ставит на место первой.

Спросил его Аикпалван, для чего он это делает. Тот ответил:

— Слышал я, что в стране Каньон объявился силач — богатырь Аикпалван. Вот я и проверяю силу, чтобы бороться с ним.

Усмехнулся Аикпалван, расправил свои плечи и сказал:

— Тогда борись со мной. Приходилось мне бороться с этим самым Аикпалваном, да и не раз. То он меня

одолеет, то я его. Если меня поборешь, значит поборешь и его.

Стали они бороться. Аикпалван поднял на воздух богатыря, ударил о землю, и тот вошел в нее по грудь.

Тут Аикпалван открылся ему.

Побратались богатыри, подружились и отправились дальше. Вечером, когда стемнело, дошли они до самого кишлака. Постучались они в первую калитку и попросились на ночлег. Вышел к ним старик и сказал:

— Дети мои, всей душой рад бы пустить вас к себе в дом, но в наших местах днем дивы, а ночью воры не дают никому покоя. Потому днем, работая в поле, мы боимся сказать хоть слово, а как только темнеет, все мы спешим запереться в домах. Теперь вы все знаете. Если не боитесь, заходите, переночуйте.

Аикпалван и друзья его богатыри сказали:

— Мы не боимся.

Остановились они у старика на ночлег.

Богатыри три дня жили у старика. Днем все вместе ходили на охоту.

— Откуда вы идете и какая у вас цель?

Ответил за всех Аикпалван:

— Идем мы в страну дивов, достать корешков и листьев дерева жизни.

Помрачнел старик и сказал:

— Дорога, куда вы идете, трудная и опасная. Да и попасть туда можно только верхом на диве. Даже если сумеете оседлать дивов, надо обязательно запасти на дорогу на сорок дней пищи. Наши места разоряют те самые дивы, к которым вы идете.

Вдруг разнесся слух, что дивы и воры грабят соседние кишлаки.

Утром богатыри все втроем вышли на охоту. Очень они проголодались и устали, когда, наконец, добрались до большой чинары. В тени ее листвы в прохладном месте сложены были из глины и камней удобные возвышения, сделаны очаги. Тут же лежали вверх дном чугунные котлы. Друзья оставили добытую на охоте дичь богатырю, игравшему жерновами, велели ему сварить похлебку, а сами ушли в горы еще поохотиться. Только похлебка сварилась, вдруг в дупле чинары что-то пискнуло, и оттуда вылез карлик ростом с четверть, с бородой в сорок четвертей. Подошел он к богатырю, одной рукой схватил его за шею, другой опутал волосами бо-

роды ему руки и ноги, съел всю похлебку, обглодал все косточки и ушел.

Когда Аикпалван и богатырь, переставляющие горы, вернулись с охоты, смотрят — в котле похлебки и капли не осталось, а богатырь, играющий жерновами, лежит связанный. Рассказал он товарищам, как все произошло.

На следующий день Аикпалван оставил варить похлебку богатыря, переставляющего горы, а сам с богатырем, игравшим жерновами, пошел на охоту.

Только похлебка сварилась, как вдруг опять вылез из дупла бородатый карлик, связал богатырю, словно слабому ребенку, ноги, съел все, что было в котле, и ушел.

На третий день наступила очередь Аикпалвана готовить обед.

Видит он — из дупла с писком вылезает карлик ростом в четверть, с бородой в сорок четвертей и прямо идет к нему.

— Ну, джигит,— сказал карлик,— похлебка готова у тебя?

Не растерялся Аикпалван и ответил:

— Да, готова! Пожалуйте к дастархану.

Сказал так и налил похлебку в миску. Карлик давай уплетать похлебку, но тут Аикпалван заметил, что он исподтишка выдергивает волосы из бороды, хочет связать ему руки-ноги. Рассердился Аикпалван и дал карлику оплеуху. Тот перевернулся раз-другой и помер.

А тем временем богатыри возвращались с охоты и вели такой разговор.

— Аикпалван, наверно, лежит связанным, беспомощным. Давай убьем его и освободимся от его силы.

Но когда они подошли к чинаре, то увидели, что похлебка готова, Аикпалван сидит и посмеивается, а бородатый карлик лежит в сторонке убитый.

Наутро богатыри втроем ушли на охоту. В горах они обнаружили глубокую яму, со дна которой раздавалось звонкое петушиное пение. Решили они узнать в чем дело.

Сплели богатыри из коры и трав длинную веревку и сначала опустили в яму богатыря, игравшего жерновами. Но спустившись до половины, он испугался и поднял крик, потребовав, чтобы вытащили его наверх. Вторым полез богатырь, переставлявший горы, но и он испугал-

ся и тоже начал кричать. Пришлось вытащить его обратно. Когда пришла очередь Аикпалвана, он сказал:

— Сколько бы я ни кричал, пока я не спущусь на самое дно, меня обратно не вытаскивайте.

Когда Аикпалван достиг дна ямы, он увидел, что попал в подземную страну, залитую солнечным светом. Пошел он бродить по ней и, наконец, пришел к богатому замку, в котором, облокотившись на сундук, сидела красавица из красавиц и горько плакала.

Увидел ее Аикпалван и сразу же влюбился. Но скрыл он свои чувства и вежливо спросил красавицу, почему она здесь сидит одна.

Девушка заплакала еще громче и сказала, что она дочь царя и что ее похитил див и принес сюда, в страну дивов.

Поклонившись красавице, Аикпалван сказал:

— Позволь мне вывести тебя отсюда и спасти от когтей дива.

Девушка печально покачала головой и промолвила:

— Увы, разве отсюда человек может убежать?

Но Аикпалван и слушать не стал никаких возражений, положил девушку в сундук, отнес его к выходу и дал знак своим товарищам. Богатыри вытянули сундук и спустили веревку. Когда Аикпалван начал подниматься по ней, они ее перерезали, и он упал на дно ямы. Долго он лежал без чувств, а когда очнулся, пошел бродить по подземной стране. Он видел много разных чудес, но не встретил ни одной живой души.

Однажды, когда он сидел на камне, предаваясь печали, к нему подошел вдруг старик и окликнул его:

— Эй, джигит, о чем ты печалишься?

Рассказал Аикпалван тогда старику всю свою жизнь и что с ним сделали друзья-богатыри. Старику стало его жалко, и он сказал:

— Если останешься здесь еще хоть сорок дней, тебя съедят дивы. Сейчас дивы спят и проснутся как раз через сорок дней. Поспеши подняться вон на ту высокую гору и увидишь там высокую чинару. На верхушке ее есть гнездо птицы Семург. Вот уже несколько лет она выводит ежегодно по два птенца, но их съедает дракон. Через двадцать один день как раз дракон явится. Если ты убьешь его и избавишь от гибели птенцов, быть может, Семург в благодарность покажет тебе, где растет дерево жизни.

Сказал так старик и исчез.

Аикпалван поднялся на гору, нашел чинару, и когда дракон обвился вокруг дерева, он выпустил в него стрелу из лука и убил его на месте. Птенцы с радостью рассказали матери, когда она вернулась, какое добро сделал им Аикпалван.

Птица Семург сказала:

— Все, что хочешь, теперь сделаю для тебя.

Тогда Аикпалван попросил:

— Выведи меня из страны дивов и покажи дерево жизни.

Птица Семург посадила Аикпалвана между крыльев и полетела. Долго они летели и наконец опустились на гору. Здесь птица Семург сказала:

— Теперь открой глаза. Мы вышли на поверхность земли. Иди по этой дороге в сторону восхода солнца и ты увидишь дерево, верхушка которого упирается в небеса. У подножия его ты увидишь людей, которые пашут землю, спроси их — и ты достигнешь цели. Мне больше нечего тебе сказать.

Распрощавшись с птицей, Аикпалван пошел и скоро действительно увидел пахарей. Он поклонился им и сказал:

— Не уставайте!

Один из пахарей зашикал на него:

— Тсс! Дитя мое, говори тише, здесь очень опасное место. Достаточно одного громко произнесенного слова — и дивы сейчас же явятся и нас всех съедят.

Аикпалван взмолился:

— Отец, я голоден, найди мне что-нибудь поесть, а я попашу за тебя.

Дехканин пошел за едой, а Аикпалван стал погонять волов:

— Хуш, хуш!

В то же мгновение появились два дива и накинулись на Аикпалвана. Но он изловчился, схватил дивов за уши, впряг их в плуг вместо быков и погнал. Вспахав быстро поле, Аикпалван принялся запахивать пустые земли, склоны холмов и гор.

Дехканин, вернувшись, поразился и обрадовался. Аикпалван продел в ноги дивов кольца, посадил их на цепь, а сам принялся за скромное угощение. Поев, он сказал:

— Теперь свободно пашите и сейте!

Старик от радости и не знал, чем угодить богатырю.

Тогда Аикпалван попросил:

— Отец, покажите мне дерево жизни, я возьму корешков его и листьев, поскорее отнесу в страну Каньон и вылечу свою любимую мать.

Дехканин на то сказал:

— Сын мой, это высокое дерево и есть дерево жизни. Под ним всегда отдыхают дивы, поэтому никто не мог пользоваться ни его листьями, ни корешками. Теперь же ты дивов посадил на цепь и вызволил нас из бездны печали, страха. И пойми, дерево это тяжелое. Унесешь ли ты его?

Но Аикпалван не стал долго раздумывать. Выдернул он дерево с корнем, как былинку, положил на спины дивам, сверху сел сам и поехал домой.

Проехав некоторое время, он вдруг увидел двух дерущихся людей. Смотрит — а это два богатыря, которые бросили его в яму.

Оказалось, что они, вытянув наверх золотой сундук, вот уже несколько дней из-за него спорят и сражаются не на жизнь, а на смерть. Аикпалван сбросил в яму обоих богатырей. Он поставил сундук поверх дерева жизни и погнал дивов так, что они помчались быстрее ветра. Проехав много дней и много ночей, Аикпалван прибыл в страну Каньон.

Дерево не помещалось в узких улицах города, и по пути Аикпалван разрушил и смел с лица земли дома беков, ханов и визирей.

Прежде всего он зашел в покой матери и поклонился ей, сказав, что привез дерево жизни. Но тут вдруг в комнату ворвались визири с обнаженными мечами. Аикпалван не испугался, и хоть много их было, вступил с ними в единоборство. Он сразил всех визирей, а за ними беков, ханов и все царское войско во главе с самим жестоким царем. Все богатство царской казны он раздал народу.

По просьбе матери Аикпалван нашел своих теток Мухлиё и Мухаббат. Он привез их в свою страну и выдал замуж за дехканских сыновей.

Аикпалван на плененных дивах вспахал все пустовавшие в степи земли, перевез туда все имущество, женился на принцессе, которую привез в золотом сундуке, и зажил счастливо и спокойно. Народ страны Каньон очень полюбил Аикпалвана.

ЭРНАЗАР И КИМОНАЗАР

Когда-то давным-давно жил, говорят, один достойный человек по имени Назар. Было у него три сына и три дочери. Старшего сына звали Пирназар, среднего — Ходжиназар, а младшего — Эрназар. Пирназар и Ходжиназар были от первой, старшей жены Назара, а Эрназар и все дочери — от младшей жены. Больше всех Назар любил самого младшего своего сына Эрназара.

Жил Назар в роскоши, дни его проходили на пирах. Детей своих он не учил ничему. Да и зачем было им учиться: отец-то у них был богатый человек.

Не удивительно, что старший и средний сыновья выросли неженками, вечно играли они в азартные игры, ни о чем не думали. Младший сын Эрназар ничем не походил на своих братьев. Был он спокойным, скромным и умным.

Состарился Назар. Почувствовав приближение смерти, позвал он к себе сыновей и объявил им свою волю.

Старшему сыну Пирназару он сказал:

— Такой-то большой сад в таком-то месте со всеми строениями и дворовыми помещениями отдаю тебе. Дарю тебе еще две корчаги, полные золота. Вот это твое наследство, если я скоро умру.

Среднему сыну Ходжиназару старик завещал сад и одну корчагу золота.

Наконец дошла очередь и до младшего сына Эрназара.

— А что тебе оставить, мой сын? Говори!

— О отец! — отвечает тот.— Мне ничего не нужно, лишь бы живы были вы да здоровы.

— Тебе, Эрназар, тоже оставлю сад с постройками, кроме того,— и тут старик заговорил шепотом, чтобы никто не услышал,— оставлю тебе вот этот складной нож. Только ни за что не показывай его своим братьям. Нож этот волшебный и во многом тебе поможет.

Вынул старик из-под подушки нож, придавил лезвие большим пальцем и тихонько сказал:

— Э, Кимоназар!

Нож моментально раскрылся и вдруг откуда ни возьмись в комнате появился молодой и ловкий с виду джигит.

— Повинуюсь! — сказал он.

— Принеси-ка мне миску кислого молока! — приказал старик Кимоназару.

В мгновенье ока перед ними появилась миска с кислым молоком.

— Вот видишь, сын мой Эрназар? — заговорил старик-отец.— Всегда, когда тебе захочется чего-нибудь, позови Кимоназара — и он все для тебя сделает. Но никому не рассказывай о тайне этого складного ножа.

Потом старик добавил:

— В тот день, когда я умру, придет к тебе старец. Отдай ему старшую свою сестру. На другой день придет еще один старец. Отдашь ему среднюю сестру. На третий день явится к тебе третий старец. Отдашь ему младшую сестру.

Спустя несколько дней старик Назар умер.

В день смерти Назара в дом явился старец и сказал:

— Отдайте мне старшую сестру!

Эрназар вспомнил завет отца и отпустил с этим старцем старшую сестру. На второй день пришел другой старец и потребовал: «Отдайте мне среднюю сестру!» Эрназар безропотно отпустил среднюю сестру. На третий день постучался третий старец и заявил: «Отдайте мне младшую сестру!». Эрназар отдал ему свою младшую сестру.

Что касается старших братьев, то после смерти отца они еще пуще прежнего дали волю своим порокам. Пирназар и Ходжиназар беспрестанно играли в азартные игры и скоро проиграли все золото, роскошные свои сады и дома, что оставил им в наследство отец. Они даже не поинтересовались, что это за старцы и почему Эрназар отдал им всех трех сестер. Эрназар же занялся садом, сам ухаживал за ним, вскапывал, поливал и на доходы от него содержал свою мать. Когда же разорившиеся братья пришли к нему с просьбой помочь им, он дал им и золота и серебра. Но Пирназар и Ходжиназар быстро проиграли в кости и золото, и серебро. Снова пришли они на поклон к Эрназару, но на этот раз денег он им не дал, а так как разорились теперь они вконец, предложил он им поселиться у него.

Но братья не поняли его великодушия и затаили на него в душе злобу:

— Как так можно? Эрназар вон каким богачом стал,

а мы что, хуже него разве? — говорили они друг с другом.— Мы нуждаемся в куске хлеба! Давай убьем Эрназара, а все его богатства возьмем себе!

Когда наступила ночь, прокрались они тайком в комнату, где спал Эрназар. Но у двери они толкнули медный кувшин, он упал. От шума проснулся Эрназар.

Вскочил он, смотрит: стоят над ним братья с ножами в руках.

— Что плохого я вам сделал, братья мои? — заговорил Эрназар.— Я ведь ни в чем не отказываю вам!

— Все равно мы тебя убьем!

— Нет горше преступления — убить родного брата. Мне жаль вас, несчастные. Берите все золото, сад и дом, что оставил мне покойный отец. А сам я уйду, куда глаза глядят! — сказал им Эрназар.

— Отдай и уходи, тогда оставим тебе жизнь!

Оставил Эрназар все, что у него было. Не дали ему жестокие братья даже с родной матерью попрощаться.

Шел Эрназар, шел и пришел в пустынную степь. Видит — плешивый пасет овец. Отдал Эрназар ему свою хорошую одежду, надел на себя его лохмотья и пошел дальше. Долго он странствовал по свету и добрался, наконец, до одного города. Здесь на базаре он нанялся на работу к шашлычнику.

Шашлычник рубил мясо, мариновал его, нанизывал на палочки и передавал Эрназару, а тот поджаривал их в жаровне. С приходом Эрназара дело у шашлычника подвинулось, начал он богатеть. Но был шашлычник человек жадный. Сколько ни трудился Эрназар, он не давал ему ни копейки.

Ходил на тот базар старик. Каждый день он приносил глиняную крынку кислого молока и, продав его, уходил.

Позвал однажды Эрназар старика к себе, положил перед ним две-три палочки шашлыка и лепешку и сказал:

— Устали вы, наверное, отец. Сядьте, поешьте!

Съел старик шашлык и лепешку и поблагодарил:

— Да превратится пыль, что ты возьмешь в свою руку, в золото!

Тогда Эрназар спросил старика:

— Есть ли у вас сын, отец?

— Эх, был бы у меня сын, разве пришлось бы мне на старости лет ходить по базару.

— Тогда возьмите меня в сыновья! — сказал Эрназар.

Обрадовался старик, взял Эрназара себе в сыновья и повел его к себе домой.

Стал Эрназар помогать старику. Вместе ходили они на базар продавать кислое молоко. Так они и жили.

Однажды, когда рано утром старик и Эрназар шли на базар, они увидели: солнце восходит и на востоке и на западе. Удивился Эрназар и спросил:

— Отец, что за чудо!

— Светило, что восходит на востоке, это настоящее солнце,— ответил старик.— А что восходит на западе, это не солнце, а отражение лица дочери нашего падишаха.

В ту ночь, когда старик крепко уснул, Эрназар встал, вошел в хлев и, достав из кармана нож, позвал:

— Кимоназар!

Нож раскрылся и заговорил:

— Повинуюсь!

И сразу перед Эрназаром появился юноша.

— Пусть этот хлев превратится в красивую михманхану, устланную бархатными коврами и подстилками из адраса, и пусть загорятся свечи в серебряных подсвечниках, и пусть раскинется от стены до стены дастархан с самыми лучшими яствами и винами, и пусть солнцеликая дочь падишаха очутится здесь!

Хлев превратился в роскошную михманхану, в которой сидела солнцеликая дочь падишаха. С низким поклоном зашел к ней Эрназар в облике того самого плешивого, с которым он обменялся одеждами.

Удивилась солнцеликая, подняла свои подобные лукам брови.

Тогда Эрназар шепнул:

— Эй, Кимоназар, одень меня в богатую одежду!

Глянула солнцеликая, а перед ней уже не грязный, оборванный плешивый, а богато одетый джигит. Засмеялась тут солнцеликая, протянула Эрназару свои белые руки, начали они пировать, веселиться.

Среди ночи проснулась жена старика. Вышла она во двор: видит в хлеву яркий свет. Подошла, заглянула и поразилась: нет хлева, есть красиво убранная, роскошная михманхана.

— Что за чудо, о аллах! — прошептала старуха.— Что случилось?

Побежала она будить старика.

— Вставайте, да вставайте же! — зашептала старуха.— Идите посмотрите, что в хлеву делается!

Поднялся со своего ложа старик, заглянул в хлев, а там темно, ни зги не видать. Все там, как было.

— Тебе, старой, померещилось, что ли? Или во сне все это приснилось? — заворчал старик и пошел спать.

На следующий вечер Эрназар снова пошел в хлев, достал из кармана волшебный нож и приказал:

— Кимоназар! Сделай и сегодня так, как было вчера!

Снова хлев превратился в михманхану.

Сидят там Эрназар с солнцеликой дочерью падишаха, пируют они, веселятся.

Старуха снова проснулась, заглянула в хлев и побежала будить старика.

Пошел старик к хлеву, смотрит — опять ничего нет.

— И что с тобой, не пойму! — говорит он старухе.— Наверное, ум у тебя помутился! Да вон, посмотри, сын спит на айване.

Прошло несколько дней. Каждую ночь юноша и царевна проводили в веселье.

Однажды Эрназар пришел к старику и говорит:

— Отец, посватай солнцеликую дочь падишаха за меня!

Удивился старик:

— Что ты, сын мой! Сколько царских да бекских сыновей сватались к ней, и все они получили отказ! А ты вон бедняк, да еще плешивый. Куда нам с тобой до дочери падишаха!

— Кому и отдаст падишах свою дочь, если не нам? — возразил Эрназар.— Прошу вас, идите во дворец, сватайте!

— Да в уме ли ты, сын мой? Что ты болтаешь зря?

— А вы попробуйте сходить к падишаху. Он не откажет!

Покачал головой старик, посмеялся, но пошел. Взял он с собой метлу и давай ею подметать площадь у самых ворот дворца.

Увидели привратники, что старик метет площадь перед дворцовыми воротами, и доложили падишаху.

— Государь, к вам сват пришел.

— А кто такой? — спросил падишах.

— А мы не знаем. Какой-то старик-бедняк подметает у ворот вашего дворца,— ответили слуги.

— Приведите-ка его ко мне,— приказал падишах.
Привели привратники старика к падишаху.
— Добро пожаловать, отец! — приветствовал он старика.— С чем пожаловал?
Старик поклонился падишаху и говорит:
— О царь царей! Простите меня, старика! Я человек бедный. Есть у меня плешивый сын. Полюбил он вашу солнцеликую дочь, пришел я сватать ее.
Разгневался падишах, завопил:
— Палача ко мне!
Явился палач.
— Отруби голову этому злосчастному! — приказал падишах.
Отрубил палач голову старику, положил рядом с обезглавленным телом.
А Эрназар ждал, ждал. Видит — отец не идет.
Тогда достал Эрназар из кармана волшебный нож и сказал:
— Кимоназар!
— Повинуюсь,— сказал таинственныъ юноша.
— Где мой старик? Где мой второй отец?
— А старика казнил падишах,— ответил Кимоназар.
— Пусть старик будет живой! — приказал Эрназар.
Не успел ни глазами моргнуть, а старик появился живой и здоровый, как прежде.
— Почему так поздно? — спросил Эрназар старика.— Что падишах ответил?
— Э, сын мой, не отдает падишах свою солнцеликую дочь нам. Не успел я открыть рта, вызвал он палача и велел отрубить мне голову. Не знаю, как это я живой остался.
На рассвете Эрназар разбудил старика:
— Проснитесь, отец, прошу: идите во дворец сватать солнцеликую.
Старик испугался. «Не пойду!» — говорит. Но Эрназар уговорил. Пошел старик снова ко дворцу и начал подметать у ворот.
Снова схватили его привратники и привели к падишаху.
— Ийе,— удивился падишах.— Как же это ты живой? Ну и крепок же ты! Палача ко мне!
Явился палач. Падишах приказал:
— Разруби старика на четыре части!

Разрубил палач беднягу на четыре части.

Ждал Эрназар старика — не дождался. Вызвал он Кимоназара и велел ему оживить старика.

Снова послал старика Эрназар во дворец сватать солнцеликую, и снова жестокий падишах приказал казнить его.

Так в течение сорока дней старик каждое утро ходил ко дворцу сватать дочь падишаха. Каждый раз падишах приказывал его подвергнуть мучительной казни. А Кимоназар оживлял его.

На сорок первый день визирь падишаха сказал:

— Государь! Вы казните старика, а он вновь и вновь оживает. Здесь есть какая-то тайна. Не казните его больше! Поставим ему самое тяжелое условие. Все равно он его не выполнит. Тогда на законном основании не отдадите ему царевны.

Падишах согласился.

Когда снова привели к нему старика, он закричал:

— Даю тебе три дня сроку. В течение трех дней ты должен привести триста лошадей, груженных золотом и серебром, три тысячи верблюдов, тридцать тысяч голов овец. Тогда отдам тебе свою дочь.

Пришел домой старик и давай колотить Эрназара посохом.

— Измучил ты меня, плешивый! Где я найду столько добра?

— Радуйтесь, отец! — смиренно сказал Эрназар.— Солнцеликая теперь наша! Я найду все, что требует падишах!

Прошло два дня. Наступил и третий день, а ничего не было видно, ничего не было слышно. Расстроился старик и спросил Эрназара:

— Где же твое добро? А ты хвастался, что все найдешь! Третий день завтра, а у меня во дворе четыре барана да одна корова? Где лошади, верблюды, овцы? Что теперь станем делать?

— Отец, потрудитесь выглянуть за ворота.

Вышел старик за ворота, а там улица полна лошадей, верблюдов и овец. Погонщики кричат, кони ржут, верблюды стонут, бараны блеют. Люди со всего города сбежались.

А Эрназар еще утром вызвал к себе Кимоназара и приказал ему:

— Приготовь все, что требует падишах, да в двойном размере!

А во дворце все визири и слуги сбились с ног и вопят:

— Хватит, хватит! Больше некуда девать!

Прошло немало дней. Однажды опечаленный Эрназар прогуливался по базару, видит: какой-то нищий подкладывает в очаг пирожника дрова, и нет-нет — подхватывает упавшие в золу объедки и с жадностью поедает их.

Подошел к нему Эрназар, видит: да ведь это его средний брат!

Удивился Эрназар, головой покачал, но прошел мимо, а брат его не узнал. Вдруг навстречу ему идет другой нищий и ведет на веревке ишака, груженного хворостом, в сторону бани. Пригляделся Эрназар, видит: а это старший его брат. Еще больше удивился Эрназар. Пришел он домой, достал нож и говорит:

— Кимоназар!

— Повинуюсь!

— Сделай-ка, чтобы оба брата были здесь.

Появились перед Эрназаром оба его брата, повалились ему в ноги. Оказывается, Пирназар и Ходжиназар прокутили все имущество Эрназара и пошли бродить по миру, зарабатывая на жизнь черной работой.

Поднял Эрназар их, обласкал, умыл их, остриг, одел. Стали они на людей похожи. Купил он им по коню.

У падишаха было всего три дочери. Та, которую полюбил Эрназар, была самая младшая и самая прекрасная, недаром лицом своим она соперничала с солнечным светилом. Не хотел падишах выдавать солнцеликую за какого-то плешивого. Задумал он все богатства, которые доставил ему Эрназар, себе присвоить, и дочь за него не отдать.

Приказал падишах усадить всех трех дочерей на высокий балкон и объявить по всему городу:

— Пусть все юноши города проедут мимо балкона! Пусть дочери сами выберут себе женихов!

Съехались на лучших конях юноши со всего города и поехали по одному мимо дворцового балкона. Пирназар с Ходжиназаром тоже нарядились и поехали. Старшая дочь падишаха кинула яблоко в Пирназара. Поднялся Пирназар на коне на балкон, поцеловал в лоб царевну и спустился вместе с ней вниз. Средняя дочь

падишаха кинула яблоко в Ходжиназара. Поднялся Ходжиназар на балкон на коне, поцеловал в лоб царевну и спустился вместе с ней вниз.

А младшая дочь падишаха, солнцеликая, никого не выбрала, ни в кого свое яблоко не бросила.

Тогда падишах у визирей спросил:

— Остался ли еще в городе кто из юношей, не проходивший мимо балкона?

— В такой-то махалле живет такой-то старик, у него в хлеву живет один плешивый. Вот он не проехал,— отвечают визири.

— Привести его сюда! Пусть и он проедет! — приказал падишах.

Привели Эрназара в облике плешивого на паршивом ишаке. Проехал он мимо балкона. Узнала солнцеликая в плешивом Эрназара и кинула в него яблоко.

Поднялся Эрназар на балкон на своем осле, поцеловал солнцеликую в лоб и спустился с ней вниз.

Тогда старшая сестра сказала:

— Ну и глупа же ты! Столько было красивых юношей, а ты выбрала какого-то плешивого!

— Кому что нравится,— ответила самая младшая.— Пусть он хоть трижды плешивый, все равно я пойду только за него!

Разгневался падишах, но делать нечего, устроил он свадебный пир, длившийся сорок дней и сорок ночей. Выдал он своих дочерей за трех братьев. Двум старшим зятьям с дочерьми подарил он по большому двору, а для младшей дочери и зятя отвел он конюшню. Никак не мог простить он солнцеликой того, что вышла она за плешивого. Ночью Эрназар вызвал к себе Кимоназара и приказал ему превратить конюшню в великолепный дворец. Стали они с молодой женой веселиться и пировать.

К утру их дворец снова превратился в конюшню.

Пирназар и Ходжиназар, закинув за плечи ружья и сев на коней уехали на охоту. Целый день они скакали по полям, но, так ничего не подстрелив, хмурые и недовольные, вернулись домой. В тот же день Эрназар, сев на своего ишака, тоже поехал охотиться и, настреляв множество гусей и уток, привез их к себе в конюшню.

Поджарив двух гусей и двух уток, он отправил их к падишаху со словами: «Это вам от вашего самого младшего зятя!»

Наутро падишах вызвал к себе старших зятьев и сказал им:

— А ну, отправляйтесь и вы на охоту. Я очень люблю дичь!

Поехали оба старших зятя на охоту. Ездили они целый день, ездили, а к вечеру вернулись ни с чем. Эрназар и без просьбы падишаха вывел из хлева своего ишака, повесил по бокам две корзины и поехал охотиться. Не вернулся он, пока не наполнил обе корзины и утками, и гусями, и куропатками, и фазанами. Поджарил он самую лучшую дичь и послал падишаху.

Разгневался падишах на старших зятьев, перестал он их допускать к себе во дворец.

Пирназар и Ходжиназар пошептались между собой и пошли на поклон к Эрназару:

— Послушай, братец, продай нам немного дичи, которую ты настрелял! — сказали они.

— Не могу,— ответил Эрназар.

Но братья никак не отставали от него.

— Хорошо,— наконец сказал он,— я приложу клеймо к вашим спинам, а тогда и забирайте всю дичь!

«А чего нам бояться этого плешивого,— подумали старшие братья.— Пусть ставит свое клеймо!»

Сняли они рубашки и подставили спины Эрназару, а он поставил каждому раскаленное клеймо. Потом обоим он дал по целой корзине дичи, а сам снова уехал на охоту. Как всегда, настрелял он и уток, и гусей, и фазанов.

Приехал Эрназар в свою конюшню, вынул волшебный ножик и позвал:

— Кимоназар!

— Повинуюсь!

— Изготовь вот из девяти уток такое блюдо, какое ни один самый опытный повар еще не готовил.

В один миг все девять уток оказались зажаренными.

Положил Эрназар уток на самое красивое блюдо и отнес к падишаху. От одного запаха разгорелся аппетит у падишаха, уселся он со своими визирями за дастархан и принялся ужинать. В это время вошли старшие зятья, принесли на блюдах изготовленные ими кушанья из уток.

Но падишах даже и глядеть не захотел:

— Оба вы не стоите одного плешивого!

Однажды осенью, когда поспели дыни, дехкане одно-

го селения пригласили падишаха на праздник дынь. Падишах, вся его семья и визири отправились туда. Поехали в кишлак и три дочери падишаха и два старших зятя, а младший зять Эрназар не поехал.

В ту минуту, когда дехкане расстелили дастархан и начали расставлять всякие яства, вдруг появился всадник в парчовом халате, на коне с золотым седлом. А по обе стороны его коня бежали, весело прыгая, две прекрасные гончие. С удивлением падишах узнал во всаднике своего младшего зятя Эрназара. Приказал он своим визирям почтительно ссадить его с коня и пригласить к дастархану.

Эрназар сел рядом со своей женой и поцеловал ласково ее в лоб.

Старшая сестра тогда спросила свою младшую сестру:

— Кто это? И почему он тебя целует?

— Это мой муж! — ответила та.

— Ты лжешь! — закричала старшая сестра.— Твой муж плешивый.

Солнцеликая только усмехнулась и не стала спорить.

Начался пир. А оба старших брата — Пирназар и Ходжиназар — сидят по правую и левую руку падишаха и не смотрят на Эрназара, будто и не знают его.

Тогда Эрназар спросил их:

— Кто вам дал уток, что вы принесли в двух корзинах?

Все посмотрели на старших братьев, ожидая, что они ответят.

— Мы сами, конечно! Кто же еще? — сказали в один голос Пирназар и Ходжиназар.

— Это ложь! Я вам настрелял!

— Врешь! Нет, это не ты,— ответили братья.

— Государь,— обратился Эрназар к падишаху.— Ваши зятья говорят неправду. Они даже воробья не сумеют подстрелить. Это я для них настрелял дичи, а за это приложил клеймо к их спинам. Если не верите мне, прикажите обнажить им спины!

Падишах приказал зятьям обнажить спины. Все тогда увидели клейма. Так опозорил Эрназар своих коварных братьев.

По окончании праздника дынь все возвратились во дворец.

Подошел к падишаху Эрназар и обратился к нему с просьбой:

— Разрешите мне отлучиться на три дня по важному делу.

Падишах разрешил.

Подъехал Эрназар к реке, вынул из кармана волшебный нож и позвал:

— Кимоназар!

— Повинуюсь!

— Выстрой над рекой дворец, чтоб он не касался воды, а крыша бы не задевала неба.

В один миг над рекой появился дворец, да такой, что каждого мог привести в изумление. Возвратился Эрназар к падишаху и сказал:

— Я вернулся! Теперь разрешите нам с вашей дочерью — моей любимой женой — совсем вас покинуть. Нам надо уезжать.

— Куда же вы поедете? — удивился падишах.

— А у нас теперь есть свой дворец. Довольно нам с солнцеликой жить в конюшне. Поедем мы к себе,— ответил Эрназар.

Начало тут падишаха мучить любопытство.

— А где же твой дворец? — спросил он.

— Вот пригласим мы с солнцеликой вас в гости, тогда и узнаете,— сказал Эрназар.

Взял Эрназар свою солнцеликую жену, и поехали они жить в чудесный дворец над рекой. Все, что им надо было, Эрназар всегда добывал через Кимоназара.

Иногда Эрназар выезжал на охоту и брал с собой свою жену. Когда же выезжал один, то говорил ей:

— Никого не пускайте во дворец! Если сами захотите выйти из него, то, сойдя вниз, обязательно уберите лестницу!

Пусть Эрназар и его прелестная жена живут в своем чудесном дворце, а вы послушайте о другом.

Разнесся по стране слух:

«Есть старик, который торгует кислым молоком, и у него сын — плешивый. Женился тот плешивый на младшей дочери падишаха. Уплатил за нее калым триста лошадей, три тысячи верблюдов, тридцать тысяч овец, не считая золота и серебра. А теперь живет с солнцеликой в чудесном дворце, что стоит над рекой, не касаясь, однако, воды...»

Дошел этот слух до ушей Карахана-падишаха.

Призвал Карахан-падишах одну злую старушку колдунью и говорит:

— Ходят слухи, что у такого-то падишаха есть зять плешивый. Этот самый плешивый дал очень большой калым падишаху за его дочь. Никто со времен Адама не получал еще такого большого калыма. Женившись на дочери падишаха, плешивый, говорят, выстроил над рекой чудесный дворец. Пойди в ту страну и узнай все секреты того плешивого. Откуда он берет столько добра, как он сумел выстроить дворец над рекой.

— Повинуюсь, мой падишах! — ответила колдунья и отправилась в путь.

Пришла колдунья ко дворцу Эрназара, вызвала солнцеликую и говорит ей:

— Я одинокая старая женщина. Возьми меня к себе, буду верно служить.

— Нам не нужны слуги,— ответила царевна.

А старуха все стояла перед дворцом и десять дней упрашивала взять ее во дворец.

Однажды солнцеликая сказала Эрназару:

— Там внизу, вот уже десять дней стоит старуха, все просит, чтобы ее взяли служанкой. Никого, говорит, у нее нет. Что она плохого нам сделает? Давайте возьмем ее, пусть служит!

Эрназар согласился. Стала колдунья служанкой.

Ходила по двору, приглядываясь да удивляясь. Муки не отсыпают, тесто не замешивают, а на дастархане всегда есть самые вкусные лепешки, пирожки и сладкие печенья.

«Тут что-то есть!» — подумала колдунья.

Стала она ластиться к дочери падишаха то так, то этак.

Однажды, когда Эрназар уехал на охоту, колдунья говорит:

— Удивительный муж у тебя! Большой калым, говорят, он дал за тебя! Да и дворец богатый тебе выстроил. Это же чудо! Спроси-ка у него, откуда он все это берет?

Ночью дочь падишаха спросила мужа:

— Откуда вы достали такой богатый калым моему отцу? Как выстроили вы этот дворец?

— Это тайна! — ответил муж.— Никому не говорил я про то и вам не скажу.

И не сказал.

На другой день старуха снова стала наставлять царевну:

— Скажи ему: ты, мол, меня не любишь! Если б любил, то не скрывал бы от меня ничего, все бы сказал.

Ночью дочь падишаха сказала Эрназару:

— Не любите вы меня! Если б любили, все бы мне рассказывали!

И начала плакать.

Сердце не камень. Эрназар не выдержал и рассказал:

— Всего этого я добился благодаря вот этому ножу.— И показал ей волшебный нож.

— Сколько я знаю вас, а до сих пор не видела этого ножа,— удивилась жена.

— Днем храню его при себе, а ночью кладу под подушку,— ответил муж.

— Ну, узнала, доченька? — спросила старуха колдунья утром.

— Да, узнала,— ответила дочь падишаха и рассказала все, что слышала от мужа.

— Ну, тогда возьми нож тихонько из-под подушки, когда муж твой уснет. Посмотрим, какая в нем тайна.

Ночью, уставший после охоты, Эрназар крепко уснул. Дочь падишаха потихоньку вытащила из-под его подушки нож и показала старухе. Та долго его в руках вертела, разглядывала. Но как только дочь падишаха на минуту в соседний покой вышла, колдунья позвала:

— Кимоназар!

— Повинуюсь! — сказал юноша, появившись, словно из-под земли.

— Отнеси плешивого в степь и брось его там, а дворец, как есть, вместе со мной, перенеси во владения падишаха Карахана! — приказала колдунья.

А Эрназар под утро увидел сон: будто он охотился целый день и не сумел застрелить никакой дичи. Вдруг повстречался ему тигр. Стрелял Эрназар в него, стрелял, но не смог попасть. Кончились в ружье все заряды, а тигр как кинется на него. Тут Эрназар достал нож и позвал: «Кимоназар!», а Кимоназара-то и нет. Тут раздался крик его жены: «Спасите меня», и Эрназар проснулся.

Видит, лежит он где-то в степи на колючках.

«Эх,— подумал он,— говорил мне отец: «Никому не

показывай нож!», а я жене показал. Теперь и жены, и дворца, и всего лишился».

Выбрался Эрназар из болота и пошел куда глаза глядят. Видит стоит усадьба с железными воротами. Постучался он, калитка открылась — и вышла самая младшая из его сестер, которых он отпустил после смерти отца со старцами. Узнали они друг друга, обнялись.

Повела сестра Эрназара в дом.

— Что это за усадьба? — спросил Эрназар.

— Это жилище дивов,— ответила сестра.— Старец, который привел меня сюда после смерти нашего отца, был, оказывается, самый настоящий див. Берегись, братец, этот див — людоед. Как бы он не съел тебя, когда вернется. Теперь от дива я научилась волшебству. Лучше я прочту заклинание и превращу тебя в яблоко, а сначала дай-ка я покормлю тебя с дороги.

Пока Эрназар подкреплял свои силы, вдруг налетел страшный вихрь, засверкали молнии, загремел гром. Сестра испугалась и сказала:

— Это див возвращается, время пришло тебя заколдовать и прочитать заклинание.

Эрназар превратился в яблоко.

Пришел домой див и зарычал:

— Ух, тут человеком пахнет! Здесь, наверное, есть человек! Не пойду я в дом.

— Да входите же! — пригласила девушка дива.— Пришел ко мне брат, той самый, который отдал меня вам.

— А где же он, твой брат? — зарычал див.

— Чтобы случайно вы не проглотили его, я превратила его в яблоко,— сказала дочь падишаха и снова превратила яблоко в Эрназара.

Див спросил Эрназара, что с ним приключилось, выслушал его историю и сказал:

— Я видел, как колдунья пролетала над нами с дворцом, значит это твой и был. Хотел я перехватить его, да сестра твоя не позволила. Ну, не беда. Останься у нас, и я научу тебя многим заклинаниям, пригодятся.

Целый месяц Эрназар жил у дива и учился заклинаниям. Прочитает одно заклинание — превратится в птицу, прочитает другое — становится снова человеком.

Спустя месяц Эрназар отпросился у дива:

— Многим заклинаниям вы меня научили! Спасибо!

Теперь помогите мне. Я пойду искать свою жену, дворец и волшебный нож.

Посадил див Эрназара на спину себе и взмыл к небу. Перелетели они горы и долины, спустились на землю у самых ворот одной усадьбы.

Див сказал Эрназару:

— Вот усадьба моего среднего брата. Это он приходил к тебе после смерти твоего отца Назара и увел твою среднюю сестру. Попроси его хорошенько, он тебе поможет.— Сказал он так и исчез.

Эрназар постучал в ворота. Вышла к нему молодая женщина и спросила:

— Кто тут?

Эрназар по голосу узнал свою сестру и сказал:

— Это я, сестрица, твой брат Эрназар. Не узнаешь?

Поздоровались брат и сестра, обнялись.

Сестра увела Эрназара в дом и сказала:

— Скоро вернется див, лучше я заколдую тебя.

Превратила она брата в яблоко.

С шумом, свистом прилетел див и давай кружиться над усадьбой.

— Спускайтесь!

— Почему это человечиной пахнет? — спросил див.

— Нет никого! — сказала девушка.

— Нет, обманываешь меня! В доме есть человек!

— Это пришел мой брат, тот, который отдал меня вам!

Див спустился на землю, вошел в комнату и спросил:

— А где же твой брат?

— Вы не съедите его, если я вам покажу его? — спросила сестра.

— Не съем.

Средняя сестра превратила яблоко в Эрназара.

Расспросил его див обо всем, превратил в голубя, сам обернулся голубем, и улетели они к самому старшему из дивов.

Опустились они у ворот усадьбы, див вернул Эрназару человеческий вид и сказал:

— Старшая сестра твоя живет здесь. Постучись, а я полечу.

Эрназар узнал в молодой женщине свою старшую сестру. Поздоровались они, обнялись.

Вдруг поднялся сильный ветер, разразилась буря. Это возвращался домой третий див.

Тогда старшая сестра превратила Эрназара в иголку и приколола ее к вороту своего платья.

А див все кружился и кружился над усадьбой.

— Опускайтесь же! — сказала старшая сестра.

— Из дома несет человечиной! — ответил див.

— Нет никого!

— Неправду ты говоришь.

— Простите меня, пришел тот самый брат, который в день смерти моего отца отдал меня вам.

Див спустился на землю и вошел в дом.

— Где же твой брат? — спросил он.

— А вы не съедите его?

— Нет, не съем. Покажи его!

Тогда старшая сестра вынула иглу из ворота и превратила ее в Эрназара.

Рассказал он диву о своих злоключениях и попросил помочь.

Три месяца див учил Эрназара всяким заклинаниям. Наконец Эрназар сказал диву:

— Спасибо вам, что вы учили меня, а теперь помогите мне найти жену и вернуть нож и дворец.

— Видел я колдунью с дворцом, когда она пролетала над нами. Хотел я перехватить ее, да сестра твоя не позволила,— сказал див.

— Ну, поднимайся, полетим в город Карахана-падишаха!

Обернулись они оба орлами и прилетели в город Карахана-падишаха. Опустились они на землю, див и говорит юноше:

— Оставайся здесь до ночи, а ночью обернешься горлинкой и полетишь ко дворцу Карахана. Когда увидишь, что улегся падишах спать, обернешься воробьем, залетишь в комнату и вытащишь из-под его подушки свой заветный нож.

Сказал так див Эрназару и улетел, а улетая, добавил:

— Когда будешь обратно пролетать в своем дворце над моей усадьбой, загляни к нам, чтоб мы успокоились!

Эрназар дождался вечера. Перед самым заходом солнца он прочитал заклинание и обернулся горлинкой. Перелетев к окну Карахана-падишаха, стал ворковать

он по-голубиному, клевать зерна. Настала ночь, Карахан-падишах уснул. Эрназар, прочитав еще одно заклинание, обернулся воробьем и залетел к нему в комнату. Вспорхнул на подушку, засунул под нее клюв и вытащил свой волшебный нож. Перелетев с ним на окошко, он прочитал заклинание и превратился опять в Эрназара.

— Кимоназар! — тихо позвал он.

Эрназар в шутку ударил Кимоназара по голове и спросил:

— Где ты пропадал?

— Да здесь я и был! — ответил Кимоназар.

— Как же ты обманул меня? — сказал Эрназар.

— Увы, разве это в моей воле? — ответил Кимоназар.— Каждый человек может взять меня и приказать, что хочет, а я должен все безоговорочно исполнить. Такое свойство волшебства. Говорил же тебе твой отец: никому не показывать меня, никому не рассказывать ничего обо мне. А ты взял да и рассказал своей жене. Она по молодости разболтала старухе колдунье, а та уж и воспользовалась тайной, как хотела.

— А где моя жена? — спросил Эрназар.

— На ней хотел жениться сам Карахан. Но твоя жена верная и мужественная женщина. Она ни за что не хотела согласиться изменить тебе. Карахан запер твою жену в темницу, а ту старуху приставил сторожить ее.

— Прошу тебя, Кимоназар, преврати Карахана и старуху колдунью в камень,— сказал Эрназар.

И тут же Карахан-падишах и старуха колдунья превратились в камни.

Пришел Эрназар в темницу, где сидела его жена в заключении, заглянул в окошечко темницы, а она освещена ее красотой так, что кажется богатой михманханой. Дочь падишаха сидела и горько плакала.

— Разлучили меня с моим соколом, некому меня защитить, горе и печаль мои выше высоких гор. Но кому их излить? Некому!

Тут Эрназар открыл дверь, вошел и обнял жену.

Сказал он ей:

— Бродил я по пустыне, где нет ни кустика, ни деревца. Жгучее солнце палило меня.

А дочь падишаха ему в ответ:

— Мой любимый, желанный, несравненный, вижу, перестрадал ты много...

Эрназар тут же взял волшебный ножик и вызвал Кимоназара:

— Кимоназар!

— Повинуюсь,— сказал юноша.

— Перенеси дворец на свое место!

Взвился дворец в небо. Пролетел он над усадьбами дивов. Увидели сестры и дивы дворец и успокоились.

Опустился дворец на свое прежнее место, на берег реки.

Зажил Эрназар с дочерью падишаха по-прежнему.

Однажды поехал Эрназар к своему тестю падишаху и пригласил его со всеми визирями и придворными в гости.

Падишах не заставил себя просить, очень уж его разбирало любопытство, и вот со всеми женами, дочерьми, зятьями, визирями и придворными приехал он к зятю плешивому.

Приказал Эрназар Кимоназару устелить дорогу падишаха коврами, а по обе стороны дороги выставить прекрасных прислужников и прислужниц. Когда показался падишах, прислужницы и слуги, низко поклонившись, сказали:

— Добро пожаловать!

Падишах со всей свитой спешился и поднялся во дворец.

Видит падишах, не плешивый его встречает, а какой-то прекрасный юноша, одетый как принц. Удивился падишах. Удивились зятья и дочери шаха, и визири, и придворные.

Эрназар и его жена щедро угостили гостей. Музыканты играли до поздней ночи, танцоры танцевали до упаду. Всех гостей одарили богатыми одеждами.

А перед самым концом Эрназар сказал падишаху:

— Извините нас, что принимаем вас так бедно в своей конюшне.

Стыдно стало падишаху, сказал он:

— О сын мой! Прости меня, ничего этого я не знал!

Вернувшись в свой дворец, падишах снова устроил пир на сорок дней и сорок ночей. А мы только что вернулись с этого пиршества.

МУСОФИРБЕК

В давние времена близ Ургенча жили два бедняка — два друга Кулдаш и Юлдаш. Все двенадцать месяцев в году — и летом, и зимой, и в жару, и в холод — Кулдаш пас в степи скотину, а Юлдаш ходил по дворам и нанимался поденно делать всякую черную работу. Кулдаш и Юлдаш жили в полуразвалившейся хибарке, которую снимали у таких же бедняков, как и они сами. Виделись Кулдаш и Юлдаш только поздно вечером, когда они, усталые, возвращались домой. Тогда, сидя у очага, друзья имели обыкновение рассказывать друг другу, что они видели и слышали.

Однажды Юлдаш увидел сон: две большие и одна маленькая звезды скатились с неба прямо Юлдашу за пазуху.

Целый день Юлдаш думал про этот сон, а вечером, как обычно, рассказал его своему другу.

Подумав, Кулдаш сказал:

— Продай мне свой сон.

Юлдаш удивился:

— Ийе! Ты что, сдурел, разве сны продаются?

— Дорогой друг,— настаивал Кулдаш,— продай мне этот сон!

— Ну ладно, продавать так продавать, а что ты мне дашь?

Кулдаш усмехнулся:

— Столько лет я уже работаю пастухом, а заработал всего-навсего телку и годовалого жеребенка. Больше у меня и нет ничего. Вот и отдам за твой сон их обоих — все свое богатство, которое я сумел скопить. Да ты и сам это хорошо знаешь. Я от тебя ничего не прячу. Ведь мы же друзья!

— Хорошо,— ответил Юлдаш.

— За одну звезду я дам тебе телку,— продолжал Кулдаш,— за вторую звезду — жеребенка, а за маленькую — ничего.

Он достал из-за пазухи половину пресной лепешки и дал Юлдашу. Они взялись за руки и долго их трясли, приговаривая: «Найти тебе добра».

Юлдаш в ответ сказал:

— Хорошо, бери мой сон. Только если тебе посчастливится и дела твои пойдут хорошо, не забывай меня.

Вечером, когда жители селения, все — и стар и млад — собираются на гузаре, друзья пошли тоже туда, и Кулдаш обратился к людям.

— Эй, отцы, дяди, братья! Столько лет я пасу кишлачное стадо. Ничью скотину я не присвоил, не украл. Ни на кого, ни на ваших сыновей, ни на ваших дочерей не посмотрел дурным глазом. Ел я все эти годы ваш хлеб-соль. Не жалейте о том хлебе и соли, что вы мне давали, а дайте мне ваше благословение, хочу я отправиться в дальнюю дорогу. А если пожелаете, возьмите моего друга Юлдаша. Как мне доверяли, так и ему можете доверять.

Сказал так Кулдаш и поклонился народу. Собравшиеся люди нашли слова Кулдаша правильными. Отпустили они его, и стал Юлдаш пастухом.

А Кулдашу народ сказал так:

— Мы не раскаиваемся. Наш хлеб-соль ты ел правильно, заслужил. Мы довольны твоей работой и тобой. Ты нам долго служил. Мы от тебя не видели вреда. И ты будь доволен, что служил нам, не раскаивайся.

Кулдаш снова поклонился, сказал, что доволен ими, поблагодарил народ за хорошее отношение. Здесь же, на гузаре, все, кто был, собрали сколько могли денег, дали Кулдашу и разошлись по домам ужинать.

Наутро Юлдаш, попрощавшись с другом, погнал скотину в степь, а Кулдаш отправился в путь. Шел дорогами известными, шел дорогами неведомыми, прошел много степей и пустынь, шел по камням, шел по пескам, шел по горам, переправлялся через большие и малые реки. Много перенес Кулдаш и трудностей и мучений. Наконец со сбитыми в кровь ногами, с потрескавшимися губами он спустя семнадцать дней и ночей на заходе солнца подошел к замку, окруженному высокой стеной, ворота были уже закрыты. Кулдаш выбрал местечко у стены и прилег, но никак не мог заснуть.

Вдруг издали донесся топот конских копыт. Посмотрел Кулдаш, но ничего не увидел. Кругом стояла кромешная тьма. Топот копыт все приближался.

И тут Кулдаш разглядел, что прямо на него скачет всадник, ведя в поводу другого коня. Осадив коня около Кулдаша, человек быстро прошептал:

— Вот конь. Скоро придет.

Отдал он повод запасного коня Кулдашу и сам исчез во тьме. Так и остался Кулдаш, держа коня за повод и ничего не понимая.

Немного погодя подъехал другой всадник и сказал:

— Садитесь на коня, поехали!

Кулдаш замешкался, не зная, что и думать, но всадник взволнованно сказал:

— Скорее! За мной погоня.

Не раздумывая, Кулдаш отдался на волю случая, вспрыгнул на коня и поехал за неизвестным. Долго ехали они молча, подгоняя коней. Постепенно темнота растаяла, рассвело, и Кулдаш увидел, что спутник его красивый и статный юноша. Неизвестный с недоумением всматривался в лицо Кулдаша. Стало ясно Кулдашу, что юноша приехал к стенам замка не за ним, а совсем за другим человеком.

Взошло солнце, а они все ехали. Кругом расстилались широкие поля, в тени зеленых рощ паслись кони, верблюды, коровы, бараны, козы. Дехкане вели волов, запряженных в ярмо, гнали ослов, навьюченных пшеницей.

Неизвестный заговорил:

— Заниматься дехканством вспахивать на пяти-шести парах волов землю, любоваться зеленым морем пшеницы, когда колышется она на ветру, сколько чувств рождается в душе человека, не правда ли?

Но Кулдаш не отозвался, и неизвестному стало ясно, что он не дехканин.

Неизвестный так же осторожно проверил: не из торговцев ли Кулдаш, не ремесленник ли он, не арбакеш ли. Но Кулдаш слушал все эти разговоры по-прежнему спокойно и равнодушно.

«Нет,— подумал неизвестный,— спутник мой не дехканин, не купец, не кустарь, не караванщик. Кто же он?»

Тут навстречу им попалось большое стадо коров, рассыпавшихся по обширному лугу, и неизвестный сказал Кулдашу:

— Наверное, пасти такое стадо тоже приятно для души.

Тогда Кулдаш обрел дар речи, заговорил, залился соловьем:

— Достопочтенный, вы спрашивали меня о таких делах, о каких я и понятия не имею, поэтому я молчал.

Ну, а пастушье дело мне знакомо. Должен вам сказать, пасти скотину — такое приятное занятие, что, право, кто не пас скотину, тот не жил на свете! Какая это радость, когда скот, который ты пасешь, у тебя на глазах начинает лосниться от жира, когда телятся коровы, когда телята растут, прыгают, играют, когда люди говорят тебе за жирный здоровый скот: «Молодец, спасибо!» Да, это поистине большая радость.

— Хм... да...— произнес только вслух неизвестный и подумал про себя: «Что случилось, то уже случилось. Возврата нет».

Стегнув лошадь плетью, он сказал Кулдашу:

— Скорее гоните коня!

Всадники долго ехали. Проголодавшись, они слезли с коней, готовили пищу, кормили лошадей, снова садились на коней.

Неизвестный иногда задавал Кулдашу разные вопросы, иногда сам рассказывал небольшие истории.

Неизвестный, красивый статный джигит, был человеком очень приятного обхождения. Кулдаш охотно слушал его речь, восторгался тонкостью его суждений. Часто он весь превращался в слух и готов был слушать его без конца. Чем бы ни кончилось путешествие, Кулдаш был благодарен и неизвестному, и другу своему Юлдашу.

Но было понятно, что неизвестный задавал вопросы неспроста. Конечно, он хотел узнать, кто такой Кулдаш. Не затаил ли он в сердце коварство, честен ли он?

Однажды на привале неизвестный сказал:

— Если вам не надоели мои разговоры, я бы вам рассказал одну историю.

— Послушаю с удовольствием,— ответил Кулдаш.— Говорю от сердца, ваши речи дают мне знания, ваши слова дают наслаждение моей душе.

Неизвестный начал:

— В давние времена жил умный старик. Имел он трех сыновей. Старшему было двадцать лет, среднему восемнадцать, а младшему шестнадцать. Однажды старик захворал. Опытные табибы и знахари лечили его, кто молитвами, а кто и снадобьями, но ни молитвы, ни лекарства не помогли старику. Старик почувствовал, что умирает. Простился он в душе со всеми мирскими желаниями, позвал сыновей и завещал им быть честными, справедливыми, брезговать чужим добром, жить своим

трудом. Потом позвал каждого из сыновей по отдельности для тайной беседы наедине. Старшему сыну старик сказал:

— Сын мой, в саду под старым гранатовым деревом зарыт горшочек с золотом. Братья у тебя еще молоды. Они не понимают, что такое деньги, а ты взрослый джигит, ты уже все понимаешь. Возьми золото и с умом трать на братьев. Помогай им, пока они не приобщатся к какому-нибудь делу. Будь вместо меня для них отцом.

Сын вышел от старика очень довольный, думая: «Отец меня любит больше братьев. Он одному мне сказал свою тайну».

Тем временем старик позвал среднего сына и сказал ему:

— Сын мой, в саду под гранатом зарыт горшочек с золотом. Брат твой взрослый человек, приобщился уже к делу и сам сумеет зарабатывать себе на хлеб. Но вот младший брат у тебя слишком молод. Он не понимает, что такое деньги. Возьми золото и помогай младшему, а когда понадобится, то и старшему брату. Вообще же во всем слушайся старшего брата. Уважай его, как уважал меня, своего отца. Вместе со старшим братом возьмите воспитание младшего в свои руки, учите его, он еще молод.

Средний сын тоже подумал: «Отец любит меня больше братьев. О спрятанном золоте он сказал только мне».

Под конец старик позвал самого младшего сына и ласково обратился к нему:

— Дитя мое, я очень болен. В саду под гранатом зарыт горшочек с золотом. Братья твои уже большие и могут сами зарабатывать себе на хлеб. Ты же еще молод, пока ничего не умеешь делать. Золото возьми себе, помогай, если понадобится, братьям, слушайся их, учись.

Младший тоже подумал: «Отец меня любит больше братьев. Он не сказал им о своей тайне. Только я знаю ее».

Через два дня старик умер, и его похоронили. Спустя неделю старший из братьев спросил у среднего:

— Ты очень печален. Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось,— ответил средний брат.— Причина печали та же, что и у вас,— смерть отца.

Старший сказал тогда:

— Перед смертью отец мне сказал, что под старым гранатовым деревом зарыт горшочек золота, и велел мне

его взять. Сегодня я разрыл землю под тем гранатом, но золота там не оказалось. Или отец тебе тоже говорил об этом? Может быть, ты взял золото?

— Да, отец мне говорил, и я тоже разрыл землю под гранатом, но ничего не нашел. Брат, я правду говорю.

— Раз так, отец, наверно, и младшему говорил про золото, пойди позови брата.

Братья позвали младшего и спросили его о золоте. Тот ответил:

— Отец говорил мне о золоте, я раскопал землю под гранатом, но ничего не нашел.

Старший сын, подумав, сказал:

— Братья мои, отец нас не мог обмануть. Он закопал золото под старым гранатовым деревом. Золото кто-то из нас троих взял. Если вы не сознаетесь, придется нам всем пойти к казию. Он обязательно найдет золото. Даю срок до завтра. Подумайте.

Утром старший брат вновь собрал братьев, но никто не признался, что взял золото. Пошли они втроем к казию. Он указал им место и разрешил сесть.

— С каким делом пришли, дети мои? — спросил казий.— Пожалуйста, я к вашим услугам.

Первым встал старший брат и обратился к казию.

— Господин казий, за ваше расположение мы приносим вам благодарность. Пришли мы к вам с настоящим скандалом. Если разрешите, то я расскажу.

Казий кивнул головой, и старший начал:

— Мы трое — родные братья. Шесть дней назад умер наш отец. Перед смертью он каждому из нас в отдельности сказал, что зарыл под старым гранатовым деревом горшочек с золотом. Когда отец наш скончался, каждый из нас перерыл землю вокруг граната, но золота не оказалось. Думаю, что отец не стал бы нас обманывать на смертном одре. Золото взял кто-то из нас троих, но никто не сознается. У вас, господин казий, большой опыт и мудрость. Мы уверены, что вы сумеете повлиять на того, кто взял золото, и он сознается.

Казий велел расстелить дастархан и выставил братьям обильное угощение. А сам рассказал им одну старую историю.

— В давние времена,— начал судья,— один джигит почувствовал склонность к одной девушке. Они учились в одной школе и еще там полюбили друг друга и ре-

шили соединить свою жизненную судьбу. Но едва девушка окончила школу, к ней заслал сватов один человек, и ее отец и мать дали согласие. Когда приблизился день свадьбы, девушка пришла к своему любимому и сказала: «Видно, наша судьба горькая, раз отец и мать решили меня выдать за другого, что мы можем поделать. Если мы не подчинимся безжалостным законам и обычаям, нас побьют камнями. Выхода нет. Быть может, после нас настанут времена, когда молодые люди свободно смогут распоряжаться своей судьбой. Я пришла с вами проститься». Джигит тогда ответил девушке: «Верны твои слова. Но у меня есть к тебе просьба. Если ты пообещаешь исполнить ее, я скажу, в чем дело, и после этого прощусь с тобой. Если нет, поступай как знаешь». «Говори,— ответила девушка,— если я смогу выполнить твою просьбу, обязательно выполню». Джигит сказал: «В день твоей свадьбы, когда вся свадебная церемония закончится, обещай прийти ко мне, и тогда я с тобой попрощаюсь». Девушка согласилась. Наступил день свадьбы. Невесту отвезли в дом жениха и, по обычаю тех времен, поместили в богато убранную комнату. Сколько она ни пыталась уйти попрощаться с любимым, но так и не сумела. Когда окончился свадебный пир, в комнату ввели жениха. Он подошел к невесте и увидел, что она сидит в горестном раздумье. «Почему вы так печальны? — спросил он.— Ведь сегодня для нас обоих день радости!» И тогда невеста рассказала все жениху: как она училась вместе с джигитом, как они полюбили друг друга, как хотели пожениться, но родители решили выдать ее за другого, как она дала слово, что в день свадьбы придет к нему проститься, как она не сумела сдержать обещания. Жених сказал: «Раз вы дали обещание, то сходите и попрощайтесь!» Девушка тут же встала и пошла в дом джигита. Когда она пришла к нему, он безмерно удивился и спросил: «Как? Ты попросила разрешения у своего мужа, и он тебе поверил?» Девушка объяснила джигиту, что она откровенно рассказала жениху всю правду, и он разрешил ей пойти попрощаться с любимым человеком. Смотря в упор на девушку, джигит сказал: «Если муж тебе поверил и разрешил пойти ко мне, мужество и благородство его заставляют меня отказаться от твоей любви. Я не могу обмануть такого человека. Иди и живи с ним до старости. Желаю вам удачи в вашей жизни». И он с откры-

тым лицом и ясной душой простился со своей любимой. Девушка вышла из дома джигита, но, когда она шла к мужу, на улице ее схватили воры. Атаман воров увидел, что она красива, и объявил, что берет ее себе в жены. По дороге он спросил девушку, почему она так поздно ходит по улице одна. Девушка тогда объяснила, как было, и сказала, что, попрощавшись с джигитом, идет к мужу. Поразился атаман и заявил:

— И джигит, и твой муж проявили высокие чувства и благородство. Но и мы, воры, не уступим им в благородстве. Скажи, где живет твой муж, мы тебя проводим, чтобы тебя никто не обидел.— По приказу атамана девушку отвели в дом ее мужа. И...

На этом месте судья прервал свой рассказ.

Неизвестный тоже перестал рассказывать и спросил Кулдаша:

— Как вы думаете, кому по праву принадлежит девушка: джигиту, который любил ее, жениху или атаману воров?

Кулдаш ответил:

— Благородство жениха выше благородства всех, ибо он своим поступком вызвал на благородный поступок и джигита. Возможно, этот джигит, взяв с возлюбленной обещание прийти к нему проститься, задумал плохое, но муж своим благородством заставил его одуматься. А атаман поступил благородно, поняв великодушие жениха и возлюбленного.

Неизвестный одобрительно кивнул головой и продолжал свой рассказ.

— Но разрешите мне досказать историю горшочка с золотом.

Судья тоже спросил братьев, кто из этих троих самый благородный.

Старший сказал:

— Благороден джигит, любивший девушку, ибо она приходила к нему в дом два раза, и оба раза он поступил с ней благородно.

Средний брат сказал:

— Благороден жених, ибо он, не зная девушки, доверился ей и разрешил пойти попрощаться с любимым.

А младший брат сказал:

— Благородство проявил атаман воров, ибо воры подчас из-за одной копейки убивают человека, а когда добыча сама своими ногами пришла к ним, они не толь-

ко не посягнули на честь девушки, но даже не польстились на одежду, а проводили ее до дома целой и невредимой.

Тогда казий встал и сказал:

— Ну вот, ваш спор и разрешился. Только вор защищает вора. Самый младший, разделите золото из горшочка со своими братьями. Ведь отец вам завещал помогать братьям.

Младший брат согласился с решением казия, и братья, пораженные мудростью судьи, радостные и веселые, вернулись домой.

Кончив рассказ, неизвестный лег спать. Наутро вместе с Кулдашем они вновь двинулись в путь. Ехали они день и ночь и приехали, наконец, в большой город. Они остановились в каравансарае. Отдохнув три-четыре дня, неизвестный купил в городе дом и, обставив его всей необходимой домашней утварью, приказал Кулдашу:

— Пойди и пригласи старейшину квартала и почетных людей в гости.

Когда Кулдаш вернулся, неизвестный сказал:

— В михманхане уже все готово для приема, встреть гостей хорошо. После угощения объяви, чтобы они меня и тебя сочетали браком. С сегодняшнего дня ты хозяин этого дома и глава семьи, а я твоя жена.

Тут неизвестный снял шапку, и сорок косичек рассыпались по его спине. Пораженный Кулдаш только теперь увидел, что неизвестный не джигит, а прелестная молодая женщина.

Спустя несколько дней после свадьбы жена сказала Кулдашу:

— Теперь заведите себе знакомых и друзей из людей ханского дворца, пригласите их в гости, а если они будут вас звать, ходите и вы к ним в гости. Может быть, при их помощи вы устроитесь на работу во дворце какого-нибудь хана!

Месяца через два Кулдаш поступил на работу в ханский дворец. Своим умом и сметливостью он заслужил уважение окружающих и стал известен под именем Муфирбека, то есть Бека-странника.

Дела Кулдаша день ото дня шли лучше и лучше. Но у него прибавлялись не только друзья, но и враги. Многие придворные завидовали ему, им не нравилось быстрое возвышение никому до того не известного пришельца. Они говорили:

— Какой-то чужестранец, недавно появившийся при дворе, уже много раз получал награды от хана, а мы, старые верные слуги, никаких наград не видим.

Начали они строить против Мусофирбека разные козни.

Однажды жена сказала Кулдашу:

— Много мы получили подарков от хана. Не мешало бы пригласить его с придворными к нам на пир.

Мусофирбек послушался жену и пригласил хана к себе в гости. Прежде чем дать согласие, хан приказал своему визирю:

— Пойди и посмотри, как живет Мусофирбек, какой у него дом и богато ли он живет? Не опозориться бы нам.

Визирь переоделся простолюдином и, подойдя к дому Мусофирбека, стал через щелку в воротах смотреть во двор. Вдруг увидел он жену Мусофирбека. Пораженный, он вошел во двор и сказал ей:

— Так вот где ты, красавица. Ты перехитрила меня тогда и ускользнула из моих рук у городской стены. Клянусь, ты пойдешь со мной.

И он схватил ее за руку.

Молодая женщина вырвалась из его рук и бросилась с криками о помощи в дом.

Слуги приняли визиря за насильника и грабителя и набросились на него с палками. Еле живой, весь избитый вернулся он во дворец, горя жаждой мести. Пришел он к хану и принялся расхваливать красоту жены Мусофирбека:

— Такая красивая женщина может быть женой только хана,— добавил он.

Тогда хан собрал визирей и стал держать с ними совет, как отобрать жену у Мусофирбека.

Долго они советовались и задумали черное дело. Наутро хан вызвал Мусофирбека к себе и объявил:

— В гости я к тебе не пойду. И вот почему. У меня заболела дочь. Вылечить ее можно только молоком тигрицы. Поезжай и достань его.

Печальный вернулся Мусофирбек домой. Жена ему сказала:

— Попросите у хана сорок дней сроку, и пусть выдаст вам сорок баранов.

Хан согласился.

Но Мусофирбек сразу не уехал. Тридцать восемь

дней жена не отпускала его из дому, а на тридцать девятый она написала что-то на листочке бумаги, сложила его и, отдав мужу, сказала:

— Выйдите из города и поезжайте в сторону восхода солнца. Когда вы проедете три таша, по левую руку увидите пешеходную тропу. Проедете по ней еще полташа до большой площади. Остановите коня посреди площади головой в сторону восхода солнца и разверните мою записку — перед вами появится тигрица. Не пугайтесь! Держа записку в руках, поверните коня на месте вокруг себя — и тут вас окружит много тигриц. Но вы и тогда не пугайтесь. Держа записку в руке, поверните голову коня к дороге, по которой вы приехали, и прямо поезжайте обратно во дворец хана и скажите ему: «Мой хан, вот тигрицы. Можете надоить молока, сколько вам требуется. Я боялся привезти мало молока и, чтобы не ехать еще раз, привел сюда тигриц».

Как научила жена Мусофирбека, так он и сделал.

Привел он во дворец тигриц, и хан затрясся от страха, как листья ивы. Визири и приближенные попрятались кто куда.

В ужасе хан сказал заискивающе Мусофирбеку:

— Спасибо! Я дал тебе это поручение, чтобы проверить тебя. Прогони этих ужасных тигриц, чтобы они не наделали беды.

Мусофирбек вывел тигриц из города и свернул записку. Тигрицы сразу же исчезли.

Хан затаил злобу на Мусофирбека. Созвал он визирей и начал с ними совещаться. После долгих разговоров решили они, что утром к хану явится казначей и доложит, что из казны пропало четыре больших слитка золота. Тогда он прикажет Мусофирбеку найти пропажу.

Утром жена сказала Мусофирбеку:

— Если хан даст новое поручение, требуйте снова сорок дней сроку и сорок баранов!

Едва Мусофирбек явился во дворец, к хану прибежал казначей и донес о пропаже четырех слитков золота. Тотчас же хан обратился к Мусофирбеку:

— Вы должны найти пропавшее золото!

Мусофирбек поклонился хану и попросил сорок дней сроку и сорок баранов.

Хан согласился.

Мусофирбек вернулся домой к жене и спокойно про-

жил тридцать восемь дней. На тридцать девятый день жена написала ему записку, сказала, куда и кому ее отвезти. Мусофирбек, не медля, отправился в путь. В указанном ему женой месте он увидел прекрасный сад, в котором цвели цветы, пели соловьи, зеленели травы, но не было ни души. Вдруг издали донеслось пение, и к Мусофирбеку подошло несколько прекрасных девушек. Старшая из них подозвала его к себе и спросила, откуда он и с какой целью пришел. Мусофирбек вынул записку, поклонился и протянул ее ей. Девушка взяла у него записку, прочла и удивилась.

— Ийе! Да вы, оказывается, наш зять. Ваша жена — наша сестра, которую у нас похитили.

Она пригласила Мусофирбека в михманхану, разостлала богатый дастархан. За угощением они обсудили послание, а наутро красавица с двумя служанками и Мусофирбеком отправились в путь.

Вскоре они, живые и здоровые, приехали в дом Мусофирбека.

Сестры обрадовались друг другу, расспрашивали о своем житье-бытье.

На сороковой день сестры встали на заре, вышли на середину двора, прочли заклинания и стали ходить по двору. И каждый раз, как они ступали, под ногами у них появлялись золотые слитки. Двор в одну минуту наполнился золотом.

Взяв четыре слитка в руки и нагрузив золотом двадцать шесть слуг, Мусофирбек пошел во дворец. Оставив слуг за дверью, он вошел в тронный зал, положил четыре золотых слитка перед ханом. Хан сказал:

— Мы говорили, что пропало не четыре золотых слитка, а четыре пары.

Мусофирбек спросил:

— Всего было четыре пары или больше?

— Всего было четыре пары,— без стыда ответил хан. И все визири выступили вперед и подтвердили лживые слова хана. Тогда Мусофирбек позвал стоявших за дверью слуг и, когда они вошли, сгибаясь под тяжестью золота, сказал:

— Вот тут тринадцать пар, а с прежними двумя парами — пятнадцать пар, получается тридцать золотых слитков. Хан мой, какие у вас есть еще приказания?

Хан и визири от стыда опустили головы и, глядя вниз под ноги, сказали:

— Больше у нас нет к вам приказаний. Идите!

Вечером хан снова призвал к себе визирей:

— Что вы теперь мне посоветуете? Если вы любыми способами не убьете Мусофирбека, то любовь к его жене меня убьет.

Один из визирей попросил разрешения у хана говорить.

Хан разрешил, и визирь сказал:

— Утром, когда Мусофирбек придет во дворец, вы и все мы будем сидеть очень печальные. Мусофирбек обязательно спросит о причине. Тут вы скажете: «Эй, Мусофирбек, никак я не могу избавиться от горестей и печалей этой жизни. Мир — это жилище горя. Сегодня я видел сон. Я очень опечален этим сном. Я рассказал свой сон визирям, но эти скоты мне ничего толком не сказали. Думаю, что только вы сможете истолковать этот страшный сон, снимете с меня эту заботу и избавите меня от печалей. Я видел во сне отца, мать, дедушку и бабушку, никто из них не захотел со мной разговаривать. Все отвернулись от меня. Отправляйтесь в потусторонний мир, найдите моих родных и узнайте, почему они на меня обиделись». Обещайте, великий хан, Мусофирбеку большую награду. Вот мой совет. Конечно, никто с того света не возвращался, не вернется и этот наглец Мусофирбек, а вы, великий господин, достигнете желанной цели.

Коварный совет визиря всем пришелся по душе.

Утром жена сказала Мусофирбеку:

— Хан, наверное, опять приготовил для вас новое трудное поручение. Но что бы он вам ни поручил, как и прежде, просите сорок дней сроку и сорок баранов.

Когда Мусофирбек пришел во дворец, хан приказал ему отправиться на тот свет, узнать, почему обиделись на него отец, мать, дедушка и бабушка.

Мусофирбек поклонился хану и сказал:

— С великим удовольствием и от чистого сердца исполню вашу просьбу. Только дайте мне сорок жирных баранов и сорок дней сроку.

Хан выполнил его просьбу и разрешил идти.

Мусофирбек вернулся к жене домой и тридцать девять дней жил дома. В ночь на сороковой день жена и свояченица в старых платьях вышли из города и в одном месте собрали много золы. Вернувшись домой, они надели на Мусофирбека старый рваный халат, вымазали

ему лицо и руки сажей, обсыпали с головы до ног золой. Затем они написали письмо от имени отца, матери, деда и бабушки хана, прожгли бумагу в нескольких местах, дали ее в руки Мусофирбека и научили, что говорить.

— Ну, теперь идите к хану во дворец,— сказала жена и пожелала ему удачи.

Мусофирбек шел по улице и кричал:

— Свет, свет! Нехороший наш свет. Свет, свет! Грязный этот свет. Свет, свет! Наш свет причиняет беды. Язык мой немеет, сердце слабеет!

Крича и причитая, он вошел во дворец, протянул письмо хану и сказал:

— Вот, господин, в этом письме отец ваш, мать, дедушка, бабушка написали, почему они обиделись на вас. Господин мой, свет, свет! Этот свет не годится.

И он все время продолжал повторять слова, которые кричал на улице.

— На том свете блаженство, этот свет — место горестей. Тот свет — наслаждение, этот свет мучение. На том свете пиры, гуляния, на этом — страдания и тяготы. На том свете наслаждения, а на этом — беды и невзгоды. Великий господин, скорей отпустите меня. Я уйду на тот свет, я не могу жить на этом свете.

Говоря так, Мусофирбек, прикидываясь юродивым, все время кричал: «Свет, свет, тот свет!»

Прочитав письмо, царь расчувствовался и заплакал. Он стал расспрашивать Мусофирбека о том свете. Но Мусофирбек все кричал: «Свет, свет, тот свет!»

Царь попросил Мусофирбека рассказать, как шел он на тот свет, было ли трудно или не трудно, наконец, спросил:

— А смогли бы и мы сходить на тот свет?

Мусофирбек ответил хану:

— Прикажите собрать на площадь сто саженей дров и триста пудов жмыха. Велите все это хорошо уложить. Если будет плохо уложено, можно будет оттуда свалиться, потому что много желающих будет сидеть наверху. Кто-нибудь снизу подожжет дрова. Вот тогда вы, как и я, сможете за сорок дней сходить на тот свет и вернуться обратно.

И он снова начал кричать: «Свет, свет!» — и ушел из дворца.

Хан приказал собрать на площадь дров и жмыха в

три раза больше, чем говорил Мусофирбек. Затем он вместо себя назначил Мусофирбека, а сам же с визирями, советниками и придворными — а всего набралось их восемьдесят человек — влезли наверх, на дрова и жмых.

Мусофирбек сразу поджег дрова и отправил всех на тот свет, с которого не возвращаются.

Тогда Мусофирбек собрал людей из народа, не богатых, а таких, которые, не имея денег, имели ум и могли советовать, отличались дальновидностью и преданностью, и назначил их визирями и советниками и стал неутомимо работать на благо и процветание страны.

Однажды в час отдыха Мусофирбек сидел и играл со своим годовалым сынишкой Шадманом. Жена и свояченица тоже сидели рядом.

И вдруг Мусофирбек вспомнил, как встретил свою будущую жену в одежде джигита у стены замка, и сказал:

— Любимая, я так до сих пор и не знаю, какой поразительный случай соединил нас с тобой, и почему визирь возненавидел тебя и начал строить против нашего счастья такие ужасные козни.

Жена Кулдаша улыбнулась и ответила:

— Любимый муж мой, поистине только мужчина и такой скромный, как вы, не проявлял до сих пор и тени любопытства. Так слушайте. Вы уже поняли, наверно, что я из рода пери. Росли мы с моей сестрицей в прекрасном саду. Когда я уже стала взрослой девушкой, меня увидел шах той страны и решил взять в свой гарем. Ночью шахские слуги напали на наш дом и, несмотря на мои крики и слезы, увезли во дворец. Шах назначил день свадьбы, а сам уехал на охоту. У шаха был визирь. Он сжалился надо мной, по крайней мере он так говорил тогда, пообещал вызволить меня из гарема и отвезти домой к любимой сестре. Я поверила ему, так как он по виду был честным и благородным человеком. Он доставил мне тайно одежду джигита и подкупил одного из конюхов, а сам сказал, что будет ждать у стен своего замка. Я понимала, что поступаю опрометчиво, доверяясь малознакомому человеку, но, увы, что оставалось делать неопытной девушке, когда ей предстояло ненавистное замужество. В условленный день я переоделась в мужское платье, пробралась в конюшню и бежала из дворца. Конюх поехал вперед к визирю

с запасной лошадью. Точно слепая, я шла навстречу своей судьбе, и счастье мое, что я встретила у стен замка не визиря, а вас, мой супруг и повелитель. Теперь я понимаю, что визирь имел самые низкие побуждения и хотел похитить меня. Впоследствии, когда он увидел меня в этом городе и узнал, что я ваша жена, он возненавидел меня и решил любой ценой погубить вас.

Кулдаш воскликнул:

— Жалкий человек. В своей мести он нашел свою гибель.

Но тут же Кулдаш рассмеялся.

Жена тогда спросила, чему он смеется. Вначале он не хотел говорить, и только после настойчивых просьб жены он рассказал ей, как он был пастухом и купил сон у своего друга Юлдаша.

— Теперь,— добавил Мусофирбек, подумав,— я понял, что две звезды, упавшие, с неба во сне — это жена и свояченица, а маленькая звезда — это наш сын Шадманбек. Правильно я нашел разгадку сна?

— Да, нашли,— сказали жена и свояченица.

Мусофирбек вспомнил тут же и о том, что обещал помогать своему другу Юлдашу.

— Что вы скажете на то, если я найду своего друга Юлдаша, назначу к себе на какую-нибудь должность и выдам за него вас, моя свояченица?

Жена сказала:

— Мы с сестрой посоветуемся и через три дня дадим вам ответ.

Через три дня Мусофирбек спросил, что они решили.

— И я, и сестра согласны с вашим мнением,— сказала жена.— Хорошо, посылайте человека, пусть разыщет вашего друга Юлдаша.

Одному из своих советников Мусофирбек объяснил, где живет его друг Юлдаш, чем занимается, его особые приметы, характер и приказал отыскать его и привезти.

В назначенное время советник вместе с сопровождающими выехал в страну Ургенч и скоро приехал в кишлак, где жил Юлдаш. Отдохнув дня два, советник расспросил стариков и нашел Юлдаша. Работал он батраком за долги у одного бая. Советник уговорил Юлдаша уехать, пообещав дать ему в своей стране землю и все, что нужно для дехканской работы, но не сказал, кем он прислан и зачем, потому что Мусофирбек приказал

пока не рассказывать сути дела. Советник рассчитался с долгами Юлдаша, забрал его с собой, и они уехали.

Вскоре по приезде советник привел Юлдаша к Мусофирбеку.

— Ну, джигит, пожалуйста, милости просим! — начал разговор Мусофирбек.

А времени прошло с разлуки немало, да и в богатой одежде трудно было узнать Кулдаша.

— Приехал, ваше величество! — сказал Юлдаш, поклонившись.

— Откуда прибыли и какая цель у вас? — спросил хан.

— Человек, который привез меня сюда, сказал, что даст мне землю, чтобы я мог заниматься дехканством.

— Ваша профессия дехканство? — спросил Мусофирбек.

— Да, господин, я батрак.

— Есть ли у вас и другая профессия?

— Нет, господин.

— Сколько лет вы батрачите?

— С тех пор как помню себя.

— Вы что-нибудь скопили от заработков?

— Куда уж там скопить. Я батрачу, чтобы уплатить долги. У меня нет волов, чтобы обрабатывать землю.

— Был ли у вас друг Кулдаш?

— Да, был, Кулдаш-пастух. Откуда вы его знаете?

— Как давно вы его видели?

— Прошло два-три года, как я его видел. Хороший был человек.

— Куда он ушел?

— Причиной его ухода был я.

— Каким образом?

— Однажды я видел сон — с неба ко мне за пазуху скатились две большие звезды и одна маленькая.

— Ну и что же? — спросил Мусофирбек.

— Я рассказал сон Кулдашу. «Не продашь ли ты мне этот сон?» — спросил он меня. Я согласился. После этого он телку и жеребенка отдал мне, а сам куда-то ушел. С тех пор о нем я ничего не слыхал. Очень хороший друг был Кулдаш.

Юлдаш при этом с сожалением вздохнул.

— Если вы его увидите, то узнаете? — спросил Мусофирбек.

— Конечно, узнаю. Ослеп я, что ли. Сколько лет мы с ним спали под одним рваным одеялом.

— Хорошо! Были ли у него какие-нибудь приметы?

— Да, да, были. На локте правой руки у него была родинка, а на левой коленке шрам — корова боднула его.

Мусофирбек показал родинку на руке, и Юлдаш вскочил с места и стал обнимать и целовать друга.

Через месяц Мусофирбек женил друга на свояченице и устроил большой пир.

Два друга, вышедшие из бедняков, старались облегчить жизнь народа и делали, что могли, для процветания государства. В этом деле их жены тоже им помогали.

САХИБДЖАН И АХМАДЖАН

Жили не голодны, не сыты старик со старухой в давние времена, когда волк был бакавулом, лиса — ясаулом, ворон — музыкантом, воробей — доносчиком, черепаха — весовщиком, кабан — мясником, а лягушка была должна кучу денег. Старик и старуха жили бедно. Был у них дворик, во дворе стояла жалкая мазанка, а больше ничего у них не было. Старик ловил рыбу в реке, старуха ходила по домам и убирала, так и жили они вдвоем. Не было у них детей, а они очень хотели их иметь.

Как-то старик говорит старухе:

— Слушай-ка, жена, мне уже пятьдесят пять, а тебе исполнилось пятьдесят. Нет у нас детей. А что с нами будет, когда мы и вовсе состаримся, и к работе будем неспособны? Кто зажжет на нашей могиле свечи, когда мы умрем? Давай хорошенько попросим аллаха, может быть, он сжалится над нами и пошлет нам сынка!

Старик и старуха долго слезно просили аллаха о сыне. Бог, видно, услышал их просьбу: родила старуха сына. Назвали его Сахибджаном.

Не было границ радости старика.

— Достигли мы желанного, жена,— сказал он старухе.— Давай теперь воспитывать его. Народ говорит: от хороших людей остается человек, а от дурных людей — вопли и стенания. Воспитаем сына хорошо — лю-

ди поблагодарят нас, плохо воспитаем — люди проклянут нас.

Старухе пришлись эти слова по душе.

После рождения сына старик и старуха сразу даже помолодели, почувствовали быстроту в ногах, силу в руках. Старик начал больше ловить рыбы. Из дома ушла нужда.

А Сахибджан рос себе понемногу, и, наконец, исполнилось ему шестнадцать лет. Стал он рослым юношей, с широкими плечами, со стройной фигурой, ну прямо палван.

Однажды старик сказал сыну:

— Сынок, я теперь вовсе стар стал. На рыбную ловлю будешь ходить ты со мной. Научишься ловить рыбу, да и подышишь свежим воздухом в поле, у реки.

— Хорошо, отец! Пойду с тобой к реке и буду все делать, что ты скажешь.

Отец и сын пошли к реке и захватили с собой сети. Воздух был чист, повсюду, куда ни глянь,— трава зеленая волнуется, птицы заливаются; широкая, не охватишь взглядом, полноводная река катит голубые воды тихо и серебрясь.

Шли они вдоль реки, шли и, дойдя до тенистой высокой чинары, остановились.

— Вот здесь и начнем ловить рыбу, сынок,— сказал старик.

Расправил он сети и забросил их далеко в реку. Немного спустя вытянул их, а в них ничего нет. Снова закинул сети. Спустя немного времени старик начал тянуть их, но так они были тяжелы, что один он не смог их вытянуть и позвал сына:

— Сахибджан, сынок! Иди, помоги тянуть.

Сахибджан, принялся помогать отцу. Но и вдвоем они не смогли вытянуть сети. Старик выпрямился, вытер пот со лба.

— Ух, устал я,— сказал он.— Не иначе, как в сети попал кит!

Старик привязал один конец сетей к чинаре и распорядился:

— Ну, сынок, другой конец не выпускай из рук, а я пойду позову кого-нибудь на подмогу, нам вдвоем не вытащить.

Сказал так старик и ушел в сторону кишлака.

Сахибджан сел на берег и стал смотреть на зеленые травы, на высокие деревья, что росли у реки, на тихое и величавое ее течение. Вдруг в сети ему почудилось что-то. Пригляделся он, а там сидит маленькая рыбешка. Грустно и с мольбой смотрит на Сахибджана, а на глазах у нее слезы.

Сжалился Сахибджан над ней. «Она так же молода, как и я,— подумал он.— У нее есть, видно, родители, которые ждут не дождутся ее. Дай-ка выпущу ее, вот обрадуется!». Сказано — сделано. Сахибджан взял да и перерезал ножом конец сетей.

Выскочила рыбешка на волю, обрадовалась, покрутилась в воде у ног Сахибджана, порезвилась и исчезла.

Спустя некоторое время отец возвратился и привел с собой двух дехкан. Увидел старик, что нет сетей.

— Где же сети? — спросил он Сахибджана.

Тот ответил:

— Мне стало жаль рыбу, она так металась и рвалась на свободу, что я отпустил ее.

Огорчился старик, а дехкане, которые пришли помочь ему, сказали:

— Если у родителей один сын, он вырастает или храбрым, или умным, или глупым, или трусливым. Трудно тебе было растить сына на старости лет, теперь бы он должен помогать тебе, а он не только не помогает, но даже выпускает выловленную рыбу да еще вместе с сетями. Недобрый он у тебя.

Сказали они так и ушли. Старик же не промолвил ни слова.

Слова дехкан глубоко запали в душу Сахибджана.

На следующее утро он обратился к отцу со скромной просьбой.

— Отец, у меня рука не оказалась легкой. Вы вчера сами убедились в этом, мы не смогли поймать ни одной рыбы. Разрешите мне походить по городам, кишлакам, изучить какое-нибудь ремесло. Если улыбнется мне счастье, я буду помогать вам.

Горько было старику и старухе расставаться с сыном, но делать нечего, благословили они его и отпустили. Старуха наполнила его торбу лепешками и толокном. Вечером Сахибджан покинул кишлак.

Старик и старуха вышли проводить его на улицу с напутственным словом:

«Бери, да не отдавай. Возвращайся живым и здоровым».

Долго шел Сахибджан. Он даже не смог сказать, сколько раз поднялось и опустилось солнце. Горы и степи приходилось ему проходить, реки и озера переплывать.

Пришел он, наконец, в один кишлак. Решил отдохнуть, сел около хауза под чинарой и не заметил, как к нему подошел путник лет сорока с длинной бородой, с чалмой на голове.

— Эй, юноша, ты слишком еще молод, как я погляжу! Куда же ты идешь? — спросил он его.

— Я странник,— ответил Сахибджан.

— Ну, тогда давай вместе странствовать.

Сахибджан решил испытать путника.

— Я иду долго-долго,— сказал Сахибджан,— но когда устану, сажусь и отдыхаю тоже долго, в течение этого времени своим темным покрывалом ночь три раза успевает покрывать землю. Ну как, согласны вы со мной странствовать?

— Нет, мне с тобой не по пути,— ответил путник и пошел дальше.

А Сахибджан, отдохнув, снова пустился в путь. Долго он шел, устал, сел отдохнуть на берегу широкой реки и не заметил, как к нему подошел путник с короткой бородой и без чалмы.

— Далеко ли идешь, братец? — спросил его спутник.

— Так, странствую,— отвечал ему Сахибджан.

— Да вот и я пустился в странствия. Давай уж вместе,— предложил путник.

Сахибджан ему сказал:

— Если я иду, то иду очень долго, а когда устану, то отдыхаю столько, что за это время ночь успевает три раза покрыть землю своим ночным покрывалом.

— Твои странствия слишком длинны, пойду один,— решил путник.

Отдохнув, Сахибджан, искупался в реке, взвалил торбу на плечи и снова отправился в путь. Шел он, шел — и дошел до развилки дорог. Присел он на камень отдохнуть. Не заметил, как к нему подошел юноша.

— Здравствуй, друг! — сказал он.— Далеко ли идешь?

— Здравствуй,— отвечает Сахибджан.— Я странствую.

— Я с той же целью хожу по дорогам. Давай ходить вместе,— предложил юноша.

— Послушай, друг! — ответил Сахибджан.— Я иду долго-долго, но когда устану, сажусь и отдыхаю. В течение этого времени ночь своим темным покрывалом три раза успевает покрыть землю.

— Ничего, мой друг,— сказал юноша.— Я тоже люблю долго отдыхать и много ходить, думаю, что в этом деле не уступлю вам.

«Видно, парень ничего, горячий и компанейский»,— подумал Сахибджан.

— Ладно, пойдем вместе,— сказал он вслух юноше.

Сел юноша рядом с Сахибджаном, стали они беседовать.

Спросил его юноша, как его зовут.

— Меня зовут Сахибджаном. А как зовут вас?

— А меня зовут Ахмаджаном,— ответил тот.— Сколько вам лет?

— Недавно исполнилось шестнадцать, а сколько вам?

— Давайте побратаемся,— сказал Ахмаджан.— Мне исполнилось пятнадцать. Вы будете старшим братом, а я младшим.

Сахибджан достал из мешка лепешку. Одну половину взял себе, другую отдал Ахмаджану и сказал:

— Отныне все, что найдем, будем делить поровну.

Съев каждый свою половину лепешки, побратимы отправились в долгий путь. Шли они, шли, шли через поля и горы, моря и реки, наконец, пришли в один город. Стали они осматривать его. Пришли на базар. Видят — стоит глашатай и кричит во все горло:

— Эй, люди! Слушайте, слушайте! Знаменитый бай нашего города Абулькасымбай возводит медресе. Нужны рабочие-глинобитчики, кирпичники, плотники, кровельщики. Кто хочет, пусть идет к нему. Эй, люди! Слушайте, слушайте!

— Пойдем к баю, братец,— говорит Сахибджан Ахмаджану.— Поработаем. Научимся какому-нибудь делу.

Согласился Ахмаджан, и оба отправились на строительство медресе.

— Давайте нам кетмени и лопаты,— сказали они надсмотрщику работ,— один из нас будет глину месить, другой кирпичи формовать.

Надсмотрщик работ выдал им кетмени и лопаты.

Побратимы запротестовали.

— Эти кетмени и лопаты не для нас. Слишком малы. Выдайте нам размером побольше.

По приказанию начальника работ, кузнец развел в кузнице огромный костер и ковал целую неделю кетмени и лопаты. Сахибджан и Ахмаджан получили свои инструменты, начали месить глину и формовать кирпичи. Выполняли они работу за десятерых. Прошел месяц. Однажды в базарный день Ахмаджан предложил Сахибджану:

— Брат, давайте получим у надсмотрщика, что заработали, пойдем на базар.

Получили они деньги и пошли гулять. Чего-чего не было на базаре! Красные яблоки, желтые сочные персики, бархатный кишмиш, а огромных дынь и арбузов было столько, что они не помещались на прилавке и под прилавком, целые горы возвышались прямо на улице. Купили они себе свежих и сушеных фруктов и давай их есть.

Поели побратимы и пошли обратно. Долго еще трудились они, делая работу за десятерых. Слава о них разнеслась повсюду. Узнал о ней и падишах соседней страны Карахан.

«Что за юноши такие? — подумал он.— Надо позвать их и поговорить с ними».

И послал он за юношами гонцов. Два дня скакали гонцы — не спали, не ели — в страну, где работали братья.

— Мы слышали, что вы сильные богатыри,— сказали гонцы.— Наш падишах желает вас видеть и говорить с вами. Если кто-то из вас выполнит три поручения, за того падишах отдаст свою единственную дочь. Многие смелые джигиты добивались руки дочери падишаха, но все они погибли: не смогли справиться с тремя поручениями.

Решили братья поехать к падишаху Карахану.

— Вы храбрые молодцы,— сказал им падишах.— У меня есть дочь на выданье. Всем богатырям я ставил три условия, но никто еще не смог их выполнить. Выполните условия, тогда одному отдам дочь, а другому — половину страны.

— Мы согласны, говорите ваши условия,— ответили юноши.

— У меня в саду появился страшный дракон. Каждый месяц он проглатывает девушку. Настал черед моей дочери. Дочь привязана к дереву в саду. Скоро должен прилететь дракон и проглотить ее. О моя дочь! Не успела ты вырасти, как уже погибнешь! Убейте дракона, спасите дочь! — стонал падишах.— В том же саду у меня растет чудесный инжир. У него необычайные плоды. Тот, кто будет есть их, долго останется молодым. Каждый год, когда плоды инжира начинают созревать, появляется див и съедает их. Второе мое условие — убить дива. В городе нет воды. Река, которая спускается с гор, теряется где-то среди песков. Третье мое условие — прорыть канал от реки до города.

Согласились юноши, только сказали падишаху:

— Велите изготовить для нас меч такой, чтоб в сложенном виде он имел в длину один аршин, а в раскрытом виде имел бы длину в сорок аршин. Кроме того, пусть изготовят для нас еще кетмень и лопату в сорок пядей длиной и в сорок пядей шириной.

По приказанию падишаха, кузнецы живо принялись за работу. Не прошло и дня, как юноши получили все, что требовали. Пошли они в сад падишаха. Начали спорить, кому убить дракона. Сахибджан говорил: «Я убью», а Ахмаджан возражал: «Нет, я его убью! Старший не трудится, если рядом с ним стоит младший».

Взял он меч и ушел в сад. Идет он и видит: лежит огромный дракон и смотрит на привязанную к дереву девушку, а у той от страху текут по щекам горькие слезы. Рассвирепел дракон, увидев юношу, и втянул ноздрями воздух. Ахмаджан только качнулся. Дракон еще сильнее потянул в себя воздух. Развернул Ахмаджан меч, полетел в пасть дракону и вышел из хвоста, разрезав чудовище пополам. Издох тут дракон. Дочь падишаха, трепетавшая в ожидании, когда съест ее дракон, была спасена. Вмиг разнеслась весть о счастливом событии по всему городу. К дворцу падишаха шел толпами народ, все хотели посмотреть на чудо-джигитов. Все благословляли юношей.

На следующий день Сахибджан и Ахмаджан взяли кетмени и лопаты и отправились к реке рыть арык. Пришли они на место — видят людей видимо-невидимо, все копошатся, роют, а надежды получить воду ни у кого нет.

— Эй, добрые люди! — закричали юноши.— Дракон убит, город полон радости, идите и вы по домам веселиться. А арык пророем мы сами!

Обрадовались люди, многие ушли домой, а другие остались смотреть, что будут делать побратимы. Начали они рубить деревья, связывать вместе. Бросили их в реку, потом набросали много хвороста, а сверх того насыпали земли и камней. Шумела, возмущалась, бурлила река, пенилась, кидалась волнами на братьев, хотела сбить их, утащить на дно. Мужественно боролись с рекой братья. Победили они ее и перегородили. Вода поднялась, потекла к городу по арыку.

Пришли побратимы к падишаху, позвали его на башню, показали ему новую реку. Широка была река. Медленно катила она свои волны к городу. Ожила степь. Покрылась вся цветущими маками, и уже кое-где появились дехкане, возделывающие почву.

— Молодцы, юноши! Теперь осталось вам выполнить еще одно условие, а там и свадьбу сыграем!

Пошел Сахибджан в сад, вырыл яму под инжиром и лег там, дожидаясь наступления ночи. Стало так темно, что даже не было видно деревьев. Вдруг появился слабый свет. Сахибджан увидел страшного дива, поедающего инжир. Вышел Сахибджан из ямы и, развернув саблю, одним ударом рассек дива пополам. Обрадовался падишах и сразу отправился в сад есть инжир. Целую неделю без сна и отдыха ел инжир падишах и от обжорства еле мог двигаться, но все равно никак не мог помолодеть. Наконец пришел он к юношам и спросил:

— Теперь скажите мне, за кого же из вас выдать мне дочь мою?

— Ахмаджан оказался сильнее и смелее. За него и выдайте дочь,— сказал Сахибджан.

— Нет, государь,— ответил Ахмаджан,— старший должен быть в почете. Сахибджан старше меня. За него и выдайте.

Решили, что на царевне женится старший брат. По городу глашатаи разнесли весть о свадьбе. Заиграли карнаи и сурнаи, зарезали баранов и скотину, начался пир да веселье. Пир длился сорок дней и сорок ночей. Приехали гости с разных концов земли, чего только они не привезли в подарок жениху и невесте: и ковры, вышитые серебром и золотом, и тончайшие ткани, и драгоценные камни, величиной с куриное яйцо, и волшебное

зеркало, в котором можно было увидеть самые отдаленные уголки земли.

Прошло немного времени. Однажды Ахмаджан говорит Сахибджану:

— Сегодня ночью я буду спать во дворе, пусть невестка постелит мне там.

Когда город погрузился в сон, Ахмаджан отправился в сад. На небе появилась луна, подобная золотому подносу, на котором подавали фрукты во дворце.

Было очень тихо. Вдруг прилетели два ворона и сели на чинару, что росла во дворе. Один из воронов начал каркать:

— Ворон, ворон, птица черной вести!

— Я слушаю тебя, ворон, птица мрачных предсказаний.

— Эх, хорошо б обернуться теперь мне добрым конем, непокорным, норовистым, смелым, гарцевал бы я по камням и скакал бы по лугам, перескакивал моря и горы. Кого я достоин по силе, смелости и красоте? Зятя падишаха Сахибджана достоин! Взял бы он меня, сел бы на меня, поскакал бы я, сбросил бы его и разбился б он. Тот, кто слышал меня и вздумает кому-нибудь рассказать об этом, пусть окаменеет до колена!

Потом закаркал второй ворон, птица черной вести:

— Ворон, ворон!

— Слушаем тебя, ворон.

— А кем же мне быть? Хорошо бы стать мне птицей с ярким оперением. Прилетел бы я на базар, пел бы, заливаясь, покорил бы своим пением всех. Кого был бы я тогда достоин? Зятя падишаха Сахибджана! Взял бы он меня в руки — да и умер! Кто слышал меня и вздумает рассказывать об этом, пусть окаменеет до пояса!

Прилетел третий ворон, приносящий людям одни страдания.

— Ворон, ворон!

— Мы слышим тебя, птица горьких страданий!

— А кем бы мне стать? Стать бы мне драконом. Ворвался бы с ветром-бурей через щель-дыру да и проглотил бы Сахибджана и его жену. Тот, кто слышал меня, пусть окаменеет весь.

Сказали так вороны, посмотрели вниз, и, увидев Ахмаджана, захохотали и улетели.

Наступило утро, Сахибджан и Ахмаджан сели завтракать. Чего только они ни ели: и заморских фазанов,

и жирную баранину с чесноком, и желтую рассыпчатую халву, и янтарный бекмес, и прозрачный миндаль.

Позавтракали и отправились на базар, а по базару ходил замечательный конь. Золотая была грива у коня, огневые глаза горели.

— Кого достоин конь этот? — спрашивали все.— Ну, конечно, зятя падишаха Сахибджана!

Увидев коня, Сахибджан решил купить его.

— О брат, дайте я его сначала испытаю,— говорит ему Ахмаджан.— Если он выдержит испытание, тогда и купим.

— Хорошо, братец,— ответил ему Сахибджан.

Едва дотронулся Ахмаджан пальцем с кольцом до спины коня, как хребет его переломился надвое. Только удивились люди, а Сахибджан больше всех. Пошли они дальше. Видят — один человек носит по базару чудесную птицу. За ним толпами ходит народ. Не было другой птицы, равной этой по красоте. Пела птица, заливалась.

— Кого достойна эта птица? — спросил человек.

— Зятя падишаха Сахибджана! — ответил народ.

— О братец,— спросил Ахмаджан,— купите ли вы эту птицу, если она мне понравится?

— Куплю,— отвечает Сахибджан.

Только Ахмаджан приложил палец с кольцом к шее птицы, как голова у нее отлетела. Удивился народ, а Сахибджан больше всех.

Вечером Ахмаджан сказал брату:

— Брат, нынче я лягу спать возле очага.

— Да зачем тебе там спать? Спи, где всегда спишь! — ответил Сахибджан.

— Ничего, сегодня я лягу спать возле очага,— ответил Ахмаджан.

Когда наступила ночь, развернул Ахмаджан свой меч, поставил стоймя возле дыры у очага. Вдруг поднялся бешеный ветер, завыла буря — пришел дракон. Рванулся было он в дыру, но напоролся на меч, и рассек его меч на части. Брызнула кровь, и одна капля долетела до дворца и капнула в лицо царевны. Подбежал к ней Ахмаджан, достал кисейный платок и, сложив его в семь раз, приложил к щеке невестки и стал через него обсасывать с лица кровь. В ту минуту проснулся Сахибджан и увидел, как Ахмаджан обсасывает кровь с лица жены, и закричал в гневе:

— Когда я предлагал жениться на ней, ты не женился. А теперь что ты делаешь? Недаром ты просился спать то во дворе, то у очага! Значит, ты недоволен моей женитьбой!

— О брат, дело не в этом! Напротив, я очень доволен. Есть тут другая причина. О ней скажу вам утром,— ответил Ахмаджан.

Настало утро. Невестка расстелила дастархан. За завтраком Сахибджан снова заговорил:

— Послушай, Ахмаджан, я предлагал тебе жениться на принцессе. Ты не захотел, а теперь совершаешь такие зазорные поступки.

— Брат! Видно, придется вам рассказать обо всем,— говорит Ахмаджан.— Ночью, когда я выбрался спать во двор, прилетели три ворона и уселись на чинаре.

И только рассказал он, что говорил первый ворон, как ноги его окаменели. Увидев это, Сахибджан и жена его поразились и ужаснулись. Ахмаджан хотел было рассказать, что говорил второй ворон, но тут заволновался Сахибджан:

— Молчи, не говори!

— Ну чему быть, того не миновать,— ответил Ахмаджан и рассказал дальше. И как только рассказал о втором вороне, окаменел до пояса. А когда рассказал о третьем вороне, превратился в большой камень. Заплакали тут муж и жена и, не зная, что теперь делать, подняли камень и вынесли на улицу. Вдруг к ним подошел старец с длинной бородой и посохом в руке.

— Отчего вы так горько плачете, дети мои? — спросил он.

Сахибджан рассказал ему всю историю.

— Ставь камень на землю,— сказал старец.

Сахибджан опустил камень на землю. Старец посохом толкнул камень, и он вдруг снова стал Ахмаджаном. Чихнул Ахмаджан и сказал:

— Крепко же я спал.

Все обрадовались.

Потом заговорил Ахмаджан.

— Брат, наверное, у вас есть отец и мать. Есть они и у меня. Наверное, они ждут не дождутся нас с вами. Давайте оба вернемся к своим родителям.

Понравились эти слова Сахибджану. Пришли побратимы к падишаху и сказали ему об этом.

— Есть у нас родители. Услуживать им, помогать

им — наш сыновний долг. Они ждут нас и не дождутся. Разрешите нам поехать к ним!

Падишах нашел их слова правильными и разрешил им ехать.

— Дочь ваша поедет с нами или останется здесь? — спросил Сахибджан.

— Жена должна быть там, где находится муж,— ответил падишах Карахан.

Подарив им сорок мулов с вьюками дорогих подарков и снабдив их на дальнюю дорогу съестным, падишах сказал им:

— Доезжайте до родины здоровыми и счастливыми, да не забывайте и нас.

Народу грустно было расставаться со смелыми джигитами.

Звуками карнаев и сурнаев проводил их в путь городской люд.

Ехали они день, другой, третий... Долго ли ехали, коротко ли, а приехали к берегу полноводной реки.

— Тут я расстанусь с вами, брат. Поеду в другое место,— сказал Ахмаджан.— Помните, что вы говорили, когда мы впервые встретились?

— Помню,— ответил Сахибджан.— Я говорил: все, что найдем, будем делить поровну и есть-пить вместе.

— Тогда давайте все делить.

— Хорошо. Только большую половину добра возьмешь ты,— ответил Сахибджан.

— Нет, мой брат,— возразил Ахмаджан,— и добро, и жену — все будем делить поровну.

— А как же жену станем делить? — удивился Сахибджан.

— А вот как. Привяжем ее к чинаре, разрубим пополам.

Ахмаджан привязал царевну к чинаре, и только коснулся ее тела острием меча, как царевна закричала — и из ее рта вылетел сгусток крови. Бросив меч на землю, Ахмаджан растоптал сгусток, вернулся к брату и проговорил:

— Брат мой, помните, когда я, приложив к лицу вашей жены кисейный платок, хотел избавить ее вот от этой крови. Это ядовитая слюна дракона. Жена ваша должна была умереть. Теперь ваша жена в безопасности. Пусть и жена ваша и все добро останутся с вами. Везите все к своим родителям и порадуйте их. Помните,

вы однажды выпустили маленькую рыбку из отцовских сетей. Эта рыбка — я.

Поцеловал Ахмаджан побратима, простился с ним и кинулся в реку. В воде он обернулся рыбкой и уплыл. Долго Сахибджан смотрел, не отрываясь, в реку, пока вода в том месте, куда нырнула рыбка, не успокоилась. Огорченный Сахибджан приехал с женой в родной кишлак.

Приехали они, а отец и мать его слезами исходили, грустили о пропавшем сыне. Увидели сына, перестали плакать, на радостях сразу помолодели.

Долго рассказывал Сахибджан о своих странствиях.

Старик и старуха радостно обняли невестку, не знали, куда ее усадить.

Сахибджан привез в дом стариков радость, изобилие и счастье. Жил он с женой до глубокой старости. Дети их, когда выросли, тоже отправились странствовать. Но о них, их странствиях можно рассказывать еще очень долго. Оставим все это для другой сказки.

МИСЛАБУ

Жил-был, а может быть и вовсе не был, но люди говорят, что когда-то в старину в городе Балхе действительно жил очень жестокий царь. Говорят, что такого злого тирана еще не было на свете, своей жестокостью он затмил всех царей, живших в те далекие времена. Царь был очень упрям, ничьих советов не слушал, считал, что только он один все знает, что хотел, то и делал, всегда упрямо стоял на своем. У царя было сорок жен, одна красивее другой, но ни одна из них еще не порадовала его сыном или дочерью. В душе царя накипала злоба. Он придумал еще более мучительные пытки для народа, срывая на нем свою злость.

У балхского царя был очень красивый дворец, окруженный прекрасным тенистым садом. Перед дворцом в цветниках пышно цвели всевозможные цветы. Розы разносили аромат по всему саду. Всюду порхали птицы, наполняя сад веселым щебетанием, день и ночь неумолчно раздавались соловьиные трели. Царь часто отдыхал

среди цветников, прогуливался по саду и требовал, чтобы везде были чистота и порядок.

Все работы по уходу за цветами и садом выполнял старый слуга. И хоть работал он хорошо, но царь не платил ему и ломаного гроша за труд. В свободное время от работы старик садовник собирал сухие ветки и продавал их на базаре, добывая таким путем себе кусок хлеба, и этим поддерживал свое жалкое существование.

Однажды, закончив работу в царском саду, садовник пошел в горы собирать хворост. Шел он по дороге, смотрит — на дереве, уцепившись за тонкую веточку, сидит, покачиваясь, только что вылупившийся, еще не оперившийся крошечный птенчик. Жалко стало старику бедного птенчика, снял он его с ветки и осторожно положил за пазуху. Принес его старик домой и стал за ним ухаживать, кормить и поить. Когда птенчик немного подрос и оперился, оказалось, что это птенец попугая. Старик каждый день подолгу возился с ним, сидя перед ним на корточках, произносил отдельные слова и фразы, а потом заставлял его повторять за собой. Учил он его говорить только правду. Жилось попугаю неплохо. Каждый год старик отпускал его в южные страны полетать, попутешествовать.

День ото дня старик становился слабее, спина у него сгорбилась, волосы поседели, зубы повыпадали, тело стало дряблым, а вместе с тем и силы ослабели. Он уже не мог больше собирать хворост и зарабатывать себе на кусок хлеба.

Надумал тогда старик пойти к царю.

«Отнесу я ему в подарок эту птицу,— рассуждал он,— может быть, царь сжалится надо мной и даст мне что-нибудь на прожитье. Ведь я же работал садовником всю жизнь на него, да и попугай что-нибудь да стоит. Не отпустит же царь меня с пустыми руками».

Взял старик попугая, пришел во дворец и остановился перед царем. Царю очень понравился попугай, и он решил выманить его у старика.

— Что ты пришел с этой птицей? Где ты ее взял? — спросил царь.

Садовник согнулся в три погибели, приветствовал своего повелителя, а потом ответил:

— Я нашел эту птицу давно, когда ходил в горы собирать дрова. Тогда она была маленьким птенчиком.

Я ухаживал за ней, кормил, поил, вырастил и научил говорить. А теперь я уже стар, работать не могу, сил нет, вот я и принес ее вам, может быть вы дадите мне за нее хоть немножко денег.

Напрасно думал старик, что жестокий царь сжалится над ним. В сердце этого тирана не было ни капли жалости.

— У тебя еще силы много,— сказал он.— Если не будешь работать у меня в саду, прогоню тебя. А за птицу на, получай!

Царь дал старику несколько грошей и выпроводил его из дворца.

Когда садовник ушел, царь вызвал мастеров и приказал им сделать попугаю золотую клетку. Услыхав это, попугай пожалел, что попал во дворец. «Лучше бы мне прыгать на сырой лужайке старика, чем сидеть здесь в золотой клетке»,— думал он. Но вскоре клетка была готова. Царь посадил в нее попугая и повесил над своим троном.

Теперь царь каждый день, садясь на трон, разговаривал с попугаем. Он был очень доволен птицей и однажды пообещал ей:

— Куда бы я ни поехал, обязательно буду брать тебя с собой!

Как-то раз царь со своими приближенными отправился на охоту, но про птицу совсем забыл и не взял ее с собой. После отъезда царя его сороковая жена нарядилась, села на трон и задала вопрос попугаю:

— Попугайчик, миленький, скажи мне, правда ведь, я самая красивая, самая прелестная, лучше всех на свете? Или есть еще краше, прелестнее меня?

Подумав немного, попугай спросил:

— О всевластная царица! Что мне сказать вам? Угодить ли вам ответом или говорить правду? Рассказать ли, что я видел не во сне, а наяву?

Царица расхохоталась.

— Ох, насмешил! Ну и попугай! Какой ты чудной! Зачем мне все это? Лучше расскажи про то, что ты видел,— сказала она.

— О всевластная царица! Раньше я совсем не знал ни забот, ни слез, ни горя, пока я жил у старика в хижине, каждый год отпускал он меня в теплые края, за море. Там далеко, мимо могил фараонов протекает древний Нил. Видел я там на высоком берегу чудесный

замок, отлитый из золота. Вокруг замка раскинулся тенистый сад и цветники. В том саду я отдыхал. Довелось мне позапрошлым летом в этом замке видеть прекрасную царевну, имя ее Мислабу. Слушал я, как она пела. Что за голос! Царевна так красива, стройна! Губы у нее — кораллы, зубы — серебристый жемчуг, щеки — розы. Верно, каждая из вас, сорока жен царя, можете гордиться своей красотой. Только тщетно: в красоте с Мислабу вам не сравниться.

При этих словах царица так и подпрыгнула от злости.

— Гадкий попугай! Как ты смеешь говорить мне такие дерзости?! — гневно крикнула она. Потом, позвав служанку, она приказала:

— Возьми эту птицу, отнеси на кухню и свари мне из нее похлебку!

Служанка отнесла попугая на кухню. Только она взяла в руки нож и хотела перерезать ему горло, как вдруг он, увидев под стрехой горлицу, сказал умоляющим голосом:

— О девушка, не режь меня, поймай вон ту горлицу и свари ее царице. Вернется с охоты царь, тогда я отплачу тебе добром!

Служанке и самой-то не хотелось убивать попугая, поэтому она сразу согласилась выполнить его просьбу. Поймав горлицу, она зарезала ее, ощипала и сварила, а перья бросила в огонь. Когда суп сварился она положила на блюдо горлицу и подала царице. Царица, нисколько не сомневаясь в том, что ест попугая, с большим аппетитом съела горлицу. Вернувшись на кухню, служанка остановилась в глубоком раздумье, не зная, куда спрятать попугая, но вдруг услышала его голос.

— О добрая девушка,— сказал попугай,— отнеси меня в горы вместе с клеткой и повесь где-нибудь на дереве.

Девушка отнесла золотую клетку с попугаем в горы и повесила клетку на дереве в роще.

Тем временем царь охотился, но на этот раз его постигла неудача: ни в силки, ни в капканы, расставленные везде и всюду, дичь не попадалась. Мрачный и злой сидел царь, гневно посматривая по сторонам, не зная, на ком сорвать свою злость, и вдруг вспомнил о попугае. Он тотчас вскочил, приказал подтянуть подруги, сел на коня и поскакал в город. Приехав во дворец, он спрыгнул с коня и направился в тронный зал. Смотрит,

а над троном нет ни клетки, ни попугая. В припадке гнева он набросился на придворных и слуг, но ничего не сумел узнать.

Тогда приказал царь немедленно послать глашатаев по городам и кишлакам, объявить всему народу о пропаже. Поскакали глашатаи во все концы, от дома к дому, из улицы в улицу, из города в город, из кишлака в кишлак, зычным голосом объявляя во всеуслышание царский приказ.

— Эй вы, люди, эй, народ! Выходите все сюда! Слушайте все царский приказ, чтобы потом никто не посмел сказать, что мы, мол, не слышали. А кто уже слышал, пусть не выходит. Вчера у нашего царя пропал попугай. Кто знает про птицу, пусть завтра же утром до восхода солнца придет во дворец. Нашедшему попугая царь даст несметное богатство, осыплет его золотом, пожалует ему высокий сан и сделает своим приближенным. Царь повелел в трехдневный срок разыскать птицу.

Между тем старик садовник давно уже сидел без куска хлеба. Есть было ему нечего. Испытывая муки голода, он вышел из дома и отправился в горы собирать дрова, чтобы продать и на вырученные деньги купить себе немного хлеба. День был знойный, солнце пекло немилосердно. Спасаясь от жары, старик сошел с дороги в сторону, добрел до небольшой рощицы и сел отдыхать в тени под тем деревом, на котором висела золотая клетка с попугаем. Попугай, увидев старика, сказал:

— О, да это ты, уважаемый дедушка! Скорей сними мою клетку и отнеси меня во дворец, царь даст тебе большую награду, осыплет тебя золотом!

Старик ничего не ответил и стал собирать хворост. Попугай опять стал упрашивать его.

«Ведь это мой попугай, я всегда учил его говорить правду,— подумал старик.— Ладно уж, так и быть, отнесу его во дворец».

Снял он с дерева золотую клетку с птицей, взвалил на спину собранные дрова и пошел во дворец.

Увидев царя, он так растерялся, что не мог слова вымолвить, и молча подал ему клетку. Царь узнал старика и рассвирепел.

— Палач! — крикнул он.— Этот старик уже один раз продал мне попугая! Сколько денег тогда он забрал у меня! Смотри, как понравилось ему есть даровой хлеб!

Сам украл мою птицу, а теперь опять принес ее продавать! Снять ему голову!

Палачи схватили старика и, подгоняя его ударами палок, повели на плаху.

В этот момент попугай закричал:

— Палач, не смей трогать дедушку!

Палач остановился.

— О государь! — продолжал попугай, обращаясь к царю.— Вы сами нарушили данное слово. Вы обещали всегда брать меня с собой. Но на этот раз вы оставили меня дома. Где же ваша верность обещанию? Вы же ничего еще не знаете о том, что случилось здесь в ваше отсутствие. Слушайте, я расскажу вам все, что было.

И попугай рассказал царю, как его сороковая жена, нарядившись, села на трон и вела разговор, а когда попугай сказал ей правду в лицо, разозлилась и приказала его сварить, и как он благодаря служанке спасся от смерти.

Царь выслушал рассказ попугая с большим вниманием. Особенно его заинтересовал золотой замок и прекрасная царевна Мислабу. Сороковой своей жене царь приказал выколоть глаза и бросить ее в яму, а старика и служанку одарить ценными подарками.

Но с тех пор мысль о красавице Мислабу не давала царю ни минуты покоя. Долго думал он и, наконец, попросил попугая проводить его в ту дальнюю страну. Попугай сказал, что добраться туда очень трудно, что путь этот долгий: надо ехать сорок лет, но несмотря на это царь все же решил ехать.

Поручив государство визирю, царь отправился в дальний путь. В первый день он ехал среди зеленых садов и полей, мимо селений и хуторов. На второй день он прибыл в большой город. Не задерживаясь в нем, он поехал дальше через кишлаки и другие города. На третий день пришлось ему переправляться через реку, затем он подъехал к подножию высоких гор. Перевалив через горы, он спустился в долину и опять поехал мимо селений. Дни шли за днями, месяцы за месяцами, а царь все ехал и ехал, минуя большие и малые города. Так прошло в пути десять лет.

Но пусть царь себе едет шаг за шагом в далекую страну, а вы пока послушайте рассказ о несчастной царице, сороковой жене царя. После того как на ее голову свалилась беда, бедняжка, убитая горем, в первые

дни ни о чем не думала, но через несколько недель она убедилась, что скоро у нее будет ребенок. Томительно и скучно тянулись дни в зиндане, но вот пришло время, и у царицы родился сын. Царица дала своему сыну имя Баходур. Ребенок быстро рос, вскоре начал лепетать и был единственным утешением матери. Когда Баходуру исполнилось три года, он уже научился говорить. Но никто не знал, что у царицы в зиндане растет сын.

Однажды визирь, проходя мимо зиндана, услыхал детский голосок, доносившийся из ямы. Он приказал вытащить ребенка из зиндана. Слуги отняли у матери Баходура и принесли его во дворец. Визирь отдал Баходура в школу, и учителя стали обучать его грамоте. Баходур был умный, сообразительный мальчик, он хорошо усваивал все науки и вскоре научился отличать белое от черного, хорошее от плохого. Когда ему исполнилось десять лет, он стал очень сильным. Здорового, рослого Баходура уже нельзя было назвать мальчиком. Он нисколько не отличался от взрослого двадцатилетнего юноши. Визири посадили Баходура на царский трон вместо отца и вручили ему бразды правления. Баходур спустился в зиндан и хотел вывести оттуда свою мать, но она наотрез отказалась, заявив, что выйдет только тогда, когда вернется его отец.

Во дворце в одном коридоре было сорок комнат. Из поколения в поколение цари передавали сыновьям такой наказ: «Можете заходить в любую из тридцати девяти комнат, но в сороковую не смейте заходить!» Так уж повелось в этом дворце с незапамятных времен, и поэтому сам балхский царь тоже ни разу не заходил в сороковую комнату. Перед отъездом он передал ключи от этих комнат визирю, а теперь визирь вручил их Баходуру.

Однажды Баходур решил осмотреть комнаты. Открыв дверь в первую комнату, он увидел там целый цветник. Среди разнообразных цветов, издававших приятный аромат, порхали и пели соловьи. Он вошел во вторую комнату. Там было очень много разных птиц — и попугаи, и скворцы, и дрозды, и воробьи, и горные куропатки, и горлицы и много других. Все они щебетали, ворковали, пели на разные лады. В третьей комнате было очень много разных диких животных. В четвертой комнате все стены были отделаны красивыми изящными

миниатюрами в красках. Таким образом Баходур осмотрел все комнаты — были там и роскошные ковры, и драгоценности, и восточные пряности. Наконец он подошел к сороковой комнате. Недолго он колебался. Взял и открыл дверь. Смотрит, а в комнате ничего нет, только посередине на полу лежит простая циновка. Баходур удивился: «Почему это наши отцы и деды разрешали входить во все тридцать девять комнат, а в сороковую запрещали? — думал он.— В ней же ничего нет, кроме этой циновки! Значит, они запрещали смотреть на эту циновку?! Удивительно!»

Подумав немного, он сказал сам себе:

— А ну-ка, я подниму эту циновку, посмотрю, что там есть!

Поднял циновку Баходур и в тот же миг свалился без чувств. Долго он лежал среди пустой комнаты, не приходя в сознание. Визири с ног сбились, искали молодого царя, но не могли найти.

Тогда один из визирей высказал предложение:

— Он ведь молод. Ему хочется все знать, все видеть. Быть может, он сейчас осматривает комнаты во дворце? Надо пойти туда посмотреть.

Визири проверили тридцать девять комнат. Все они были закрыты. Подошли к сороковой, смотрят — двери раскрыты настежь. Они заглянули в комнату и увидели Баходура. Молодой царь лежал на полу без чувств Визири на руках перенесли его в опочивальню, долго возились с ним, брызгали в лицо водой и духами, еле отходили его.

Баходур очнулся, открыл глаза, заговорил, но так и не сказал, что с ним случилось в сороковой комнате. На самом деле, открыв циновку, он увидел под ней портрет царевны Мислабу и, пораженный ее красотой, лишился чувств.

С этих пор мысли о прекрасной царевне не выходили у Баходура из головы. Он влюбился в Мислабу и теперь день и ночь только и думал о ней. Он томился, день ото дня все больше худел, лицо его осунулось, пожелтело, здоровье ухудшилось. Визири с беспокойством спрашивали его о здоровье, почему он плохо ест, что у него болит, но он не отвечал, скрывая тайну своей любви, молча переживая душевные муки.

Между тем его отец продолжал свое путешествие. В первые годы он ехал благополучно, не зная ни горя,

ни нужды. Постепенно дорожные запасы иссякли, золото и драгоценные вещи были прожиты, и он, очутившись в безлюдной степи и потеряв сопровождавшую его свиту, терпел лишения и переживал муки голода. В степи редко удавалось поймать дичь, чаще всего царю приходилось питаться корнями трав.

Потом царь попал в безводную пустыню и долго бродил без пищи, без воды, мучимый жаждой. Но вот, наконец, он вышел к большой реке, как безумный бросился на берег и припал к воде. Утолив жажду, он осмотрел берег вверх и вниз по течению и убедился, что переправиться через реку невозможно, так как нигде не было ни перевоза, ни моста. Долго бродил он по берегу и, наконец, наткнулся на два бревна. Тут же лежал обломок доски. Царь еле-еле связал их вместе, бросил в реку, затем, уцепившись за доску, поплыл по течению. Попугай, всю дорогу сопровождавший царя и указывающий ему путь, теперь, пока царь искал место для переправы, улетел очень далеко и исчез.

Долго плыл царь по реке, измучился, но вот его самодельный плот прибило волной к противоположному берегу. Царь пошел прямо и, не видя перед собой попугая, скоро сбился с пути. Было очень жарко, солнце пекло немилосердно, земля раскаливалась до того, что обжигала подошвы ног. Царь испытывал страшные мучения. Вдруг он заметил какую-то темную точку, маячившую далеко впереди. Он пошел в ту сторону и, наконец, встретился с человеком. Это был белобородый старик.

— Ассалам алейкум! — сказал царь.

— Ваалейкум ассалам! — ответил на его приветствие незнакомец.— Что вы тут делаете? Зачем пришли сюда? Разве вы не знаете, что это за место? Солнце жжет и палит так, что степь горит, птица обжигает крылья и лететь сюда боится. Вся земля огнем пылает.

— Я царь великой страны, моя столица — город Балх,— ответил ему царь.— Сейчас я расскажу вам, почему и зачем я приехал сюда. У меня в гареме сорок жен, но нет от них ни сына, ни дочери. У меня есть попугай, который когда-то прилетал в эту страну. Он рассказал мне, что на берегу Нила стоит золотой дворец и в этом дворце живет прекрасная царевна Мислабу. Не видя ее ни разу в жизни, я влюбился и поехал в дальний путь с тем, чтобы разыскать прекрасную царевну.

Вот уже тридцать девять лет я ищу ее, но пока безуспешно.

— Смотрю я на тебя и удивляюсь,— сказал царю почтенный старец.— Ну что ты за дурак! У тебя есть свой трон, столица, огромная страна, сорок жен, а ты бросил свой трон, свое счастье и пошел искать по свету какую-то красавицу. Что тебе еще нужно? Ты уже стар, а царевна Мислабу — молодая девушка. И ты думаешь, что она захочет выйти за тебя замуж? Много молодых богатырей уже погибло из-за этой девушки. Но все же я желаю тебе счастливого пути. Испытай свое счастье, я укажу тебе дорогу и девушку покажу, если уж тебе так хочется найти ее.

Царь очень обрадовался. Седовласый старец вынул из-за пазухи портрет Мислабу. Царь взглянул на портрет и, пораженный красотой царевны, лишился чувств.

Немного погодя царь очнулся и хотел спросить, какой дорогой ему идти. Он открыл глаза. Смотрит — никого нет, старик исчез бесследно.

Опять пошел царь, не зная пути-дороги. Подойдя к небольшой речке, он перебрался на другую сторону. Шел-шел, смотрит — стоит ветхая хижина, а у порога сидит старуха. Она крутила колесо прялки и пряла пряжу. Царь подошел и поздоровался.

— Откуда ты идешь? — спросила старуха.— Зачем пришел сюда? Здесь никто не живет.

Царь стал жаловаться на свою несчастную судьбу и рассказал старухе про все, что с ним случилось. Старуха молча слушала рассказ царя и, узнав о всех его злоключениях, сжалилась над ним.

— Эх, бедняга, жаль мне тебя! — сказала она.— Я никому еще не говорила про одну тайну, но тебе так и быть скажу. Ты сейчас иди по этой дороге,— указала она рукой.— Иди прямо, никуда не сварачивай и так придешь к золотому замку, где живет Мислабу. Если она не спит, то ты сразу ее увидишь. Она спит сорок дней подряд, а потом сорок дней бодрствует.

Царь пошел по дороге, указанной старухой, и вскоре увидел золотой замок, обнесенный высокой стеной. Обошел царь вокруг, но нигде не увидел ни ворот, ни дверей. Задрав голову вверх, посмотрел он на стену и ахнул: так высоко, упираясь в самое небо, торчали зубцы, даже в глазах у него зарябило. Не зная, что делать, вернулся

царь назад к старухе и стал просить ее помочь ему проникнуть внутрь замка.

Старая колдунья пробормотала какое-то заклинание и дунула на царя. Он обратился в голубя и полетел. Подлетев к замку, царь опустился на зубчатую верхушку высокой стены и стал смотреть во все стороны в надежде увидеть Мислабу. Однако как он ни старался, как ни вертелся, Мислабу так и не увидел. Тогда он вернулся к старухе.

Колдунья пробормотала новое заклинание и обратила царя в яблоко. Положив его на ладонь, старуха дунула — и яблоко полетело прямо в золотой замок, влетело в открытое окно в спальню царевны, упало на постель и спряталось под одеяло. Лежало оно, лежало под одеялом, но Мислабу так и не пришла. Пришлось царю лететь опять к старой колдунье.

На этот раз она посоветовала царю:

— Ну, раз ничего не вышло, ты сделай под стеной замка подкоп,プророй подземный ход к яблоне, на которой зреют краснобокие яблоки. Около этой яблони в землю врыт золотой кол, к нему привязан крылатый конь царевны. Да смотри, чтобы конь тебя не увидел: как заметит, сейчас же начнет ржать. Вот тебе торба с черным кишмишом, ты дай ему кишмишу, чтобы он не ржал.

Царь сделал подкоп, прорыл ход, подобрался к золотому колу, и только что высунул из него голову, как конь увидел его и заржал. Царь спрятался.

Услышав ржание коня, Мислабу тотчас же вышла, смотрит — никого нет. Она подошла к коню, вскочила в седло, и конь взвился в воздух. Облетев вокруг замка, Мислабу осмотрела сверху стены, двор, сад, окрестность, но ничего подозрительного не заметила. Спрыгнув с коня, царевна привязала его к золотому колу и ушла в замок.

Едва только царь в другой раз выглянул из туннеля, конь снова заржал. Мислабу встала с постели, села на коня, облетела вокруг замка, осмотрела все и, ничего не увидев, спустилась на землю. Привязав коня, она стегнула его плетью и ушла в свою спальню, а конь от обиды заплакал горькими слезами, как малый ребенок.

В этот момент царь вышел из подземного хода, положил перед конем раскрытую торбу с черным кишмишом, а сам пошел в замок. Подойдя к спальне, он от-

крыл дверь и увидел занавес. Отдернув его, он увидел второй занавес. За вторым был третий, потом четвертый, пятый, шестой и так далее, всего сорок занавесов, за которыми на мягкой постели почивала царевна Мислабу. Она спала крепким сном. Приблизившись к постели, царь в полумраке увидел, что сорок косичек черными змейками рассыпались по обе стороны мягкой подушки, на которой покоилась голова царевны. Царь вбил потихоньку по краям комнаты сорок колышков и крепко привязал к каждому колышку по одной косичке. Потом он связал Мислабу руки и ноги, снял со стены дутар царевны и, усевшись напротив нее, стал перебирать струны и напевать потихоньку песню. Но вот настал сороковой день. Мислабу проснулась, сладко зевнула, потянулась и хотела встать с постели, но вдруг почувствовала, что ее что-то не пускает. Тут она увидела, что все ее сорок косичек привязаны, руки, ноги связаны и она не может встать.

— Что это такое?! — воскликнула она с удивлением.— Кто это сделал, а?

Не получив ответа, Мислабу с усилием повернула голову и увидела царя.

— Ты кто? Человек или див? — спросила она.— Отвяжи мои косы.

— Я отвяжу твои косы, только ты сначала скажи мне: «О мой возлюбленный! Мой прекрасный, могучий властелин!»

— Нет, не скажу! — ответила царевна.— Ты человек или див? — вновь спросила она.

Царь молчал.

— Я никому не скажу и не могу так сказать,— продолжала Мислабу,— потому что над нами стоит наша старшая пери Юнусхон. Если я скажу эти слова, то она отрежет мне крылья, и я не смогу летать по небу. Я сразу потеряю могучую силу и превращусь в обыкновенную земную девушку. Отпусти меня!

Но царь не хотел отвязывать косы царевны. Он преспокойно сидел на своем месте и смотрел на Мислабу. Так прошло несколько дней. Мислабу ворочалась в постели, силилась подняться, но от голода и жажды силы покинули ее. Она вся измучилась и в конце концов была вынуждена сказать:

— О мой возлюбленный! Мой прекрасный, могучий властелин!

Тогда царь выдернул колышки, отвязал ее косы, развязал ей руки и ноги. Мислабу выскочила, выбежала из спальни и спустилась по ступенькам во двор. Царь последовал за ней. Мислабу посадила царя на своего крылатого коня, вскочила сама в седло и взвилась в воздух. Подлетев к берегу Нила, она вдруг, ни слова не говоря, сбросила царя в воду. Царь погрузился на дно, но вскоре вынырнул и с трудом доплыл до берега. Мислабу на своем крылатом коне подлетела к тому месту, где он вылез, и с довольной улыбкой посмотрела на него: вместо старого дряхлого царя на берег вышел красивый стройный двадцатилетний юноша.

Мислабу посадила помолодевшего царя на коня и вместе с ним вернулась в свой золотой замок. Они решили уехать вдвоем в страну царя, в город Балх.

Мислабу вызвала самого большого черного дива. Перед нею предстал великан высочайшего роста, почтительно сложив руки на груди.

— Ты должен поднять на плечи вот этот замок и перенести его в город Балх. Сколько времени понадобится тебе на это? — спросила Мислабу.

— Я перенесу его за один час,— ответил див.

Мислабу схватила дива, поставила себе на ладони, дунула, и великан, точно пушинка взлетев в воздух, вмиг исчез.

Затем Мислабу вызвала красного дива и спросила:

— За сколько дней ты перенесешь этот замок в город Балх?

— Я могу перенести его за полчаса,— ответил красный див.

Мислабу и красного дива поставила на ладонь, дунула, и он исчез в один миг, как будто его и не было.

Тогда Мислабу вызвала белого дива:

— За сколько дней ты перенесешь мой замок в город Балх? — спросила она.

— В мгновение ока! — ответил див.— Не успеешь мигнуть, как замок будет там!

Див поднял золотой замок на плечи, взлетел под облака и в мгновение ока доставил его в страну царя. Выбрав удобное место, он поставил замок среди цветущей долины вблизи города Балха.

Весть о появлении золотого замка быстро разнеслась повсюду и дошла до жителей города. Все устремились к замку, желая посмотреть красавицу Мислабу. Уже

собралось много любопытных из города и окрестных деревень, а народ все прибывал. Люди толпились перед замком в ожидании, не покажется ли в окне царевна. Но вот Мислабу в роскошном наряде, сверкавшем золотом и драгоценными камнями, вышла на высокое крыльцо. Ей тотчас же поставили золотое кресло, и она села. Царь, севший рядом с ней, стал поднимать одно за другим покрывала, под которыми было скрыто лицо царевны. Когда он дошел до последнего покрывала и хотел было уже поднять его, Мислабу вдруг схватила его за руку и сказала:

— Слушай, царь! Подожди, не спеши, будь осторожен. Я слышу в небе шум. Это летит наша старшая пери Юнусхон со своим крылатым войском. Она меня разыскивает, и как только прилетит, сейчас же вызовет тебя на бой. Я научу тебя, что нужно делать, и ты делай только как я скажу. Я дам тебе в помощь своих дивов. Ты вместе с ними жди, когда они на вас налетят, но не машите мечами как попало, бейте прямо в крылья. Порубите им крылья, и они погибнут.

Царь спустился вниз, сел на крылатого коня, выехал из замка вперед и ждал в полной готовности. Шум в небе становился сильнее, и вдруг налетело войско пери. Царь выхватил меч из ножен и стал рубить им крылья. Откуда ни возьмись вылетели дивы и вмиг обратили в бегство все крылатое войско. Пери Юнусхон, увидев, что войско ее разбито, взвилась под облака и улетела.

Об этом сражении узнал Баходур. Ему рассказали, что его отец привез царевну Мислабу. Тогда Баходур приказал устроить невиданный пир. Во дворце все готовились встретить царя с молодой царевной. На кухне варили и жарили, из кладовых тащили всякие припасы, из погребов несли огромные глиняные хумы с вином, всю дорогу к дворцу устлали коврами. Баходур послал гонцов в золотой замок звать царя и царицу в гости. И вот прискакал гонец с вестью о том, что гости едут. Когда царь и Мислабу подъехали к дворцу, им навстречу вышли тридцать девять жен царя. Поздоровавшись со всеми, Мислабу спросила царя:

— Государь! А где же твоя сороковая жена?

— Она в зиндане,— ответил царь.

— Выпустите царицу из зиндана и приведите сюда,— сказала Мислабу.

Царевна Мислабу, увидев молодого Баходура, полюбила его с первого взгляда.

Баходур же не мог наглядеться на долгожданную красавицу. Гости сели за дастархан, уставленный всевозможными вкусными яствами. Пили вино, ели всласть и досыта. После угощения Баходур поехал провожать отца и Мислабу. Он ехал с царевной до самого замка и всю дорогу вел с ней приятную беседу. Это не понравилось отцу. Он разгневался, разбушевался и вызвал Баходура на бой. Отец и сын долго сражались, но у Баходура было больше силы, и в конце концов он вышел из поединка победителем.

Царь, потерпев поражение, сел на первого попавшегося коня и уехал куда глаза глядят. Никто его не пожалел и не хотел даже узнавать, куда уехал жестокий царь. С тех пор о нем не было ни слуху ни духу. А молодой Баходур и Мислабу отпраздновали пышную свадьбу. Веселились и радовались все. Пировали сорок дней и сорок ночей, после чего состоялся обряд бракосочетания. Баходур женился на царевне Мислабу и зажил с ней в свое удовольствие.

Таким образом все — и Баходур, и Мислабу, и царица — мать Баходура — достигли своих заветных целей и желаний.

ФАРХАД И ШИРИН

Было не было, но давным-давно, когда звери и птицы умели разговаривать, а розы были заколдованными девушками, жил в далекой стране бедняк.

Был у бедняка сын Фархад.

Стал бедняк стар, почувствовал он приближение смерти, позвал сына и говорит:

— Нет у нас ни золота, ни серебра, ничего не оставляю тебе в наследство, сын мой, кроме этого кетменя. Будешь трудиться — будешь счастлив. Прощай. Вместе со мной похорони вот этот ларец, не открывай его, а то случится несчастье.

Умер бедняк.

Не выполнил завета отца Фархад — открыл из лю-

богатства ларец. Нашел он в нем небольшое зеркало.

Заглянул в него Фархад. Видит цветущий луг, а по лугу гуляют красавицы и среди них одна — прелестная, словно пери. Не мог оторвать от нее взора Фархад и упал без чувств.

Долго пролежал бы Фархад, если бы к нему не зашел друг Шапур.

Видит Шапур, что лежит его друг, как мертвый, крепко зажав в руке зеркало.

Взял зеркало Шапур и увидел красавицу с лицом пери, с глазами газели, с волосами, подобными сиянию. Солнце и луна спорили: есть ли такая прекрасная девушка на свете.

Выбежал на улицу Шапур, зачерпнул из арыка прохладной воды и плеснул ее на лицо Фархада. Пришел в себя Фархад, увидел в руках Шапура зеркало и сразу вспомнил о неведомой красавице. И стал Фархад грустнее ночи. Тоскует, ничего не ест.

Долго он предавался грусти или нет, но решили они с Шапуром идти искать прекрасную пери.

Много гор и степей прошли, во многих городах побывали.

И вот однажды они пришли в город Беговат. Кругом высились высокие горы.

Посмотрел Фархад и удивился. Хоть и было лето, деревья стояли желтые и листья их осыпались, как глубокой осенью. Поля высохли и растения поблекли. У иссохшего канала, изнуренные тяжким трудом, стояли худые люди. Кетменями они долбили скалу.

— Эй, что вы за люди! — крикнул Фархад,— и для чего долбите скалу?

И рассказали люди, что вот уже три года, как они начали пробивать в скале арык, чтобы пустить воду в город и дать жизнь полям и садам, изнемогающим от зноя и горячего ветра гармсиля.

Три года проливают слезы и пот люди, изнывая от непосильного труда, но несокрушимая, точно железо, скала не поддается, и все усилия тщетны.

— Друг мой, Шапур,— сказал Фархад,— люди эти умирают от голода и жажды.

И Фархад, засучив рукава, взял в руки отцовский кетмень и ударил в скалу. Много сил было в руках Фархада, но не дрогнула скала, а кетмень разломался на части.

В гневе приказал Фархад принести ему все кирки и кетмени, раздул горн и, переплавив их, выковал вместе с Шапуром один большущий кетмень, который не могли бы поднять и сто человек.

Взял Фархад одной рукой кетмень, взмахнул раз, взмахнул два — получился канал больше того, который копали люди три года. Еще раз ударил Фархад кетменем, ударил два — и задрожала гора. Скалы рухнули. Обрадовались люди и бросились помогать Фархаду.

Городом Беговат правила в ту пору султанша Гульчехра, и была у нее любимая племянница Ширин.

Посмотрела Ширин с высокой башни и видит — могучий богатырь сокрушает гору. Побежала Ширин к своей тетке Гульчехре и, ластясь так и эдак, упросила поехать посмотреть на богатыря.

— Ведь я дала клятву выйти замуж за того, кто повернет Сырдарью в Голодную степь,— говорила Ширин.

Так увлекся Фархад работой, что не заметил, как подъехала султанша Гульчехра с Ширин.

Остановился Фархад утереть пот на лице, глянул на приехавших, а тут ветер открыл покрывало с лица Ширин — и он увидел ту самую пери, которая была в зеркале.

Сказал только «ох!» Фархад и упал без чувств на землю.

Удивились все: что с Фархадом? Только верный друг Шапур знал, в чем дело, да не смел сказать.

Пришел в себя Фархад: смотрит на Ширин, глаз не может оторвать. Застыдилась Ширин, глянула только на Фархада лукаво из-под ресниц, подобных острым стрелам.

И вдруг подняла коня девушка на дыбы и помчалась прочь. Споткнулся конь и захромал, подбежал Фархад, подхватил одной рукой коня вместе с Ширин, взвалил себе на плечи и пустился бегом. Добежал до дворца и опустил коня с прекрасной принцессой около ворот.

Ушел Фархад, ничего не сказав Ширин, и не посмотрел на нее. Удивилась красавица, и почему-то на сердце ее стало грустно.

А чем дальше уходил Фархад, тем тяжелее становилось ему: «Разве может полюбить тонкостанная, рожденная в бархате и в шелку, меня, простого каменотеса».

Не вернулся он к арыку, а пошел на гору, сел на камень, склонив на руки голову.

А в тот самый час султанша Гульчехра готовила пир в честь безвестного строителя. Бросились гонцы искать Фархада. Искали, искали, но так все и вернулись к султанше ни с чем. Только последний гонец разыскал его на самой вершине горы.

Привели Фархада во дворец, усадили на почетном месте.

Фархад не знал, что и делать: так рад он был увидеть Ширин.

Начинался веселый пир. Звенели дутары. Девушки, стройные как газели, танцевали. Юноши играли в борьбу. Все было прекрасно: и песни, и яства, и танцы, только не было Ширин. Все мрачнее и печальнее становился Фархад.

Но вот вышла к гостям Ширин. Сияние озарило лица гостей. Все веселее звучала музыка, быстрее кружились танцовщицы. Но ни на кого не смотрели Фархад и Ширин. Во время всего пира они ничего не пили, не ели, только глядели друг на друга.

Как вдруг приехали послы из царства Иран. Молва о красоте Ширин неслась по всему свету и дошла до падишаха той страны,— старого, плешивого Хосрова. Решил заполучить Хосров юную жемчужину и заслал к Гульчехре сватов.

Печаль сменила веселье, замолкли напевы златострунного саза, не слышно было смеха. Знала Гульчехра, что, если откажет она Хосрову, будет страшен его гнев, пойдет он войной на Беговат, разоряя селения и поля на своем пути.

— Эй, женщина,— сказал посол Гульчехре,— мой господин, царь царей Хосров, встал у границ твоего государства с многотысячным войском. Хосров сказал: «Пусть царевна Ширин разделит со мной ложе, а если нет — камня на камне я не оставлю от Беговата, а надменная Ширин и ты с веревками на шее пойдут за моим конем». Отвечай!

Склонила Гульчехра голову и сказала послам:

— Принцесса Ширин еще молода, она робка и пуглива, как дикая коза. Ширин любит стрелы, коней и охоту. Ширин не думает о замужестве.

Страшно разгневался Хосров на отказ и с огромным войском двинулся на город султанши Гульчехры.

Черной тучей придвинулась к стенам Беговата орда Хосрова.

Забили большие барабаны войны, загудели медные трубы, запылали костры. Побежали горожане на городские стены отбиваться от врага.

— Не место мне здесь, в городе,— сказал себе Фархад,— не подобает мне, мужчине, прятаться от вражеских стрел.

Пошел Фархад на гору, выломал своим гигантским кетменем два утеса, каждый величиной с дом, и давай их подбрасывать и ловить руками.

Удивились вражеские воины, побледнели, затряслись от страха, побежали к Хосрову.

— Великий шах,— сказали они,— там страшный див на горе играет скалами, точно яблоками.

Вышел Хосров из шатра, поглядел из-под ладони, видит — действительно на горе стоит могучий богатырь и швыряет к небу целые утесы.

— Эгей, человек! — закричал Хосров.— Кто ты такой и что ты делаешь там на горе?

— Я камнеметатель,— отвечает Фархад, а дыхание его даже и не участилось, хоть каждый утес был весом по сорок пудов.— Уходи, шах Хосров, прочь отсюда со всеми воинами, а не то я начну вот эти игрушки в твой лагерь бросать.

Не испугался Хосров. Приказал сорока отборным воинам в золотых шлемах и с золотыми щитами пойти на гору и привести Фархада живым или мертвым.

Кинулись сорок воинов на гору. Швырнул в них Фархад скалу, и не осталось от них даже пылинки.

Рассвирепел шах Хосров. Послал еще сорок отборных воинов, но и их постигла такая же участь.

Хотел Хосров послать тогда на Фархада все свое многотысячное воинство, но тут склонился к уху шаха хитроумный визирь и проговорил:

— Недостойно великому шаху с могучим войском сражаться с каким-то каменотесом. Победишь ты Фархада, о шах,— славы тебе не прибавится, победит тебя, да не допустит аллах этого, Фархад — позор ляжет на твою голову.

— Что же ты советуешь? — сердясь спросил Хосров.— Скорее, иначе я позову палача и...

— Зачем же звать палача? — ответил хитроумный визирь.— Где нельзя победить мечом, там можно побе-

дить умом. О шах, ты хочешь получить руку красавицы Ширин. Она мечтает о счастье народа и, говорят, дала клятву, что выйдет замуж за того, кто первый проложит через гору канал и пустит воду на изнывающие от засухи земли Голодной степи.

Еще больше рассердился Хосров и закричал на своего визиря:

— Я — великий шах великого государства, я не земледелец, измазанный в глине. Что же, ты хочешь заставить меня взять в руки кетмень и копать землю? Не будет этого.

Хитро улыбнулся визирь и дал Хосрову совет.

Отправил тогда Хосров в Беговат послов. Прибыли они во дворец к Гульчехре.

Не шумели они, не грозили войной. Льстивы и подобострастны были их улыбки. Низко, до самой земли кланялись они.

— Наш шах,— сказали они,— хотел только испытать мужество беговатцев. И он передает свое уважение и восхищение. Не хочет влюбленный Хосров силой добиваться благосклонности красавицы Ширин. Нет. Слышал Хосров, что прелестная Ширин станет женой того, кто первый повернет реку Сырдарью в Голодную степь. Так ли это?

Тогда встала Ширин, опустила стыдливо свои прекрасные глаза и сказала одно только слово:

— Да.

Поклонились послы и скромно удалились.

Скоро прибыл во дворец в сопровождении пышной свиты сам шах Хосров.

— О сладчайшая из принцесс,— сказал он,— я берусь выполнить твое желание. Сегодня же ночью Сырдарья потечет на сухие земли Голодной степи.

Удивилась Ширин. Больно стало у нее на душе, ибо красота и мужество Фархада глубоко ранили ее в самое сердце. Вышла она поспешно со своими прислужницами из зала, где Гульчехра принимала Хосрова, и побежала в свои покои.

Велела Ширин собрать гонцов и приказала бежать им во все стороны, останавливаться у каждой хижины, у каждой юрты, у каждого дома и бить в барабаны, объявляя:

— Люди, кто повернет сегодня Сырдарью в Голодную степь, тот получит руку принцессы Ширин.

Побежали гонцы во все стороны, разнося эту весть.

Услышал зов глашатаев Фархад, схватил свой кетмень и бросился к каналу. Задрожали, зашатались горы под могучими ударами кетменя, полетели камни, перегораживая течение буйной реки.

Тысячи людей сбежались смотреть на богатыря Фархада, тысячи людей бросились помогать Фархаду в его благородном деле.

А во дворце Гульчехра устроила в честь шаха Хосрова пир. Наступила ночь. В пиршествующий зал проскользнул визирь Хосрова и шепнул что-то на ухо своему повелителю. Тогда поднялся Хосров, и, поклонившись Гульчехре, сказал:

— О мудрая Гульчехра, желание твоей племянницы прелестной Ширин, исполнено. Вода течет в степь.

Все бросились на крышу дворца.

И Ширин увидела, как вдалеке блестела луна в чистом, прозрачном зеркале воды. О ней так мечтал народ.

Еще ниже поклонился Хосров:

— О Ширин, выполняй свое обещание.

Почему так больно сжалось сердце Ширин? «О Фархад, где ты?» — думала Ширин. В безумной тоске хотела она броситься вниз на камни. Но ведь она дала обещание. Если она разобьется и погибнет, то Хосров будет мстить. От города он не оставит камня на камне, а народ истребит.

Не знала Ширин того, что в степи блестела под лучами луны не вода, то отражался свет в глянцевых тростниковых циновках, расставленных длинной полосой на земле и в степи по приказу хитромудрого визиря.

Начался свадебный пир.

Подобно круглой луне на темном небе, блестела неслыханной красотой Ширин среди гостей Хосрова. На губах прекрасной невесты была улыбка, на глазах — слезы. Сердце красавицы билось и рвалось на волю, туда, куда звала его любовь. «Найти, найти его!» — рыдало сердце.

Вопили карнаи, бубны, барабаны. Ломился от яств стол: плов, лагман, кебаб, целиком зажаренные бараны, шурпа, вино, орехи, конфеты — всего было в изобилии.

Так стала Ширин женой Хосрова.

Настало утро. Ночной мираж растаял вместе с пред-

рассветной мглой. Ширин и люди увидели, что воды нет.

Бросились люди на обманщика Хосрова, но он только смеялся, окруженный сильными воинами.

Проливала слезы безутешная, обманутая Ширин.

Всю ночь не покладая рук работал Фархад. Могучим своим кетменем он ломал скалы и бросал в реку, но поток уносил их собой. Разозлившись, Фархад схватил гору, поднатужился и сдвинул ее с места.

Запел Фархад песню о красавице Ширин, о счастье, о любви.

Еще одно усилие — и река остановит свой бег!

Тогда Фархад спросил:

— Где же Ширин? Пусть придет взглянуть на труд мой!

Опустив головы, все молчали. Молчал и друг Фархада Шапур. Только ветер уныло прошумел:

— Фархад, Фархад, стала Ширин женой Хосрова. Он обманул ее, она не любит его!

Но потрясенному черной вестью Фархаду послышалось, что ветер говорит: «Любит, любит Хосрова».

Не стал больше Фархад слушать, что говорит ему ветер. Он слышал только, как сердце ему шептало: «Зачем петь тебе, Фархад,— соловей поет не тебе. Зачем смотреть тебе, Фархад,— глаза прекрасной смотрят не на тебя. Зачем дышать тебе, Фархад,— розы благоухают в другом саду».

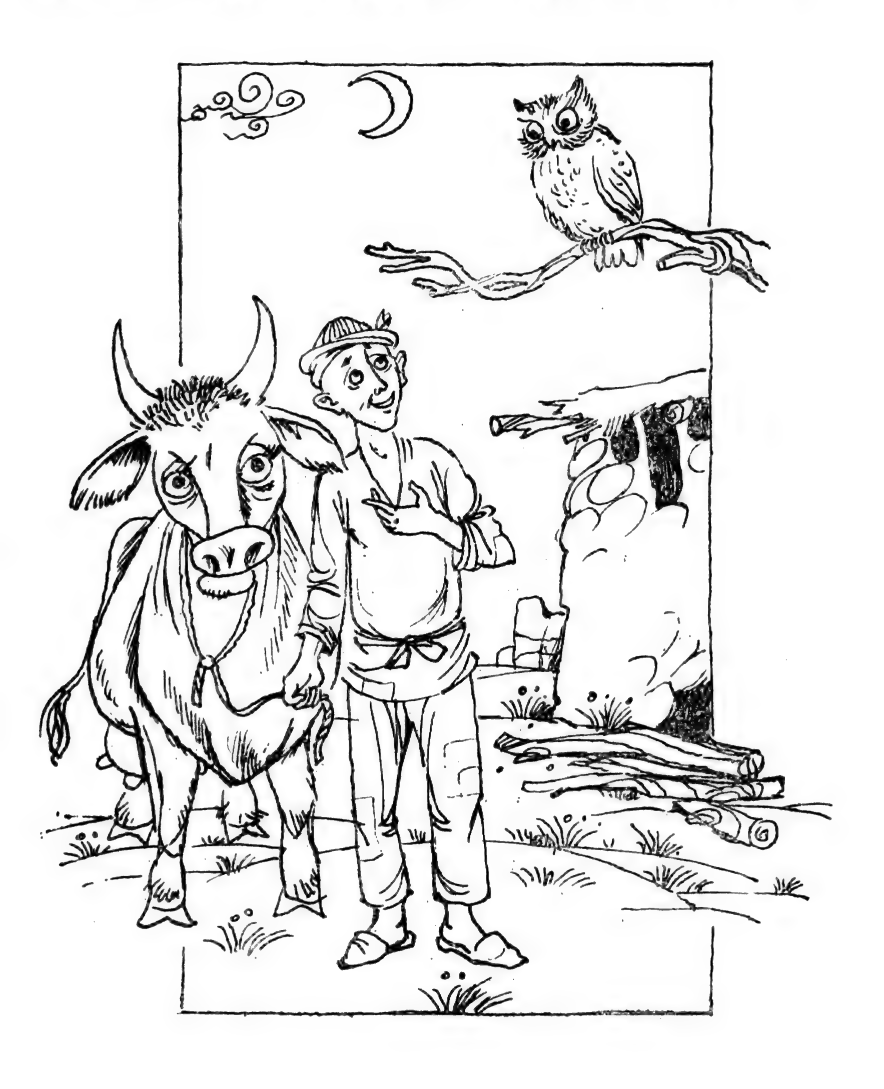
В безумном горе бросился Фархад к городу. На стене его стояла Ширин, обливаясь слезами.

Увидел Фархад свою возлюбленную, рванулся к ней, но между ними мчалась бурная Сырдарья. Протянул Фархад к красавице Ширин руки и окаменел от горя.

Рванулась Ширин к Фархаду, проливая потоки слез, и превратилась в кристально прозрачную речку.

Так и стоит до наших дней близ Беговата на берегу Сырдарьи могучий утес Фархад, а навстречу ему в глубокой долине струятся тихие слезы красавицы Ширин.

ДЕНЬ ПАДАЮЩИХ С НЕБА БЛИНОВ

Ученье, знание и труд
По жизни рядышком идут.

* * *

Даже из вполне весомых слов
Никогда не приготовишь плов.

* * *

Доброе слово — ласковый зверь:
Без шума откроет любую дверь.

* * *

Коль ум слепой, нет никакого прока
От глаз здоровых, видящих далеко.

* * *

Нужный камень, что в пути нашел,
Не бывает никогда тяжел.

* * *

Сломаешь случайно росток на пути,
Взамен его десять тотчас посади.

ДЕНЬ ПАДАЮЩИХ С НЕБА БЛИНОВ...

 дехканина Нурмата было два сына — старший Анвар и младший Тамбал.

При жизни отца они жили дружно, а после его смерти что ни день, то ссорились: сапоги, бывшие впору старшему брату, теперь стали тесны младшему, а халат, бывший впору младшему брату, стал тесен старшему. В наследство от отца старшему Анвару остался участок земли и дом с террасой. А Тамбал получил корову да хлев. Тамбал и этому был очень рад.

Но скоро Тамбалу нечего стало есть. Попросил он Анвара помочь ему.

— Нет у меня ничего,— рассердился Анвар,— продай мне корову.

— Хорошо,— ответил Тамбал,— покупай. А сколько ты мне дашь за корову?

— Сведи корову на базар, прицениcь, если дадут десять золотых, не продавай, я тебе за нее дам одиннадцать, если дадут девять золотых, дам тебе десять,— сказал старший брат и прогнал Тамбала.

Тамбал повел корову на базар. Покупатели оценили ее в восемь золотых.

«Эх, — подумал Тамбал,— лучше продам брату за девять золотых»,— и погнал корову домой.

Идет он и видит, сидит на дереве филин и свистит.

— Чего ты свистишь? — спросил Тамбал.

Филин снова засвистел.

— Тебе что, корова моя приглянулась?

Филин свистнул и кивнул головоï.

— Купишь? — сказал Тамбал.

Филин продолжал свистеть.

— Ты спрашиваешь, откуда я иду? С базара. Спрашиваешь, сколько стоит? Да восемь золотых давали, не продал я!

Филин свистнул.

Тамбал спросил:

— Тебе, что ли, продать?

Филин опять кивнул головой.

— Тебе за девять золотых продам.

Филин опять стал свистеть.

Лопнуло у Тамбала терпение и он закричал, что есть силы:

— Де-вять зо-ло-тых дашь, про-дам!

С перепугу филин сорвался с ветки и кинулся в дувальную щель.

Из дувала выкатилось несколько золотых монет (там лежал уже много-много лет клад).

Удивился Тамбал, но решил, то филин расплачивается за корову.

Тамбал отсчитал девять золотых, оставил корову, и ушел домой.

Придя домой, он показал Анвару золото и рассказал как было.

«Эге,— подумал Анвар,— там в расщелине дувала лежит клад. Надо его достать». Но он решил забрать весь клад себе.

— Где дом филина?

— По дороге на базар,— сказал Тамбал.

— Пойдем вдвоем ночью в дом филина, найдем казну. Одна половина будет твоя, другая — моя. Хорошо?

— Хорошо!

Старший брат собрался в дорогу и велел жене напечь побольше блинов.

Когда стемнело, старший брат запряг арбу и поехал с Тамбалом в сторону базара.

Вдруг с неба на колени Тамбала упал блин. Потихоньку от брата Тамбал блин съел. Немного спустя опять упал блин.

— Брат, а брат, с неба блины падают.

— Да, и ко мне тоже упало пять-шесть штук. Разве ты не знаешь — сегодня день падающих с неба блинов,— сказал брат.

К Тамбалу все больше и больше падало блинов. Блины незаметно бросал Анвар.

Приехали на место. Тамбал ел блины, а Анвар нашел расщелину в дувале, вытащил кувшин с золотом и спрятал в мешок.

Когда вернулись домой, Тамбал потребовал свою долю золота:

— Ну, нет,— сказал Анвар,— ты ел блины, а я работал, убирайся.

Тамбал пожаловался шаху.

Шах призвал к себе Тамбала с братом, учинил им допрос, но старший брат не сознался.

— Когда это было? — спросил шах.

— В день падающих с неба блинов! — ответил Тамбал.

Шах рассердился, обозвал Тамбала дураком и прогнал братьев из дворца, а золото забрал себе.

БУМ-БУМ

древние времена жили-были царь с царицей. Жена царя страдала тяжким недугом. Ничто уже не радовало больную — ни богатство, ни наряды. Видя, что здоровье ее с каждым часом ухудшается, больная царица сказала своему мужу:

— Поклянись, что когда я умру, ты женишься только на той девушке, которой придутся по ноге мои золотые туфельки.

Царь поклялся. Скоро царица умерла. После похорон царь позвал визиря и повелел:

— Возьми золотые туфельки жены и разыщи девушку, которой они придутся по ноге.

Визирь отправился в розыски, но нигде не мог найти ни одной девушки, которой бы эти туфельки были впору.

У царя была взрослая дочь. Визирь отдал ей золотые туфли и сказал:

— Отнеси их и спрячь в сундук.

А девушке туфли очень понравились. Она взяла их и примерила. И что же? Туфельки пришлись ей как раз по ноге.

Визирь стоял за дверью и подсматривал. Увидев, что

туфли принцессе впору, он пошел к царю и рассказал ему об этом.

Согласно завещанию покойной жены, царь решил жениться на родной дочери.

Услыхав об этом, дочь пришла в ужас. Она нашла за городом в безлюдной степи укромное место и принялась рыть для себя пещеру. Так каждый день девушка уходила тайком в степь и работала не покладая рук.

Между тем царь решил назначить день для свадебных торжеств. Узнав об этом, дочь попросила дать ей еще сорок дней сроку.

Царь согласился и отложил свадьбу. Подземелье было вырыто, и девушка по ночам стала переносить туда съестные припасы и свою одежду.

Наконец в назначенный день начались свадебные торжества. Перед обрядом бракосочетания девушка ушла из дворца и спряталась в своей пещере. Спохватился царь, но было уже поздно, и посланные на розыски люди никак не могли найти беглянку.

А царевна не сидела сложа руки. Она продолжала рыть подземный ход. Прошло много дней, а она все рыла и рыла, опасаясь погони.

Но вот у нее кончились съестные припасы. Тогда девушка прорыла отверстие прямо над головой и вышла наружу.

Осмотревшись, она убедилась, что ушла очень далеко от родного города. Тогда она надела на себя одно на другое все свои дорогие платья и закуталась в мохнатую шубу.

Выбравшись из подземелья, девушка пошла куда глаза глядят. Долго шла царевна и села отдохнуть под большим деревом.

Сын царя соседней страны охотился в тех местах и вдруг увидел под деревом что-то черное, мохнатое.

«Что это такое?» — удивился царевич. Подойдя вплотную, он тихонько стукнул носком сапога раз, другой. Из-под шубы царевна подала голос: «Бум-бум!»

Не зная, что это за зверь попался ему, юноша повел девушку к себе в свой город. Увидев отца и мать, он похвастался:

— Смотрите,— говорит,— я привел зверя Бум-бум!

Юноша принес и положил перед царевной охапку травы — не ест, принес душистого сена — не ест, насыпал в чашку отрубей — не ест. Потом дал ей лепешку —

она съела, принес воды — она выпила. Таким образом он стал ее кормить.

Однажды в том городе один богач справлял свадьбу в своем доме. На пир собрались все жители. Отправились пировать царь, царица и их сын.

Девушка посмотрела — во дворце никого нет. Все ушли. Тогда она пробралась на конюшню, сняла с себя шубу и платья, кроме самого красивого, надела золотые туфельки и тоже отправилась на свадьбу.

Увидев разнаряженную красавицу в золотых туфельках, распорядители свадебного пира приняли ее с большими почестями и пригласили на женскую половину на почетное место. Но она, сославшись на то, что у нее есть срочное дело, села поближе к дверям. Царский сын сидел среди знатных гостей на крыше и, сняв с руки золотой перстень, любовался драгоценным камнем. Увидев царевну, он так был поражен ее красотой, что упал в обморок. Драгоценный перстень выпал из его руки и скатился на землю.

Девушка подхватила перстень и убежала во дворец. Войдя в конюшню, она сняла золотые туфельки и дорогой наряд, потом опять надела на себя всю одежду и закуталась в шубу. Затем она пошла к главному входу и прогуливалась там, приговаривая: «Бум-бум».

Пока все не вернулись со свадьбы, девушка все ходила у ворот, чтобы все думали, что она никуда не уходила.

Между тем царский сын очнулся и, придя в себя, посмотрел вокруг — девушки нигде не было. Юноша пошел искать красавицу, но не мог найти ее.

Вернулся он во дворец и сказал своим родителям:

— Я отправлюсь искать эту девушку. Приготовьте мне в дорогу сорок лепешек. Я буду искать до тех пор, пока не кончатся все лепешки. Если я совсем не найду, тогда утоплюсь.

Отец и мать плакали и умоляли, пускались на всякие хитрости и обман, но ничего не добились.

Скрепя сердце, мать принялась сама стряпать лепешки.

А царевна все слышала и подумала: «Чего доброго, этот юноша еще погибнет из-за меня».

Она пошла к царице, сказала «бум-бум» и пальцами показала, что ей нужно немного теста. Царица рассердилась и принялась бранить ее, а потом прогнала. Но

девушка опять подошла и стала просить. Тогда мать дала ей немного теста.

Девушка побежала в конюшню, положила в середину теста перстень и слепила лепешку. Затем она подошла к печке, остановилась перед матерью и, сказав «бум-бум», по-прежнему жестами попросила, чтобы она испекла ей лепешку.

Когда мать укладывала в хурджун выпеченные лепешки, девушка, тихонько приоткрыв одну сумку коврового хурджуна, незаметно сунула туда свою лепешку.

Попрощавшись с отцом и матерью, юноша отправился на поиски красавицы. Искал он ее, искал, но нигде не мог найти. Но вот съел он последнюю лепешку и поехал к реке. Остановившись на берегу, юноша слез с коня и уже хотел было броситься в бурные волны, но тут ему захотелось еще раз посмотреть, что там осталось на дне хурджуна.

Сунул внутрь руку, смотрит, лежит там еще лепешка, сорок первая. Разломил царевич лепешку и обнаружил в ней свой перстень.

Вскочил он на коня и поскакал в город. Бросив коня во дворе, юноша быстро взбежал по лестнице во дворец и громко позвал мать. Вышла царица, смотрит — сын приехал. Очень она обрадовалась, а сын спросил:

— Сколько лепешек ты положила мне в хурджун?

— Сорок.

— А кто положил сорок первую лепешку?

— Наверное, это Бум-бум положила свою. Она выпросила у меня кусочек теста, слепила сама лепешку и попросила меня испечь ее в тандыре,— ответила мать.

Царевич воскликнул:

— Кто же это Бум-бум?

Мать пошла и привела девушку. Юноша схватил нож, быстро располосовал всю шубу. Мать начала снимать с Бум-бум платья, и оказалось, что под этим безобразным нарядом скрывалась красавица, да еще какая! Прекрасная, как луна, ведь у нее есть и глаза, и нос, и рот, и губы. Быть может, это солнце! Нет, ведь у нее есть лицо, это оно сияет, как солнце!

Девушка рассказала обо всем, что с ней произошло. В тот же день устроили свадьбу. Пир продолжался сорок дней и сорок ночей.

Таким образом, молодые люди достигли своих целей и желаний.

НЕГРАМОТНЫЙ ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

ыл или не был в давние времена, но жил один мулла-гадальщик. Предсказывать по книге было его постоянным занятием. В один из дней гадальщик умер.

Жена соседа сказала мужу:

— Умер муж моей подруги. Пойдем к ней, помянем покойника молитвой, пособолезнуем ей.

Пошли они в дом гадальщика. А муж ее был безграмотный простолюдин. Он исполнял всегда черную работу, батрачил у людей и еле-еле сводил концы с концами. Все это очень огорчало его жену. Сидя на поминках среди гостей, она поглядывала по сторонам и вдруг увидела на полке завернутую в платок книгу. Она взяла ту книгу и спросила у жены муллы:

— Что это?

Жена покойного гадальщика заплакала и сказала:

— Эх, подруга-душенька, и не спрашивай. С этой книгой он ездил по городам и кишлакам и гадал. Из поездок своих он много чего привозил. Благодаря книге мы ни в чем не нуждались. Что вам сказать больше: эта книга для нас была и коровой, и деньгами и лошадью, и ремеслом.

Долго она еще охала, жаловалась на свою горькую судьбу.

Тут ее подруга спросила:

— Раз так, кто же теперь будет гадать по этой книге?

На это жена гадальщика ответила:

— Увы, с той поры как скончался муж, книга лежит на полке и покрывается пылью. Нет человека, умеющего ею пользоваться, а сын мой слишком еще молод.

Тут ее подруга сказала:

— Эх, подруженька, сказать по правде, мой муж, пропади он, темный человек, ни на что он не способен, грамоты даже не знает. День-деньской ходит по улицам и таньги заработать не может. Летом еще иногда находит поденную работу, еле-еле зарабатывает на пропитание. Живем мы в бедности. У нас нет ни скотины, ни вещей, еле-еле перебиваемся, влачим с детьми тяжелое существование. Теперь, подружка, если вы не обидитесь, хочу попросить у вас эту волшебную книгу. Отнесла бы

я ее мужу. Может быть, мы благодаря этой книге обретем хлеб, и наше житье-бытье улучшится.

Жена гадальщика удивилась:

— Зачем книга вашему мужу, если он грамоты не знает? Как же он будет читать книгу? Если бы ваш муж был грамотный, я дала бы, конечно, ее вам.

Тут подруга возразила:

— Э, дорогая, если бы мой муж был грамотен, разве я попросила бы у вас волшебную книгу? Мы нашли бы другие книги и как-нибудь прожили бы без вашей.

Жена гадальщика поспешила успокоить подругу:

— Эка невидаль — книга, не огорчайся, бери! — И она отдала ей книгу.

Принесла ее подруга домой и отдала мужу. Тот изумился.

— Я же неграмотный, как я буду гадать по книге?

На это жена ответила:

— Чему я тебя научу, то и делай.

Муж рассердился.

— Ты так накликаешь на меня беду!

Но жена не слушала его.

— Странно ты рассуждаешь. Кто же в наше время зная делает что-нибудь? Некоторые люди так, некоторые эдак, кое-как живут. Возьми книгу, пойди на городскую площадь и сядь там. Недостатка в разинях, теряющих свои вещи, нет. Не один, так другой подойдет к тебе погадать. Аллах не оставит без помощи своего раба. Не одному, так другому ты удачно предскажешь и станешь знаменитым и богатым.

Одела она мужа, как одеваются гадальщики, а для важности намотала ему на голову пребольшую чалму. Дала мелких палочек, нанизала на нитку крупных бус, сунула в руки книгу и выпроводила из дому. Бедняга поденщик ходил, ходил и попал на городскую площадь. Смотрит, а там сидят много гадальщиков, и около каждого толпятся люди. Увидел он их и немного осмелел. «Таких, как я, много»,— подумал он.

Найдя удобное местечко, он уселся и положил перед собой книгу. Перебирая четки, надув щеки и выпучив глаза, он принялся шевелить губами, будто читает.

Пусть он так сидит и шевелит губами, а вы послушайте про одного дехканина, который потерял лошадь. Искал он ее повсюду и, наконец, усталый, измученный, пришел домой. Жена ему сказала:

— Вы не огорчайтесь. У нас в городе недостатка в гадальщиках нет. Пойдите на площадь и попросите кого-нибудь из них погадать, может быть, аллах облегчит ваше дело и лошадь найдется.

— Правду говоришь,— сказал дехканин и отправился на городскую площадь. Увидел он неграмотного гадальщика, подивился на его большущую чалму и выпученные глаза и обратился к нему:

— У меня лошадь пропала. Погадай, где она?

Гадальщик сказал:

— Дай денег для начала гадания.

Дехканин дал ему таньгу.

Увидев серебряную монету, гадальщик обрадовался. Он зашептал, забормотал, взял в руки палочки, дунул, плюнул и бросил деньги на книгу. Затем он открыл книгу и, сделав вид, что читает, полистал ее и сказал:

— Коня вам нашел! Конь ваш нашелся! Горе ваше закрылось. Отсюда пойдете, увидите арык. Он называется Чит-арык. Перейдете через Чит-арык, перед вами появится еще арык. Дальше пойдете, будет Шох-арык, вот у головы Шох-арыка и пасется свободно ваш конь. Идите и возьмите свою лошадь, а мне дайте кое-что побольше.

Тут дехканин обрадовался и пообещал:

— Найдется лошадь, одна ляжка ваша.

Дехканин вышел из города и дошел до Чит-арыка. Перебрался он через него и вскоре увидел еще арык. Перешел он его вброд и наткнулся на Шох-арык. Смотрит, а на берегу его пасется лошадь, которую он потерял.

— Эй, скотинка моя, лошадь! — воскликнул обрадованный дехканин и давай гладить и ласкать ее. Потом взял повод и отвел лошадь домой.

После этого, подсчитав четверть стоимости лошади, он расплатился с гадальщиком.

Весть о проницательном гадальщике день ото дня стала распространяться по городу и по стране. Все говорили:

— Слыхали? В город приехал новый предсказатель. Рассказывают, что он все знает. Он сразу находит пропажу, прямо вора ловит.

Неграмотный гадальщик остался деньгами очень доволен. Но сердце у него все же тревожно стучало.

«Не сегодня-завтра, не сумев разгадать какой-нибудь пропажи, я опозорюсь»,— думал он.

Однажды обокрали царскую казну. Воры ничего не оставили, все унесли.

Царь чуть не потерял рассудок. Он созвал всех своих визирей, беков, полицейских и сказал:

— Казну найдете — хорошо, не найдете — всех отдам палачу.

Визири, беки, полицейские искали повсюду, но украденного из казны не нашли. Дрожа, явились они к царю и упали ниц перед ним.

Тогда царь сказал:

— Раз так, приведите с городской площади всех гадальщиков, всех предсказателей, пусть погадают. Найдут мою казну — хорошо, не найдут — все равно пусть ищут. Если и тогда не найдут, всех казню, пусть не занимают без толку городскую площадь. Пусть не морочат голову людям, не одурачивают их. И мы избавимся от этих гадальщиков, и народ от них избавится.

Царские слуги, есаулы побежали на площадь и, собрав всех гадальщиков, привели их во дворец.

Царь объявил:

— Эй, гадальщики, эй, предсказатели! Знайте и будьте внимательны: сегодня ночью пропала наша казна. Вы должны ее найти. Не найдете — всех казню. Не жить вам!

Гадальщики и предсказатели молчали, боялись взглянуть в лицо царю и стояли, потупив взоры.

Царь грозно сказал:

— Эй, ну что вы скажете? Слова упали вам внутрь, почему вы молчите?

Среди этих гадальщиков и предсказателей было много премудрых магов и хитроумных астрологов, но все они стояли, опустив головы, из-за страха перед царем, будто говорили «не знаю!», и молчали, чтобы не быть замешанными, если что-либо случится.

Тут царь окончательно вышел из себя и закричал в гневе:

— Что же, так и будете стоять и молчать, а?

Тогда гадальщики и предсказатели упали на колени и завопили:

— Всемогущий царь, убивайте нас, жгите нас, делайте с нами что хотите, но мы не справимся с таким трудным делом. Но вот этот человек,— и все показали на

неграмотного гадальщика,— гадает лучше нас всех. Этот человек за одно мгновение нашел дехканину пропавшую лошадь.

Посмотрел царь на неграмотного гадальщика и приказал ему:

— Раз так, найди!

Несчастный отказывался и отговаривался так и эдак, но ничто ему не помогло. Царь всех предупредил:

— Если и он не найдет казну, никого из вас не отпущу, всех велю казнить.

Услышав эти слова царя, гадальщики и предсказатели подумали: «Теперь нам конец, все мы умрем!» — и, набросившись на неграмотного гадальщика, закричали:

— Найди казну, найди!

А несчастный, не зная что делать, сказал себе: «Теперь я все равно конченый человек. Поем-ка я царского плова перед смертью. У того, кто проживает лишний день, и жизнь на день больше».

Он низко поклонился царю и сказал:

— Если так, дайте мне сорок дней сроку. На сорок дней я уединюсь, ни с кем из людей не буду говорить, буду думать и гадать, посмотрю, может быть и найду.

А себе сказал: «И после сорока дней я не найду этой казны. Эх, поем хоть перед смертью даром с царского дастархана».

Царские слуги положили в сорок глиняных кувшинов припасы на сорок дней и отнесли неграмотному гадальщику домой. А гадальщик сказал жене:

— Вот видишь. Не оставила ты меня в покое, а теперь вот что вышло. Не лучше разве было, чем заниматься этим гаданием и быть в конце концов повешенным, понемногу работать и получать свои заработанные честным трудом гроши? Теперь, эй, жена, я через сорок дней умру. Осталось сорок дней мне жить.

Жена сказала:

— Бог даст, всевышний направит нас на верный путь. Не огорчайтесь, не расстраивайтесь. Вы хорошо сделали, выговорив сорок дней сроку.

Тут несчастный гадальщик сказал:

— Раз так, запри покрепче припасы, что нам дал царь. За сорок дней что-нибудь да случится.

Так разговаривая друг с другом, муж с женой принялись расставанвливать кувшины с провизией и припасами на полках в чулане.

Пусть они расстанавливают кувшины на полках, а вы послушайте о ворах, которые унесли и спрятали царскую казну.

Обокрав царскую казну, воры спрятали ее в одном укромном месте, а сами с беспокойством и тревогой следили, какие меры примет царь. Они послали соглядатая, который ходил по улицам и прислушивался к разговорам людей. Он узнал, что во дворец вызвали гадальщиков и предсказателей, и очень обрадовался, когда они отказались искать казну. Но тут же выяснилось, что неграмотный гадальщик взял сорок дней сроку. Соглядатай побежал к атаману воров и донес:

— Тот самый гадальщик, который дехканину нашел лошадь, обещал найти казну и выговорил у царя сорок дней сроку. Этот хитрец найдет!

Тут атаман воров забеспокоился и приказал соглядатаю:

— Раз так, следи за каждым шагом этого хитреца, стереги его ночью, стереги днем, как увидишь, что он подбирается к казне, сейчас же донеси, надо будет принять меры.

Прошел час вечерней молитвы, наступила ночь, соглядатай влез на крышу дома гадальщика и стал смотреть и слушать. Гадальщик громко сказал:

— Эй, жена, время ужинать!

Жена принесла из чулана один кувшин.

Гадальщик взял его со словами:

— Ну вот, один и явился!

Соглядатай перепугался, побежал к атаману и донес:

— Клянусь, этот хитрец гадальщик догадался, что я залез к нему на крышу.

Главарь рассердился:

— Э, откуда он может знать. Ты самый настоящий трус!

Соглядатай обиделся:

— Если не верите, пошлите другого!

Пусть атаман спорит со своим соглядатаем, а вы послушайте о неграмотном гадальщике.

Изготовил он с женой богатый ужин из царских припасов и уселся за дастархан. Но вкусная пища не шла ему в горло.

— Теперь я пропал,— огорчался он,— теперь мне осталось жить без одного дня сорок дней. Разве я умер

бы, если бы не стал гадальщиком? Какое наслаждение было работать поденщиком.

В таких печальных разговорах прошла ночь.

А соглядатай утром побежал по улицам и с тревожно бьющимся сердцем слушал, о чем говорят люди.

Опять наступила ночь. Атаман послал другого вора во двор гадальщика. В час вечерней молитвы вор забрался на крышу, прильнул ухом к дымоходу и стал слушать.

А бедняга гадальщик как раз подмигнул жене и сказал:

— Время!

Жена принесла из чулана новый кувшин. Гадальщик вдохнул:

— Второй пришел!

Конечно, он имел в виду второй кувшин, а вор, сидевший у дымохода на крыше, понял так, что он говорит, будто пришел второй вор.

«Ох, он узнал обо мне»,— подумал вор и убежал. Когда он рассказал обо всем атаману воров, тот рассердился:

— Ни у кого из вас в голове ничего нет! Как этот хитрец может найти казну! И с таким трусливым сердцем вы хотите заниматься воровством?

Воры оправдывались:

— Мы боимся, чтобы не раскрылась кража и всем нам не попасть в руки палача. Поэтому и рассказываем вам, что услышали. Если вы нам не верите, пойдите завтра — и сами все узнаете. Этот пройдоха-гадальщик узнает и о вашем приходе.

Едва рассвело, атаман и все воры вышли на улицы города послушать, что говорят, посмотреть, что делают. Одни горожане говорили, что гадальщик найдет царскую казну, другие — что не найдет. В одной большой чайхане шли особенно горячие споры, а один из соглядатаев воров пил чай и слушал. В это время пришел тот дехканин, которому безграмотный гадальщик нашел лошадь. Тут все зашевелилось, загалдели и каждый звал дехканина к себе: «Иди сюда!» Иди сюда!» Посетители принялись расспрашивать, как ему гадальщик нашел лошадь. Дехканин подробно рассказал, а под конец добавил:

— О, этот гадальщик очень прозорливый, мою лошадь он нашел сразу, не задумываясь. А ведь я уже

совсем потерял надежду найти ее. Верно говорили в старину: «Чем бежать, лучше постой, в гадание не верь, а без гадания не живи!» Я подумал: «Дай-ка я погадаю! Это тоже дело». И пошел на площадь погадать. Этот гадальщик избавил лошадь от мучений, он очень легко нашел ее.

Соглядатай воров сидел тут же и слушал. Сердце у него колотилось. «Если этот хитрец гадальщик такой, как о нем говорит дехканин, он и нас найдет»,— подумал он. Боясь, что его поймают, он встал и ушел. На самом же деле никто в чайхане и не подозревал, что среди них сидит соглядатай, и никому до него не было дела. Но недаром говорится: «Вору мерещится погоня!» Соглядатай нашел атамана и рассказал все, что слышал, видел и узнал.

Атаман воров тогда сказал:

— Пойду сам своими глазами посмотрю, что делает этот гадальщик. Все вы, оказывается, трусы.

Стемнело, пришел час четвертой, а затем и пятой молитвы.

— Сегодня вы сами пойдете, а что делать нам? — спросили воры.

Атаман ответил:

— Ждите меня здесь, а я погляжу пойду и скоро вернусь. Если выяснится, что гадальщик может найти казну, подумаем, какой найти выход; если же нет, тогда разделим царскую казну.— Главарь воров незаметно пробрался во двор неграмотного гадальщика и влез на крышу. Пристроился он у дымохода и начал смотреть и слушать.

Неграмотный гадальщик сказал жене:

— Сходи-ка в чулан.

Она послушалась и принесла на этот раз большой кувшин.

Увидев его, гадальщик и сказал:

— Ого, сегодня большой явился!

Услышав эти слова, главарь подумал: «И о моем приходе узнал». Поспешно спустился с крыши и убежал к своим ворам.

— Оказывается,— заявил он,— этот гадальщик настоящий. Сегодня он сразу же пронюхал о моем приходе и сказал жене: «Сегодня большой явился!» Нам надо принять меры, а то наша тайна раскроется. Один из вас пройдет к гадальщику и скажет: «Казна в таком-то

месте, возьмите ее, только нас не выдавайте. С сегодняшнего дня половину всего, что добудем, будем отдавать гадальщику». Об этом тоже скажи ему.

Воры предложили:

— Тогда к гадальщику пойдем все вместе.

Атаман воров возразил:

— Странные вы люди. Что из того, если мы все явимся ему на глаза? Не лучше ли, если один или двое пойдут и скажут ему, где находится казна? Идите же поскорее. Если гадальщик согласится — хорошо, если же нет — поскорее убегите. Вернее всего, гадальщик, узнав, где находится казна, ничего вам не сделает. А возможно, царь приставил охрану к гадальщику. Если мы пойдем все вместе, нас поймают и казнят. Это первый раз случилось, что царь прозевал свою казну, и ее у него украли. Он так разъярился, что до самой смерти дела не оставит. Нам нужно быть осторожнее. Лучше плюнуть на казну. Как говорят: «Не всегда же мы будем есть сливки».

Посоветовавшись, воры послали одного человека к гадальщику. Пусть он идет, а вы послушайте про гадальщика. А он сидел с женой и горевал:

— Горе мне, жена. Теперь из сорока дней моей жизни три убавилось. Если через сорок дней без трех я не сумею найти казну, царь казнит меня. Из кувшинов ушло три,— горевал он.

Прошла одна треть ночи. Вдруг в дверь постучали. Испуганно гадальщик спросил:

— Кто там?

Тихий голос сказал:

— Я.

Гадальщик с женой, дрожа от ужаса, подошли к самой двери.

— Кто ты? Открыть дверь?

Тот же голос (а это был голос вора) сказал:

— Можете не открывать. Мне некогда, я сейчас уйду. Подойдите сюда поближе, я вам что-то скажу.

Когда гадальщик и его жена подошли вплотную и приложили уши к двери, вор заговорил:

— Эй, папаша-гадальщик! Мы воры. Это мы украли у царя казну. Но мы зла вам не хотим, а хотим с вами побрататься. Вы будете отцом, а мы — детьми. Что бы ни случилось, не раскрывайте нашей тайны, и мы найдем вам царскую казну.

Тут, превозмогая страх, гадальщик пригрозил:

— Вернете царскую казну — хорошо, не вернете — сами знаете, что с вами будет.

Вор затрясся от ужаса и начал упрашивать гадальщика:

— Пощадите. Царскую казну мы зарыли в такой-то пещере. Мы из царских богатств даже и одной таньги не тронули. Мы ждали, как повернется дело, но ничего у нас не вышло, и мы не смогли унести казну в безопасное место. Что бы ни случилось, не выдавайте нас, не губите. Теперь все, что мы добудем, душа наша гадальщик, будем с вами делить поровну.

Гадальщик ответил:

— Хорошо. Завтра я пойду в пещеру, посмотрю. Если там окажется лишнее, мне нет до вас дела, но если не хватит хоть гроша, я с вами сам расправлюсь. Насчет дележки денег оставьте и думать. Я с вами не пойду. Все, что вы хотите давать, это все нечистое.

Вор не стал упрашивать.

— Ладно, я сказал вам, где казна, а дальше — дело ваше.

Больше он не произнес ни слова и поспешил уйти.

Гадальщик и жена, как только увидели, что вор ушел, обрадовались.

— Получилось очень хорошо! — сказали они и вернулись в комнату.

Наутро, когда рассвело, гадальщик спросил жену:

— Теперь мне самому пойти к царю или послать тебя?

— Интересно вы говорите. Конечно, идите сами во дворец и скажите царю, что вы нашли казну. Спросит про воров, не говорите. Найдите причину. Впрочем, вы не спросили имен воров. Даже если бы и спросили, они не сказали бы. Да и нехорошее это дело — выдавать чужие тайны и позорить людей. То, что нашлась царская казна,— это вам честь и заслуга.

Долго еще поучала жена мужа.

Тут гадальщик встал. Он до того обрадовался, как будто у него выросло шесть ног, а каждая из них делала шаг по семи шагов.

Слуги доложили царю о приходе гадальщика.

— Введите,— приказал царь.

Гадальщик даже и не поклонился, а сразу же закричал:

— Давай магарыч, царь. Нашлась твоя бесценная казна.

От радости царь забыл все свое высокомерие и тоже завопил:

— Бери, сколько хочешь!

Гадальщик объяснил, как найти пещеру, где зарыта казна.

Забрав с собой всю свиту, царь отправился в пещеру, видит — вся казна в целости и сохранности. Когда все пересчитали, оказалось, что из многих тысяч и таньга ни одна не пропала.

Неграмотный гадальщик получил драгоценные подарки и много всякого добра. Царь устроил в городе гулянье и через глашатаев созвал всех гадальщиков и предсказателей, астрологов, колдунов и всех им подобных и приказал обильно угостить. Неграмотного гадальщика царь посадил на почетное место наверху, а сам сел рядом с ним.

Неграмотный гадальщик думал: «Я нашел царскую казну, теперь я главный над всеми гадальщиками и предсказателями»,— загордился и сидел, важничая и пыжась. И было ему чего важничать, потому что с тех пор неграмотный гадальщик стал первым лицом в государстве.

Так шло время.

Однажды царь вышел в сад и увидел на дорожке саранчу. Царь попытался поймать ее, но она подпрыгнула и отлетела. Царь пошел за ней, опять хотел схватить ее, но снова не поймал. На третий раз он все-таки изловчился и поймал саранчу.

Тут в душу царя закралась желание испытать своих гадальщиков и предсказателей. Он зажал саранчу в кулаке и решил спросить у гадальщиков, что у него, и подумал: того, кто отгадает, он сделает своим главным гадальщиком, а тем, кто не отгадает, запретит гадать и выгонит из города.

Созвав всех гадальщиков, предсказателей, астрологов, колдунов, царь спросил:

— Что у меня в руке? Если угадаете, значит вы гадальщики и предсказатели, если нет, оставьте ремесло гадальщиков и предсказателей, работайте поденщиками и не морочьте голову, говоря «мы гадальщики» бедным вдовам! Если не отгадаете, то сейчас же прикажу прогнать вас. Если и после этого будете заниматься ворож-

бой, то останетесь без голов, а имущество ваше отдам на разграбление.

С перепугу гадальщики и предсказатели остолбенели и потеряли память. Ошеломленно глядели они друг на друга и не могли вымолвить ни слова, будто онемели. Царь смотрел на них, смотрел и наконец заявил:

— Эй, вы, почему молчите?!

От этих грозных слов гадальщики чуть не попадали. Они не смогли сказать ни слова. Побледневшие, изменившиеся в лице, они безмолвно стояли.

Тогда грозно спросил в третий раз:

— Ну! Долго еще молчать будете?

Тут из среды гадальщиков и астрологов вышел один ученый мудрец и заговорил:

— О великий царь, уважаемый султан! У меня к вам слово есть... Слово это такое: вчера мы, сколько ни думали, но так и не нашли вашу казну. Как же мы сегодня узнаем, что у вас в руке? Узнать что у вас в руке по силам только тому гадальщику, который нашел вашу казну.

Тут царь сделал знак неграмотному гадальщику, но он стоял в сторонке, опустив глаза, склонив голову набок, уставившись на землю.

Остальные гадальщики и предсказатели, сбившись в кучу, шептались между собой:

— Что же может быть в руке у царя? Может быть, алмаз или яхонт. А может быть, крупный жемчуг? Наверняка это драгоценный камень. На руках цари носят дорогие кольца, уж не кольцо ли это?

Неграмотный гадальщик в полной растерянности думал: «Что же мне сказать?»

В нетерпении царь снова спросил неграмотного гадальщика:

— Говори же!

Гадальщик ответил:

— Эй, царь мой! Потерпите немного, дайте подумать!

Царь, улыбаясь, ждал.

Все смотрели на гадальщика, говорили себе:

— Этот найдет. Если не найдет, то мы и подавно не найдем.

Царь снова спросил:

— Что у меня в руке?

Неграмотный гадальщик подумал:

«Теперь, что бы ни случилось, я пропал, как пойманная саранча».

— Эй, царь мой, раз прыгнула саранча, два прыгнула, а в третий раз попалась.

Царь засмеялся и разжал пальцы. Саранча прыгнула, распустила крылышки и улетела.

— Браво, молодец! — сказал он.

Гадальщики, предсказатели, визири, беки, слуги, ясаулы, весь народ, увидев саранчу, хором воскликнули:

— Молодец, браво! Вот это по крайней мере гадальщик!

Остальные гадальщики и предсказатели, радуясь избавлению от гибели, стали благословлять и благодарить неграмотного гадальщика. Но в душе они ему завидовали и с ненавистью думали: «Теперь он еще ближе к царю!»

Царь сказал:

— Ого, я вижу, вы, гадальщики, хорошие люди. Вы нашли мою казну и то, что было у меня в руке.

Царь назначил неграмотного гадальщика старшим над всеми и дал ему грамоту в подтверждение этого. Неграмотный гадальщик приколол грамоту к чалме. Став старшим, он без меры возгордился. Все гадальщики и предсказатели получили богатые дары и пошли по домам.

Царь приказал своим слугам:

— Того гадальщика, что нашел казну, проводите до дому!

Неграмотный гадальщик, живой и здоровый, вернулся домой. Все, что случилось во дворце, он по порядку рассказал жене.

Она сказала:

— Это предназначенная нам судьбой доля, теперь благодарите бога!

Больше неграмотный гадальщик не гадал. Раз и навсегда он зарекся гадать.

Муж и жена на подарки царя жили в достатке. Так они достигли своих желаний и целей.

ХИТРЕЦ И ПРОСТАК

Жили давным-давно хитрец и простак. Они очень дружили.

Однажды они отправились путешествовать. Долго шли они по дороге, а еще дольше брели без дороги. Шли-шли, но вот оба споткнулись обо что-то твердое. Видят — зарыта в земле кубышка.

Вырыли ее, смотрят — полна она золотых монет. Попробовал ее нести хитрец — тяжело. Взял кубышку простак — чуть не надорвался.

Решили тогда друзья поделить золото тут же на месте.

Но хитрец не хотел давать простаку половину и задумал его обмануть.

— Нам,— сказал он,— надо сперва немного отдохнуть.

Сели они, посидели, а хитрец и говорит простаку:

— Нельзя нам нести золото в город: увидят люди — отберут. Давай лучше зароем золото, а когда понадобится, будем брать понемножку.

Простак согласился, и зарыли они золото под большим дуплистым деревом.

Однажды простаку понадобились деньги, и он сказал об этом хитрецу.

— И мне тоже надо немного взять,— сказал хитрец.

Пошли они вдвоем к дереву, под которым была зарыта кубышка, раскопали землю, смотрят, а там ничего: ни кубышки, ни золота.

— Это ты украл золото! — закричал хитрец.

А надо сказать, что хитрец как-то ночью украл золото и спрятал его в другом месте, а теперь решил свалить вину на друга.

Долго они спорили, пререкались и наконец пошли к казию. Рассказали они все как было. Простак клялся, что не брал золота, а хитрец кричал, что это сделал простак.

— Если вы, господин казий, не верите, пойдемте на то место. Вы сами, ваша милость,посмотрите. Мы зарыли золото под деревом, пусть дерево будет свидетелем,— говорил хитрец.

Казий решил пойти на место, где была зарыта кубышка, на следующий день.

Прибежал хитрец и говорит отцу:

— Пойдешь со мной и будешь свидетелем.

Никак не хотел отец идти, но всякими правдами и неправдами хитрец уговорил его, привел ночью к дуплистому дереву и посадил в дупло, а сам побежал домой.

Утром хитрец и простак пришли к дереву вместе с казием.

Казий громко спросил:

— Кто украл золото?

Из дупла отец хитреца ответил:

— Кто зарыл золото, тот и унес его.

Казий удивился:

— Кажется, в этом дереве сидит нечистая сила. Надо выгнать ее оттуда,— и велел поджечь дерево.

Дерево обложили сухими ветками и подожгли.

Отец хитреца испугался и завопил в ужасе:

— Я не виноват! Это сын заставил меня залезть в дупло!

Потушили огонь, вытащили из дупла старика, смотрят — а он уже умер.

Судья приказал хитрецу показать, куда он зарыл кубышку с золотом.

Кубышка была очень тяжелая. Все золото отдали простаку, а хитреца бросили в тюрьму за то, что он погубил отца. Так жадный хитрец наказал сам себя. Обманом и хитростью хотел он забрать себе все золото, но хитрость ему не помогла. Он лишился и отца, и золота.

МАЛЬЧИКИ, ОБМАНУВШИЕ БАЯ

давние времена в одном далеком кишлаке жили-были три близнеца-брата. Старшего звали — Хашим, среднего — Эшим, младшего — Тошим. Все они с малых лет росли без отца, жили бедно, в нужде и заботах. Мать их служила у бая по имени Азизбай, что жил в соседнем кишлаке. Днем и ночью она не разгибая спину топила печь, выносила золу на улицу, таскала воду. Бай-хозяин большую часть времени проводил за трапезой на пышных одеялах. Он был толст, неповоротлив и безжалос-

тен — никогда сполна не рассчитывался за работу. А если и платил, то с большой неохотой. И еще бай славился небывалым богатством. В народе его называли: «Азизбай-скряга!» Он был большим мастером обманывать людей. Уж в этом его, пожалуй, не превосходил ни один человек в мире. Он всю жизнь надувал дехкан, а его еще никто не сумел обмануть.

Бай, возлежа на подушках, любил хвалиться:

— Эх, если кому-либо удастся когда-нибудь меня обмануть, клянусь аллахом, подарю тому мешок золота и самую лучшую свою лошадь.

Шли годы. Мальчики-братья росли смышлеными, умными и находчивыми. Они видели всю несправедливость бая и дали себе клятву, что, когда вырастут большими, обязательно отомстят богатею.

Когда мальчикам исполнилось по тринадцать лет, они решили:

«Хватит сидеть дома. Надо помочь матери. А чтобы чем-то помочь, нужно найти себе работу».

В поисках работы трое мальчиков-братьев как раз забрели в тот кишлак, в котором жил Азизбай-скряга.

— Бай-ака, не могли бы вы дать нам какую-нибудь работу? — спросил Хашим.

— Ха, ха, ха! — рассмеялся скучавший от безделья Азизбай.— Работу, говорите?!

— Да! — подтвердил Эшим.

— Любую, какая есть,— произнес младший Тошим.

— Хорошо! — сказал бай.— Что касается работы — я вас возьму. Только ставлю условие: за это сначала вы меня должны один раз обмануть.

Трое мальчиков-братьев погрузились в раздумье. Они не знали, что надо говорить и как себя вести. Азизбай же ликовал в душе:

«Разве смогут они меня обмануть? Ничего у них не выйдет!»

— Почему вы молчите? Есть ли у вас языки или нет?! — прикрикнул бай.

— Мы бы могли обмануть тебя, бай-ака, но наша «обманывающая вещь», к сожалению, осталась дома,— ответил ему Хашим.

«Что это еще за «обманывающая вещь?» — подумал Азизбай и его толстое лицо расплылось в улыбке: — Может, это такой волшебный сундучок, которому скажешь нужное слово и он обманет кого угодно? Если это так,

то здорово! Пускай везут немедленно сюда, а я отберу».

— Садись вон на того коня и скачи быстро за своей «обманывающей вещью»! — приказал Азизбай-скряга.

Хашим прыгнул на байского коня и, словно ветер, помчался в свой кишлак.

Прошло некоторое время. Азизбай-скряга стал волноваться:

— Далеко ли отсюда ваш дом?

— Нет, не так уж далеко,— сказал Эшим.

— Тогда почему ваш брат задерживается?

— Эта «обманывающая вещь» слишком громоздкая, её не в силах поднять одному коню! — ответил Эшим.

— Что ж ты об этом молчишь до сих пор, негодный мальчишка! Садись вон на того коня и скачи на подмогу ему. Да смотри, чтоб одна нога здесь, а другая там!

Эшим сел на второго байского коня и поскакал вслед за Хашимом.

Через некоторое время Азизбай-скряга, который устал ждать и смотреть на дорогу, спросил у Тошима:

— Почему так долго задерживаются твои братья?

— Ох, бай-ака, извините! — вздохнул Тошим.— Они, наверно, не могут открыть дверь дома. Ключ, оказывается, остался у меня в кармане.

— Как?! — закричал от досады и обиды бай.— Почему ты им не отдал ключ?

— Забыл я!

— Непутевый!.. Садись же на моего коня и скачи быстрее домой.

Тошим, вскочив на байского коня, помчался вслед за братьями в свой кишлак. Азизбай-скряга ждал, ждал их да напрасно. Мальчики не вернулись. Только потом бай понял, что он впервые был здорово обманут!..

КУПЕЦ И ТРИ ДОЧЕРИ

Жил-был в одном городе купец. Не то чтобы бедный, но и не очень богатый.

И было у купца еще одно, самое большое богатство. Три его дочери-красавицы.

Всех трех он любил одинаково — крепкой отцовской любовью.

А дочки и впрямь были прекрасны.

Стан тонкий, как у топольков, щеки румяные, словно гранаты, а глаза — яркие звезды на темном бархате неба.

Вот собрался однажды купец в дальние страны товар продавать.

Позвал к себе дочерей и спросил:

— Ну, доченьки, что вам привезти из стран заморских?

Старшая сказала:

— Привезите мне, отец, колечко. Только такое, чтобы перед ним все драгоценные камни померкли...

— Хорошо,— кивнул купец седой бородой.

Средняя дочь сказала:

— А мне привезите платок! Золотистый, яркий... Чтобы перед ним бледнели солнечные лучи.

— Хорошо,— повторил купец, поглаживая бороду.

Только младшая дочь промолчала. Она лишь горестно вздохнула.

— А что привезти тебе? — спросил купец.

— Мне ничего не надо,— ответила младшая дочь. И голосок ее дрогнул.

— Ну, как знаешь! — сказал удивленно купец, но ничего больше не спросил и стал собираться в дальнюю дорогу.

Несколько лет скитался он по чужим странам и морям. Наконец, уставший и запыленный, вернулся домой.

Дочери выбежали навстречу.

Старшая нетерпеливо спросила:

— Привезли вы, отец, обещанное колечко?

— Привез,— неожиданно нахмурился отец.

— А мне золотой платок? — спросила средняя дочь.

— Тоже привез,— купец нахмурился еще больше.

И только младшая дочь стояла в стороне. По лицу ее текли слезы.

— Ты чего это плачешь? — заметил отец.

— От радости,— ответила младшая дочь.— От того, что вы вернулись живым и невредимым.

Тогда обнял ее купец и провел в дом.

А вечером на удивление старшей и средней дочерям, обещанные им подарки — драгоценное колечко и золотистый платок подарил младшей дочери.

А впридачу еще повесил ей на шею дивное ожерелье из заморских бус.

ШЕЛКОВЫЙ КОВЕР

Давным-давно жил царь. Однажды он узнал, что у одного бедняка есть красавица дочь, и заслал к нему сватов.

Сваты пришли в дом бедняка и сказали слово царя. Дочь бедняка ответила сватам:

— Пойдите и скажите царю, раз хочет он на мне жениться, я согласна выйти за него, но при одном условии: если царь знает какое-нибудь ремесло, умеет что-нибудь делать, я за него пойду, если не умеет — не пойду.

Сваты вернулись к царю и рассказали про условие дочери бедняка. Сначала царя охватил гнев. Потом он подумал-подумал и решил: «Выходит, править государством — это еще не ремесло, не дело. Ладно, научусь я какому-нибудь ремеслу!»

Оставил он вместо себя во дворце визирей, а сам пошел выбирать себе ремесло. Много ремесел он пересмотрел, перепробовал, и больше всего ему понравилось ковроделие. Он нашел хорошего мастера-ковровщика и поступил к нему в ученики. Через три года и три месяца царь научился ткать ковры. Соткал он ковер и послал в дом бедняка.

— Ремесло выучил, условие выполнил,— приказал он сообщить ему.

Дочь бедняка ответила:

— Раз царь выполнил условие, то и я стою на своем слове. Теперь я пойду за него.

Царь устроил большой пир, отпраздновал со всей пышностью свадьбу и взял себе в жены дочь бедняка.

В один из дней в государстве этого царя вдруг бесследно исчезло несколько богатых купцов, и весть о том дошла до царя. Он приказал послать людей искать купцов. Искали долго, но и следов их не нашли.

— Теперь я сам их поищу. В городе есть какая-то тайна. Не успокоюсь, пока не раскрою ее! — сказал царь.

Сняв с себя царские одежды и надев на себя другие, чтобы его нельзя было узнать, ночью, когда стража спала, он вышел потихоньку из дворца в город и пошел по улицам.

Долго он ходил и вдруг заметил вдали огонек. Двинулся он прямо на огонек, видит, что это харчевня, а в ней сидят люди и ужинают. Только царь открыл дверь, как хозяин харчевни посмотрел на него и спросил:

— Что тебе нужно?

А царь так переоделся, что стал неузнаваем.

— Я голоден, хочу поесть,— сказал он смиренно.

— Ну если ты голоден, проходи,— сказал хозяин и повел его в заднюю комнату. Только царь прошел в передний угол, как вдруг под ногами провалился пол, и он упал вниз. Смотрит — перед ним сидит разбойник. Схватил он царя за руку и потащил в темный подвал. Здесь сидел еще один разбойник. Поднялся он с места, выхватил из-за пояса большущий нож и зарычал:

— А ну, чья очередь!

Первый разбойник схватил царя за голову и крепко держал. У царя от ужаса помутился рассудок, и он взмолился:

— Подождите минутку, кто вы такие? Что вам нужно? Кровь, товары, или деньги?

Неизвестные люди сказали:

— Нам, кроме крови, все нужно. А сейчас твоя голова нужна!

Царь сказал:

— Если я вам достану деньги, хватит этого?

Разбойники ответили:

— Хватит!

— Если так, я сотку ковер. Вы его отнесете во дворец царю, он вам даст тысячу золотых!

Разбойники посовещались между собой и решили:

— Ну ладно, покажи свое ремесло, посмотрим! А пока будешь ткать ковер, отсюда не выйдешь.

Царь попросил все необходимое, чтобы соткать ковер.

Разбойники пошли на базар, купили все, что сказал царь.

Царь соткал ковер из шелка и сказал:

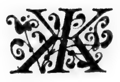
— Вот этот ковер отнесите во дворец. Царь вам даст тысячу золотых.

Разбойники так и сделали. Дворцовый слуга взял ковер и отнес его визирю. Визирь показал ковер жене царя. Она узнала работу своего мужа и сразу поняла, что с царем что-то случилось. По ее приказу разбойникам дали за ковер тысячу золотых, а следом за ними тайком послали стражников. Получив золото, разбойники обрадовались и прямо побежали в харчевню.

Визирь взял много воинов, окружил харчевню, вошел внутрь и освободил царя. Тут же в подвале нашли купцов и много других людей, которые попали к разбойникам в руки.

А разбойников этих поймали и казнили.

ТКАЧ И ШАХ

Жил давным-давно один справедливый шах. Звали его Давлят. Шах Давлят старался управлять государством не нарушая закона. Иногда он говорил себе: «Я столько сделал дел. Интересно, что говорят обо мне мои подданные». Снимал он с себя свои царские одежды, надевал простые и ходил среди народа.

Однажды Давлят шел ночью по улице и в одной лавке услышал чей-то голос. Подошел Давлят поближе, послушал, а затем посмотрел в щель двери. Видит — сидит ткач за станком и работает. В этот момент челнок выскочил из натянутой пряжи и упал на землю.

Ткач сказал:

— Ух! — протянул палку с крючком на конце, подцепил и поднял челнок. Потом он зажал конец нитки из челнока зубами, переложил челнок в правую руку и сказал:

— Пусть придет брат Давлят,— и пропустил челнок через натянутую основу. Челнок проскочил в левую руку. Держа его левой рукой, ткач добавил: — И ска-

жет: «Махамат, если я дам тебе дочь главного визиря, женишься ли ты на ней?»

Потом ткач пропустил челнок в обратную сторону и сказал:

— Женился бы, женился бы, женился бы!

Говоря так, он ткал бязь.

Когда же опять челнок выскочил и упал на землю, ткач опять произнес:

— Ух! — И все повторил, как в первый раз.

Шах удивился и вернулся обратно во дворец.

Утром он позвал своих визирей и сказал:

— В таком-то квартале, на такой-то улице живет ткач по имени Махамат. Идите и того ткача вместе с ткацким станком и натянутой основой доставьте сюда.

Визири пошли, перенесли ткацкий станок во дворец и привели к шаху самого ткача Махамата.

Шах собрал придворных и в присутствии их приказал Махамату:

— Установи здесь свой станок и покажи нам, как ты ткешь бязь!

Махамат быстро установил станок, сел на доску перед основой и начал ткать.

Тут шах сказал Махамату:

— Постой! Тки так, как ты ткал вчера ночью.

Махамат испугался, но подумал:

«Приказ шаха подлежит выполнению. Если не выполню, что он приказывает, как бы на мою голову не пала тяжелая вина». Начал он ткать. Челнок выскочил и упал на землю.

Ткач вскочил: «Ух!»

Зажмурил он глаза и, взяв челнок в правую руку, точно повторил вчерашние слова: — Пусть придет брат Давлят.

Пропустив челнок через основу, ткач проговорил:

— И скажет Давлят: «Эй, Махамат, если я дам тебе дочь главного визиря, женишься ли ты на ней?»

Потом ткач пропустил челнок в обратную сторону и сказал:

— Женился бы, женился бы, женился бы!..

И продолжал ткать бязь. Челнок упал на землю — ткач вздохнул:

— Ух! — поднял с земли челнок и снова повторил те же слова.

Шах спросил у ткача:

— Почему ты так говоришь?

Ткач начал тогда рассказывать:

— Однажды я шел с базара. Из бани, раскрасневшись, шла одна красавица. Не красавица, а несчастье для сердца. Увидел я ее и разум потерял. Оказывается, это дочь главного визиря. С тех пор все мои мысли с той девушкой. Вот и говорю я те слова, когда тку. Я ткач-бедняк. Если бы я был богатым, может быть, главный визирь отдал бы за меня дочь.

Из глаз ткача Махамата градом полились слезы.

Тут шах посмотрел на главного визиря и сказал:

— Вы слышали эти слова?

Визирь стоял и молчал.

После этого шах Давлят приказал главному визирю отдать дочь за ткача Махамата и устроил большой пир.

Так ткач достиг своих желаний.

ТРИ БОГАТЫРЯ

Ну так вот... Давным-давно жил один человек, не богатый, не бедный. У него было три сына. Все трое красивые, подобно месяцу, грамоте обучались, уму-разуму набирались, с плохими людьми не знались.

Старшему Тонгуч-батыру был двадцать один год, среднему Ортанча-батыру — восемнадцать лет, а младшему Кенжа-батыру — шестнадцать.

Однажды отец позвал сыновей к себе, усадил, приласкал каждого и сказал:

— Сыновья мои, я не богат, имущества, что останется после меня, вам надолго не хватит. Большего от меня не ждите и не надейтесь. Воспитал я в вас три качества: во-первых, вырастил вас здоровыми — вы стали сильными; во-вторых, дал вам в руки оружие — вы стали искусными воинами; в-третьих, научил вас ничего бояться — вы стали храбрыми. Еще я вам даю три завета. Слушайте и не забывайте их: будьте честными — и будете жить спокойно, не хвастайтесь — и не придется вам краснеть от стыда; не ленитесь — и будете счастливыми. А обо всем остальном позаботьтесь сами. При-

готовил я вам трех коней: вороного, буланого и серого. Сумы ваши наполнил съестными припасами на неделю. Счастье у вас впереди. Отправляйтесь в путь-дорогу, поезжайте посмотреть свет. Не познав света, вы не сможете выйти в люди. Идите, ловите птицу счастья. Прощайте, сыновья мои!

Сказав так, отец встал и ушел.

Стали братья собираться в дорогу. Утром рано сели на коней и пустились в путь. Целый день ехали братья и уехали далеко-далеко. К вечеру решили отдохнуть. Слезли с коней, поели, но, прежде чем лечь спать, договорились так:

«Место здесь пустынное, нехорошо, если все уснем. Поделим ночь на три стражи и будем по очереди охранять покой спящих».

Сказано — сделано.

Сперва стал дежурить старший брат Тонгуч, а другие легли спать. Долго сидел Тонгуч-батыр, играя мечом и посматривая при лунном свете во все стороны...

Стояла тишина. Все было объято сном.

Вдруг со стороны леса послышался шум. Тонгуч обнажил меч и приготовился.

Недалеко от того места, где остановились братья, было логовище льва. Почуяв запах людей, лев поднялся и вышел в степь.

Тонгуч-батыр был уверен, что справится со львом и, не желая беспокоить своих братьев, побежал в сторону. Зверь погнался за ним.

Тонгуч-батыр обернулся и, ударив льва мечом по левой лапе, нанес ему рану. Раненый лев бросился на Тонгуч-батыра, но тот опять отскочил и со всего размаху ударил зверя по голове. Лев упал мертвый.

Тонгуч-батыр сел верхом на льва, вырезал из его шкуры узкую полоску, подпоясался ею под рубашкой и, как ни в чем не бывало, вернулся к спящим братьям.

Затем в свою очередь на стражу встал средний брат Ортанча-батыр.

В его дежурство ничего не случилось.

За ним встал третий брат Кенджа-батыр и охранял покой своих братьев до рассвета.

Так прошла первая ночь.

Утром братья снова тронулись в путь. Ехали долго, проехали много и вечером остановились у большой горы. У подножья ее стоял одинокий развесистый тополь, под

тополем из земли пробивался родник. Около родника была пещера, а за ней жил царь змей Аждар-султан.

Богатыри не знали о царе змей. Спокойно привязали они коней, почистили их скребницей, задали им корму, а сами сели ужинать. Перед тем как ложиться спать, они решили дежурить, как в первую ночь. Сначала стал на дежурство старший брат Тонгуч-батыр, за ним пришел черед среднему брату Ортанча-батыру.

Ночь была лунная, царила тишина. Но вот послышался шум. Немного спустя из пещеры выполз Аждар-султан с головой, как корчага, с длинным, как бревно, туловищем и пополз к роднику.

Не захотел Ортанча-батыр тревожить сон братьев и побежал в степь, подальше от родника.

Почуяв человека, Аждар-султан погнался за ним. Ортанча-батыр отскочил в сторону и ударил царя змей мечом по хвосту. Закружился на месте Аждар-султан. А богатырь изловчился и ударил его по спине. Тяжело раненный царь змей бросился на Ортанча-батыра. Тогда богатырь последним ударом покончил с ним.

Затем он вырезал из его шкуры узкую полоску, подпоясался ею под рубашкой и, как ни в чем не бывало вернулся к братьям и сел на свое место. Пришла очередь дежурить младшему брату Кенджа-батыру. Утром братья опять отправились в путь.

Долго ехали они через степи. На закате солнца подъехали к одному холму, слезли с коней и расположились отдыхать. Разожгли костер, поужинали и опять стали дежурить по очереди: сначала старший, потом средний, наконец, очередь дошла до младшего брата.

Сидит Кенджа-батыр, охраняя сон своих братьев. Не заметил он, что огонь в костре погас.

«Нехорошо оставаться нам без огня»,— подумал Кенджа-батыр.

Взобрался он на вершину холма и стал смотреть вокруг. Вдалеке время от времени мигал огонек.

Кенджа-батыр сел на коня и поехал в ту сторону.

Долго он ехал и, наконец, доехал до одинокого дома.

Слез Кенджа-батыр с коня, тихонько на цыпочках подошел к окну и заглянул внутрь.

В комнате было светло, а на очаге в котле варилась похлебка. Вокруг очага сидело человек двадцать. У всех были мрачные лица, вытаращенные глаза. Видно, эти люди замышляли что-то недоброе.

Кенджа подумал:

«Ого, здесь собралась шайка разбойников. Оставить их и уйти — не дело, не подобает поступать так честному человеку. Попробую-ка я схитрить: присмотрюсь, войду к ним в доверие, а потом сделаю свое дело».

Он открыл дверь и вошел. Разбойники схватились за оружие.

— Господин,— сказал Кенджа-батыр, обращаясь к атаману разбойников,— я ничтожный ваш раб, родом из далекого города. До сих пор я занимался мелкими делами. Давно я уже хотел пристать к какой-нибудь шайке, вроде вашей. Я услышал, что ваша милость находится здесь, и поспешил к вам. Не смотрите, что я молод. Одна надежда на вас, что вы меня примите. Я знаю немало разных сноровок. Умею рыть подкопы, умею высматривать и разведывать. Я пригожусь в вашем деле.

Так умело повел разговор Кенджа-батыр.

Атаман шайки ответил:

— Хорошо сделал, что пришел.

Приложив руки к груди, Кенджа-батыр поклонился и сел около огня.

Похлебка поспела. Поели.

В ту ночь разбойники решили ограбить шахскую казну. Поужинав, все сели на коней и поехали.

Кенджа-батыр тоже отправился с ними. Спустя немного времени они подъехали к дворцовому саду, слезли с коней и стали советоваться, как пробраться во дворец.

Наконец они сговорились так: сначала через стену перелезет Кенджа-батыр и разведает — спит ли стража. Потом остальные по-одному перелезут через стену, спустятся в сад и там соберутся, чтобы сразу ворваться во дворец.

Разбойники помогли Кенджа-батыру взобраться на стену. Батыр спрыгнул, походил по саду и, обнаружив, что стража спит, нашел арбу и подкатил ее к стене.

Потом Кенджа-батыр взобрался на арбу и, высунув голову из-за стены, сказал: «Самое удобное время».

Атаман велел разбойникам одному за другим перелезать через стену.

Едва только первый разбойник лег животом на забор и, нагнув голову, приготовился слезать на арбу,

Кенджа-батыр размахнулся да как хватит мечом по шее, так и покатилась голова вора.

— Слезай,— сказал Кенджа-батыр, потянул тело вора и сбросил его вниз.

Кенджа-батыр порубил головы всем разбойникам, а потом отправился во дворец.

Тихонько прошел Кенджа-батыр мимо спящей стражи в зал с тремя дверями. Здесь дежурили десять девушек-прислужниц, но они тоже спали.

Никем не замеченный, Кенджа-батыр вошел в первую дверь и очутился в богато украшенной комнате. На стенах были развешаны расшитые пунцовыми цветами шелковые занавески.

В комнате на серебряной кровати, окутанной белой тканью, спала красавица, прекраснее всех цветов на земле. Тихонько приблизился к ней Кенджа-батыр, снял с ее правой руки золотой перстень и положил его в карман. Потом он вернулся назад и вышел в зал.

«Ну-ка, осмотрим вторую комнату, какие там тайны?» — про себя сказал Кенджа-батыр.

Открыв вторую дверь, он очутился в роскошно убранной комнате, украшенной шелками, расшитыми изображениями птиц. Посредине, на серебряной кровати, окруженная десятком девушек-служанок, лежала красивая девушка. Из-за нее спорили месяц и солнце: у кого из них она взяла свою красоту.

Кенджа-батыр тихонько снял с руки девушки браслет и положил в карман. Затем вернулся назад и вышел в тот же зал.

«Теперь нужно пройти в третью комнату»,— подумал он.

Здесь украшений было еще больше. Стены были убраны малиновым шелком.

На серебряной кровати, окруженная шестнадцатью красивыми девушками-служанками, спала красавица. Девушка была так прелестна, что даже сама царица звезд, прекрасная утренняя звезда, готова была служить ей.

Кенджа-батыр тихонько вынул из правого уха девушки золотую серьгу и положил ее в карман.

Кенджа-батыр вышел из дворца, перелез через забор, сел на коня и поехал к братьям.

Братья еще не просыпались. Так Кенджа-батыр сидел до зари, играя мечом.

Рассвело. Богатыри позавтракали, оседлали коней, сели верхом и отправились в путь.

Немного спустя они въехали в город и остановились в караван-сарае. Привязав коней под навесом, они пошли в чайхану и уселись там, чтобы отдохнуть за чайником чая.

Вдруг на улицу вышел глашатай и объявил:

— Имеющие уши да слушают! Сегодня ночью во дворцовом саду кто-то отрубил головы двадцати разбойникам, а у шахских дочерей пропало по одной золотой вещи. Наш шах пожелал, чтобы весь народ от мала до велика помог объяснить ему непонятное событие и указать, кто тот герой, который совершил такой богатырский поступок. Если у кого в доме есть приезжие из других городов и стран, надо немедленно привести их во дворец.

Хозяин караван-сарая предложил своим гостям явиться к шаху.

Братья поднялись и не спеша отправились во дворец.

Шах, узнав, что они чужестранцы, приказал отвести их в особую комнату с богатым убранством, а визирю поручил выведать у них тайну.

Визирь сказал:

— Если спросить прямо, они, может быть, и не скажут. Лучше оставим их одних и послушаем, о чем они будут говорить.

В комнате, где сидели братья, кроме них, никого не было. Вот перед ними расстелили скатерть, принесли разные кушанья. Братья принялись за еду.

А в смежном покое молча сидели шах и визирь и подслушивали.

— Нам дали мясо молодого барашка,— сказал Тонгуч-батыр,— но он, оказывается, был выкормлен собакой. Шахи не брезгуют и псиной. А я вот чему удивляюсь: от бекмеса дух идет человечий.

— Верно,— промолвил Кенджа-батыр.— Все шахи кровопийцы. Нет ничего невероятного, если в бекмес подмешана человеческая кровь. Меня тоже удивляет одна вещь: лепешки на подносе уложены так, как может укладывать только хороший пекарь.

Тонгуч-батыр сказал:

— Должно быть, так оно и есть. Вот что: нас позвали сюда, чтобы узнать, что случилось в шахском дворце. Конечно, нас будут спрашивать. Что мы скажем?

— Мы не будем лгать,— сказал Ортанча-батыр.— Мы скажем правду.

— Да, пришла пора рассказать обо всем, что мы видели за три дня в дороге,— ответил Кенджа-батыр.

Тонгуч-батыр стал рассказывать, как он сражался со львом в первую ночь. Потом он снял с себя тесьму из львиной шкуры и бросил перед братьями. Вслед за ним Ортанча-батыр тоже рассказал о случившемся во вторую ночь и, сняв с себя тесьму из шкуры царя змей, показал ее братьям. Затем заговорил Кенджа-батыр. Рассказав, что произошло в третью ночь, он показал братьям взятые им золотые вещи.

Тут шах и визирь узнали тайну, но они не могли понять, что сказали братья про мясо, бекмес и лепешки. Поэтому они сначала послали за пастухом. Пришел пастух.

— Говори правду! — сказал шах.— Барашка, что ты прислал вчера, кормила собака?

— О государь! — взмолился пастух,— если жизнь мне сохраните, я расскажу.

— Прошу тебя, говори правду,— сказал шах.

Пастух рассказал:

— Зимою у меня околела овца. Жаль мне стало ягненочка и отдал я его собаке. Та и выкормила его. Вчера я прислал как раз этого барашка, потому что других, кроме него, у меня не осталось, всех уже ваши слуги забрали.

Затем шах велел позвать садовника.

— Говори правду,— сказал ему шах,— разве в бекмес подмешана человеческая кровь?

— О государь мой,— ответил садовник,— было одно событие, если жизнь мне сохраните, я расскажу вам всю правду.

— Говори, пощажу тебя,— сказал шах.

Тогда садовник рассказал:

— Прошлым летом кто-то повадился каждую ночь воровать оставленный для вас самый лучший виноград. Я залег в винограднике и стал караулить. Смотрю, кто-то идет. Я с размаху ударил дубинкой по голове. Потом вырыл глубокую яму под виноградной лозой и зарыл тело. На следующий год лоза так разрослась и дала такой урожай, что винограда было больше, чем листьев. Только вкус у винограда оказался немного другой. Свежего винограда я вам не посылал, а сварил бекмес.

Что же касается лепешек, то их укладывал на поднос сам шах. Оказывается, отец шаха был пекарем.

Шах вошел к богатырям в комнату, поздоровался и сказал:

— Все что вы рассказывали, оказалось правдой, и поэтому вы мне еще больше понравились. У меня к вам просьба, дорогие гости богатыри, выслушайте ее.

— Говорите,— сказал Тонгуч-батыр,— если подойдет нам ваша просьба, мы исполним ее.

— Есть у меня три дочери, а сыновей нет. Останьтесь здесь. Я бы выдал за вас своих дочерей, устроил бы свадьбу, созвал бы весь город и сорок дней угощал бы всех пловом.

— Говорите вы очень хорошо,— ответил Тонгуч-батыр,— но как же мы можем жениться на ваших дочерях, когда мы не шахские дети, да и отец наш совсем не богат? Ваше богатство добыто царствованием, а мы воспитаны в труде.

Шах настаивал:

— Я — властелин страны, а вас воспитал ваш отец трудом своих рук, но раз он отец таких богатырей, как вы, то чем же он хуже меня? На самом деле он богаче меня. А теперь я — отец девушек, перед которыми плакали влюбленные шахи, могущественные властелины мира,— стою перед вами и, плача, умоляя, предлагаю вам своих дочерей в жены.

Братья согласились. Шах устроил пир. Пировали сорок дней, и молодые богатыри стали жить в шахском дворце. Шах больше всех полюбил младшего зятя Кенджа-батыра.

Однажды шах прилег отдохнуть в холодке. Вдруг из арыка выползла ядовитая змея и уже собиралась укусить шаха. Но подоспел Кенджа-батыр. Он выхватил меч из ножен, разрубил змею пополам и отбросил в сторону.

Не успел Кенджа-батыр вложить меч обратно в ножны, шах проснулся. В его душу запало сомнение. «Он уже недоволен тем, что я выдал за него свою дочь,— подумал шах,— ему все мало, оказывается, он замышляет убить меня и сам хочет стать шахом».

Шах пошел к своему визирю и сказал о случившемся. Визишь давно уже затаил вражду к богатырям и ждал только удобного случая. Он стал наговаривать шаху.

— Не спрашивая у меня совета, вы выдали за каких-то проходимцев любимых дочерей. А вот теперь ваш любимый зять хотел вас убить. Смотрите, с помощью хитрости он все равно погубит вас.

Шах поверил словам визиря и приказал:

— Посадить Кенджа-батыра в тюрьму.

Кенджа-батыра посадили в тюрьму. Опечалилась, загрустила молодая принцесса, жена Кенджа-батыра. Целыми днями она плакала, и ее румяные щеки поблекли. Однажды она бросилась отцу в ноги и стала просить его, чтобы он освободил своего зятя.

Велел тогда шах привести Кенджа-батыра из тюрьмы.

— Вот вы, оказывается, какой коварный,— сказал шах.— Как же вы решились убить меня?

В ответ Кенджа-батыр рассказал шаху историю попугая.

ИСТОРИЯ ПОПУГАЯ

Когда-то жил шах. У него был любимый попугай. Шах так любил своего попугая, что не мог жить без него ни одного часа.

Попугай говорил шаху приятные слова, развлекал его. Однажды попугай попросил:

— У меня на родине, в Индии, есть отец и мать, братья и сестры. Давно я живу в неволе. Теперь я прошу вас отпустить меня на двадцать дней. Я слетаю на родину, шесть дней туда, шесть дней обратно, восемь дней побуду дома, нагляжусь на мать и отца, на братьев и сестер.

— Нет,— отвечал шах,— если я тебя отпущу, ты не вернешься, и мне будет скучно.

Попугай стал уверять:

— Государь, я даю слово и сдержу его.

— Ну ладно, коли так, я отпускаю тебя, но только на две недели,— сказал шах.

— Прощайте, как-нибудь обернусь,— обрадовался попугай.

Он перелетел из клетки на забор, распрощался со всеми и полетел на юг. Шах стоял и смотрел ему вслед. Он не верил, что попугай вернется.

Попугай в шесть дней долетел до своей родины — Индии и разыскал родителей. Бедняжка радовался, порхал, резвился, перелетал с горки на горку, с ветки на ветку, с деревца на деревце, купаясь в зелени лесов, побывал в гостях у родных и знакомых и не заметил даже, как прошло два дня. Настала пора лететь опять в неволю, в клетку. Тяжело было попугаю расставаться с отцом и матерью, с братьями и сестрами.

Минуты веселья сменились часами печали и горя. Повисли крылья. Быть может, удастся еще раз прилететь, а может быть, и нет.

Собрались родные, знакомые. Все жалели попугая и советовали не возвращаться к шаху. Но попугай сказал:

— Нет, я дал обещание. Могу ли я нарушить свое слово?

— Эх,— сказал один попугай,— когда ты видел, чтобы цари выполняли свои обещания? Если б твой шах был справедлив, разве он держал бы тебя четырнадцать лет в заключении и только на четырнадцать дней выпустил на волю? Разве ты появился на свет, чтобы жить в неволе? Не выпускай из рук свободы ради того, чтобы доставить кому-нибудь развлечение! Лютости у шаха больше, чем милости. Неразумно и опасно быть близко к царю и тигру.

Но попугай не послушался советов и собрался улететь.

Тогда заговорила мать попугая.

— В таком случае я дам тебе совет. В наших местах растут плоды жизни. Кто скушает хотя бы один плод, тот сразу превращается в молодого, старик снова становится юношей, а старуха — молодой девушкой. Отнеси ты шаху драгоценные плоды и попроси, чтобы он тебя отпустил на волю. Быть может, в нем проснется чувство справедливости, и он даст тебе свободу.

Все одобрили совет. Тотчас же принесли три плода жизни. Попугай распрощался с родными и знакомыми и полетел на север. Все смотрели ему вслед, затаив в сердце большие надежды.

Попугай в шесть дней долетел до места, вручил шаху подарок и рассказал, какое свойство имеют плоды. Шах обрадовался, обещал освободить попугая, отдал один плод жене, а остальные положил в пиалу.

Визирь затрясся от зависти и решил повернуть дело по-иному.

— Пока вы не кушайте плоды, принесенные птицей, давайте-ка сначала их испытаем. Если они окажутся хорошими, их съесть никогда не поздно,— сказал визирь.

Шах одобрил совет. А визирь, улучив момент, впустил сильного яда в плоды жизни.

Затем визирь сказал:

— Ну теперь давайте испытаем.

Принесли двух павлинов и дали им поклевать плоды.

Оба павлина тут же издохли.

— Что было бы с вами, если б вы их съели? — сказал визирь.

— Я тоже умер бы! — воскликнул шах. Он выволок из клетки бедняжку-попугая и оторвал ему голову. Так бедняга попугай получил от шаха «награду».

Вскоре шах разгневался на одного старика и решил его казнить. Шах велел ему съесть оставшийся плод. Как только старик съел его, у него сразу выросли черные волосы, прорезались новые зубы, глаза заблестели молодым блеском, и он принял вид двадцатилетнего юноши.

Понял царь, что напрасно погубил попугая, но было поздно.

— А теперь я расскажу о том, что случилось, пока вы спали,— сказал в заключение Кенджа-батыр.

Он пошел в сад, принес оттуда рассеченное пополам туловище змеи. Шах стал просить извинения у Кенджа-батыра.

Кенджа-батыр сказал ему:

— Господин, разрешите мне с братьями поехать домой в свою страну. С шахами невозможно жить в добре и мире.

Сколько шах ни умолял, ни упрашивал, богатыри не согласились:

— Мы не можем быть придворными людьми и жить во дворце шаха. Мы будем жить своим трудом,— сказали они.

— Ну, тогда пусть дочери мои останутся дома,— сказал шах.

Но дочери заговорили наперебой:

— Мы не расстанемся с мужьями.

Молодые богатыри вернулись к отцу вместе со своими женами и зажили счастливой жизнью в довольстве и труде.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Был бы казан, да рису немножко,
А там и сама отыщется ложка.

* * *

Однажды разумно мудрый заметил —
У добрых родителей добрые дети.

* * *

Когда в ударе лгун, то сам
Он верит собственным словам.

* * *

Если песчинку с горы сдует ветер,
Разве гора ту песчинку заметит?

* * *

Приобретая новых друзей,
Дружбе будь верен старой своей.

* * *

Кто побывал в купели ледяной,
Тому уже не страшен дождь любой.

ЗУМРАД И КИММАТ

На краю оврага стоял маленький домик. Жили в домике четверо: старик со своей дочерью Зумрад и жена старика со своей дочерью Киммат.

Старуха свою родную дочь Киммат любила, а падчерицу Зумрад ненавидела. Бедную Зумрад она и била, и ругала, с утра до вечера работать заставляла, ни минуты покоя ей не давала.

А Зумрад была девочка красивая, приветливая, умная. Увидишь ее,— сколько ни смотри — не наглядся: заговоришь с нею — сколько ни говори, не наговоришься.

Киммат была совсем на нее не похожа: ленивая, капризная, неприветливая. Целыми днями она ворчала, сердилась и ссорилась.

Зумрад бывало рано утром встанет и бежит к роднику. Тюльпаны головки свои склоняют, ей «здравствуй!» говорят. А если Зумрад иногда на траву отдохнуть присядет, и цветы, и соловьи радуются, сказки ей напевают.

Старухину дочь цветы не любили и не ласкали. Киммат обижала их, рвала, ногами топтала. Поэтому, когда Киммат проходила, цветы от нее прятались, лепестки свои закрывали.

Все это еще больше злило старуху мачеху. Стала она думать, как бы ей Зумрад со свету сжить.

Однажды мачеха сказала старику:

— Дочь твоя непослушная, лентяйка, прогнать ее надо — не то духу моего здесь не будет.

Растерялся старик и не знает, что ему делать.

А старуха не унимается, требует:

— Отвези Зумрад в лес и сделай так, чтобы она заблудилась. Вместе с ней жить я не буду.

Повел старик Зумрад в горы. Долго шли они горами да ущельями, зашли в такую глушь, где нога человека не ступала.

— Посиди здесь на камне доченька,— говорит старик,— а я пойду дров нарублю.

— Ладно,— отвечает девочка.

Пошел старик дрова рубить.

Зумрад одна осталась.

Вдруг поднялся ветер. Старик повесил топор на большое дерево. Ветер дует — топор покачивает и стучит о дерево: «тук! тук!»

А Зумрад думает, это отец дрова рубит, сидит и ждет. Долго-долго она сидела, а отец не идет. Когда ветер успокоился, пошла Зумрад в ту сторону, где топор стучал. Идет она по долине, цветы собирает и вдруг видит: стоит дерево, на дереве топор висит, а отца нет.

— Ой, несчастная доля моя! Ой, батюшка! — закричала Зумрад.

Пошла Зумрад отца искать. Ходила Зумрад по горам, ходила и окончательно заблудилась.

Страшно ей стало одной в лесу. Куда идти — не знает, плачет Зумрад. Вдруг видит: узенькая тропинка. Пошла по ней Зумрад и слышит — голосистые птички поют. Под ноги посмотрит Зумрад — там цветы разноцветные, и красные, и белые, и желтые, головками кивают, что-то шепчут ей.

Вечер наступил, темно стало.

Долго-долго шла Зумрад. Цветы своими головками ей дорогу показывают. А время уже совсем позднее. Наконец заметила Зумрад, что вдали какой-то огонек мерцает, прислушалась, слышит — собака лает. Пошла Зумрад в ту сторону и скоро подошла к маленькому домику. Заглянула в окно, видит — в домике старуха сидит. Зумрад обрадовалась, зашла в домик, поздоровалась со старухой и рассказала, что с ней случилось.

Обрадовалась старуха, что в дом пришла к ней такая приветливая девочка. А старуха та была добрая лесная волшебница.

— Не печалься,— утешает старуха Зумрад.— Я тебе помогу.

— Благодарю,— отвечает Зумрад.— Вы меня как родная мать приняли. Что вам нужно делать — скажите, я люблю работу, для вас охотно сделаю.

В это время на крышу старухиного домика прилетело много-много птиц. Птицы песни запели и в песнях своих Зумрад хвалили. Волшебница птичий язык понимала и еще больше радовалась. Она Зумрад ласкала, «миленькая моя, бусинка моя!» называла, куклы играть ей давала, сказки рассказывала, такие интересные книжки показывала, каких нигде больше не найдешь.

Так прожили они вместе несколько дней. Старуха ласкова была с Зумрад, потому что с приходом ее старый домик заблестел, как фарфоровая пиала. Зумрад пол в комнате подметала, окна мыла.

Однажды старуха собиралась плов приготовить и говорит Зумрад:

— Поднимись, доченька, на крышу, достань дров.

— Ладно, бабушка,— отвечает Зумрад и полезла на крышу.

А крыша была высокая, далеко с нее во все четыре стороны видно. Зумрад поглядела по сторонам и увидела крышу своего родного домика.

Сильно забилось сердце у Зумрад, заплакала она.

— О чем плачешь, миленькая? — спрашивает старуха.

— Вон вдали мой родной дом виднеется. Я по отцу соскучилась,— отвечает Зумрад и плачет.

Старуха ее успокоила, плову наварила, покормила Зумрад, спать уложила, а поутру говорит:

— Собирай свои игрушки, бусинка моя. Сегодня домой поедешь. На крыше у меня два сундука стоят — красный и белый. Ты белый сундук оставь, а красный с собой возьми.

Сказала так старуха и в лес пошла. Зумрад стала своих кукол собирать. Привела старуха буланого коня, запряженного в арбу, посадила на арбу Зумрад, поставила красный сундук и говорит:

— Вот тебе ключик от сундука, когда домой приедешь, сундук откроешь.

Попрощалась Зумрад со старухой, поблагодарила ее и домой отправилась. Не успела она оглянуться, как арба уже перед родным домом остановилась.

Видит Зумрад — перед домиком отец сидит пригорюнившись, о дочке думает.

— Здравствуй, отец! — крикнула Зумрад и бросилась его обнимать.

Так обрадовался старик, что невольно из глаз у него слезы потекли.

— Миленькая моя!..

Вошли они в дом. Скоро все узнали, что Зумрад домой вернулась. Соседи собрались. Зумрад красный сундук открыла. Ах-ах! — все так и ахнули.

В красном сундуке полно всяких дорогих вещей оказалось. На всю жизнь добра для Зумрад хватит.

Увидев это, злая мачеха засуетилась, забеспокоилась. В тот же миг приказала она старику отвести Киммат в лес и оставить там.

Старик быстро собрался и отвел Киммат в лес.

Когда настал вечер, Киммат пришла к дереву, на котором старик повесил топор. Закричала Киммат, заплакала, но ни цветы, ни соловьи — никто ее не стал утешать. Одни только совы кричали в темном лесу.

В страхе побежала Киммат по лесу и прибежала к домику волшебницы. Старуха ее приветливо встретила, успокоила:

— Не печалься, доченька, я тебе помогу.

Но у Киммат не нашлось доброго слова старуху поблагодарить, потому что мать ее и добрым словам не учила. Обиделась волшебница и ни кукол Киммат не дала, ни сказок ей не рассказала.

Сидит Киммат с утра до вечера в домике, бездельничает, ленится, домик не убирает. Грязно стало в домике, окна пылью покрылись.

Однажды старуха говорит Киммат:

— Полезь, доченька милая, на крышу, достань дров.

— Полезайте и сами доставайте,— отвечает Киммат.— Я вам не служанка!

Старуха очень огорчилась, но все же уговорила Киммат подняться на крышу. Залезла Киммат на крышу, но дров не берет, сидит и плачет.

Старуха спрашивает:

— Чего ты плачешь?

— Я дом свой увидела. Уйду от вас,— отвечает Киммат и ногами топает.

— Ладно, иди,— говорит волшебница,— и сундук, что стоит на крыше, можешь с собой забрать. Вот тебе ключ. Дома откроешь сундук.

Киммат перестала плакать, обрадовалась, стащила

сундук с крыши. Но волшебница арбы ей не дала. Пришлось Киммат тяжелый сундук на себе тащить.

Почуяла пестрая собака, что Киммат идет, подбежала к старухе, лает:

— Гав, гав, гав! — и что-то себе под нос бормочет.

Стала старуха прислушиваться, что собака бормочет, и слышит:

— Вот я к маме иду, на спине сундук несу, а в нем змей полно.

Разозлилась старуха, взяла длинную палку и как ударит собаку, ноги ей перебила. А потом с радостью думает: «Моя доченька идет, шелк, бархат несет».

Прибрела наконец Киммат домой. Собрались соседи, хотят посмотреть, что там, в сундуке. А мачеха и Киммат сели на сундук, злятся, не позволяют сундук открывать.

Взяли мачеха с дочкой сундук за ручки и потащили в дом. А в полночь заперли они двери и открыли сундук да как закричат:

— Ой, вай дод! Спасите! Вай дод! Драконы!

В сундуке два больших дракона сидели.

Проглотили драконы старуху с ее сварливой дочкой, вылезли через окно и улетели.

А соседи услышали крики и вопли в доме, побежали на помощь, разбили дверь и видят — никого в доме нет.

Так и не нашли нигде злую мачеху и ее сварливую дочку. А старик и Зумрад после этого жили мирно и счастливо.

СОКИ-СКРЯГА И БОКИ-СКРЯГА

давние времена жили два приятеля: Соки-скряга и Боки-скряга. Совсем были они не похожи друг на друга. Один был высок и худ, другой был низок и толст. Но в скаредности и жадности они не уступали ничем друг другу. Хотя Соки-скряга и Боки-скряга дня не могли прожить один без другого, но никто из них ничем и никогда не помогал друг другу. И Соки-скряга и Боки-скряга в укромных местечках закопали глиняные горшки с медяками. А за целую жизнь накопали медяков они немало.

Но Соки-скряга и Боки-скряга ели плохо и одевались в старые и рваные халаты. Недаром их прозвали скрягами.

Однажды Соки-скряга сидел у себя дома и пересчитывал свои медяки. Думал он, как бы получше их припрятать, чтобы жена и дети не подглядели.

Захотелось ему есть. Выглянул он во двор и позвал свою жену:

— Эй жена, давай обедать!

— А ты дал мне денег, с чем пойти на базар? — спросила жена.— Нет у нас обеда.

Покряхтел Соки-скряга, поворчал, но делать нечего: не станешь же тратить деньги на пустяки.

— Ладно,— сказал он,— пойду я в гости.

И пошел в гости к Боки-скряге.

А у Боки-скряги жена пекла лепешки. Румяные, поджаристые, так и просились они в рот.

Протянул только к лепешкам руку Соки-скряга, а старуха проворно схватила их и унесла в дом.

Соки-скряга даже не обиделся — привык он к тому, что Боки-скряга никогда никого не угощал.

Так и просидел Соки-скряга весь вечер голодный в гостях у Боки-скряги.

Наступила ночь, и Соки-скряга остался ночевать у своего друга. Старуха постелила им на террасе.

Только Соки-скряга стал засыпать, как услышал шепот:

— Когда гость заснет, ты разбуди меня и накорми,— говорил Боки-скряга жене.

Скоро Боки-скряга заснул.

Хотелось спать и Соки-скряге, но он был так голоден, что все время только и думал, как бы съесть те лепешки.

Тихонько встал он, взял одеяло и лег на краю террасы.

Прошло немного времени, и старуха, подумав, что гость уже давным-давно спит, решила разбудить Боки-скрягу. На дворе стояла такая темень, что нельзя разглядеть пальцев на вытянутой руке.

Подошла старуха к террасе и, думая, что будит мужа, давай тормошить гостя.

— Скорей вставай,— шептала она.— Гость спит. Иди ешь!

Соки-скряга только этого и ждал. Накрыв одеялом

лицо, чтобы старуха не узнала его по голосу, он пробурчал:

— Иду!

Принялся он уплетать лепешки за обе щеки. Старуха напекла лепешек на целый месяц, а Соки-скряга съел их все за один присест.

Удивилась старуха, никогда ее муж не был таким обжорой.

Наелся Соки-скряга, выспался и ушел.

Утром Боки-скряга встал злой и голодный и говорит старухе:

— Почему ты не разбудила меня? Я чуть с голоду не помер!

Удивилась старуха:

— Как же так? Вчера ты съел все лепешки, что я напекла на целый месяц.

Понял Боки-скряга, что все лепешки съел его друг.

Так Соки-скряга перехитрил Боки-скрягу. Перехитрить-то перехитрил, да сам от обжорства заболел. И провалялся целый месяц.

Вот так-то Соки-скряга и Боки-скряга сами наказали себя за жадность.

ЧЕЙ СОН ЛУЧШЕ

На пороге мечети сидели два муллы. Смотрят они — мимо идет охотник, а в руках у него здоровенный гусь.

— А гусь вкусный,— пробормотал один мулла.

— Очень вкусный,— согласился другой мулла.

— Нельзя ли нам съесть этого гуся? — сказали они в один голос и давай руками подзывать охотника. Охотник подошел и поклонился.

— Здоровья вам, святые отцы,— поздоровался он с муллами.

— Отдай гуся нам. Тем самым ты свершишь богоугодное дело,— сказали муллы.

Делать нечего. Разве можно спорить со святыми муллами?

— Хорошо, берите, варите. Только будем есть гуся

вместе,— сказал охотник и отдал гуся. Муллы положили гуся в котел и принялись его варить. Когда похлебка была готова, они сказали охотнику:

— Теперь все ляжем спать. Кто увидит самый хороший сон, тот и съест гуся.

Пришлось охотнику согласиться и на это. Все трое улеглись спать. Скоро муллы заснули, а охотник лежал, и сон не шел к нему. Тогда он встал и заглянул в котел. Пахло так вкусно, что охотник, недолго раздумывая, съел и похлебку, и гуся. Поев, охотник лег и заснул.

Утром муллы начали рассказывать свои сны.

— Я вознесся на небо,— заявил первый мулла.

— А я опустился на дно морское,— сказал второй мулла.

Потом они обратились к охотнику:

— Ну рассказывай свой сон.

Охотник сказал:

— А я видел во сне, как один из вас вознесся на небо, а второй опустился на дно морское. Испугался я, а вдруг гусь протухнет, пока вы, уважаемые, не вернетесь, и поспешил его съесть.

БОГАЧ, СКУПЕЦ И БЕДНЯК

ыплыла из-за туч луна. Круглая, блестящая, словно начищенный медный таз. Увидел её богач. Зачмокал от удовольствия толстыми губами. А потом вздохнул:

— Если бы это была золотая таньга и упала ко мне во двор!..

— О, мой повелитель! Осмелюсь полюбопытствовать: как бы вы ею распорядились? — спросил слуга, сгибаясь в поклоне.

— Я бы скупил себе все города, дворцы, пастбища и поля, что есть на свете. Я стал бы самым богатым человеком!

Увидел скупец луну над своим садом, где он зарывал клад, и сказал:

— Вот если бы луна была золотой тюбетейкой!

— Что бы вы с ней сделали, отец? — спросил сын, помогавший ему рыть землю.

— Как что?! — удивился скупец.— Я сразу бы спрятал тюбетейку в самый глубокий сундук. И надевал бы только тогда, когда нужно идти на званый той. Все бы лопнули от зависти.

Показалась луна над ветхой лачугой бедняка. Он сидел на циновке и хлебал жидкую похлебку.

— Ах, если бы луна превратилась в огромную лепешку! — мечтательно произнес бедняк.

— Неужели ты бы съел её один? — улыбнулась жена и присела рядом.

— Конечно, нет!

— Как же бы ты поступил?

— Я бы разделил лепешку между всеми бедняками и нам бы с тобой оставил чуток!

ЗОЛОТАЯ ТЮБЕТЕЙКА

давние времена в одном кишлаке жил бедный старик. Кроме единственного внука по имени Бурибай и маленькой лачуги у него не было ничего. С детских лет Бурибай рос ловким и умным мальчиком. Только в отличие от других детей он мало играл со своими сверстниками, больше помогал по дому: собирал хворост, таскал воду из дальнего колодца. Ему всегда хотелось хоть чем-нибудь да помочь деду.

Старик всю свою жизнь не разгибая спины работал на бая. Тем и кормились. И была у старика одна заветная мечта: накопить из своего скудного заработка немного денег для любимого внука. Он думал: «Вырастет мой внук, станет большим, вот деньги и пригодятся. Авось и вспомнит добрым словом меня!»

Тяжким трудом удалось старику накопить несколько золотых монет.

Однажды летом Бурибай отправился за айраном для похлебки. А когда вернулся домой, увидел грустную картину: дед сидит на земле и горько плачет.

— Дедушка, что с тобой? Почему ты плачешь? — забеспокоился внук.

Старик поднял на внука опечаленные глаза.

— Только что к нам в дом забрался вор. Он утащил

деньги, которые я всю жизнь копил для тебя, о мой бедный внук!

И старик еще сильнее затрясся от обиды и горечи.

— Ладно, дедушка,— успокаивал внук.— Ты лучше опиши мне, в какую одежду он был одет?

— На нем был длинный халат, на ногах сапоги. На голове старая тюбетейка.

— Ты видел в какую сторону он побежал?

— Во-он по той дороге,— кивнул дед, показывая в сторону старой чинары.

Бурибай, не теряя ни минуты, кинулся вслед вору.

Так он бежал, выбиваясь из сил, пока не увидел незнакомого человека. По всем признакам это был тот самый вор. Бурибай незаметно пошел в обход и оказался далеко впереди у большого колодца. Тут он и присел в ожидании. Когда вор стал приближаться, Бурибай, нарочно, чтобы это было видно, бросил в колодец камушек и громко заплакал.

— Эй, мальчик, чего ты ревешь? — спросил вор.

— Я сын богача Кузыбая вон-он из того селения,— сказал Бурибай, стараясь реветь пуще прежнего.— Отец купил мне золотую тюбетейку, которую я носил до сих пор. Но, подойдя к колодцу, я заглянул в него, и — о горе мне! — уронил драгоценный подарок. Вай, вай, теперь меня накажут!

— Ничего, не бойся,— заверил его вор.— Сейчас мы твою тюбетейку достанем. А сам, ликуя в душе, подумал: «Хороший будет для меня подарок. Так я ее и верну этому глупому мальчишке».

С этими мыслями вор разделся и спустился в глубокий колодец. А Бурибай только этого и ждал. Он мигом обшарил халат вора, нашел драгоценный мешочек деда с золотыми монетами и радостный побежал в свой родной кишлак.

Тем временем вор долго искал в колодце золотую тюбетейку, и, не найдя, огорченный вылез на поверхность.

— Эй, мальчишка! — завопил он с досады, но никого вокруг не увидел.

Так и остался бессовестный вор стоять с разинутым ртом.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЗАЯЦ

лучилось так, что Насретдин Афанди при встрече с кишлачным казием отвесил недостаточно низкий поклон. Казий, человек спесивый и алчный, возненавидел Афанди и стал распространять о нем обидные слухи, стараясь его унизить. Афанди знал об этом, но помалкивал.

Однажды приятель-охотник принес Насретдину Афанди из степи двух живых зайцев. Посадив одного из них в яму под печкой для лепешек и наказав жене приготовить обильное угощение, Афанди засунул другого себе за пазуху и прямехонько направился в казихану.

Увидев Афанди, смиренно переступающего порог, казий возликовал про себя: «Ага! Пожаловал-таки! Хотел бы я посмотреть, как ты пренебрег бы мной!»

Приветливо встретив неожиданного посетителя, он усадил его рядом с собой и сказал:

— Добро пожаловать, Насретдин!

— Таксыр,— отвечал Афанди.— Во всем нашем кишлаке нет человека, так много знающего и столь осведомленного обо всем, как ваша милость. Как хочется посидеть с вами, поговорить о том о сем с таким мудрецом. Вы не поверите, как я истосковался по умному собеседнику. Так что прошу вас, если изволили простить меня, недостойного, пожалуйте ко мне вечерком в гости.

— Что вы сами пришли — богоугодное дело сделали. Вины ваши я вам прощаю. Но что касается угощения, нельзя ли отложить его на другой день?

— Невозможно, таксыр! Мне хотелось бы именно сегодня видеть у себя вашу милость. Завтра, может статься, я уеду в город.

— Ну если так, ничего против не имею. Я в вашем распоряжении.

Тут Афанди вытащил из-за пазухи зайца и, держа его за уши, заговорил:

— Скачи, не задерживаясь на дороге, прямо домой и скажи хозяйке, пусть приготовит манты и поставит варить казы. Да еще пусть спустится в подвал и достанет из-под соломы два кувшина мусалласа, а потом пусть положит дыни и арбузы в арык, дабы они охладились. А сам ты примешься чистить морковь для плова, а кожуру можешь съесть.

Казий сидел разинув рот и выпучив глаза от удивления.

— Насретдин, вы что, за дурака меня считаете? — рассердился он.— Разве можно говорить такое бессловесному существу?

— Не стану я расхваливать своего зайца, таксыр,— возразил Афанди,— но если он хоть одно из моих поручений не выполнит, плюньте мне в лицо за моим же дастарханом. Мой заяц не простой, а ученый.

Сказав это, Афанди выпустил зайца из рук. Вырвавшись на волю, длинноухий прямехонько поскакал в поле и через минуту исчез в густом клевернике.

Спустя час или два, Афанди и казий пустились в путь, беседуя о чудесах и удивительных вещах. Войдя в дом Насретдина Афанди, казий поразился до глубины души: в михманхане был разостлан дастархан, обильно заставленный всякой снедью и лакомствами. Тут же стояли два кувшина с прохладным мусалласом, со двора доносился запах манты, а в сторонке стояла большая миска, полная нарезанной моркови, лука и мяса для плова. Предвкушая обильное угощение, казий спросил Афанди:

— А где же ваш заяц, что-то я его не вижу, мулла Насретдин?

— Да вот он, сидит под печкой для лепешек,— ответил Афанди.— Сидит быстроногий и морковную кожуру ест.

Заглянул казий под печку, видит — действительно, сидит заяц в яме и уплетает морковную кожуру.

После угощения казий распрощался и ушел домой но все мысли его остались с зайцем под печкой. С того дня потерял наш казий покой.

Вызвал он к себе Афанди и сказал:

— Вы меня знаете, Насретдин. Хоть и были мы с вами не в ладах, но в душе я, однако, относился к вам всегда хорошо. Всем расхваливал ваши добродетели. Окажите и вы мне услугу: продайте вашего зайца! Поверите, ночи не сплю, так хочется заполучить его.

— Трудную задачу задали мне, ваша милость,— ответил Афанди.— Не хотелось бы мне расставаться с зайцем. Ведь он заменяет мне слугу. То ему поручишь, другое. Да и дорого обошелся он мне: сотню червонцев отдал за него...

Возмутился казий. Никак он не мог поверить, чтобы заяц стоил таких бешеных денег — сто золотых! Но

жажда иметь необыкновенного слугу пересилила алчность, и он согласился уплатить за него названную сумму.

— Но это еще не все, ваша милость,— продолжал Афанди.— Заяц прожил у нас больше года, мы его кормили, это тоже что-нибудь стоит. Он ел только самое свежее и вкусное...

— Ладно, сколько еще? — нетерпеливо спросил казий.

— На содержание зайца я потратил около пятидесяти золотых, ваша милость.

— Возьмите еще пятьдесят червонцев!

— Ничего не поделаешь,— вздохнул Насретдин Афанди,— так и быть, я уступаю своего зайца, ваша милость. Никому другому не продал бы.

Обрадовался казий: шутка ли заполучить такого необыкновенного зайца! Как будут поражены друзья и лопнут от зависти враги! Недолго думая, позвал он к себе писарей и слуг и тут же приказал, обращаясь к зайцу:

— Беги домой и передай хозяйке, чтобы сейчас же приготовила плов. И скажи, что я приду не один, а приведу гостей.

Заяц прыгнул — только его и видели.

Привел казий друзей и знакомых к себе в дом, а там даже и не пахнет пловом. Смотрит — хозяйка ушла в гости, очаг холодный, дров нет, котел не вымыт, нет в доме ни риса, ни моркови.

Гости обиделись и ушли.

Понял казий, что Афанди посмеялся над ним. На другой день вызвал он его и давай в ярости кричать:

— Ты посмел обмануть меня! Верни же мне мои сто пятьдесят золотых!

Афанди невозмутимо ответил:

— Во-первых, ваша милость, я вам вовсе не предлагал купить зайца, вы сами настояли, чтобы я его продал вам. И я, уважая ваше достоинство, исполнил вашу просьбу. Во-вторых, скажите мне, пожалуйста: давая зайцу поручение, вы показали ему дорогу до вашего дома?

— Н-нет,— растерянно ударил себя казий по лбу,— заяц не знал дороги.

Насретдин Афанди захохотал:

— Вот так-та-ак! Да как же бедный заяц может

найти ваш дом, если он дорогу не знает! Бедняга, наверно, до сих пор разыскивает по всему кишлаку ваш дом... Ай-яй-яй, а еще казием зоветесь!

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ЖИЗНИ НАСРЕТДИНА АФАНДИ

Своим остроумием Насретдин Афанди снискал милость падишаха и получил доступ ко двору. Как-то в доме Афанди не осталось ни копейки, и он решил обратиться к повелителю за помощью, но, как это часто бывает с правителем, у падишаха в тот день было плохое настроение. Двери шахской сокровищницы не открылись, и Афанди ушел ни с чем.

На другой день, возвращаясь с охоты, падишах вдруг вспомнил, что обошелся неласково с Насретдином Афанди, и решил наградить его деньгами и дичью, которую настрелял в изобилии. С этой целью он повернул коня к его дому. Со двора Афанди доносились звуки веселой песни и крики пирующих. Падишах с удивлением различил даже голоса самых известных певцов города. «Тут явно какая-то тайна,— подумал падишах.— Афанди только вчера жаловался: «У меня нет денег купить хлеба детям». Откуда же он взял деньги на пирушку? Не иначе занимается воровством. Завтра обязательно надо выяснить, в чем дело».

Падишах поехал своей дорогой, а на следующий день вызвал Афанди к себе и спрашивает:

— Где вы берете деньги на пирушки, Афанди? Говорите только правду. Ведь вы вечно жалуетесь на бедность!

— Скажу вам лишь одно, великий падишах: эти деньги не из вашей сокровищницы.

Все больше распаляясь от гнева, падишах воскликнул:

— Говорите правду. Если не скажете мне, откуда берете деньги, я немедленно позову палача!

Афанди рассмеялся:

— Скажу, мой падишах, скажу! После того как вы, великий падишах, закрыли предо мной ворота своей щедрости и великодушия, мне ничего не осталось, как при-

думать какой-нибудь способ добывать на пропитание себе и своим детям. Я бьюсь об заклад с разными людьми на большие деньги и чаще всего выигрываю. Если будет вам угодно, то и с вами я готов биться об заклад.

— На что? — заинтересовался падишах.

— Завтра ровно в полдень на мягком месте моего падишаха, пониже спины, вскочит здоровенный чирей. Если нет, плачу́. Какова ставка, мой государь?

— Сто золотых! Платить наличными!

— Повинуюсь, великий падишах. По рукам!

Они ударили по рукам, и Афанди отправился к себе домой, а падишах всю ночь не сомкнул глаз. То и дело он ощупывал место пониже спины: не вскакивает ли чирей? Ни утром, ни в одиннадцать часов, ни в полдень чирей не вскочил. Обрадовался падишах и приказал седлать коня.

— Хвастун Афанди проиграл,— ликовал падишах.— Вот уж покажу я ему! Посмотрим, где он возьмет сто золотых!

Афанди встретил падишаха у калитки и отвесил ему глубокий поклон.

— Нет у меня никакого чирея! — сказал падишах.— Платите, Афанди, проигрыш.

— Сто золотых ожидают моего повелителя,— отвечает Афанди.— Но ведь я должен посмотреть своими глазами! Пожалуйте в михманхану.

Проведя падишаха в дом, он попросил его стать спиной к окну и разоблачиться. Посмеиваясь, падишах исполнил просьбу Афанди и, торжествуя, воскликнул:

— Ну как, Афанди, убедились?

— Вы правы. Вот ваши сто золотых! — ответил Афанди, почтительно протягивая кошелек.

Довольный, что провел такого хитреца, как Афанди, падишах забрал золото и отправился к себе во дворец.

На следующий день он узнал, что у Насретдина Афанди устроен пир, который затмил своей пышностью предыдущий. Изумившись, падишах послал за Афанди и спросил его:

— Послушайте, Афанди, только вчера вы проиграли мне сто золотых и устраиваете пир. Или вы дурачите меня?

— Разве я осмелюсь, великий падишах? — почтительно ответил Афанди.— Я очень мудр. Правильно, я

бился об заклад с вами и проиграл, но в то же время я бился об заклад на ту же ставку с двадцатью другими людьми и выиграл.

— Каким образом?

— Я им сказал, что если они придут ко мне после полудня, я сумею показать им самое нежное место нашего повелителя. Они не поверили. Я побился с каждым из них об заклад на сто червонцев. Вы приехали ко мне, и так как чирей у вас не вскочил, я уплатил вам проигрыш, сто золотых. Но те двадцать человек, что стояли под моим окном, увидели то, на что они бились со мной об заклад, и проиграли мне две тысячи золотых.

Вот и все, великий падишах!

КУДА ДЕВАЛСЯ КОТ

Купив три фунта баранины, Насретдин Афанди принес ее домой и попросил жену приготовить пельмени, а сам ушел в чайхану поболтать с друзьями. А жена испекла самсы с бараниной и, сложив их в миску, отнесла родственникам. Скорехонько вернувшись, она сварила постную лапшу и села поджидать мужа.

Вскоре явился усталый, голодный Афанди.

— Ну как, женушка,— закричал он,— готовы пельмени? В кишках так пусто, аж рези начались. Давай-ка неси их!

Жена поставила перед ним на дастархан миску с лапшой.

— Ишь,— удивился Афанди,— а где же пельмени?

— Пока я месила тесто,— сказала жена,— проклятый кот утащил все мясо. Пришлось сварить постную лапшу.

Афанди, поймав кота, взвесил его: потянуло ровно три фунта.

— Жена, а давно ли кот съел мясо? — спросил Афанди.

— С полчаса прошло, я думаю.

— Ты права, жена, кот весит ровно три фунта. Мясо он сожрал целиком. Только куда девался сам кот, вот чего я не пойму! — удивлялся Афанди.

НОВЫЙ ОСЕЛ НАСРЕТДИНА АФАНДИ

упил Насретдин Афанди на базаре нового осла и уже собрался ехать обратно, как вдруг вспомнил, что дома разбилась большая глиняная корчага. Поехал он в горшечный ряд и купил отличную корчагу. Недолго думая, надел он ее себе на плечи.

Едет Афанди на осле, а куда — не знает. Голова-то у него оказалась в корчаге, и он видит только ноги осла.

После долгого пути осел наконец остановился, Афанди подумал: «Ну, я приехал уже домой»,— и начал звать сына:

— Помоги снять с меня корчагу.

Долго он кричал. Наконец кто-то снял с него корчагу.

Афанди огляделся и ничего не мог понять. И кишлак и люди были чужие.

— Да никак это Афанди! — воскликнул кто-то.— Вы зачем же к нам привезли корчагу?

Только теперь Афанди сообразил, что осел завез его совсем в другое селение, и рассердился.

— Эй, ишак! — закричал он.— Ты хочешь, чтоб я поселился здесь. Тогда сейчас же перевези сюда мою семью, это уже твоя обязанность! — и прогнал осла.

«ТВОЯ ПРАВДА!»

асретдина Афанди в народе знали как справедливого человека, поэтому всякий, кто приходил к нему со своими горестями и невзгодами, уходил от него утешенный и успокоенный. Придет к нему кто-нибудь и посетует, что по бедности не может жениться, Афанди ему говорит: «Твоя правда!» Придет другой и поплачется на безденежье. И с тем соглашается Афанди: «Твоя правда!» Придет третий, пожалуется на плохой характер жены. И тому он скажет: «Твоя правда!»

Слушала жена Афанди, слушала, как он всем и каждому дает одинаковые ответы, и сказала:

— Удивляюсь я вам, какой вы бестолковый! По-вашему выходит, что и правый прав, и виноватый прав. А еще зовут вас мудрым и справедливым! Не грешно ли так делать?

Афанди ответил жене:

— Твоя правда!

ПРОТИВНЫЙ ОСЕЛ

У Насретдина Афанди пропал осел. По поручению Афанди в базарный день глашатай объявил:

— Эй, базарные люди! Не говорите, что не слышали. Тому, кто найдет осла Насретдина Афанди, он обещает дать в награду все, начиная от ушей и кончая хвостом осла!

Один приятель Афанди спросил его:

— Дорогой Афанди, я не понимаю вас. Если в награду хотите отдать осла, начиная от его ушей и кончая хвостом, то что же останется вам?

— Мне останется сам осел,— отвечал Афанди.

— Как так?

— У моего осла нет ни ушей, ни хвоста: их давно обрубили,— ответил Афанди.

НАСРЕТДИН АФАНДИ НЕ ЗНАЕТ, КАК УГОДИТЬ ЛЮДЯМ

садив сына на осла, Насретдин Афанди сам шел пешком. Сидящие в чайхане завсегдатаи засмеялись:

— Поглядите-ка на этого человека! Здорового сына усадил на осла, а сам, старик, шагает пешком! Ха-ха-ха!..

Афанди ссадил сына с осла, а сам забрался в седло. В пути вновь попалась чайхана.

— Смотрите, добрые люди! — говорили люди.— Есть

совесть у этого человека? Сам уселся на осла, а маленький сын плетется по пыли! Подумать только, какие бывают бессердечные отцы!

Тогда Афанди посадил сына на осла позади себя, и поехали дальше. Но на беду по пути пришлось им проезжать опять мимо чайханы. Какой-то бездельник закричал остальным:

— Ба, вы только посмотрите на этого безжалостного изверга! Мало того, что сам уселся на несчастное животное, он и сына туда посадил! Вот-вот у осла переломится хребет!

Эти слова еще пуще задели Насретдина Афанди. Он и сын его спешились и отправились дальше, ведя осла на поводу. Но и тут зеваки не оставили Афанди в покое. Они насмехались:

— Глядите-ка на Афанди, он идет пешком и сыночка мучает! Ну не осел ли он после этого, а?

Тут Афанди, бросив повод и ткнув осла в бок ногой, в сердцах сказал:

— Возьмите осла себе! Я вижу, мне будет без него поспокойнее!

ДВЕ ЛЕПЕШКИ

оздний вечер застал Насретдина Афанди в дороге, и он, решив заночевать, остановился у одного знакомого. Встретил тот Афанди приветливо, но, то ли было уже поздно, то ли не догадался — ничем его не покормил и уложил спать в саду.

Долго не мог заснуть Афанди — голод давал знать о себе, наконец не выдержал и постучался в дом.

— Кто там? — спросил хозяин.

— Это я, ваш гость, Афанди!

— А я думал, вы уже спите!

— Извините, не могу уснуть: подушка очень мала! Дайте, пожалуйста, две лепешки, да потолще, я подложу их себе под голову! — ответил Афанди.

ОТЛИЧНАЯ КОРОВА

асретдин Афанди решил продать корову. Молока она давала мало, да и к тому же она оказалась норовистой, бодалась и лягалась.

Привел Афанди корову на базар. Здесь его обступили маклеры.

— Хотите продать корову? — спросили они.

— Да,— сказал Афанди,— никуда не годная корова, молока не дает, бодается.

Тогда один из маклеров отвел его в сторону и шепнул ему на ухо:

— Никому больше не рассказывай о пороках этой скотины. Давайте я продам ее, а сами посидите в чайхане.

Сидел Насретдин Афанди в чайхане и вдруг услышал голос своего маклера, кричавшего:

— Вот отличная корова! Кому нужна отличная корова? Посмотрите на вымя, посмотрите на рога! Мирная корова, а молока дает столько, что им можно напоить целый квартал!..

«Как же я не знал этих качеств своей коровы? — подумал Афанди.— Где я найду вторую такую? Не буду продавать!»

Он побежал к маклеру и, вырвав из его рук веревку, увел корову домой.

КАКОВ УЧИТЕЛЬ, ТАКОВЫ И УЧЕНИКИ

ударрис медресе занемог. Пришел к нему один из его учеников и сказал:

— О господин мударрис, вы похудели, точно бродячая собака!..

Мударрис обиделся, но промолчал.

Пришел второй ученик, и мударрис сказал с обидой в голосе:

— Увы! Что за времена? Только что один из моих учеников сравнил меня с собакой...

Второй поспешил успокоить его:

— Вы не очень-то верьте этому пустозвону, господин!

Вернется к вам здоровье, поправитесь и станете толстый, как свинья!

Мударрис еще больше обиделся, но опять промолчал. Наконец пришел к нему Насретдин Афанди, и мударрис начал изливать ему свою обиду:

— Какой народ пошел нынче, уважаемый Афанди! Один мой ученик сравнил меня с собакой, другой — со свиньей!

— Не сокрушайтесь, таксыр! Каков учитель, таковы и ученики! Я бы палкой отколотил учителя! — ответил ему Афанди.

ОСЕЛ — НАСТОЯТЕЛЬ МЕЧЕТИ

ривез на своем осле Насретдин Афанди на мельницу зерно, отнес мешок мельнику, а сам приступил к совершению намаза. Тем временем осел забрался в амбар с пшеницей, наелся и отправился в рощу подремать.

После намаза Афанди обнаружил, что осел куда-то исчез.

— Кто знает, куда девался мой осел? — спросил он у дехкан, сидевших около мельницы.

Один шутник воскликнул:

— Как, Афанди, разве вы не слышали, что ваш осел назначен настоятелем мечети? Сходите, сами убедитесь!

Оставив свою пшеницу на мельнице, Афанди поспешил в мечеть. Видит: у мечети сидит новый настоятель мечети, человек здоровенный, длинноухий, с темной кожей, заросшей бородой, и совершает предмолитвенное омовение. Подойдя к нему, Афанди сказал ему:

— Ну, поздравляю тебя с имамством...

Настоятель вежливо ответил ему:

— Благодарю! Вы тоже нашего прихода?

— Он еще спрашивает, какого я прихода! Вот хитрец!..

Настоятель мечети удивился:

— Да что с вами? И кто вы такой, почему называете меня хитрецом?

Афанди до того развеселился, что присел на корточки и принялся хлопать себя по коленям:

— Ну и ну! То, что ты стал настоятелем мечети, неплохо. Я доволен. Ладно! Но прошу тебя: сослужи мне последнюю службу, отвези с мельницы муку домой...

Не успел Афанди досказать, как получил здоровенную оплеуху.

— Ай, спасибо тебе...— проговорил он, потирая щеку.— И это за то, что, когда люди кормили своих ослов ячменем, ты получал у меня белую кукурузную муку... Спасибо, спасибо...

Возвратился Афанди на мельницу и видит: стоит его осел, понурив голову.

— Ага! — со злорадством проговорил Афанди, грузя на него мешки с мукой.— Опомнился! Стыдно стало!

ЗАПАХ ШАШЛЫКА

Когда однажды Насретдин Афанди замещал уехавшего из города судью, к нему в канцелярию как-то пришли два горожанина, один с жалобой на другого.

— Я бедный шашлычник, ваша милость,— заявил истец.— Этот жулик подержал над поджаривающимся шашлыком лепешку и ушел, не заплатив. Ваша милость, ведь лепешка-то впитала запах моего шашлыка? Прикажите этому мошеннику, пусть он заплатит.

Афанди с важностью посмотрел на ответчика и задал вопрос:

— Верно ли говорит уважаемый шашлычник?

— Верно, господин судья! — отвечает тот.

Тогда Афанди побренчал мелочью в кармане и подозвал шашлычника:

— Слышишь? — спросил Афанди.

— Слышу, ваша милость,— ответил тот удивленно.

— Иди с богом. Ты сполна получил за запах шашлыка,— сказал Афанди.

НАСРЕТДИН АФАНДИ — ПРОПОВЕДНИК

астоятель приходской мечети иногда приглашал Насретдина Афанди читать проповедь. Однажды, поднявшись на минбар, Афанди обратился к молящимся с вопросом:

— Знаете ли вы, о чем я нынче собираюсь читать проповедь?

— Нет, не знаем! — ответили прихожане.

— Ну, тогда мне с вами не о чем и толковать! — заявил Афанди.

Прихожим хотелось послушать Афанди, и когда в следующую пятницу он спросил их:

— Знаете ли вы, о чем я хочу говорить в проповеди?

Они хором ответили:

— Знаем, знаем!

— Ну, если знаете, зачем я буду говорить об этом,— сказал Афанди.

В следующую пятницу Афанди опять спросил с высоты минбара:

— Знаете ли вы, о чем собираюсь сказать вам?

Тогда прихожане решили перехитрить Афанди, и половина верующих ответили: «Знаем!», а другая половина — «Нет, не знаем!»

— Очень хорошо,— обрадовался Афанди и добавил: — Пусть те, кто знает, расскажут тем, кто не знает!

БЫЛА У МУЛЛЫ КОРОВА

ыло или не было, но когда-то в селении Ширин, где жил Насретдин Афанди на шее ширинцев, как клещ сидел ревнитель благочестия мулла Сеид Рухулла. Была у него пребольшущая, с дом величиной чалма и густая борода, точно заросли камыша.

День и ночь Сеид Рухулла молился. Завел он обычай, чтобы все ширинцы молились и платили мзду.

— Веселишься — молись и плати, плачешь — молись и плати, хоронишь — молись и плати, женишь сына —

молись и плати, обедаешь — молись и плати, пашешь — молись и плати.

— Молись аллаху, а плати мне,— говаривал всегда мулла Сеид Рухулла.— Отринь высокомерие и гордость, посыпь темя прахом и плати. Жертва твоя угодна богу.

Молились ширинцы аллаху, а даяния несли мулле.

Однажды в кишлак Ширин прилетел аист, опустился на верхушку минарета, что около мечети, и стал вить гнездо. Увидел аиста мулла Сеид Рухулла и объявил ширинцам:

— Правоверные, поистине над нами высшая благодать. Наше селение почтил своим священным присутствием сын божий.

— Где? — удивились ширинцы.

— Вон, на вершине священного минарета!

Посмотрели ширинцы, видят — самый обыкновенный аист со своей аистихой хлопочет в гнезде.

Покачали головами ширинцы, но приходится верить мулле Сеиду Рухулле. На то он и мудрый мулла, чтобы ему внимать и его слушаться.

Не поверишь — прибегут эмирские прислужники и всю священную премудрость вколотят в спины правоверных палками.

Помолился мулла Сеид Рухулла по случаю прибытия сына божия в Ширин и сказал:

— Надо угостить сына божия.

Собрались ширинцы около минарета, посудачили, потолковали, решили:

— Надо угостить. Только чем угощать! Эй, мулла,— спросили ширинцы,— а что ваш сын божий кушает?

Мулла Сеид Рухулла показал на белый помет, которым аисты запачкали купол минарета, и с важностью сказал:

— Вот, видите, сын божий кислое молоко кушает, кроме того, кашу молочную рисовую кушает, горох вареный кушает, плов кушает. Все кушает, все несите.

Понесли из своих домов ширинцы кто кислое молоко, кто горох, кто плов, кто кашу.

Стали приглашать сына божия, а он с минарета не слезает и «ляк-ляк-ляк!» клювом щелкает.

Помолился мулла Сеид Рухулла и сказал:

— Отнесите, правоверные, угощение ко мне домой. Сын божий говорит: «Здесь не хочу кушать».

Постелили на айване у муллы скатерть, расставили

блюда, миски, тарелки, а сын божий все смотрит с минарета и только «ляк-ляк-ляк!» клювом щелкает.

Мулла Сеид Рухулла опять помолился и сказал:

— Ну, правоверные, идите по домам. Сын божий не желает при народе кушать.

— Э, нет,— запротестовали ширинцы,— веди, зови сюда сына божьего. Что же, старались мы, готовили угощение, а он нейдет. Позови его сюда.

Знал мулла Сеид Рухулла, что ширинцы народ упрямый, пошел к минарету:

— Эй, сын божий, иди к нам, угощение готово.

Ни уговоры, ни просьбы не помогли. Аист только свое «ляк-ляк-ляк!» клювом щелкает.

Полез мулла Сеид Рухулла на минарет. Высунул голову и опять кричит:

— Эй, сын божий, не упрямься, сойди вниз. Угощение готово!

Аист опять свое «ляк-ляк-ляк!»

Хотел уже мулла Сеид Рухулла вниз спускаться, но ширинцы опять закричали:

— Лезь выше, мулла! Лезь выше! Поговори с сыном божьим.

— Ой,— говорит мулла Сеид Рухулла,— как бы меня сын божий на небо не унес.

— Ничего, не унесет. Ты жирный! Ты тяжелый,— кричит Афанди.

Полез мулла Сеид Рухулла на крышу минарета. Просунул голову сквозь хворост, из которого гнездо сплетено, и приглашает так, чтобы все ширинцы слышали:

— О господин сын божий, не упрямься, не кичись, пожалуй вниз, угощение готово.

И вдруг ширинцы слышат: мулла Сеид Рухулла кричит истошным голосом:

— Караул! Дод! Спасите!

Аисты испугались за своих птенцов, приняли высокопочтенного муллу Сеида Рухуллу за жадного кота и давай его долбить своими железными клювами.

— Спасите! — кричит мулла Сеид Рухулла, а спуститься вниз не может. Мудрая голова его застряла в гнезде.

Видят ширинцы — надо спасать духовного пастыря. Полезли на минарет.

А мулла все кричит:

— Дод! Спасите!

Афанди тогда крикнул:

— Тяните муллу за ноги!

Схватили ширинцы муллу Сеида Рухуллу за ноги, тянули что есть силы, тянули и после долгих усилий и стараний стянули вниз. Как он облегчал им груз головы, так они облегчили ему груз шеи.

Начали ширинцы поздравлять благочестивого муллу Сеида Рухуллу со счастливым избавлением, а он молчит.

Посмотрели и удивились. Как будто мулла Сеид Рухулла, а чего-то не хватает.

— О убежище религии, соблаговолите обратить внимание на своих почитателей,— говорят ширинцы.

Но ответа не было.

Тут Афанди посмотрел и говорит:

— Э, почему у вашего муллы головы нет?

Начали ширинцы между собой спорить. Один говорит — была голова, другой — чалма была, а головы не было.

Тогда Афанди дал совет:

— Позовите жену муллы Сеида Рухуллы.

У нее Афанди спросил:

— Эй, женщина, скажи, была у твоего мужа, вместилища мудрости и благочестия, муллы Сеида Рухуллы, голова или нет?

Подумала женщина и ответила:

— Когда мой муж кушал, у него шевелилась борода, это я знаю, а насчет головы не знаю.

Так и не смогли вспомнить ширинцы, была ли у их высокопочтенного и высокородного муллы Сеида Рухуллы голова.

УЛЕТЕВШИЙ КАЗАНКАБОБ

Очень любил Насретдин Афанди жареных перепелок.

Купив однажды пятьдесят перепелов, он собственноручно ощипал их, выпотрошил и, замариновав в глиняной миске с луком и со всякими острыми приправами, приготовил казанкабоб. Когда все было готово, Афанди ушел в город позвать кого-нибудь из друзей.

Пока он отсутствовал, в дом к нему зашел друг, возвращавшийся с охоты. Зная слабость Афанди, он принес ему в подарок десятка два живых перепелок. Видит охотник: никого в доме нет, а в котле — вкусно пахнущий, с пылу с жару, казанкабоб. Недолго раздумывая, охотник принялся уплетать его. Затем он вычистил котел, посадил в него живых перепелов, прикрыл крышкой и ушел.

Вскоре вернулся домой Афанди, ведя за собой дружка. Усадив гостя за дастархан, Афанди поднял крышку, и перепела с шумом вспорхнули и улетели...

Долго сидел Афанди с разинутым ртом. Затем, обретя дар речи, он воздел руки вверх и проговорил:

— О аллах, поистине неисповедимы дела твои! Хорошо, ты оживил перепелов, и казанкабоб улетел. Но скажи мне, кто заплатит теперь мне за них?..

НЕБЕСНЫЙ ДАР

Говорят, что Насретдин Афанди был очень бедный человек, и его многочисленное семейство испытывало нужду в самом необходимом. Не зная, чем помочь горю, Афанди часто в отчаянии с воплями и стонами жаловался на бедственную свою судьбу. Воздев к небесам руки, он громко взывал:

— О аллах, взгляни, хоть одним глазом на печальное положение твоего верного раба. Выдели мне из своих несметных сокровищ милостыню в каких-нибудь тысячу рублей. Что тебе стоит! Но если только ты, всевышний, поскупишься и дашь мне хоть на один рубль меньше, пусть я буду проклят, если я соглашусь принять дар от такого скупого бога!

В соседнем доме жил богатый бай. Он спал на дворе на вольном воздухе и слышал не раз громкогласные жалобы Афанди.

Захотел бай подшутить над Афанди, сложил он в кошелек тысячу рублевок без одной и, когда Афанди снова начал стонать и охать, перебросил кошелек через забор, а сам поспешил подняться на крышу, посмотреть, что будет делать сосед.

Услышав падение чего-то тяжелого и приятный звон серебра, Афанди вскочил, поднял кошелек.

Подсчитав деньги, Афанди обнаружил, что до тысячи не хватает одного рубля. Тщательно обшарил двор Афанди, думая, что обронил одну монету, но так ничего и не нашел.

— О аллах,— сказал громко Афанди,— конечно, ты даровал мне тысячу рублей, но забот у тебя много, и тебе некогда было считать и пересчитывать, вот и вышло, что в кошельке всего девятьсот девяносто девять рублей. Но я не в обиде. Я принимаю дар.

Обрадованный Афанди поспешил в комнату и тщательно запер в сундук свалившееся с неба богатство.

Бай сидел на крыше и все видел и слышал. Так он был потрясен поступком Афанди, что пришел в ужасное расстройство и почти лишился чувств.

Придя в себя, он поспешил к воротам соседа и начал стучаться. Только что легший спать Афанди в тревоге выбежал во двор и поспешил открыть ворота.

— Почтенный сосед,— с удивлением воскликнул Афанди при виде бая,— пожалуйте, гостем дорогим будете. Позднее время не помеха для гостеприимства.

— Я не собираюсь к тебе в гости,— раздраженно воскликнул бай,— отдавай кошелек.

Афанди рассердился:

— Э, уважаемый бай, аллах в своей милости подарил мне кошелек, а вы и к нему тянете свою жадную руку!

Чуть не плача, бай смиренно сказал:

— Дорогой сосед, душа моя, вы каждый день обращались к престолу всевышнего с мольбой: «О аллах, выдели мне из своих несметных богатств милостыню в тысячу рублей. Но если ты, всевышний, дашь мне хоть на рубль меньше, я не возьму дара». Захотел я испытать вас, сосед. Шутки ради, кинул в ваш двор кошелек, в который положил девятьсот девяносто девять рублей. Будьте добры, верните мне мои деньги.

— Какие шутки, господин бай, — возразил Афанди,— я просил аллаха, уговаривал столько ночей, и он сделал чудо, а вы хотите присвоить то, что я заработал.

— Таких чудес, дурак, чтобы аллах швырял всяким бездельникам с неба сотни рублей, не бывает!

— Я просил аллаха, и он дал мне. А ты, не верящий в чудеса, убирайся!

Афанди захлопнул ворота и пошел спать.

НАСРЕТДИН АФАНДИ РАССЧИТЫВАЕТСЯ С ДОЛГАМИ

ак-то Насретдин Афанди задолжал мелкому торговцу и, стараясь не попасться ему на глаза, далеко обходил его лавку. Однажды, поленившись идти окольными переулками, пошел он по большой улице, и тут его окликнул торговец:

— Очень уж затянулся должок, Насретдин Афанди! Пора бы денежки уплатить.

— Спасибо, что напомнили,— ответил Афанди.— Совсем из головы выскочило. Давайте вашу тетрадку — уточним, сколько я вам должен.

Лавочник достал тетрадку, перелистал и заявил:

— За вами, любезный Афанди, тридцать две таньги четыре копейки.

— Только и всего? Пустяки! Но я заметил в вашей тетрадке и имя уважаемого настоятеля мечети Масадыка Махсума. Давайте сложим его долг и мой, я сразу рассчитаюсь с ними.

Торговцу очень понравилось такое предложение. Он пощелкал на счетах и сказал:

— Долг Масадыка Махсума меньше вашего: всего двадцать пять танег.

Афанди выразил признательность торговцу и попросил:

— Неважно я разбираюсь во всяких делах. Скажите-ка, почтенный, если вычесть из тридцати двух танег четырех копеек, что я вам должен, эти двадцать пять танег, сколько останется?

Торговец мгновенно подсчитал:

— Семь танег четыре копейки.

— Прекрасно, господин торговец! — воскликнул Насретдин Афанди.— Вы мне дадите эти семь танег четыре копейки — и мы с вами в расчете!

АФАНДИ И ПАДИШАХ

далекие времена, когда визирем был когтистый тигр, а ясаулом — зубастый волк, однажды в суровую зиму на улицах Бухары затрубили трубы, забили барабаны.

Глашатаи кричали:

— Имеющие уши да не говорят, что не слышали. Великий падишах объявляет: кто из подданных голый проведет на крыше дворца сегодняшнюю ночь, того падишах сделает своим зятем и отдаст ему половину благословенного царства.

Услышав призыв глашатаев, Насретдин Афанди подумал:

«Живу я голодно и холодно. Пойду-ка я на крышу падишахского дворца, проведу ночь на морозе. Или найду смерть от холода, или добуду свое счастье».

Афанди пошел во дворец.

— О предел могущества, я согласен голый ночевать на крыше дворца.

Увидев Афанди, падишах обрадовался. Было ему скучно, и хотел он развлечься и повеселиться.

— Эй, слуги,— закричал падишах,— вот нашелся глупец из глупцов, разденьте его и отведите наверх, на крышу, пусть проберет его мороз до костей.

— О властелин мира, только прикажи своим слугам принести на крышу большой камень.

Удивился падишах:

— Зачем тебе, глупец, камень?

— О господин мудрости, это моя тайна. Только без камня я на крышу не полезу.

Падишах согласился.

— Делай как знаешь. Всю ночь ты будешь сидеть голый на крыше. И теперь кричи не кричи, но до утра тебя оттуда я не отпущу. Умрешь — умрешь, выживешь — жив останешься.

— О предел доброты, я согласен.

По знаку падишаха слуги схватили Афанди, сорвали с него одежду и голого отвели на крышу дворца. Сейчас же они туда притащили большущий камень величиной с барана.

— Завтра придем за твоим бездыханным телом,—

сказали падишахские слуги и, забрав приставную лестницу, ушли.

Было очень холодно, стоял мороз, но Афанди не сидел на месте, а всю ночь ворочал камень то в одну сторону, то в другую. Работал он так старательно, что ему стало жарко и мороза он даже не почувствовал.

Утром, одевшись в меховую шубу, падишах собственнолично, в сопровождении вельмож, явился посмотреть на замерзшего глупца.

Удивился падишах, видит — Афанди живой и здоровый бегает по крыше взад и вперед и приговаривает:

— Ух, жарко! Ух, горячо!

Принесли слуги одежду. Афанди оделся и пошел во дворец. Явился к падишаху и поклонился:

— О столп справедливости,— сказал Афанди,— теперь, когда я провел ночь голый на морозе, давай мне свою дочь и половину царства.

Кто мог подумать, что голый человек может провести на таком морозе целую ночь и остаться в живых? Хотел падишах только позабавиться, а тут надо выполнять свое падишахское слово — отдавать дочь и полцарства какому-то бедняку.

Решил падишах схитрить:

— Э, друг, а ты ночью видел что-нибудь — спросил он.

— Видел,— ответил Афанди,— луну видел.

— Ага, значит, ты согревался светом луны. Вот почему тебе было жарко, хитрец. Не выполнил ты моего условия. Эй, слуги, гоните обманщика из дворца.

По приказу падишаха слуги прогнали Афанди, да еще поколотили впридачу палками.

Побоялся Афанди жить в городе, где такой несправедливый падишах, ушел подальше в пустыню и поселился у колодца.

Однажды в жаркий летний день падишах вместе с визирем охотился в той пустыне на быстроногих джейранов. Целый день охотники скакали туда и сюда, окончательно выбились из сил и, страдая от жажды, начали искать колодец, где бы напиться.

Едут они по пустыне, видят — стоит хижина.

— Эй, хозяин,— сказал падишах,— принимай гостей.

Навстречу падишаху вышел Афанди и низко поклонился.

— Пожалуйте, оплот справедливости! Все, что у нас есть, к вашим услугам.

— Воды,— сказал падишах,— умираю от жажды.

— Сейчас, о властитель вселенной!

Проводив падишаха и визиря в хижину, Афанди побежал к колодцу. Быстро он снял аркан с ведром, зарыл поодаль в песок, а сам сел у колодца и ждет.

Сидит падишах полчаса, сидит час. Афанди нет.

— Проклятие!— говорит падишах, едва не лишившись чувств.— Где этот глупец со своей водой?

Послал он своего визиря искать Афанди.

Вернулся вскоре визирь и говорит:

— Господин, этот глупец требует, чтобы вы сами шли к колодцу.

Возмутился падишах наглостью своего ничтожного подданного, но ничего не поделаешь, встал и пошел к колодцу.

— Где вода?— спросил падишах. И Афанди показал пальцем вниз в колодец.

Глянул падишах и увидел далеко внизу поблескивающую воду.

— Глупец, не могу же я утолить жажду блеском воды,— закричал падишах.

— О полюс мудрости, господин падишах,— сказал Афанди,— если я мог согреться в лютый мороз светом луны, то почему же вы не можете утолить свою жажду блеском воды?

БЕСХВОСТЫЙ ОСЕЛ

асретдин Афанди решил продать своего осла. Тщательно почистил его и повел на базар. Дорога была грязная, и Афанди, чтобы осел не запачкал хвост, отрезал его и положил в хурджун.

Охотников купить осла на базаре было много, но как только покупатели обнаруживали, что осел бесхвостый, отворачивались и уходили. К закрытию базара подошел один покупатель. Поторговавшись, он отсчитал уже было деньги и тут только увидел, что у осла хвост отрезан.

— Мой, Афанди,— сказал он.— Верните деньги. Оказывается, у вашего осла нет хвоста. Что может быть во всем мире уродливее бесхвостого осла.

— На этот счет будьте совершенно спокойны — вот он,— возразил Афанди, доставая хвост осла из хурджуна.

КОНЕЦ СВЕТА

рузья Насретдина Афанди как-то проведали, что он бережет для праздника откормленного барана.

Пришли они домой к Афанди и сказали:

— Послушайте, почтенный друг, знаете ли вы, что завтра светопреставление?

— Нет, что-то не слыхал.

— То-то и оно. Завтра наступит конец света. Вот и баран ваш пропадет зря. Лучше зарезать его и съесть!

— Ну если так, то конечно: зачем его беречь?

И Афанди с помощью друзей зарезал барана, освежевал его и принялся жарить мясо. Стоял жаркий день, и гости, оставив верхнюю одежду у Афанди, отправились на ближайшую речку искупаться. Вернулись они, видят, что одежда их исчезла.

— Послушайте, Афанди, куда девалась наша одежда?

— А я ее сжег.

— Вай-дод! Как теперь мы будем?

— Стоит ли горевать о какой-то одежде, если завтра все равно настанет конец света?!

МАСТЕРИЦА ГОТОВИТЬ

днажды жена Афанди положила в похлебку чересчур много красного перца, и едва она проглотила первую ложку, как у нее выступили слезы на глазах.

— Что ты плачешь, моя ненаглядная царевна?— спросил жену Афанди.

— Матушку вспомнила, покойницу. Уж очень вкус-

ную похлебку она готовила...— ответила жена, вытирая слезы.

Афанди хлебнул шурпы, и у него тоже выступили на глазах слезы.

— Ох, ох...— застонал он,— дай скорее платок!

— А вы отчего плачете?— спросила жена.

— И я вспомнил твою матушку. Когда женился на тебе, она все расхваливала тебя: хорошую жену послал вам бог, мастерица она готовить... Хорошая была старуха...— ответил Афанди.

НАСРЕТДИН АФАНДИ ПРОБУЕТ СВОЙ ГОЛОС

асретдина Афанди назначили муэдзином приходской мечети, но ему было лень каждый раз подниматься на минарет, чтобы призывать правоверных на молитву. Однажды в жаркий день перед полуденным намазом не стал он взбираться наверх и прокричал призыв внизу.

Имам — настоятель мечети — рассердился и сделал ему выговор:

— Это непорядок! Это недопустимо!

— Извините,— ответил ему Афанди, не растерявшись.— Я хотел проверить свой голос: далеко ли слышно меня!

СОВЕТНИК ПАДИШАХА

ак-то Насретдин Афанди попал в советники к невежественному и глупому падишаху. Однажды из другой страны приехали ученые философы и попросили у падишаха аудиенции. Услышав об этом, Афанди, расстроенный и взволнованный, прибежал во дворец.

— В прошлом году,— сказал он,— тоже приезжали ученые и задавали вам вопросы. Нам было стыдно за вас, мой падишах: ваши ответы были очень неудачные. Я думаю, единственный выход — это нитка...

— Что-что? Нитка, говоришь, мой Афанди?

— Да, да, нитка. Я привяжу за палец вашей ноги нитку. Ее видно не будет, мы спрячем ее под курпачу. Когда ваши ответы на вопросы философов будут умными, дергать за нитку я не буду. Но если ваши ответы окажутся неуместными, я дерну за нитку. Тут вы и молчите.

— Будь по-твоему!— сказал падишах.

Началась аудиенция.

— Скажите, ваше величество,— обратился к падишаху один из приезжих,— какие ремёсла процветают в вашей стране и как вы им содействуете?

— Все собаки и кошки в нашей стране жирные,— ответил падишах.

Тут Афанди дернул за нитку, и падишах умолк, вытаращив на него глаза. Приезжие философы удивленно глядели на них обоих. Афанди, отвесив им почтительный поклон, разъяснил:

— Уважаемые гости, не удивляйтесь! Наш великий падишах — поразительно мудрая личность, одним только словом своим он показал, сколь процветающа и благоденствующа наша страна. Лучшим доказательством этого служит то, что даже собаки и кошки у нас жирны и упитанны...

Тогда падишах впал в ярость:

— Так зачем же ты дергаешь за нитку, если я отвечаю так мудро!..

СЛУЧАЙ В БАНЕ

Пришел Насретдин Афанди помыться в баню. Увидев на нем ветхую одежонку, банщики небрежно сунули ему в руки старый дырявый таз. Уходя из бани, Афанди уплатил в двойном размере.

Неделю спустя Афанди снова пришел в баню. Банщики встретили его почтительно, подобострастно, провели в баню, дали сияющий медью таз и свежее полотенце. Когда он помылся, они дали ему остуженного зеленого чая утолить жажду.

Афанди распростился с банщиками и ушел.

— Уважаемый Афанди!— крикнул один из банщиков вдогонку.— Вы забыли уплатить!

— Нет, не забыл!— ответил Афанди.— В прошлый раз я уплатил вам за два раза!

САМАЯ ЛУЧШАЯ МУЗЫКА

ружил Насретдин Афанди с известным музыкантом. Однажды зазвал он Афанди к себе в гости, усадил на айване и принялся играть на всевозможных инструментах: на нае, бубне, гиджаке, танбуре, дутаре, всякий раз объясняя, чья мелодия, когда она была создана, где играна впервые и руками какого мастера сработан тот или иной инструмент.

А Насретдин Афанди, видя, что хозяин увлекся и не расстилает дастархана с угощением, то и дело посматривал в сторону кухни и прислушивался: не начали ли там стряпать. Переиграв на всех инструментах, музыкант спросил:

— Ну, теперь скажите, дорогой друг Афанди, какая музыка больше всего пришлась вам по душе?

Вздохнул Насретдин Афанди и, бросив снова значительный взгляд на кухню, проговорил:

— По-моему, всякая музыка хороша. Дело вкуса. Я ж больше всего люблю мелодию, которую издает шумовка при ударах о край котла!

ПУСТОЙ КОТЕЛ

идя в чайхане в окружении бездельников и расписывая им самые вкусные блюда, Насретдин Афанди спросил их:

— А хотелось бы вам сейчас покушать жирной, из баранины похлебки, заправленной перцем и луком?

— Еще бы, Афанди! Разве о таких вещах спрашивают? А еще бы в эту похлебку накрошить свеженьких лепешек...— хором ответили друзья.

— Тогда пошли за мной!

Повел Афанди всю ораву бездельников к себе и только тут вспомнил, что в доме нет ни полфунта мяса. Оставив гостей на улице, он прошел в чулан и вынес оттуда большой котел.

— Та замечательная похлебка варится в этом котле,— сказал он им.— Но, к сожалению, в доме я не нашел ни мяса, ни лука, ни дров, ни соли. Словом, ничего, что должно было бы украсить похлебку. Если все это принесете, то котел готов...

ДОГАДЛИВЫЙ АФАНДИ

Слава о мудрости и учености Афанди широко разнеслась по свету. Вышло тогда падишахское повеление — жить Насретдину Афанди при дворе.

Падишах не отпускал Афанди от себя ни на шаг.

Однажды падишах устроил большую охоту.

Придворные вельможи поспешили разобрать в дворцовой конюшне всех быстроногих коней.

Когда охотничий кортеж уже выехал со двора, падишах вдруг увидел, что Афанди нет среди охотников, и приказал его немедля разыскать. Скоро Афанди привели пред лицо падишаха.

— Почему ты не едешь на охоту?— сказал падишах.— Бери коня и следуй за нами.

Не хотел Афанди ехать в степь, но делать нечего, надо повиноваться повелению падишаха.

Афанди отправился в конюшню. Но там осталась самая невзрачная лошаденка.

Поехал Афанди на этой лошаденке на охоту. Вельможи и сам падишах похвалялись своими огневыми конями, показывая чудеса ловкости и умения. Бедный Афанди едва поспевал за всеми и должен был выслушать тысячи насмешек и издевательств. Сам падишах изрядно потешался над мудрецом.

— Эй, Афанди,— говорил он,— где ты достал себе такую клячу? Впрочем, мудрецам надлежит ездить на ишаках.

Вдруг небо заволокло тучами и полил проливной дождь. Охотники погнали коней, и хоть изрядно про-

мокли, но благополучно прибыли во дворец.

Увидел Афанди, что на своей лошаденке он не скоро доберется до города.

— Эге, я совсем промокну,— сказал он,— быстро снял одежду, положил ее под седло и так ехал, пока шел дождь.

Едва только погода прояснилась, Афанди оделся и вернулся во дворец.

Падишах изумился при виде сухой одежды Афанди и спросил:

— Послушай, Афанди, какое ты знаешь заклинание, защищающее от дождя? Мы все ехали очень быстро, но все же изрядно промокли, а твоя кляча тащилась целый час — и ты совсем сухой.

Тогда Афанди ответил:

— Напрасно вы, падишах, смеялись над моей лошадкой. С виду она очень невзрачная, но на самом деле это крылатый конь «Дуль-дуль». Едва начался дождь, он поднялся выше туч, и дождь не замочил меня.

Поразился падишах и приказал отправить клячу в самое лучшее стойло и приставить к ней самых лучших конюхов.

Не прошло и нескольких дней, как падишах снова поехал на охоту. Своего чистокровного коня он отдал Афанди, а сам сел на ту лошаденку.

Изрядно помучился падишах от тряской езды. Не сумел он догнать никакой дичи.

И на этот раз разразился ливень.

Афанди хлестнул коня и через несколько минут был уже под крышей.

Но сколько ни нахлестывал плетью падишах своего «Дуль-дуль», он плелся, еле передвигая ноги. Дождь промочил падишаха так,что стал он похож на курицу, попавшую в арык. Только поздно ночью, промерзший и голодный, падишах вернулся во дворец.

— Эй, мудрец, как ты смел меня обмануть! Ты знаешь, что одного слова моего достаточно, чтобы твоя голова слетела с плеч?

Афанди поклонился и сказал:

— О падишах, зачем ты сердишься и даешь желчи разыграться! Это очень вредно для здоровья. Разве нужно быть мудрецом, чтобы, подобно мне, снять во время дождя одежду, положить ее под седло и доехать до города сухим?

СОДЕРЖАНИЕ

Не жадничай

Богатырь солнечной страны

День падающих с неба блинов

Необычайные приключения

Переводы А. Рахими и М. Шевердина

В 69 **Волшебный цветок:** Узб. народные сказки [Сост. А. Коновалов, В. Степанов; Ил. Р. Зуфарова].— Т.: Ёш гвардия, 1986.— 352 с.: ил.

В книгу вошли лучшие сказки, легенды, забавные и поучительные истории и небылицы, созданные народом. Это уже второй сборник. Предыдущий — «Как дехканин счастье искал», изданный в прошлом году, был встречен с большим интересом и получил высокую оценку читателей.

ББК 82. 3 Уз.

ВОЛШЕБНЫЙ ЦВЕТОК

Узбекские народные сказки

Составители *А. Коновалов, В. Степанов*
Редактор *Н. Красильников*
Художник *Р. Зуфаров*
Худ. редактор *Х. Рахматуллаев*
Техн. редактор *У. Ким*
Корректор *Ю. Розвадовский*

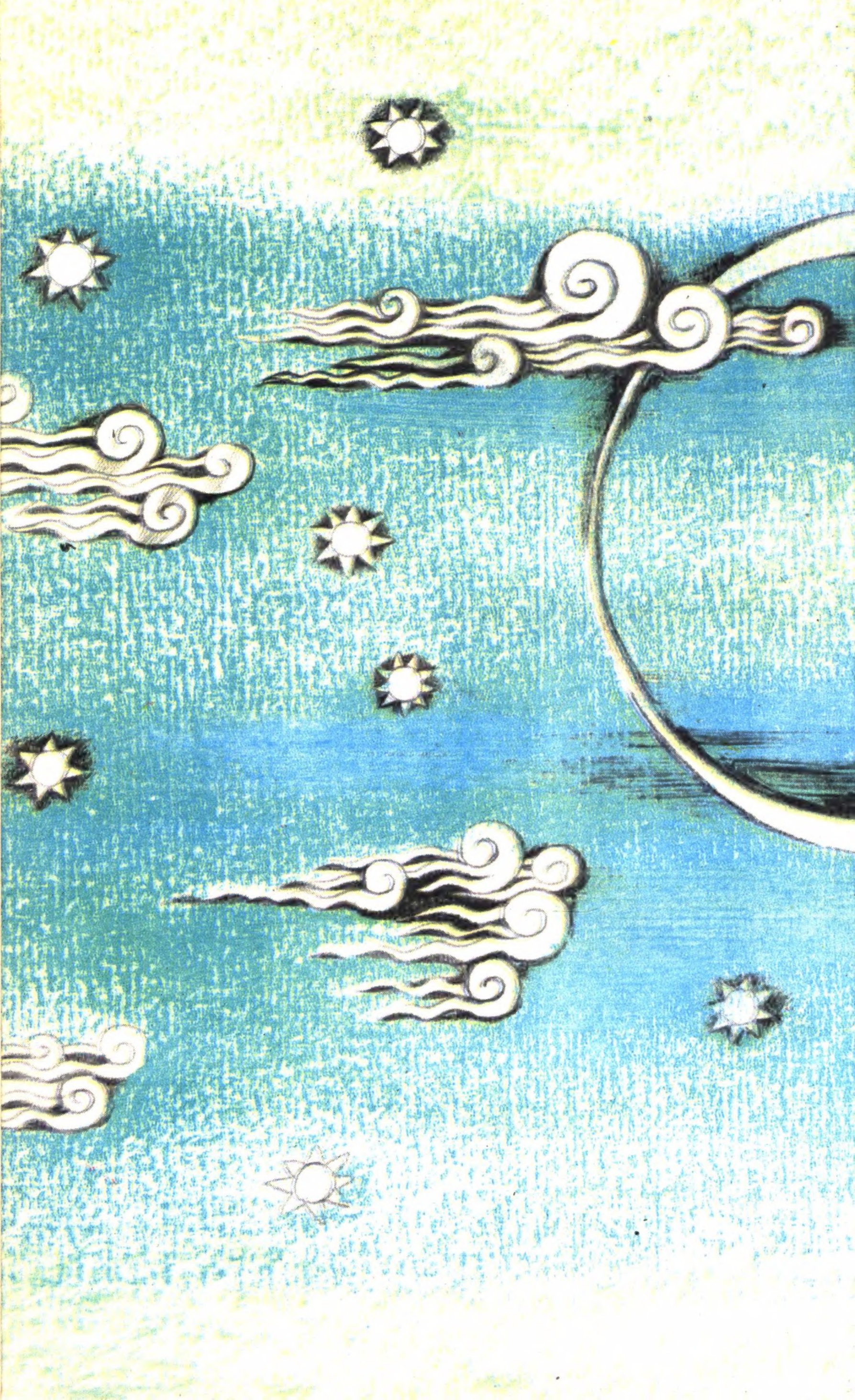
ИБ № 1965

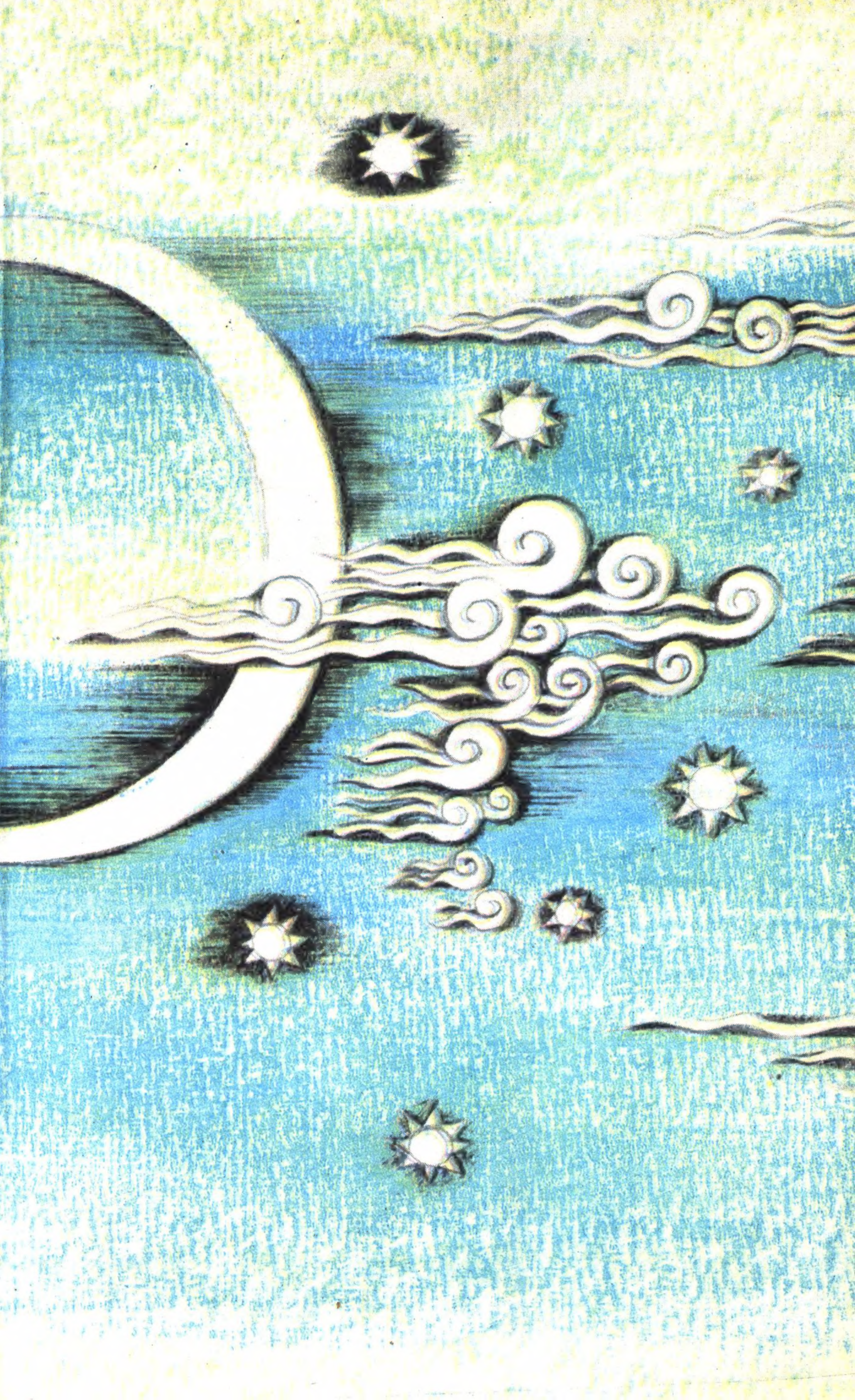
Сдано в набор 4. 06. 1986 г. Подписано в печать 12. 08. 1986 г. Бумага № 1. Печать высокая. Гарнитура «Литературная». Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 18,48+0,42 вкл. Уч. изд. 18,8+0,73 вкл. Усл. кр.-отт. 26,56. Тираж 300 000 (2-й завод 100001—200000). Цена 1.90. Заказ 6—176/202. Договор № 37—86.

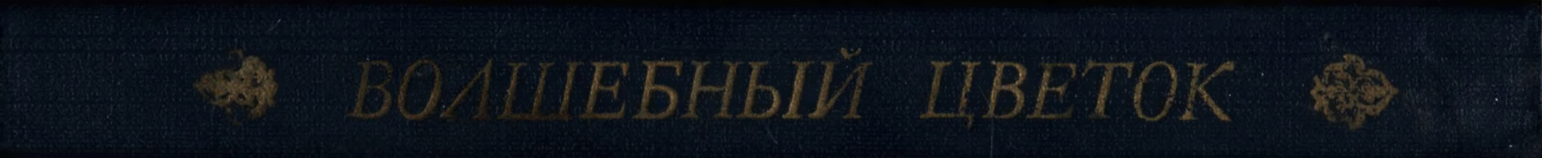
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ёш гвардия». Ташкент, ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицовано в типографии ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». г. Киев, ул. Пархоменко, 38—44.

Отпечатано в типографии № 2 ТППО «Матбуот» Госкомиздата УзССР. г. Янгиюль, ул. Самаркандская, 44.

ВОЛШЕБНЫЙ ЦВЕТОК